

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 16(117)

Academic Journal

Series:

Philology. Linguistic Studies.
Journal of Language Relationship
Issue 10 (2013)

Moscow 2013

ВЕСТНИК РГГУ

№ 16(117)

Научный журнал

Серия «Филологические науки. Языкознание» /
«Вопросы языкового родства»
Выпуск 10 (2013)

Москва 2013

УДК 81(05)
ББК 81я5

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Редакционный совет серии
«Филологические науки. Языкознание» / «Вопросы языкового родства»

Председатель Вяч. Вс. Иванов (Москва – Лос-Анджелес)
Х. Айхнер (Вена)
М. Е. Алексеев (Москва)
В. Блажек (Брно)
У. Бэкстер (Анн Арбор)
В. Ф. Выдрин (Санкт-Петербург)
М. Гелл-Манн (Санта Фе)
Ф. Кортландт (Лейден)
А. Лубоцкий (Лейден)
Дж. П. Мэллори (Белфаст)
Л. Хайман (Лос-Анджелес)

Редакционная коллегия серии:

В. А. Дыбо (главный редактор)
Г. С. Старостин (заместитель главного редактора)
Т. А. Михайлова (ответственный секретарь)
К. В. Бабаев
А. В. Дыбо
А. С. Касьян
С. В. Кулланда
И. С. Якубович

ISSN 1998-6769

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2013

УДК 81(05)
ББК 81я5

Вопросы языкового родства: Международный научный журнал / Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. акад. наук. Ин-т языкознания; под ред. В. А. Дыбо. — М., 2013. — № 10. — x + 187 с. — (Вестник РГГУ: Научный журнал; Серия «Филологические науки. Языкознание»; № 16(117)).

Journal of Language Relationship: International Scientific Periodical / Russian State University for the Humanities; Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics; Ed. by V. A. Dybo. — Moscow, 2013. — No. 10. — x + 187 p. — (RSUH Bulletin: Scientific Periodical; Linguistics Series; No. 16(117)).

ISSN 1998-6769

<http://www.jolr.ru/>
journal@jolr.ru

Дополнительные знаки: С. Г. Болотов
Add-on symbols by S. G. Bolotov

Подписано в печать 31.07.2013. Формат 60×90/8.
Бум. офсетная.
Печать офсетная. Тираж 1050 экз.
Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в «Наша Полиграфия», г. Калуга, ул. Грабцевское шоссе, 126
Лиц. ПЛД № 42-29 от 23.12.99

Table of Contents / Содержание

Table of Contents / Содержание	vii
Contributors / Сведения об авторах	ix
Note for Contributors / Будущим авторам	x

Articles / Статьи

<i>Heiner Eichner</i> . Neues zur Sprache der Stele von Lemnos (Zweiter Teil)	1
[<i>Х. Айхнер</i> . О языке лемносской стелы (ч. 2)]	
<i>Henry Honken</i> . Vocabulary matchings in !Xóõ and Ju 'hoan	43
[<i>Г. Хонкен</i> . Лексические схождения между !хонг и и жу хоан]	
<i>А. Д. Кошелев</i> . О финальной стадии эволюции языка (лексико-семантический аспект)	63
[<i>Alexey Koshelev</i> . On the final stage of the evolution of language (lexico-semantic aspect)]	
<i>Hrach Martirosyan</i> . The place of Armenian in the Indo-European language family: the relationship with Greek and Indo-Iranian	85
[<i>Грач Мартиросян</i> . Место армянского языка в индоевропейской семье и его связь с греческим и индоиранским]	
<i>М. Н. Саенко</i> . Реконструкция праславянского списка Сводеша	139
[<i>M. N. Saenko</i> . Reconstruction of the Proto-Slavic Swadesh wordlist]	
<i>М. Е. Васильев, А. И. Коган</i> . К вопросу о восточнодардской языковой общности	149
[<i>M. E. Vasilyev, A. I. Kogan</i> . On the East Dardic language group]	

Reports / Хроника

Сравнительно-историческое языкознание в XXI веке: проблемы и перспективы. К 60-летию С. А. Старостина, Москва, РГГУ, 20—22 марта 2013 г. (<i>М. М. Руссо / Maksim Russo</i>)	179
[Comparative-Historical Linguistics of the 21 st Century: Issues and Perspectives, Moscow, March 20–22, 2013]	
Нигеро-конголезский праязык: сравнение и реконструкция, Париж, 18—21 сентября 2012 г. (<i>М. Л. Хачатурьян / Maria Khachaturyan</i>)	184
[Towards Proto-Niger-Congo: Comparison and Reconstruction, Paris, September 18–21, 2012]	

Сведения об авторах

Айхнер, Хайнер — профессор-консультант Института языкознания Венского университета,
heiner.eichner@univie.ac.at

Васильев, Михаил Евгеньевич — аспирант кафедры иудаики Института стран Азии и Африки МГУ,
mvhumanity@gmail.com

Коган, Антон Ильич — канд. филол. наук, науч. сотрудник Отдела языков Азии и Африки Института востоковедения РАН (Москва), kogan_anton@yahoo.com

Кошелев Алексей Дмитриевич — канд. физ.-мат. наук, гл. ред. Издательского дома «ЯСК», koshelev47@gmail.com

Мартirosян, Грач — приглашенный лектор Лейденского университета, hrch.martirosyan@gmail.com

Руссо, Максим Михайлович — редактор отдела науки интернет-портала Polit.ru, maks.rousseau@gmail.com

Саенко, Михаил Николаевич — аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания факультета филологии и журналистики Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), veraetatis@yandex.ru

Хачатурьян, Мария Леонидовна — аспирант INALCO — LLACAN, CNRS (Париж) и Института языкознания РАН (Москва), mashaha@gmail.com

Contributors

Heiner Eichner — Professor Emeritus, University of Vienna, Institute of Linguistics, heiner.eichner@univie.ac.at

Maria Khachaturyan — Ph.D. student, INALCO — LLACAN, CNRS (Paris); Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow), mashaha@gmail.com

Anton Kogan — candidate of sciences (Philology), researcher, Department of Asian and African languages, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow), kogon_anton@yahoo.com

Alexey Koshelev — candidate of sciences (Mathematics), editor-in-chief of LRC Publishers, koshelev47@gmail.com

Hrach Martirosyan — PhD, guest lecturer at Leiden University, hrch.martirosyan@gmail.com

Maksim Russo — science editor at Polit.ru, maks.rousseau@gmail.com

Mikhail Saenko — postgraduate student of the General and Comparative Linguistics Department, Faculty of Philology and Journalism, Southern State University (Rostov-on-Don), veraetatis@yandex.ru

Michail Vasilyev — post-graduate student at the Department for Jewish Studies of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow), mvhumanity@gmail.com.

Note for Contributors

Journal of Language Relationship welcomes submissions from everyone specializing in comparative-historical linguistics and related disciplines, in the form of original articles as well as reviews of recent publications. All such submissions should be sent to the managing editor:

G. Starostin
Institute of Oriental Cultures and Antiquity
Russian State University for the Humanities
125267 Moscow, Russia
Miuskaya Square, 6
E-mail: journal@jolr.ru

Articles are published preferably in English or Russian, although publication of texts in other major European languages (French, German, etc.) is possible. Each article should be accompanied with an abstract (not exceeding 300 words) and keywords.

For more detailed guidelines on article submission and editorial policies, please see our Website at: <http://www.jolr.ru> or address the editorial staff directly at journal@nostratic.ru.

Будущим авторам

Журнал *Вопросы языкового родства* принимает заявки на публикацию оригинальных научных статей, а также рецензий, от всех, кто специализируется в области сравнительно-исторического языкознания и смежных дисциплин. Рукописи можно высылать непосредственно заместителю главного редактора по адресу:

125267 Москва
Миусская площадь, д. 6
Российский государственный гуманитарный университет
Институт восточных культур и античности
Г. Старостину
E-mail: journal@jolr.ru

Предпочтительные языки публикации — английский или русский, хотя возможна также публикация статей на других европейских языках (французский, немецкий и т. п.). К каждой статье обязательно прикладывается резюме (не более 300 слов) и список ключевых слов.

Подробнее о требованиях к оформлению рукописи, редакционной политике журнала и т. п. Вы можете узнать на нашем сайте по адресу: <http://www.jolr.ru>, или же непосредственно обратившись к редакции по электронной почте (journal@nostratic.ru).

Neues zur Sprache der Stele von Lemnos (Zweiter Teil)

This is the second installment of the author's investigation of the Tyrsenian language family. After treating the preliminary issues in a first article in *JLR* 7, the present article is dedicated to the decipherment of the two texts on the Kaminia stele (but also takes other issues into account). A short gloss is offered for each individual word. For all but a few forms an Etruscan etymology is also proposed. Eight different personal names are identified, which can be assigned to the genealogies of three persons, which span at least three generations. Two of the people identified are the tomb-owners *Aker* and *[X]r*, the third one *Phokia* is an eponymic functionary. *Aker's* genealogy extends in fact over a fourth generation, as it extends back to his great grandfather *Vanal*. For both tomb-owners a *cursus honorum* is revealed, which resembles political careers known from Ancient Italy. An exhaustive commentary on the relation between the monument and the inscription and on the first three items of text A is given. The genetic relation of Lemnian to Etruscan and Raetic is worked out according to standards of comparative grammar. The linguistic affiliation of Lemnian can now at long last be considered proven. Surprisingly, however, there are several words and personal names in Lemnian, which seem to have been borrowed from Indo-European languages spoken in Italy. The terminology and practice of administration may also point in this direction. As a result, Michel Gras's and Carlo de Simone's proposed western origin of the Lemnian language is no longer an isolated idiosyncrasy, whatever the further origin of the language may be. But since archeological evidence is contradicting, this question must remain for the time being open.

Keywords: Lemnian, Etruscan and Raetic language, Tyrsenian language family, origin of the Etruscans, methods of decipherment, comparative grammar, rise of political institutions and terminology of administration in the mediterranean world, systems of personal names.

de dialecto ignota multi multa scripserunt (Carolus Fredrich, Inscriptiones Graecae XII 8, ad nr. 1)

0. Nachdem¹ in einem ersten Teil dieser kleinen Aufsatzserie eine neue Lesung der im Jahr 1885 entdeckten Stele von Kaminia auf Lemnos vorgeschlagen und beiläufig auch schon manche Fragen zur Textentzifferung angeschnitten werden konnten, soll nun die genauere Ausarbeitung der damit verbundenen Probleme in Angriff genommen werden.² Dies geschieht nach

---

¹ Für Danksagungen s. Eichner 2012a, 9 Fn. 1 und den in der folgenden Fußnote angekündigten Aufsatz. Dankbar schließe ich hier noch an, dass es mir vergönnt war, als Teilnehmer an mehreren Lehrveranstaltungen zum Etruskischen von Helmut Rix (1980 / 81 und öfter) und Dieter Fassunke bzw. Steinbauer (1983, 1990, 1992) auch deren Besprechung der Stele von Lemnos mehrfach hören und miterleben zu können, weiter auch den Vortrag von Melanie Malzahn „Das lemnische Alphabet“ auf der Österreichischen Linguistiktagung in Salzburg am 31.7.1997. Notizen von diesen Veranstaltungen sind mir noch zuhänden.

² Parallel zu vorliegendem Aufsatz ist ein zweiter ausgearbeitet worden mit dem Titel „Die Sprachdenkmäler des Lemnischen (nach dem Stand des Jahres 2012)“, der in einem Wiener Sammelband erscheinen soll (= Eichner

Vorstellung des neuen Textes samt seiner Übersetzung zunächst in Form einer ausführlichen Wort-für-Wort-Interpretation, an die sich dann mehrere zusammenfassende Überblickskapitel zu sprachlichen und sachlichen Problemen anschließen. Die aktuelle Disposition ist:

- §1. Einleitung;
- §2. Texte: 2.1 Kaminia A und 2.2 Text Kaminia B;
- §3. Gesamtaufbau und Feinstruktur;
- §4. Kaminia A, 1–3, Diskussion Wort-für-Wort : 4.1 *Aker*, 4.2 *Tavarzio*, 4.3 *Holaiez*;
Ausblick und Zwischenbilanz. — Bibliographie.

Im vorhergehenden Aufsatz (Eichner 2012a) sind, wie schon erwähnt, die beiden Texte der Stele von Kaminia zwar schon neu gelesen worden. Welchen Sinn diese Texte aber nach dieser Lesung haben, und dass ihnen auf diese Weise überhaupt ein kulturgeschichtlich adäquater Sinn abgerungen werden kann, sollen die jetzt beigegebenen Übersetzungen zeigen. Möchten sie durch ihre Geschlossenheit und Stimmigkeit — mit der beeindruckenden viergliedrigen Genealogie des einen Grabherrn bis zum Urgroßvater hinauf — den unbefangenen Leser schon spontan überzeugen und seine Neugier auf die darauffolgenden Kommentare anstacheln!

Auf Lemnos sind nach der Stele von Kaminia im Jahr 1885 von italienischen Archäologen im Lauf des zwanzigsten Jahrhunderts noch weitere Schriftdenkmäler geringeren Umfangs gefunden worden, etwas weiter nördlich in Efestia und im Kabirenheiligtum zu Chloi, ein Stück auch in Myrina. Es wird bei Gelegenheit erforderlich, auch sie in unser Kalkül mit einzubeziehen. Zur Orientierung folgt ein Karte, auf der die vier Fundorte eingerahmt sind.

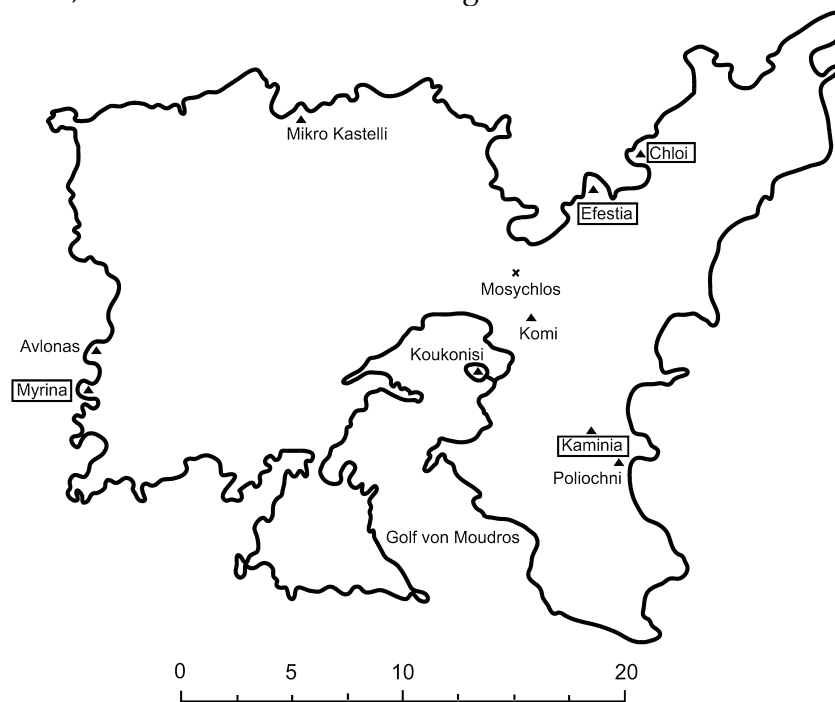

Abb. 1: Fundorte von Inschriften in lemnischer Schrift und Sprache
(Karte von Viktoria Taras auf Grundlage von Fredrich 1906, Tafel XIX und Ficuciello 2012, 50, fig. 9)

2013). Dort finden sich detailliertere Angaben zu den Denkmälern von den bisherigen vier Fundorten Kaminia, Efestia, Chloi und Myrina auf Lemnos, ihrem archäologischen Kontext, zum Relief der Stele und zu epigraphischen Fragen. — Besonders hinzuweisen ist auch auf die aktuelle neue Fachliteratur bei Greco 2012 (s. dort besonders Ficuciello 2012) und auf den kürzlich erschienenen Sammelband von Bellelli (2012) „Le Origini degli Etruschi“, mit Beiträgen u.a. von Agostiniani, De Simone, Cultraro und Bellelli selbst. Ich habe dies zuletzt alles noch berücksichtigen können, gehe aber nur in Eichner 2013 ausführlicher darauf ein und beschränke mich im vorliegenden Aufsatz auf marginale Hinweise.

1. Einleitung [Textverlust; Verhältnis Relief ~ Text A ~ Text B]

1.1. [Textverlust] Die Stele ist unten abgebrochen. Von kompetenter Seite gibt es Schätzungen zum Umfang des Bruchs³ und sogar Rekonstruktionen⁴. Letztere sind aber schon allein deshalb als zweifelhaft einzustufen, weil sie alle davon ausgehen, dass auf dem Relief ein Schild abgebildet sei, während es sich höchstwahrscheinlich um einen ärmellosen Mantel handelt.⁵ Auch würde die Rekonstruktion der Höhe der Stele noch keine Auskunft über den Umfang des Textfeldes geben, sondern nur dessen Maximum definieren. Wir werden deshalb die Größe der Textlücke allein nach textimmanenten Kriterien ausloten. Denn es ist gut möglich, die Textlücke der Schmalseite nach dem Formular der Vorderseite abzuschätzen, und meines Erachtens sogar recht genau.

1.2. [Verhältnis des Reliefs zu den beiden in den Texten genannten Grabinhabern und das Verhältnis der beiden Grabinhaber zueinander]. Die logischen Möglichkeiten sind:

1. Die im Relief dargestellte Person steht in keinem Verhältnis zu den beiden im Text genannten Grabinhabern;
2. Sie ist identisch mit dem Grabherrn des Textes A;
3. Sie ist identisch mit dem Grabherrn des Textes B.

Die erste Möglichkeit scheidet wir nach *Occam's razor* aus: *entia non sunt multiplicanda*. Sie würde einen kuriosen Sonderfall darstellen, den wir nur für den Fall im Auge behalten wollen, dass sich irgendwelche Anhaltspunkte dafür ergäben. Zunächst können wir aber schon sagen, dass es sich beim Relief um die Darstellung eines Mannes handelt, und dass die Personennamen in A und B — soweit ersichtlich — ebenfalls maskuline Personennamen sind. Das passt schon zusammen. Dass trotzdem noch eine gravierende Komplikation zu bewältigen ist, hängt mit der jüngeren Auffassung zusammen, dass im Text noch eine weitere Person genannt wird.⁶ Doch handelt es sich hierbei, wie sich herausstellen wird, nicht um einen weiteren Grabherrn, sondern lediglich um einen eponymen Magistrat.

³ Karo 1908, 66: „Da der Kopf ungefähr lebensgroß gebildet ist, [...] mag die Höhe des sichtbaren Teiles der Stele wenig über zwei Meter betragen haben. Der Unterbau muss niedrig gewesen sein, da sonst die Inschriften nicht leicht lesbar wären.“

⁴ Heurgon 1980, 591 mit Fig. 12 (Rekonstruktionszeichnung von J. M. J. Gran Aymerich); Bellelli 2012, 30–37 (speziell 31, fig. 2). Bellelli entwickelt die Hypothese, dass der Stein aus einem größeren Monument stammt (34–37 mit Abb. 6): „elemento decorativo decontestualizzato, in origine pertinente a un fregio monumentale“ ... „di una processione con più personaggi gradienti verso sinistra, una sorta di pompa magistratuale, o una parata di figure stanti“.

⁵ Der Kopf ragt auf dem Relief nicht hinter den beiden Randlinien, sondern zwischen ihnen hervor. Die Linien sind nicht kreisrund, sondern in einem eigenartigen und flacheren Bogen gezogen. Die Position des gehaltenen Schildes würde auch nicht zur Körperstellung passen. In der (fehlerhaften) Rekonstruktionszeichnung von M. Bellisario (bei Bellelli 2012, 35, fig. 6) sind diese Mängel beschönigt. Cf. Karo 1908, 67: „Mit Bestimmtheit lässt sich nur sagen, dass der Mann keinen Schild trägt.“

⁶ Schon seit der Frühzeit der Forschung hat man drei Personen genannt finden wollen, wie zuerst Deecke (1886: 461): Für ein- und denselben Enkel (A) *Holaie, S(eianti) nepos* und (B) *Holaie Phociasiae filio*, bringen die beiden Großväter Opfer an Hades und Mars, väterlicherseits ein *S(eiantius), Vamalasiae filius* und mütterlicherseits ein *Phocius*. Aber erst durch Emil Veters (1940, 168–169) Identifikation der schon von Deecke (1887, 462: *hulχnieši*) verglichenen Personen *Larθ* bzw. *Vel Hulχnie* (Ta 5.4 und 5.5) in der *Tomba degli Scudi* als je eines eponymen Funktionärs und Helmut Rixens (1968, 216–221) Vertiefung des grammatischen Verständnisses samt — freilich im Detail noch fehlerhaftem — Analogieschluss auf Kaminia B *Holaiezi Phokiasiale zeronaiθ* ist klar geworden, dass

Die dritte Möglichkeit hingegen ist in Betracht zu ziehen: Das Relief der Schauseite könnte mit dem Text B der Schmalseite zusammen gehören.⁷ Er müsste dann älter sein als Text A und sich auf die im Relief dargestellte Person beziehen. Die paläographischen Datierungskriterien (wie: Form des Sigma und des Theta) sind schwer zu beurteilen und auch noch nicht hinlänglich untersucht. Nach textimmanenten Kriterien lässt sich kein Anhaltspunkt für die Priorität des Textes B gegenüber dem Text A gewinnen. Für das Gegenteil aber, also für die Priorität des Textes A gegenüber Text B, lassen sich gute textimmanente Gründe anführen (siehe sofort).

Die zweite Möglichkeit ist die nächstliegende: Schauseite und Text A gehören zusammen. Der Text ist später als das Bas-Relief, da seine Einmeißelung auf die durch das Relief geschaffenen Platzverhältnisse als *fait accompli* Rücksicht nehmen muss. Er beginnt genau beim Kopf (Beobachtung Emil Vetters) und rahmt mit den ersten beiden Zeilen die Figur (neue Beobachtung aufgrund der nun etablierten Zeilenfolge). Das weist darauf hin, dass Relief und Text A aufeinander bezogen sind. Also werden wir davon ausgehen, dass sie beide zusammengehören.

Auch der Textvergleich zwischen A und B weist in diese Richtung: Am Übergang der ersten Zeile B01 zu B02 lässt sich der Wortlaut *Toveronai*?[l ?.] *zivai* gewinnen, der strukturell mit A03-A04 *Morinail zivai* übereinstimmt. Ist die Lücke am Ende der zweiten Zeile aber von geringem Umfang, dann fehlen am Textanfang von B nur wenige Buchstaben.⁸ Man kann also einen kurzen Personennamen auf *°r* wie [*Ake*]r (so zuerst W. Brandenstein) oder [*Tava*]r ergänzen und erhält eine integrale Namenformel. Die Abfolge der Textformeln von A und B lässt sich danach einigermaßen gut harmonisieren. Die Anwesenheit der enklitischen Konjunktion *-om* am ersten Glied der Namenformel in B ist nur verständlich, wenn sich Text B hierdurch auf Text A bezieht, also dessen Priorität voraussetzt.

Somit gewinnen wir die chronologische Reihung 1. Relief, 2. Text A der Schauseite (Einmeißelung erst nach derjenigen des Reliefs ist zwingend anzunehmen); 3. Text B der Schmalseite (Anbringung in erheblichem zeitlichen Abstand zu Text A ist sehr wahrscheinlich).

Der primäre Grabherr wird demnach im Relief und im Text A der Schauseite vorgestellt. Dass sich der zweite Grabherr an der Seite nachträgt, ist dann unproblematisch. Nur da war noch Platz, nicht auf der Schauseite. Die explizite Bezugnahme des zweiten Grabherrn auf den ersten in Form der Verwendung der Konjunktion *-om* ‚aber, und‘ zeigt uns, dass er keine „feindliche Übernahme“ der prominenten Grabanlage im Sinn hatte. Sondern es mag sich um eine Erneuerung oder Erweiterung der vielleicht herrenlos gewordenen Grabanlage in etwas jüngerer Zeit handeln, mit gebührendem Respekt vor dem Vorbesitzer, dessen Bild und Text unangetastet bleiben. Der neue Grabherr ist zwar kein naher Verwandter, aber ein „Kollege“ mit ähnlicher Karriere. Wie sich zeigen wird, hat er die Neugestaltung der Grabanlage auch selbst finanziert. Die Verwendung der *zivai*-Formel („dem Hausstand“) zeigt uns, dass es sich dabei nicht um eine einfache einzelne Nachbestattung handelt, sondern um einen Neuanfang größeren Stils.

---

neben den beiden Grabherrn von A bzw. B noch eine unbeteiligte dritte Person als Eponym genannt ist. In meinem früheren Aufsatz (Eichner 2012a, 23 und 27 für *Aker*, 22 für *Φokia* [noch zögernd], 27 für *°r Haralio* [noch ohne den Großvater *Epteza**]) sind dann weiter auch die drei Genealogien schon größtenteils herausgearbeitet worden.

⁷ Das Argument dafür lautet, dass bei Reliefstelen die gesamte Fläche um das Relief (der Spiegel des Reliefs) normalerweise freigelassen wird. Also hätte man zunächst Relief und Schmalseite B zusammen ausgeführt. Ein späterer Grabherr hätte sich dann in die noch freie Fläche des Reliefs nachtragen lassen.

⁸ In diesem Punkt kongruiere ich mit De Simone / Chiai (2001, 63–64), die noch eine weitere Begründung bezüglich des Reliefs angeben: „[...] la frattura del lato inferiore a portato via solo una minima parte della pietra [...] il rilievo è iconograficamente comunque completo, e [...] nel complesso il testo delle tre righe iscritte a lato è anche contenutisticamente analogo a quello apposto sulla parte anteriore“.

Zu erwähnen sind noch zwei aus den vielen Verirrungen der Forschungsgeschichte. Man hat angenommen (Pauli 1886, 10; Kirchoff 1887, 54; Cortsen 1930, 104–105), dass der Text B eine „jüngere Wiederholung“ und „Verbesserung“ des angeblich „verworrenen“ oder „verpatzten“ Textes von A sei, „was die Verwandten des Toten zur Hinzufügung der zierlichen Inschrift B veranlasst hätte“ (Formulierung Falkners). Gestützt wird diese Hypothese auf die zusätzliche Argumentation, dass ein beträchtlicher Teil der Worte von A in B wiederkehren, die Inschrift B also teilweise dasselbe besage wie die Inschrift A. Aber wie Falkner (1948, 92–93) überzeugend ausführt, wäre eine solche „Verbesserung“, noch dazu auf der schwerer sichtbaren Seitenfläche, nicht sinnvoll und in der antiken Epigraphik völlig singulär. Die richtig beobachtete Übereinstimmung im Wortschatz ist, wie ich hinzufüge, falsch bewertet, denn sie beruht in Wirklichkeit auf Formularkonstanten, während die Namenvariablen unterschiedlich gestaltet sind.

Eine weitere Sondermeinung besteht darin, dass der Text B in Wirklichkeit aus zwei Texten bestehe (De Simone / Chiaï 2001, 64: „Si deve rilevare che l’iscrizione comunemente denominata B e considerata unitaria, si compone in realtà di due testi, parallele“), der zweite Text beginne mit dem zweiten *zivai* am Zeilenanfang. Das Textensemble der Stele würde also eine Trias A + B + C enthalten. Diese Hypothese beruht offensichtlich auf dem nicht zu unterschätzenden Argument, dass *zivai* in B zweimal auftritt. Ich beurteile den Sachverhalt anders, und zwar im Zusammenhang mit der etr. Parallele in Tarquinia (Ta 1.182 *zivas ... zivas*), und halte an der Integrität des Textes B fest.

2. Texte mit Übersetzung.

2.1. Text A der Vorderseite.

2.1.1. Vorstellung und epigraphische Lesung des Textes A der Vorderseite (ohne *uariae lectiones*).

Abb. 2: Vorderseite, Foto von Regine Hügli, 2007

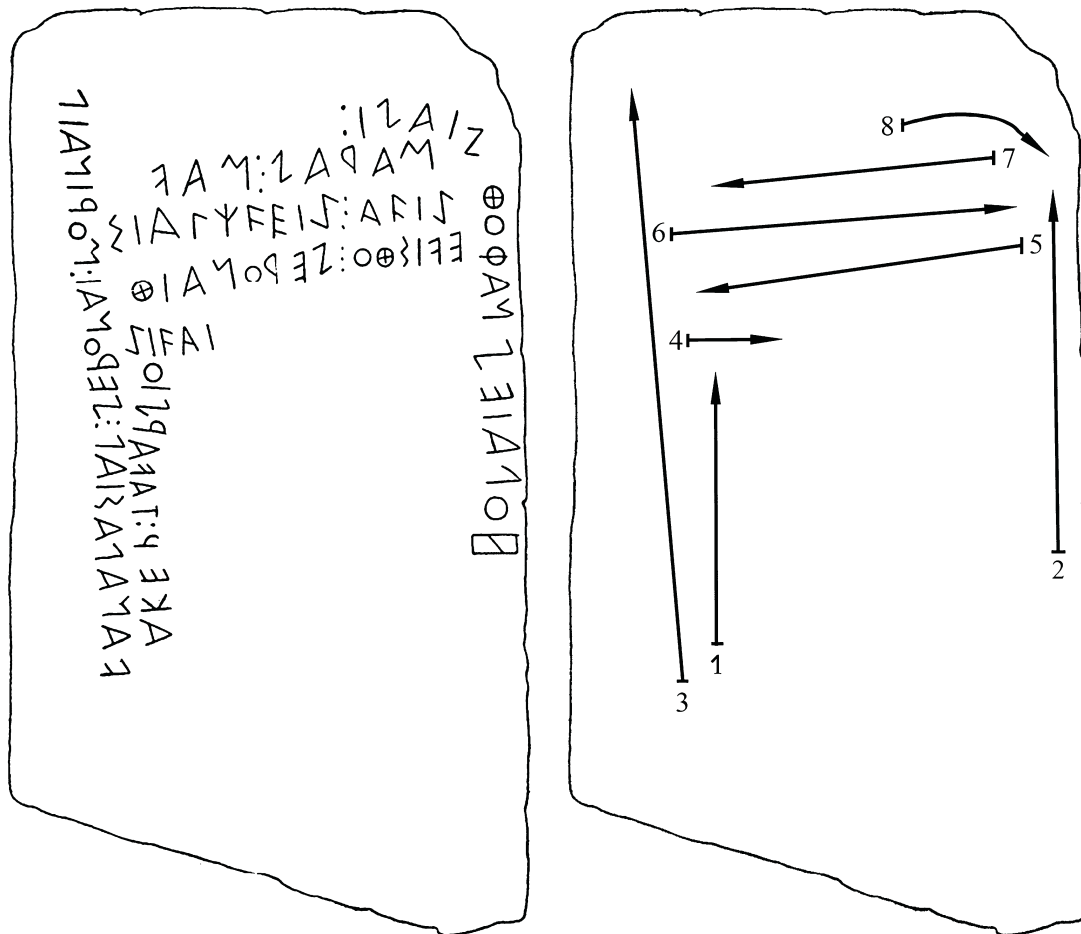

Abb. 3: Text, aus Nachmansohn 1908, 51; Abb. 4: Zeilenführung, aus Eichner 2012a, 23

- A01 $\uparrow\leftarrow$ ¹AKER :₂TAVARZIO / (links vom Haupt)
 A02 $\uparrow\leftarrow$ ²HOLAIEZ :₂₋₃²NAΦΘΘ u a c a t / (rechts vom Haupt)
 A03 $\uparrow\leftarrow$ ³VANALΑΣIAL :₃ZERONAI :₂MORINAIL u a c a t /
- A04 $\rightarrow$ ⁴ZIVAI / (Relief)
 A05 $\leftarrow$ ⁵ΕVΙΣΘΘ :₃ZERONAIΘ /
 A06 $\rightarrow$ ⁶ΣIALXVEIZ :₃AVIZ /
 A07 $\leftarrow$ ⁷MARAZ :₃M AV u a c a t /
 A08 $\rightarrow$ ⁸u a c a t :₂²IZ_R A_RIZ_R ($\leftarrow$ Meißelung!) //

Es bezeichnen: 1.a) :₂ = Doppelpunkt; b) :₃ = Dreipunkt; Worttrennungspunkte sind besonders schwer zu diagnostizieren, fehlende können der Verwitterung anheim gefallen oder unerkant geblieben sein; c) S = dreistrichiges *Sigma* (fehlt in A!); d) Σ = vierstrichiges *Sigma*; e) Z_R = retrograd gestelltes *Zeta*; f) A_R = retrograd gestelltes *Alpha*; g) $\rightarrow$ (Pfeil nach rechts): Leserichtung rechtsläufig (in horizontaler Zeile) und $\leftarrow$ (Pfeil nach links): Leserichtung linksläufig (in horizontaler Zeile); h) $\uparrow\leftarrow$ (Pfeil nach oben und Pfeil nach links): Leserichtung aufwärtsstrebend und linksläufig; i) / = Zeilenende; k) // = Textende, l) hochgestellte Ziffer am Zeilenanfang = Zeilenzählung (z.B. ¹AKER = Zeile 1, erstes Wort). m) :₂² (A08) = dieser von Nachmansohn (1908, 56) nach starken Zweifeln doch als vorhanden bestätigte Doppelpunkt gehört meines Erachtens, so er denn existiert, nicht zum Text. Ich will mich aber nicht dem Vorwurf einer „parteiischen“ Lesung als Grundlage meiner Entzifferung aussetzen und lasse ihn deshalb vorerst stehen.

2.1.2. Philologische Lesung und wörtliche Übersetzung von Text A.

Vereinfachter Lesetext	Übersetzung
a. Vertikale Zeilen	a. Stammbaum, Rang und Ort
¹ <i>Aker : Tavarzio</i>	Aker, Tavarzischer (= Sohn des Tavarza),
² <i>Holaiez : naφoθ</i>	Holaie's Enkel,
³ <i>Vanalasiā :</i>	Vanal's-des (= des Sohnes des Vanal),
<i>zeronai : Morinail</i>	Zeronai von / in Morina,
b. Horizontale Zeilen	b. Zweck, Datum, Ämter
⁴ <i>zīvai</i>	dem Hausstand,
⁵ <i>evīsθo : zeronaiθ</i>	beamtet im Zeronat (,)
⁶ <i>sialχveiz : aviz</i>	mit vierzig Jahr(en),
⁷ <i>maraz : m</i>	sowie als Maro fungiert habend
<i>av { u a c a t }{:?} ⁸iz aiz</i>	in Jahr(en) einem / einmal.

2.1.3. [Textsorte] Es handelt sich also nicht, wie bisher meist angenommen,⁹ um einen Grabstein mit Bezug auf Tod und Begräbnis sowie mit Namensnennung des Verstorbenen und Angabe seines zur Zeit des Ablebens erreichten Lebensalters. Der Text lässt sich vielmehr nur als Grabstiftungstext verstehen,¹⁰ in dem Sinn, dass ein Grabherr als Bauherr seine Stiftung unter Erwähnung näherer Umstände (wie Datierung und Amtsfunktionen) inschriftlich konstatiert. Solche Grabstiftungstexte (Grab-Bautexte) kennen wir aus Kleinasien in

⁹ Seit Deecke 1886, 461 und Pauli 1886b, 397 (beide schreiben „Grabschrift“). Besonders prominent ist Rix 1968, 215, der zunächst mit Bezug auf beide Stelentexte mit Brandenstein meint, dass „die Ähnlichkeit einer ganzen Wortgruppe, die im Etruskischen eine Altersangabe ist [...] und im Lemnischen auf beiden Stelen-Texten vorkommt, [...] wo eine Altersangabe des Bestatteten [Sperrung von mir, H.E.] durchaus sinnvoll ist“ und etwas später explizit von „Grabinschrift“ spricht (p. 221, in Bezug auf A). Man sehe aber noch die folgende Anmerkung.

¹⁰ Bahnbrechend Rix 1968, 220: „Die Konsequenz wäre, dass Lemnos B eine Art Grabstiftungsinschrift ist und die darauf zu Anfang genannte Person [bei Rix heisst sie: *Holaie Phokiasi*, H.E.] nicht der Bestattete, sondern ein eponymer Amtsträger war.“ Dies ist von Heurgon und Lejeune (1980, 604: „fragile combinaison“) zurückgewiesen worden. Wie man jetzt nachträglich sagen kann, erscheint diese Person – nun unter dem Namen *Phokia*, Sohn des *Holaie*, des [Sohnes] des *Phokia* – durch unsere neue Entzifferung als Eponym gesichert. Allerdings kann sich Rix nicht auf die nun eigentlich schon mit Händen zu greifende Idee festlegen, auch für den ja engverwandten Text A statt der Textsorte „Grabinschrift“ (l.c. 221) die einer „Grabstiftungsinschrift“ anzunehmen (21: „Das lemnische Material reicht für die Entscheidung nicht aus, ob in A mit *zeronaiθ* die Grabstiftung berichtet oder ein bestimmtes Ereignis datiert wird“). Wegen seiner falschen Lesung der Zeilenreihenfolge tappt er noch völlig im Dunkeln, insbesondere auch hinsichtlich des Verhältnisses zwischen Text A und Text B. Dort lässt er (1968, 221, §4.21) aufgrund von Brandensteins Ergänzung [*Ake*]r sogar die verfehlte Annahme, „den Namen des Verstorbenen [sc. *Aker Tavarzio*] auch in B zu finden“ gelten. Aber das in B auf [*Ake*]r folgende mit *Tavarzio* isomorphe Patronymikon *Haralio* erkennt der Namenspezialist – hier mit Blindheit geschlagen – nicht. Selbstverständlich muss es sich bei A *Aker Tavarzio* und B [eventuell: *Ake*]r *Haralio* um zwei verschiedene Personen handeln. Dass auch der Name *Holaie* auf zwei verschiedene Personen aufgeteilt werden muss (1. Großvater des *Aker*, Sohn des *Vanal*; 2. Vater eines *Phokia* und Sohn eines anderen *Phokia*), und obendrein noch der Name *Phokia* (Großvater und Enkel), bleibt erst recht unerkannt.

großer Zahl – zum Beispiel aus Lykien, davon viele in epichorischer lykischer Sprache abgefasst. Die etruskischen Entsprechungen werden bei Rix / Meiser in ET I–II unter dem Sigel ‚5‘ geführt und für Caere (5mal), Tarquinii (7mal), Ager Tarquiniensis (2mal), Populonia (1mal), und Perusia (3mal) ausgewiesen. Die Zuordnung ist jedoch nicht immer eindeutig, und so mancher Grabstiftungstext (auch mit einer Grabschrift kombiniert) ist bei Rix / Meiser wohl auch unter dem Sigel ‚1‘ (Grabinschriften) zu finden. Eine Besonderheit, die unser lemnischer Text mit etlichen etruskischen Begräbnisinschriften und römischen Toten-Elogia teilt, ist freilich die Angabe des *cursus honorum*. Da die lemnische Grabstiftung mit der Magistratur in chronologischem Zusammenhang steht, fungieren Angaben zum *cursus honorum* simultan als Datierung der Errichtung des Grabs. Auch im Etruskischen gibt es Grabstiftungstexte mit Eponymdatierung (Ta 5.4–5.5).

2.1.4. [Verhältnis Textanbringung ~ Inhalt] Vor dem Gang durch die Einzelheiten wollen wir noch den Blick auf die Textanbringung im Verhältnis zum Textinhalt richten (cf. bereits Eichner 2012a, 23–24):

Die *catenae litterarum* auf der Relieffläche lassen sich in zwei Gruppen¹¹ gliedern, eine erste Gruppe (a) von drei Zeilen, die vertikal von unten nach oben aufstreben, und eine zweite Gruppe (b), die sich boustrophedisch horizontal emporwindet. Die erste Gruppe (a) enthält die genealogische Aszendenz der Hauptperson des Textes, namens *Aker*. In der ersten Zeile links vom Haupt steht seine volle binome Namenformel (Idionym *Aker* + Patronym *Tavarzio*), die den Namen des Vaters (*Tavarza**) schon impliziert und eine besondere Filiationsformel überflüssig macht. In der zweiten Zeile folgt die Papponymie (Angabe der Abkunft vom Großvater durch ein Genetivsyntagma „Enkel des *Holaie**“). Diese beiden Zeilen rahmen das Relief links und rechts ein und identifizieren den Dargestellten unmittelbar. In einer dritten Zeile, nun ganz links außen angebracht, wird noch die Filiation des Großvaters (griech. *πάππος*) und damit auch der Name des Urgroßvaters (griech. *πρόπαππος*) *Vanal* enthüllt, und zwar in der sogenannten „artikulierten“ Konstruktion mit Genetiv des Idionyms *Vanalas** (entspricht etr. *Venelus*) und postponiertem Genetiv *-sial* (> tyrsen. **-sjala* oder **-š'ala*) des Identifikationspronomens, also „des des *Vanal**“ (etr. Fe 1.2 *Veneluol*, später öfters z.B. Ta 1.55 *Veluola*).¹² Danach ist gerade noch Platz für die Nennung der Amtswürde des *Aker Tavarzio* als *Zeronai* (Oberbeamter) und die Angabe der Stadt seines Wirkens *Myrina(i)*. Auf diese „vertikale“ Präsentation des *Aker* folgt als zweiter Teil (b) der Inschrift der in horizontalen Zeilen erfolgende Bericht über die Grabstiftung unter Angabe der zu ihrer Zeit bekleideten höchsten Amtswürde *Zeronat* (lemn. *zerona**) samt ihrer Vorstufe, dem niedrigeren *Maronat* (lemn. mit Partizip [*maraz* = etr. *marvas*] formuliert) in der Art eines *cursus honorum*. Die Altersangabe ‚mit vierzig Jahren‘ zeigt uns, dass der Grabherr das Oberamt schon relativ jung – wohl mit dem Mindestalter – erreicht hat und das Andenken daran durch seine während oder eher am

¹¹ Die übliche Aufteilung ist allerdings überwiegend eine in drei Gruppen a+b+c, indem die vertikalen Zeilen links und rechts vom Reliefbild als gesondert gewertet werden, von Pauli (1886, 13) an bis in die jüngste Gegenwart bei Agostiniani (2012, 171). Unsere so einfache und ausgezeichnet passende Lösung vertikaler Rahmenbildung um das Relief herum (JLR 7, 24), also das „gerahmte Porträt“, wird nicht einmal als Alternative in Erwägung gezogen, soweit ich die Literatur überblicke.

¹² Diese Art der Konstruktion kennen wir bislang als typisch etruskisch. Dass sie auch im Lemnischen üblich ist, haben erst Dieter Steinbauer (1999, 470: „Ähnliche Bildungen findet man auch im Lemnischen, z.B. *Vamalašial*“, cf. *ibidem* 365 Fn. 3) und ihm folgend der Verfasser (2002, 149, Fn. 22: *Qukiašiale*, doch noch mit falscher Lesung und Beurteilung der Textanfänge) erkannt, ohne dass dies meines Wissens in der Etruskologie Resonanz gefunden hätte. Bis zur sachgerechten Deutung der lemnischen Namenformeln war es dann aber noch ein langer Weg.

Ende der Amtsperiode¹³ erfolgende Grabstiftung verewigt. Der Vergleich mit Inschrift B auf der Schmalseite bestätigt dies (gleiches Mindestalter) und gibt den Blick auf die schon von Helmut Rix – halb erkannte, halb verkannte – Eponymdatierung frei. Der Vergleich von Text A und B lässt uns außerdem verstehen, dass *Aker Tavarzio* von A im Gegensatz zu seinem Kollegen [X]r *Haralio* von B selbst das Recht auf Eponymie besitzt. Aufgrund dieser Personalunion von Eponymie und Obermagistrat ist mit *Akers* Amtsangabe auch die Grabstiftung datiert. Das Eponymie-monopol eines einzelnen Funktionärs innerhalb eines Kreises gleichberechtigter Kollegen kennen wir auch bei den athenischen Archonten, von denen, anders als im Fall der römischen Konsuln, nur einer als Ἀρχῶν ἐπώνυμος fungiert; auch in Etrurien scheint es Fälle monopolistischer Eponymie zu geben.¹⁴ Da wir – im Gegensatz zu den athenischen Archonten-Eponymenlisten und zu den römischen Konsularfasten – die etwaigen lemnischen Zeronatseponymenlisten ja nicht kennen, bleibt uns die in der Inschrift genau gekennzeichnete Zeitperiode der Grabstiftung in Hinsicht auf ihre numerische Jahrdatierung unbekannt. – Eine Komplikation für unsere Lesung ergibt sich noch aus der obersten, etwas gekrümmten und von hinten nach vorne eingemeißelten fünften waagerechten Zeile.¹⁵ Anscheinend musste der Steinmetz beim Erreichen dieser obersten Zeile seine Position wechseln und hat die letzte Zeile dann von rechts oben aus nachgetragen, mit gebührendem Abstand¹⁶ zur senkrechten

¹³ Wie im Fall des Thefarie Velianas Cr 4.4 ... *turu⁷ce ... nac ci avi¹⁰l χurvar ... teo³iameita¹¹le ... ¹²nac atranes zilac¹³al seleitala acnao³vers* „er stiftete / schenkte ..., als drei Jahre erfüllt waren, an dem (-tala, sc. Festtag) beim «Be-gräbnis (sc. der Gottheit, pun. *BJM QBR 'LM*)», als von seinem soundso (?) Zilacat, des (-tala) im *sele*/sal*, gesound-sot war (*acnao³vers*)“. Auf diese bilinguistisch einigermaßen gesicherte Stelle hat Adriano Maggiani, 2001, 39 hingewiesen. Mir ist sie wertvoll als Beleg für eine besondere Handlung (Stiftung) zu Ende einer (in diesem Fall: dreijährigen) Funktionsperiode des Obermagistrats: *etr. ... turuce ...nac ci avil χurvar* „er hat gestiftet ...als drei Jahre voll waren...“ entspricht *pun. ...'š P^cL W^š JTN TBRJ' WLNš ... ... LMLKJ šNT šLš III* „... den gemacht und den gegeben hat Tiβarije Velinaš, ... seiner Herrschaft (waren) Jahre drei III ...“

¹⁴ Cf. Maggiani 2001, 43 „L'eponimia può però essere realizzata anche con un solo nome di magistrato“, mit Verweis auf die *tomba degli Scudi* in Tarquinia (Ta 5.4) und einen weiteren möglichen Fall auf dem Bleigewicht (Caere) mit Signatur *zilci La(r)θale Nulaθesi* „unter der zilc-Magistratur des / bei Larth Nulathes [,von Nola]“ (zum Text s. Maras 2009, 277–279 und Eichner 2012b, 88).

¹⁵ Dass hier eine fünfte Zeile der horizontalen Meißelung vorliegt, und keine Fortsetzung der vertikalen rechten Zeile, hat schon der erste Bearbeiter des Textes Sophus Bugge angenommen (1886, 5: „In diesen [sc. horizontalen] Zeilen [...] fängt man mit *ziazi*: an und endet mit *zivai*“), wie auch Agostiniani (2012, 192, Anm. 16) gewissenhaft verbucht. Aber Agostiniani fährt mit der Behauptung fort, dass das gegen den Augenschein sei und hält ausdrücklich fest, dass niemand sich Bugge angeschlossen habe („va contro l'evidenza, e non ha avuto seguito“).

¹⁶ Auf das Problem der sonst unmotivierbaren Lücke, weil sie das einzige Spatium im Inneren einer Zeile von Text A wäre, macht Agostiniani 2012, 172 aufmerksam. Er möchte diese ihn zu Recht störende Lücke durch Lesung eines zusätzlichen *Sigma* schließen (also *naφoθš*), indem er auf eine alte Vermutung von Danielsson zurückgreift. Aber nach ausführlicher Beschreibung kommt bereits Nachmanson (1908, 56) zu dem Urteil: „Auf alle Fälle will ich mit voller Bestimmtheit behaupten, dass irgend welcher durch sprachliche Überlegung nahe gelegte Buchstabe, sei es *s* oder ein anderer, hier durch den Stein keine Bestätigung finden kann. Mein Urteil wird nachträglich durch Heberdey bestätigt; er schreibt mir: ‚Nach *naφoθ* kann schliesslich ein missbildetes *s* gestanden haben; es müsste nur sehr verkratzt und verstossen sein. Mein Eindruck ist entschieden, dass die fraglichen Striche nach *θ* zufällige Verletzung sind.‘“ [Zitatende]. Dieses Urteil wird durch den Abklatsch aus Athen vom Jahr 2007 bestätigt, s. auch das Foto dieser Partie des Steins in Eichner 2012a, 26. Wenn dem aber so ist, dann ist Agostiniani's feine Beobachtung ein triftiges Argument für die Wertung von :?IZAIZ (←) als von (←) HOLAIES : NAPOTH unabhängiger Zeile. Auf dieser Grundlage wird dann weiter die Umkehrung der Leserichtung von linksläufig ?IZAIZ ← (= *ziazi, siasi, śiaši*) zu rechtsläufig → :?IZAIZ (= °*iz aiz*) einklagbar, s. die folgende Fußnote. Bei diesem Stand der Dinge ist nun weiter zu beachten, dass schon Pauli (1886, 11 und 19; cf. Pauli 1894, 19 zur diesbezüglichen Kontroverse mit Richard Meister) den Parallelismus B 3 *aviz : sialχviz : marazm : aviz* parallel zu A *sialχveiz : aviz / maraz:m av[iz]* bemerkt hat, mit dem Kommentar: „Diese Worte können [...] nur in dieser Reihenfolge gele-

Zeile A 2, oder es stand ihm ein zeitweise oben an der Stele angebrachtes Hindernis im Weg, oder er musste die Stelle für eine bekrönende Bemalung freilassen. Jedenfalls hat dieser für uns unkontrollierbare Umstand die Feststellung der richtigen Zeilenfolge bis dato verhindert.¹⁷ Abgesehen von diesem einzigen Problemfall sind beide Texte A und B äußerst sorgfältig ohne jegliche Schreibfehler oder Korrekturen eingemeißelt.

2.1.5. [Verhältnis Text ~ Relief] Ausser dem Verhältnis von Textinhalt und Textanbringung verdient natürlich auch das Verhältnis der Textangaben zur Darstellung der Hauptperson im Relief unsere intensive Aufmerksamkeit. Ist der bartlose, nach links blickende *Aker Tavarzio* als Krieger mit Speer, Schild und Lederkappe dargestellt, oder trägt er barhäuptig eine Amtstracht mit weitem ärmellosem Mantel und der *hasta imperii* als Symbol¹⁸ seiner Amtsgewalt? Auf solche Fragen will ich hier aber nicht eingehen, auch sind in diese Diskussion ausser Philologen, Epigraphikern und Sprachwissenschaftlern vor allem noch Archäologen, Kunsthistoriker, Rechtshistoriker, usw. einzubeziehen.¹⁹ — Zur Frage des geographischen Widerspruchs zwischen *Akers* Wirkungsort Myrina und dem Fundort der Stele bei Kaminia s. unten §2.2.5.

2.2. Text B der rechten Schmalseite.

2.2.1. Vorstellung und epigraphische Lesung des Textes B.

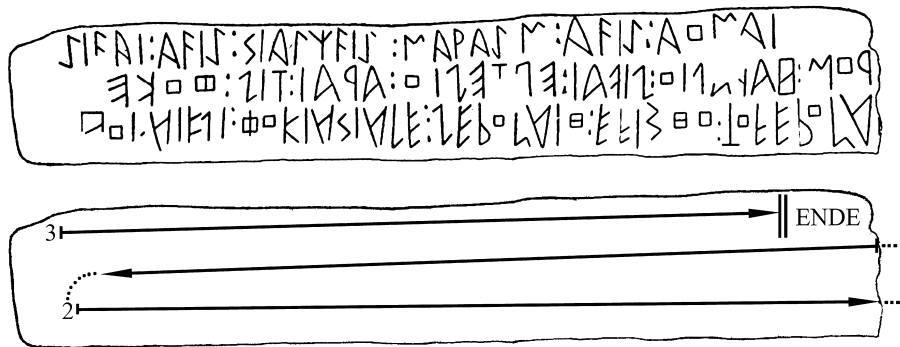

Abb. 5—6: *litterae* von Text B nach Nachmansohn 1908, 51 samt Zeilenführung von Eichner 2012a, 21

sen werden.“ Deshalb ergänzt er in A *av[iz]* die beiden fehlenden Buchstaben am Zeilenende, wozu der Platz ja ausreicht. Wenn wir aber bedenken, dass beide Texte A und B in ihrem Buchstabenbestand sonst völlig fehlerlos und integer sind, dann bleibt uns diese Vornahme der Suppletion bei *av[iz]* verwehrt. Folglich *m ü s s e n* wir die beiden fehlenden Buchstaben *iz* aus dem Lauftext holen, und sie stehen hinter der regelrechten boustrophedischen Kehre ja auch wirklich da. Wir sind also dazu angehalten, uns durch die dazwischen liegende Lakune zu Anfang der fünften (= obersten) waagerechten Zeile und die retrograde Meißelung nicht beirren zu lassen und am Textende *aviz aiz* zu lesen. *Quod erat demonstrandum.*

¹⁷ Da massiver Widerspruch von Fachkollegen insbesondere zu diesem Punkt vorauszusehen ist, möchte ich präventiv feststellen, dass meine nach jahrzehntelangen Zweifeln vorgenommene optimierte Lesung des postulierten Textendes von A (als MARAZ : M + : +AV {uacat } {;}IZ + : AIZ [das hochgestellte Pluszeichen zeigt die Korrektur an, die geschwungene Klammer die eventuelle Tilgung]) zunächst schon durch die so erzielte Isomorphie mit dem leichter erkennbaren Textende von B (MARAZM : AVIZ : AOMAI, s. die vorhergehende Fußnote) erfordert und später durch eine adäquate Übersetzung voll bestätigt wird. Die Buchstabenfolge: ← :?IZAIZ (zumeist in der Wiedergabe *siasi* diskutiert) der links läufigen Meißelung ist auf Lemnos der „gordische Knoten“, den man durch Vornahme der zur boustrophedischen „Ochsentour“ bestens passenden rechts läufigen Lesung (→ : ?IZAIZ) durchtrennen muss. Wer dies kategorisch ablehnt, dem bleibt das volle Verständnis der Stele von Lemnos wohl auf immer verschlossen.

¹⁸ S. dazu Alföldi 1959, in diesem Zusammenhang schon zitiert bei Heurgon 1980, 587 Fn. 24.

¹⁹ In dem gleichzeitig ausgearbeiteten zweiten Aufsatz ‚Sprachdenkmäler‘ (Eichner 2013) bringe ich reichlich Literaturangaben und Zitate aus der bisherigen Fachdiskussion zu Problemen der Stele von Lemnos als Gegenstand von Archäologie, Kunstgeschichte und Denkmalforschung.

B01 ↑← [...]ROM :₂ HARALIO :₂ ZIVAI :₂ EPTEZIO :₂ ARAI :₂ TIZ :₂ ΦΟΚΕ u a c a t
 B02 ↓← u a c a t HOLAIEZI :₂ ΦΟΚΙΑΣ_RIALE :₃ ZERONAIΘ :₂ EVIS_RΘO :₃ TOVERONAI[?][L]
 B03 ↓→ ZIVAI :₂ AVIZ :₂ S₃IALXVIZ :₂ MARAZM :₂ AVIZ :₂ AOMAI u a c a t

Anm.: Es gelten dieselben Notationskonventionen wie bei Text A, zuzüglich des Abwärtspeils (↓) = vertikale Anbringung der Zeile, Leserichtung abwärtsstrebend, und der Siglen S_R = retrograd gestelltes dreistrichiges Sigma, sowie Σ_R = retrograd gestelltes vierstrichiges Sigma.

2.2.2. Philologische Lesung und Übersetzung von Text B

Vereinfachter Lesetext	Übersetzung
¹ [...]rom : Haralio :	Und [...]r, Sohn des Haral,
zivai :	dem Hausstand,
Eptezio:	(Sohnes-) Sohn des Epteza,
arai: tiz :	von dem (Ertrag) auf der Scholle,
Φoke ² Holaiezi : Φokiasiale:	bei Phokia, dem des (Sohnes) des Holiae, dem des (Sohnes) des Phokia (als Eponym) (sc. im Zeronat)
zeronaiΘ : evis _R θo :	im Zeronat beamtet(,)
Toveronai [?] [L]	von Toverona(i) (,)
³ zivai :	– dem Hausstand –
aviz : sialxviz	mit vierzig Jahren,
marazm :	sowie als Maro fungiert habend
aviz : aomai	in Jahr(en) eineinhalb.

2.2.3. [Textsorte] Was in zahlreichen Fluch-, Droh-, und Strafformeln von Inschriften präventiv mit Verbot und Strafe belegt wird, geschieht hier: Ein zweiter Grabherr kooptiert sich nachträglich in eine schon bestehende Grabanlage und konskribiert auch seinen Grabstiftungstext. Dabei braucht es sich um keine „feindliche Übernahme“ zu handeln, denn der neue zweite Grabherr knüpft mittels der Konjunktion *-om* ‚und, aber‘ ganz offen und ungehört an den Vorgänger *Aker* an,²⁰ den er anscheinend respektiert. Auch lässt er dessen auf der prominenten Schauseite befindlichen Text und das Relief unangetastet und begnügt sich bescheiden mit der rechten Seitenfläche. Ob er sich in das fremde Familiengrab eingekauft hat oder auf dem Weg von Adoption oder Erbschaft juristisch einwandfrei zum Bestattungsrecht gekommen ist, oder ob es sich im Gegenteil um unbekümmerte Usurpation handelt, bleibt uns verborgen. Er hat seine Baumaßnahme jedenfalls mit Eigenkapital finanziert. Als Inhaber des höchsten Amtes (*Zeronat*) war er gesellschaftlich ebenbürtig, aber doch nicht voll gleichrangig, weil ihm im Unterschied zu *Aker* das Recht auf Eponymie gefehlt hat. Auf zeitlichen Abstand weisen die Unterschiede im Schriftduktus (eckige Buchstabenformen in B gegenüber runden in Text A), in den Buchstabenformen (B: drei- und vierstrichiges Sigma im Wechsel, A: nur vierstrichiges Sigma [s. Eichner 2012a, 12 mit Fn. 25], *Theta* ohne Kreuz [wohl jünger]). Speziell

²⁰ Ich kenne nur eine Parallele, und zwar in der Nekropole V in Limyra, wo der Grabherr *Esedeplemi* bereits zwei direkt nebeneinander liegende Gräber (Nr. 21 und 35) im noch teilweise lykischen Holzbaustil mit lykischen Inschriften (TL 114 und 115) unter Vertrag hat und danach auf ein drittes, vierzig Meter weiter gelegenes im griechischen Dekorationsstil (Nr. 64) auf griechisch schreibt: ΚΑΙ ΤΟΥΤΟ ΕΠΟΙΗΣΑΤΟ ΑΣΕΔΕΠΛΕΜΙΣ ΤΗΙ ΓΥΝΗΙ „A u c h dieses [Grab] hat Asedeplemis gemacht, für (sich und?) die Ehefrau“, s. Wörrle 1995, 410.

auf jüngeres Alter weisen die leicht vorgerückte Sprachform (A *sialχveiz* > B *sialχviz* ‚mit vierzig‘, ebensolches ^o*iz* auch in der postponierten Pronominalform **-teis* > *tiz* ‚von dem‘) und das aufgelockerte Formular („Hyperbaton“ in der Namenformel, auch sonst etwas freiere Wortstellung, Verdoppelung der *zivai*-Formel, last not least der unkonventionelle Textanfang mittels der Konjunktion *-om*).

2.2.4. [Verhältnis Textanbringung ~ Inhalt] Der Text beginnt in der mittleren Zeile offenbar kurz vor dem Bruch – nur wenige Buchstaben fehlen – linksläufig aufstrebend mit der Namenformel des zweiten Grabherrn, biegt dann mitten in der Namenformel des Eponymen um und setzt sich abwärtsstrebend kopfständig, dabei immer noch linksläufig, fort. Der hinzuzudenkende boustrophedische Bogen an der Kehre ist freigelassen und also nicht mit *litterae* besetzt.²¹ Dann springt der Text aus Platzgründen nach rechts und bringt die Fortsetzung in einer abwärtsstrebenden rechtsläufigen Zeile, in der zunächst die Widmungsformel *zivai* wiederaufgenommen und so das Band zum vorgehenden Text geknüpft wird. Was nach dem Bruch in der dritten Zeile fehlt, ist hinter dem stark beschädigten *Iota* einzig der eine Buchstabe *Lambda*, wie sich aus dem Vergleich mit Text A ergibt. Die Zeilenführung leuchtet ein, wenn man den Text versteht. Nur weil man bei der Namenformel des Eponymen Vater und Sohn verwechselt hat, konnte man bisher den Anfang der linken Aussenzeile HOLAIEZI mehrheitlich für den Textanfang halten.

2.2.5. [Verhältnis Textanbringung ~ Wirkungsort] Der auffälligste Zug beider Texte ist die Diskrepanz zwischen den Orten des Wirkens *Morina* und *Toverona* (= Hephaestia / Efestia, dem zweiten Hauptort der Insel in tyrsenischer Zeit) und dem Fundort der Stele in Kaminia, obwohl es auch andernorts auf Lemnos (z.B. in Myrina) archaische Nekropolen gibt. Wenn bei den Etruskern oder Römern Fälle vorkommen, in denen ein Mann ausserhalb der Stadt seiner Väter ein Grab hat, wird dies ein jeweils individueller Zug sein. Wenn aber auf Lemnos gleich zwei Oberbeamte in verschiedenen Städten wirkend ihre Familiengräber zur Zeit ihrer Amtstätigkeit (oder zu deren Abschluss) am selben Ort auswärts angelegt haben sollen, dann nährt das massive Zweifel an vorliegender Entzifferung, und es muss die Frage nach einem besonderen Grund gestellt werden. Spielen vielleicht die in der Nähe von Kaminia gelegenen Heiligtümer eine Rolle?²² Kann die Stele verschleppt worden sein?²³ Waren etwa die antiken Erdfeuer und die bis in die Neuzeit für ihre angebliche Heilkraft berühmte lemnische Roterde²⁴ des zu Kaminia recht nahen (Distanz ca. 8 km) Hügels Mosychlos, der Stätte der sagenhaften Schmiede des Hephaistos, maßgebend?

²¹ Es ist hier noch darauf hinzuweisen, dass ein „Spiegeleffekt“ bewirkt, dass auch die umgekehrte Lesung der beiden Zeilen, beginnend mit HOLAIEZI und endend mit ΦΟΚΕ, einen tadellosen Zusammenhang „Zeichenfüße zu Zeichenfüße“ erkennen lässt bzw. vortäuscht. Ob die „Doppelkehre“ (italien. „ruotazione“) oben am Stein oder unten stattfindet, ist dabei für die Optik gleichgültig. Dieser Illusion erliegt Agostiniani (2012, 171), wo er den Sachverhalt vollkommen plausibel beschreibt und erfasst, obwohl seine daraus resultierende Lesung (172, mit der zweiten Zeile vor der tatsächlich ersten) falsch sein muss, weil sie das Textverständnis völlig verbaut. Infolgedessen kann er auch keinerlei (Teil-) Übersetzung anbieten. Die Sonderstellung der dritten Zeile und ihre Zugehörigkeit zum Textende hat er hingegen richtig bestimmt.

²² Man sehe die Karte bei Ficuciello 2012, 50 „Lemno in età arcaica“ mit eingezeichneten Nekropolen und Heiligtümern (nahe zu, aber nicht direkt bei Kaminia liegen: Komi, Mosychlon, Efestia, Chloi; noch näher, aber um 500 v. Chr. nicht relevant, läge Poliochni).

²³ Auch wenn Cousin / Durrbach 1886, 2 mit guten Gründen den Gedanken an einen Import von der Küste her abweisen, ist doch daran zu erinnern, dass der Gelehrte B. Apostolides in den Jahren 1886–1887 die Stele nach Alexandria in Ägypten mitgenommen und später von dort im Jahr 1905 nach Athen ins Museum verbracht hat.

²⁴ Galen XII 169 f., s. Fredrich 1906, 60 und 253 mit Fn. 1 sowie Hasluck 1910.

Hat man als Angehöriger der Nobilität seinen Leib oder vielmehr seine Asche samt dem ganzen Hausstand in die Nähe dieser Erde betten lassen? Hat man die Incineration im „Feuer des Hephaistos“ und eine anschließende Urnenbestattung²⁵ nahe der Roterde vornehmen lassen? Das Letztgenannte ist diejenige Vermutung, die ich dem geneigten Leser anbieten möchte. Aktuelle archäologische Angaben zu Kaminia selbst liegen mir nicht vor.²⁶

3. Gesamtaufbau und Feinstruktur

3.0. Die Herausarbeitung der Parallelität zwischen Text A und B ist eines der Hauptanliegen unseres Beitrags zum Verständnis der Stele von Kaminia. Um das Formale transparent werden zu lassen, unterscheiden wir hier zwei Stufen der Textarchitektur, nämlich Makroformular und die Miniformeln.

3.1. [Das Makroformular] Beiden Texten liegt das gleiche Makroformular zugrunde, das durch folgende sechs Bestandteile konstituiert wird: (1) Namenformel – (2) Grabstiftung nach (a) Zweck und (b) Finanzierungsmodus – (3) Datierung nach (a) einem Eponym und (b) nach dem Lebensalter im Amt – (4) frühere Stufe des *cursus honorum*.

Im Text B ist das Standardformular in (2) gegenüber Text A um die Angabe „aus eigenen Mitteln“ (oder ähnlich) erweitert. Vielleicht hatte der als Eponym privilegierte Grabherr von A ein Staatsbegräbnis oder das Recht auf Solvenz auch für eigene Baumaßnahmen, während B die eigene Schatulle öffnen musste und dies vielleicht auch mit einem gewissen Stolz getan hat. Außerdem weist Text B einen gesonderten Eponymen auf, der nicht mit dem Grabinhaber identisch ist. Das Lebensalter zur Zeit der Grabstiftung ist aber jeweils gleich, nur dass das Privileg der Eponymie lediglich *Aker Tavarzio* erreicht hat, offenbar der vornehmere der beiden. Während *Aker* über eine kürzere *maras*-Funktionsperiode den Aufstieg ins Oberamt geschafft hat, verweilt der zweite Grabherr anscheinend ein halbes Jahr länger im *maras*-Amt als dem Sprungbrett zum Zeronat. Es kann aber auch sein, dass der zweite Grabherr so früh ins Maronat gelangt ist, dass er erst noch die Erreichung seines Mindestalters abwarten musste, um an die Spitze zu gelangen. Man meint aber doch herauszuhören, dass es Zeichen von Tüchtigkeit ist, wenn der Grabherr nach nur einmaligem oder nur anderthalbjährigem Maronat schon die Stufenleiter bis ganz nach oben erklommen hat. Nicht auf Iteration oder Ausdehnung dieser minderen Amtstätigkeit ist man auf Lemnos stolz, sondern im geraden Gegenteil auf den raschen Aufstieg bis an die Spitze.

Die Aufeinanderfolge der Formularglieder ist standardisiert: 1 – 2a – 3b – 4 (so im Text A). Lediglich in Text B ist noch ein weiteres Glied an dritter Stelle eingeschoben, und die zweite Formel ist mit der ersten verquickt: $(1 \times 2a) - 2b - 3a - (3b) - 4$.

3.2. [Feinstruktur] Die Textstruktur zeigt ein für Grabbau- und Grabstiftungstexte geeignetes Schema. Wir entwerfen für Kaminia ein neunteiliges Aggregat als Makroformular mit etlichen dazugehörigen Mikroformularen als obligatorischen und fakultativen Gliedern. Dieses Aggregat erscheint hier auf fünf Sub-Formulare brachylogisch verkürzt, die ihrerseits weitere Sub-sub-Formulare enthalten können.

²⁵ Dass eine Grabstiftung, welche die *zivai*-Formel enthält, nicht im Widerspruch zur Urnenbestattung steht, zeigt Ta 1.182 (Tomba dei Camna, 3. Jh.) *zivas muroi XX* ‚für den Hausstand, für zwanzig Urnen‘ (oder: für zwanzig Urnen des Hausstands).

²⁶ Zur Gegend von Kaminia s. Fredrich 1906, speziell 252–253 (mit in die Plankizze eingetragenen Fundort der Stele, die als Spolie in die Wände der abgerissenen Kirche des hl. Alexandros verbaut war).

- Alpha: Nennung des Grabherrn mit vierteiliger Namenformel (Idionym + Filiation + Papponymie [bis hierher so in A+B] + Propapponymie [quiesziert in B])
- Beta: Amtstitel nebst integrierter Lokalisation (~ Ethnikon) (AB, doch nur in A in Personalunion Grabherr = Titulierter, in B Titulierter ≠ Grabherr, aber der Titel ist für den Grabherrn zu subintelligieren [*Beta], steht also apo koinou)
- [Gamma: Exophorischer Verweis auf das Monument; quiesziert in AB]
- [Delta: Bau- oder Stiftungsprädikat; quiesziert in AB]
- [Epsilon: Finanzierungsvermerk; quiesziert in A]
- Zeta: Angabe des Benefiziaten (A; dupliziert in B)
- Eta: Datierung mit (eventuell verkappter) Eponymie (Eponym = Grabherr) in lemnischer Sonderversion des Hauptabschnitts (höchstes Amt) eines *cursus honorum* mit Altersangabe (Erlangung der Magistratur *suo anno*)
- Theta: Weiterer Abschnitt (minderes Amt) des *cursus honorum* mit Quantifizierung (,einmal‘)
- [Iota: Lebensalter zum Todeszeitpunkt: entfällt, da bei der Anbringung der Inschrift noch offen und später nicht nachgetragen; quiesziert also in A+B; die Bauinschrift steht im direkten Zusammenhang mit dem Bau und ist nicht erst aus späterer Retrospektive formuliert und nicht erst nach dem Tod angebracht.]

3.3. Wir wollen diese Textstruktur hier mit einer weiteren Übersetzung von Text A klar vor Augen führen, in die nun auch die quieszierenden Teile eingefügt sind. Die entsprechende Übersetzung von Text B kann sich der Leser in analoger Weise selbst erstellen.

- α α₁: Aker^a, α₂: der Tavarzische [= (Sohn) des Tavarza]^b, α₃: des Holoie^c Enkel^d, α₄: des (Sohnes) des Vanal^f,
- β β₁: Zeronai [(eponymer Obermagistrat)]^g β₂: von^h Morinaⁱ,
- γ [sc. dieses Grabmonument], Brachylogie,
- δ [sc. hat errichtet oder gestiftet bzw. errichtet habend oder gestiftet habend], Brachylogie,
- ε für (ε₁:sich [quiesziert] und) ε₂:den Hausstand^k,
- ζ [Finanzierungsangabe, hier nicht aktuell]
- η betraut^l mit dem (Amts-) Jahr^m im Zeronatⁿ mit vierzig^o Jahren^p,
- θ θ₁: und als Maro^q gewaltet habend^r θ₂: während^s eines^t Jahres^u einmal^v.
- ι [Lebensalter des Verstorbenen, hier nicht aktuell]

Anm.: a) Idionym des Grabherrn; b) Patronym des Grabherrn (gleichwertig mit einer Filiation); c) Idionym des Großvaters, d) Angabe des Verwandtschaftsgrades zur Bildung der Papponymie; e) Determinativpronomen zur Bildung der Filiation des Großvaters; f) Idionym des Urgroßvaters; g) Titel als Träger des höchsten Amtes, mit Suffix *-i* als Zugehörigkeitsbezeichnung (wie *lautn- ~ lautn-i- = ‚familia‘ ~ ‚familiaris‘*); h) Genetiv(-Lokativ) für die Lokalisierung; i) Ortsname zur Konkretisierung der Lokalisation; k) Benefiziat im Zielkasus; l) Formans *-θo* des Partizips Präteritum Passiv zur Bildung der Funktionsangabe ‚mit dem Amtsjahr betraut‘; m) *εvis-* = Ablativ-Lokativ *aviz*?; n) Magistratur im „doppelten“ Lokativ ^o*ai* + ^{-θi}; o) Dekadennumerale zur Qualifizierung des Lebensalters als „minimal“ im Sinne des lat. *suo anno*; p) Lokativ-Ablativ ‚mit Jahr(en)‘ zur Kennzeichnung der Maßeinheit der Zeit; q) Bezeichnung einer niedrigeren iterierbaren, aber wieder mit dem Minimalaufwand bewältigten Amtsfunktion, r) *-as* als Zeichen des aktiven Partizips des Praeteritum; s) Ablativ-Lokativ ‚anno‘; t) Kardinale ‚1‘ entbehrlich?; u) *aviz* aus der anderen Jahresformel herübergenommen wegen Unkenntlichkeit des Multiplikativadverbs infolge des Zetazismus; v) *aiz* ursprüngliches Multiplikativadverb zur Quantifizierung iterativer Amtstätigkeit (etr. *ez* und späteres *θun-z*); infolge des Zetazismus uminterpretierbar.

Es ist also kein Skandalon, wenn in diesem Text ubiquitäre Standardformeln wie „dieses Grab“ und „hat erbaut“, „hat gestiftet“ fehlen. Denn sie bringen für den vor der Stele stehenden

Leser keine über die Situation hinausreichende Information und sind deshalb als redundant gestrichen. Der Leser hat „dieses Grab“ ja vor Augen, und dass es jemand gebaut hat, ist auch selbstverständlich. Nur die „echte“, die nichttriviale Information, ist in diesem Text festgehalten.

4. Wort-für-Wortkommentar zum Text A der Vorderseite

4.1. – 4.2. AKER : TAVARZIO

„(lat.) *Acer Tavarzius*, (dt.) Aker, Tavarzischer, (russ.) Акер Таварцкий (= Таварцевич)“

Wie Emil Vetter²⁷ und ihm folgend Helmut Rix zu Recht vermuten, handelt es sich um den Textanfang mit dem Namen des im Relief Dargestellten. Dieser Name wird in der „offiziellen“ binomen Namenformel ausgedrückt. Wie der Verfasser meint (Eichner 2012a, 26–28), besteht sie aus der Folge von Idionym und Patronym, cf. bereits Rix 1968, 221, §4.21 („mit *tavarsio* als Patronymikon“). Die Frage nach der Funktion solcher Namen im lemnischen Namensystem wollen wir erst im Zusammenhang der Erörterung des zweiten Namens *Tavarzio* behandeln. Die Antwort wird auf eine klare Bejahung, um nicht zu sagen „den Beweis“, der Funktion von *Aker* als Idionym und von *Tavarzio* als Patronym hinauslaufen.

Da mit dem Namen *Aker* gleich intrikate sprachwissenschaftliche Probleme aufgeworfen sind, folgt eine ausführliche Untersuchung, die De Simone’s verdienstvolle, aber sehr knappe und nur wenige Zeilen füllende Darstellung (1996, 23–24) erheblich ausweitet und vertieft.

4.1.1. Comparanda.

Das Idionym trifft in seinem Ausgang °er mit einer Handvoll aus dem Etruskischen überlieferter Namen zusammen, wie De Simone 1996, 23–24 zurecht feststellt. An solchen Namen auf °er kann man aus dem Etruskischen direkt vergleichen: *Vener*, *Lucer*, *Θuker*, *Laðer**, *Never**.

4.1.2. *Aker* selbst.

4.1.2.1. Comparanda, Namenmaterial.

Zu vergleichen sind wohl das feminine Gentile in Clusium *Acaria* (Cl. 1.555 *Θania Acaria*, 1.1563 *Θa. Acaria*, 1.961 *Larði Acaria*) mit dem Genetiv *Ac(a)rial* in Perugia (1.967 *Acarial*, 1.1242 *Acrial*) und das mask. Cognomen Pe 1.871 *Acri* (Rix 1963, 253), das Praenomen (?) *Acrie** im Genetiv Vs 1.138 *Cae Petrunie Acries* (nach Rix 1963, 206 Fn. 27 „wahrscheinlich Filiationsangabe“)²⁸; Pe 1.86, 1. 928, 1.951 *Acris₂* AT 2.6 *Acrienas*, Cm 2.47 *Acriina*, AS 1. 266 *Acrnis*, und die Ableitung Vs 1.221 *Acratez* (rezent: *V. Acratez* V. „Vel Acratez, Sohn des Vel“ also Gentile auf °s, mit Zetazismus!).

Kretschmer (1942, 89, zitiert von Rix 1968, 221, Fn. 44) vergleicht, weniger passend, noch das Cognomen *Ucar*, das aber nur hinsichtlich der Wortbildung von Interesse sein könnte. Rix (1963, 276) nimmt für diesen Sonderfall *Ucar* Entlehnung aus dem Umbrischen an. Schulze

²⁷ Bei Kretschmer 1942, 89, s. Eichner 2012a, 24 mit Fn. 69. Allerdings hat Vetter irrig die Namenformel von A nicht voll erkannt und ihren Text auf zwei Personen verteilt, *Aker* als den Verstorbenen einerseits mit Grabschrift in den beiden senkrechten Zeilen links, und *Holaie* dann rechts als den Stifter des Grabes und der Stele. Kretschmer konnte daraufhin immerhin den Textanfang korrekt bestimmen und die beiden ersten Wörter im wesentlichen schon richtig mit „Aker, Sohn des Tavarses“ übersetzen.

²⁸ In der von mir aufbewahrten Tischvorlage vom Unterricht der Jahre 1980–1981 hatte Helmut Rix „[Praenomen] *Acrie*“ bereits als etr. Comparandum zu lemn. *Aker* aufgeschrieben.

(1904, 115) konfrontiert etr. *Acris*, *Acries* mit lat. inschriftlichen Belegen *Acrius* oder *Agrius* und zieht auch schon als „Weiterbildung“ etr. *Aχrate* mit lat. Pendant *Acrasius*, *Agrasius* heran.

4.1.2.2. [Morphologie A] Aus moderner Sicht wird man die Morphologie mit der Genusvariation masc. *Acrie* und fem. *Acaria* als Argument für ieu.-italische Herkunft (mask. ^o*ios* ~ fem. ^o*ia*) bewerten wollen, obschon das entlehnte ieu. Suffix *-ie* auch an etruskischen Namen erscheinen könnte (Schulze 1904, 263–264, mit Hinweis auf *Ancarie*, ihm seinerzeit folgend Rix 1963, 181 Fn. 81). Aber da wir nicht den Namen **Aker*, **Acer* selbst im Etruskischen finden, sondern nur eine – freilich triviale – *-io*-Ableitung, ist der Vergleich mit lemn. *Aker* vielleicht nicht sicher.

4.1.2.3. [Morphologie B] Ich schließe hier noch den Hinweis an auf die etr. Namensippe (etymologisch natürlich von anderer Herkunft) masc. *Ancar*, fem. *Ancari* (Clusium und Perugia mehrmals), auch *Ancaria* (Clusium, Perugia), mit *u*-Ableitung masc. *Ancaru* (Clusium), fem. *Ancarui* (Ager Tarquiniensis, Clusium), mit anderer Ableitung *-ie* Ta 1.92 (4./3. Jh.) *Vipe Anχarie* etc. Schon Helmut Rix (1963, 181) hat ja die spezielle Ableitung mittels *-u* bei *Ancaru* mit *Θucer-u*, *Velθur-u*, *Sertur-u* als „eigene Gruppe“ zusammengefasst. Etymologisch wird etr. *Ancar* mit lat. *ancus* ‚qui aduncum brachium habet‘ (Paulus ex Festo 19 L) zusammenhängen, cf. das Praenomengentile *Anχes*. Für mich ergibt sich hier die Vermutung auf ein *a*-haltiges ieu.-italisches Suffix. – Unklar ist mir der weitere Name **Nacara* (beim Beleg Cr 4.10 [Bleitäfelchen, 5. Jh.] *nacar* ist der Namencharakter unsicher) mit fem. Cl 1.2003 *Nacarnei*, Gen. AS 1.191 *Nacarnal*; mit *e* der Mittelsilbe dann fem. Pe 1.286 *Nacerei*, Gen. Pe 1. 285 *Nacerial*. Das ^o*ei* deutet vielleicht auf ieu. *Nakere-* (**nokere-??*) mit ieu. fem. *Nacara**, so dass mit Apokope in *Nacarnei* zu rechnen wäre, cf. Rix 1963, 246–247.

Dieses alte *a*-haltige Suffix dürfte quantitativen Ablaut (mit ablautend kurzem und langem *a*) aufgewiesen haben, also ^o*ār* mit Länge im Wechsel mit ^o*ar* mit Kürze. Aus dem Italischen vergleichen sich frühlat. MULIAR[ ] (Corcolle CIL I², 2833a, ca. 500 v. Chr.) ‚Frauen‘, wo wegen des Adjektivs *muliebris* mit *br* < **sr* eine Angleichung von **mulies-* → *muliar-* an (viel später bezeugtes) CASNAR ‚Greis, alter Mann‘ (bezeugt im Pälignischen ST Pg 10, Corfinium, und bei Uarro sowie Festus; s. Untermann 2000, 374) vorliegen wird. Die geläufige Gleichsetzung dieses ^o*ar* mit dem anderen Suffix **āli-* und Herleitung aus Dissimilation will ich damit nicht für unzutreffend halten, sondern mit einer Doppeletymologie (französ. *étymologie croisée*) rechnen. Im offensichtlich weiter zugehörigen Cognomen *Caesar* hat ^o*ar* kurzen *a*-Vokal im Gesamtparadigma, mit Gen. *Caesāris*, und wir können offen lassen, ob die etymologische Verbindung mit *caesaries* ‚Haupthaar‘ (cf. unsere ‚Caesarfrisur‘ in der Keratologie, s. auch Vaan 2008, 81–82) oder mit *caesius* ‚grauäugig‘ oder gar mit **kaisso-* > *caesus* ‚gehauen, *herausgeschnitten‘ (cf. unseren ‚Kaiserschnitt‘ in der Obstetrik) und *Caeso* zutrifft. Zum Vergleich kann man auch an das ^o*ar* (?) von hethit. *kallar* ‚unheilvoll, zauberisch‘ (Pl. *kallār*) denken. Für den Sonderfall des von Kretschmer ins Spiel gebrachten Cognomens *Ucar* nimmt Rix (1963, 276), wie im Vorstehenden bereits erwähnt, Entlehnung aus dem Umbrischen an und vergleicht die Vokalalternation in *Ucrs*, fem. *Ucirinei*, Gamonym (**Ucrs-σa* >) *Ucrσa*, *Ucurσa* mit derjenigen von umbr. *ocar*, *ocrer*. – Die Form *tanasar* ‚Schauspieler‘ der Bildbilingue Ta 7.9–10 wird von Steinbauer (1999, 474) als r-Plural eines Stammes *tanasa-** beurteilt. Der von Rix (1963, 147–148, 275) noch angeführte Name TLE 468 *Cae Capesar* wird jetzt anders gelesen: Cl 1.1387 *Larth* : *Cae* : *Capes Ar* („Larth [Praenomen] Cae Capes [zweiteiliges Gentile], [Sohn] des Arnth“).

Dass tyrsenische Personennamen auf ^o*ar* nicht schon allein ihres Wortausgangs wegen dem indoeuropäischen Lehngut zuzuweisen sind, zeigt der Vergleich mit dem Namen **Tavar*, den wir aus *Tavarzio* extrahieren und etymologisch ans Etruskische anschließen.

4.1.2.4. [Etymologie] Es empfiehlt sich zwar nicht, den lemn. Namen *Aker* direkt an alat. *ācer* ‚scharf‘ (später *ācris*, das ganze eventuell mit Ablautneuerung statt ieu. **h₂ēk’ri-*) anzu-

knüpfen, obwohl die Semantik für einen Namen nicht unpassend erschiene (Rix 1963, 276, mit Hinweis auf inschriftlich P. UETURI OCRIS in Umbrien). Denn ein etwaiger o-Stamm mit Kürze des *ā* (wie in lat. *ācerbus* ‚scharf‘, cf. den Ablaut in lat. *sācro-* ‚heilig‘: *sācri-* ‚opferfähig‘) wäre im 6. Jh. noch lat. **ākros* (wie SAKROS auf dem Forumscippus um 560 v. Chr. für späteres *sācer*) und der i-Stamm noch **ākris*. Ein solcher ro-Stamm oder ri-Stamm würde im Etruskischen auch eher auf *-re* auslauten, cf. die lat. Cognomina *Macer* : etr. *Macre* und *Faber* : etr. *Hapre*, sabell. *pacri-* : etr. *Pacre* (Rix 1963, 227–228).

Aber sowohl phonetisch als auch morphologisch besser passt der lat. r-Stamm von *ācer*, Gen. *ācēris* ntr. (selten fem.) ‚Ahorn‘. Es muss lediglich wohl noch eine ursprüngliche Bedeutung **‚der Scharfe‘* (wegen der gezackten Blattränder) als Maskulinum für die Zeit der Entlehnung postuliert werden. Der geschlechtige Nominativ ist mit langem **ē* anzusetzen, gleich wie im weiter zu besprechenden Fall *Lucer*. Im historischen Latein sind solche Längen vor auslautendem *°r* schon vorplautinisch gekürzt. Durch den Wechsel von Länge und Kürze im Paradigma kommt es einerseits zu lemn. *Aker* (Länge, s. sofort) andererseits zu den etr. Formen mit Synkope *Acrie* etc. Im Lemnischen zeigt sich die Länge darin, dass bei ihr die *e*-Färbung erhalten bleibt, während im Fall des Vokativs **Venele* (apokopiert: **Venel*) der neue Genetiv a-Vokalismus aufweist: *Vanalas*.

Innerhalb des Namenschatzes steht der röm. Name *Celer* ‚der Schnelle‘ samt dem Adjektiv *celer* ‚schnell‘ dem lemn. *Aker* vielleicht am nächsten. Die Deklination schwankt zwischen i-Stamm und r-Stamm (Pl. Gen. *celerum*). Der alleinige Ansatz **keli-ri-* (Vaan 2010, 104) beachtet zu wenig den Zusammenhang der *Celeres* mit ihrem (*tribunus*) *celerum* als Bezeichnung der Ritterschaft bei den *Tities*, *Luceres* und *Ramnes*; s. unten bei *Lucer*.

Um nichts auszulassen, sei auch noch eine mögliche Grundform **h₂g'ēr* oder **h₂ag'ēr* ‚Anführer‘ erwähnt, doch würde ein solches *nomen agentis* in der Luft schweben. Die normale Bildung zeigt sich in lat. *actor*.

4.1.2.5. [Iberischer Anklang] Auf den bloßen Anklang an das iberische Namenglied *aker* (s. Untermann 1995, 196 + 203, 209–210, 214, 264) ist meines Erachtens nichts zu geben. Ich erwähne die Ähnlichkeit aber trotzdem, weil seinerzeit auch eine Verwandtschaft des Lemnischen mit dem Iberischen zur Diskussion gestellt worden war, und weil immerhin die Sprache der spärlichen Inschriften von Novilara in Nordpikenum meines Erachtens in der Art der Morphemvariation Ähnlichkeiten zum mittlerweile besser erschlossenen Iberischen Hispaniens aufweist. Diese weitere eindeutig nichtindoeuropäische Sprache Altitaliens ‚Nordpikenisch‘ ist genealogisch und phänomenologisch vom Tyrsenischen scharf geschieden.

4.1.3 [*Vener*] Der Name *Vener* begegnet als Praenomen einmal in Kampanien Cm 2.40 (spätes 5. Jh.) und liegt wohl auch dem Gentile in der Padana Pa 2.13 (5. / 4. Jh., Gefäßaufschrift) Gen. *Venarnes₂* zugrunde (anders über *Venarnes* De Simone 1996, 16 Fn. 40: **Ve-na-ra-na-* zu etr. **Vena*, aber mit vermuteter Beziehung zu lat. *Uenedius*, *Uenidius*, *Uenilius*). Ich stelle den Namen zu etr. *Venel* und zur ieu. Wurzel **venh* ‚lieben‘. Die Frage ist dann, ob ein apokopierter Vokativ **Venere* > *Vener* vorliegt oder ein *Nomen agentis* auf **°ēr*.

4.1.4. [*Laðer*] Ein Praenomen **Laðer*, aus dem neben *Lucer* stehenden Gentile *Laðerna* Ta 1.89 (4 Jh., s. unten §4.1.6) zu erschließen,²⁹ ist vielleicht (als ursprüngliches Praenomen und Cognomen) mit lat. *later*, Genetiv *lateris* masc., Ziegelstein, luftgetrockneter Lehmziegel, Gold-

²⁹ Die theoretische Möglichkeit eines synkopierten *e*-Stammes **Laðere* besteht natürlich, weshalb De Simone 1996, 23 Fn. 87 den Namen vorsichtigerweise beiseite lässt. Aber er steht immerhin direkt neben dem Praenomen *Lucer*, das ja auch r-Stamm ist.

Silberbarren, *Platte', *r*-Stamm (*stlatēr) verwandt und aus dem Lateinischen entlehnt.³⁰ Man vergleiche auch römische gentilizische Bezeichnungen wie diejenige der *Plautii Laterani*, deren Anwesen auf dem *mons Caelius* später als Wohnsitz der Päpste gedient hat. — Zu beachten noch fem. Pe 1.1091 (rezent) *Laθruni* (zur Lesung Rix 1963, 252 Fn. 1, könnte aber auch zu lat. *latro* ‚Söldner‘, Lehnwort aus dem Griechischen, gehören) und fem. Cl 1.501(rezent) *Larθi Latrnei*, Cl. 8.6 (rezent) *Laθr*. Eine Kautel ergibt sich bei diesem Namen daraus, dass — im Gegensatz zu den anderen Namen auf *er* — bei ihm der *e*-Vokalismus nicht fest ist. Ich vermute deshalb, dass es sich bei *Laθer* um eine vereinzelt jüngere Entlehnung handelt, auch wegen des wohl jungen Anlauts mit *l*^o statt *stl^o, während die anderen Namen *Vener*, *Lucer*, *Θuker* im Etruskischen und wohl sogar im Tyrsenischen schon älter sind und sich durch eine besondere Vorgeschichte abheben, s. unten §4.1.1.8.

4.1.5. [*Never**, oder *Nevere**?] Vs. 1.101 (6.—5. Jh.) *Venel Nevernas* (Praenomen im Nominativ + Gentile). Hinzu kommt rezentes Vs. 1.149 *Sertur Nevrnies* (zur Variation *na* ~ *nie* s. Rix 1963, 298). Das Gentile ist vom Idionym bzw. Praenomen *Never±e** (< Vokativ *Nevere mit Apokope? Oder *Nevér?) abgeleitet, das einen ieu. Eindruck erweckt, cf. das Adj. *nevero- > armen. *nor* ‚neu‘, mit anderer Bildung griech. *νεαρός* ‚jugendlich, neu, frisch‘. Wir halten für *Neverna* fest: Archaische Zeit (Ort: Crocifisso del tufo) und Randgebiet des Etruskischen im Tibertal; das *e* der zweiten Silbe wird synkopiert. Lautlich bemerkenswert ist das Fehlen des Übergangs *ev* > *ov*, wie z.B. in *Clevsinas* (Ta 1.186, 4. Jh. 2. Hälfte; Ta 8.1, 3. Jh. 2. Hälfte), *Clevsinl* (Vs 1.179. 4./3. Jh.) bei Ableitungen vom ieu. Namen der Stadt *Clusium* (Chiusi), wobei *Kleusīno- (mit langem *i* wegen Fehlens der Synkope) mit seinem *eu* (nicht: *ou*) aus einer sonst spurlos untergegangenen ieu. Sprache Altitaliens stammen dürfte.

Nicht anzuschließen ist hier der weitere Name *Naver**, obwohl er vielleicht eine Variante mit *e* > *a* in der ersten Silbe aufweisen könnte. Belegt ist er im fem. Gentile (Pe 1.443 und 1.445) *Naveri(al)* mit der Variante (Pe 1. 446; 442 und 444) Nom. *Naveoi* Gen. *Naveoial* und in Vs. 1.261 *Senti Naveries* (fem., zum auffälligem Formular s. Rix 1963, 206 Fn. 27). Rix (1995, 723) weist darauf hin, dass die Varianten mit *r* ~ *σ* „nur bei Übernahme aus einem umbr. Gentile *Nāvīris verständlich sind“ (Suffix *-idios*, zum Stamm cf. lat. (*g*)*navos* ‚rührig‘).

4.1.6. [*Lucer*] Ta 1. 89 = ET II 51 (Cippus, 4s/2) *Lucer Laθerna*.

Zu diesem etr. Praenomen gibt es eine berühmte Entsprechung in Rom. Lat. *Lucer liegt im altrömischen Tribusnamen der *Luceres* vor (*Tities*, *Luceres*, *Rammes*; Quantität des *u* unbekannt und willkürlich als Länge bei Ovid und als Kürze bei Properz erscheinend, s. Rix 2006, 168 Fn. 4), sieh dazu Rix 2006 (175: Aufzählung von 21 Belegen aus griech. und röm. Schriftstellern; doch ausgerechnet der etrusk. Beleg für *Lucer* fehlt bei Rix im ganzen Aufsatz). Eine instruktive Formulierung des Wissens und der pseudoetymologischen Konstruktion römischer Antiquare findet man bei Paulus ex Festo 106 L,13—15:

Lucereses et Luceres, quae pars tertia populi Romani est distributa a Tatio et Romulo, appellati sunt a Lucero, Ardeae rege, qui auxilio fuit Romulo aduersus Tatium bellanti „Lucerenses und Luceres, was der von Tattius und Romulus eingeteilte dritte Teil des römischen Volkes ist, sind nach Lucerus, dem König von Ardea benannt, der dem Romulus im Krieg gegen Tattius Beistand geleistet hatte.“

Dieser Tribusname ist als indoeuropäisch erkannt (Rix 2006, 168). Zwei Grundformen kommen in Betracht, erstens *leukero- mit Reflex in etr. Cl. 1.2286 *Luχre*, Cl. 1.1601—1602

³⁰ Ein „inneretrusk.“ Anschluss an *Latiθe* würde die ieu. Etymologie wohl auch nicht vermeiden, da im Cognomen *Latiθe*, fem. *Latiθi* ein sog. Ethnikon zum Landschaftsnamen *Latium* zu erkennen ist (cf. Rix 1963, 211).

Luxria-, wo die Morphologie $^{\circ}e \sim ^{\circ}ia$ ieu. Ursprung erweist (Rix 1963, 221). Der Ausgang $^{\circ}es$ in *Luceres* (z.B. Gen. *Lucerum* Festus 484 L, Dat. *Luceribusque* Ovid, Fasti 3,131) weist aber auch auf einen *r*-Stamm *Luker-* (Nom. $^*luk\bar{e}r?$). Seine Flexion mit Ausgang $^{\circ}es$ dürfte auf die beiden anderen Tribusnamen *Tities* (statt $^*Titioi^* > Titii$) und *Ramnes* (statt $^*Ramnae^*$, von etr. $^*Ramna-$, $^*Ramne-?$ cf. Schulze 1904, 218) übertragen worden sein. Wenn dem so ist, dann ist der $^{\circ}r$ Stamm alt und mit lemn. *Aker* direkt vergleichbar. Die andere Gundform $^*lukero-$ oder $^*leukero-$ ist außer im etrusk. Namen *Luxre, Luxria* (mit Synkope zwischen χ und *r*, die Belege sind alle rezent) im Namen des Königs *Lucerus* von Ardea (Kleinstadt in Latium zwischen dem tyrrhenischen Meer und den Albanerbergen, 36 km südlich von Rom) bezeugt, der Romulus im Krieg gegen den Sabinerkönig *Titus Tatius* beigestanden haben soll. Um nichts auszulassen merke ich noch an, dass der Name *Luceres* auch mit dem „sabinischen *l*“ aus $^*Duceres$ stammen und mit $\Theta uker$ in Beziehung stehen könnte. Aber die traditionelle Zuordnung der römischen Antiquare für die Tribusnamen ist (a) *Ramnes* : *Romulus*, (b) *Tities* : *Titus Tatius* (Paulus ex Festo 503 L) und (c) *Luceres* : *Lucumo* (oder $^*Lucumus^*$ bei Uarro und Paulus ex Festo, 107 L, zu den *lucumones* der Etrusker zu stellen). Damit sind die drei Bevölkerungsteile Roms als Latiner, Sabiner und Etrusker charakterisiert. Festzuhalten ist, dass Rix völlig unvoreingenommen, ohne an lemn. *Aker* zu denken, den morphologisch ähnlichen Namen *Lucer* im Altitalischen — ohne dessen Gleichung mit etr. *Lucer* zu bemerken — für sicher indoeuropäisch hält. Es ist Rix dabei darum gegangen, die traditionelle Herleitung der drei Tribusnamen aus dem Etruskischen (Schulze 1904, 318) ein für allemal zurückzuweisen. Ein von Rix hervorgehobenes Detail ist dabei, dass es sich bei $^*Lucer$ etc. als Namenquelle der Tribusnamen im achten Jahrhundert um Individualnamen (Idionyme oder Beinamen) des jeweiligen *Heros eponymos* der *tribus* handelt, und noch nicht um Praenomina, da die Umstellung des Namensystems auf Praenomina und Gentilizia erst im Laufe des siebten Jahrhunderts erfolgt ist (Rix 2006, 169). $^*Titios$ (dreisilbig) ist Patronym, aber auch noch Adjektiv, und $^*Titioi$ bedeutet ‚die zu Titos (Tatios) Gehörigen‘. Auf Rixens weitere Ausführungen zu *Ramnensis*, *Ramnes* etc. (nach ihm etymologisch zu *Romulus*) im Zusammenhang mit Ortsbezeichnungen brauche ich hier nicht einzugehen.

4.1.7. [$\Theta uker$] Dieses Praenomen ist in archaischer Zeit gut belegbar, worauf bereits De Simone (1996, 23) gebührend hinweist, s. vorher auch schon Rix 1963, 181 mit Fn. 80. Für die Diskussion um das Lemnische spielt es eine Schlüsselrolle.

Der Name samt Ableitungen ist überwiegend nordetruskisch (Rusellae, Arezzo, Clusium, Ager Saenensis, über 10mal, auch grenzlagig in Volsinii, mehrfach), kaum südetrusk. (Caere, Vulci und Ager Vulcentanus, nur je 1mal); auch der für die Padana gebuchte Beleg auf dem „Mars von Ravenna“ scheint nach Volsinii zu gehören. Schon Steinbauer (1999: 279 zu Pa 3:1) stellt fest: „Der Vorname *Thucer* ist nur im nordetruskischen Gebiet und in Volsinii belegt“. Für die „Verankerung“ etwaiger Vorfahren der lemnischen „Pelasger“ im Westen ist dies ein geographischer Fingerzeig.

4.1.7.1. [Nominativ] Belege für den Nominativ $\Theta uker$:

- a) Roselle Ru 1.3 (Grabeingang, archaisch) *mi $\Theta uker$ Am[- -]as₂*
- b) Arezzo 1.18 (rezent) *$\Theta uker$ Akiltus₂ $\Theta uves_2$*
- c) Ager Vulcentanus AV 6.1 (Gefäß, ca. 600 v. Chr., CIE 11273) [$\Theta^?$]*uker itane zinace Titenas* „Thuker Titenas hat dies gemacht“ (mit schönem Hyperbaton, die beiden Namenbestandteile rahmen den Text ein) oder (weit weniger ansprechend) „Thuker hat dies für Titena gemacht“.
- d) Pa 3.1 [= Pe 3.5 in der 2.Auflage $^*ET$ II², 379] (Bronzestatuetten, genannt ‚Marte di Ravenna‘, Datierung 1. Hälfte 5. Jh. oder sogar 540–520, Abbildung Buonamici 1932,

tab. 49,84) *Θuker Hermenas₁ turuce* [L]aru[n]_{s₁} (?); der Text selbst weist bei der Schreibung des s-Lauts südetruskische Orthographie auf, s. Steinbauer 1999, 279, Maras 2009, 321–322, auch die Bronze ist im südetr. Volsinii hergestellt; zur Diskussion über den ‚Marte di Ravenna‘ s. aktuell Giovanni Colonna, *Studi Etruschi* 75, 2009 [2013] 229–230 mit Fn. 11–14 (mit Lit.).

e) Cl 6.7 (Gefäß, rezent) *Θuke(r) Alfni*(s₂):

f) Hierzu noch der hinter einer Praenomensigle versteckte Beleg Vs 1.302 = CIE 5202 (rezent) *Θ Armne L Seprial s* (mit *Θ* = *Θuker*, s. Rix, 1963, 304 Fn. 719)

g) dazu das Praenomengentile fem. *Θuceri* Cl 1.1845 (rezent) *Larθia Θuceri Capatine*(s₂) ‚Larthia Thuceri, etc.‘, wobei die rezente Form *Θuceri* gegenüber eher erwartetem *Θucerui auffällig ist und vom *u*-losen masc. Nom. *Θucer* verursacht sein wird.

4.1.7.2. [Genetiv *Θukerus*] Dazu der Genetiv als *u*-Stamm, mit festem *e*-Vokal:

h) *Θucerus* Vs 1.12 (6./5. Jh.) *mi Θukerus Hatelmas*

i) Vs 1.91 (6./5. Jh.) *mi Θukerus Anχes*

k) Vc 0.21 (archaisch) *Venel Stauθuriēna Θu[cer]us*

l) Cl 2.6 (6. Jh.) *mi Θucerus₂*

4.1.7.3. [Gentile *Θucerna*] Auch das abgeleitete Gentile hat festen Vokalismus:

Θucerna Cl 1.1846 (Ossuar, rezent) *Aule Θucerna Aules₂*

Cl 1.1847 (Ossuar, rezent) *Aule Θucerna Veluσ₂a*

Θucernas₂ Cl 1.1848 (Ossuar, rezent) *Cumni : Θucerna₂*

Cl 1.1849 (Sarkophag, 1. Hälfte 2. Jh.) *puia Cumnis₂ : Θucernas₂*

Θucernas₁ Cr 1.180 (Ossuar, rezent) *L. Θucernas₁ Larisal clan*

4.1.7.4. [Von Frauen] Als Gamonym „die (sc. Gemahlin) des *Θucerna*“ bzw. fem. Gentile:

Θucernaσ₂a Cl 1.2348 (Ossuar, rezent, CIE 2707) *Hastia : Σ₂alinei : [oder mit /s/ = S₁alinei?]*
Θucernaσ₂a

Θucernei AS 1.492 (Olla, rezent) *Velia Θu[c]ernei*

4.1.7.5. [Cognomengentile *Θuceru*].

Cl 1.648 (Grabziegel, rezent) *Larce Θuceru Σ₂atnal* „Larce (= Praenomen) *Θuceru* (= Gentile), der *Σ₂atnei** (Sohn).

4.1.7.6. [Gentile fem. *Θucerui** im Gen. *Θucerual*, aber in latein. Schrift].

Cl 1.1083 = Et II 205 (Grabziegel, rezent, latein. Alphabet) *Arnt Spedo Thocerual clan* „Arnt Spedo, der *Thocerui** Sohn“.

Hierzu ist festzustellen: *Θuceru* gehört in eine Reihe mit den ebenfalls von Praenomina (oder: Individualnamen) abgeleiteten Gentilizen *Velθur-u*, *Sertur-u*, (*Aule-u >) *Aulu*, *Ancar-u* und *An(i)u*, die Rix bespricht und feststellt: „Der Typ ist auf archaischen Inschriften nicht vertreten; er scheint erst kurz vor, möglicherweise sogar erst während der jungetruskischen Periode aufgekommen zu sein, zu einer Zeit also, für die man im Etruskischen nicht mehr von Patronymika sprechen kann. [...] Es [sc. das Suffix *-u*] ist in diesen Namen wahrscheinlich das Produkt einer Analogie“ (Rix 1963, 181, cf. auch 185). Hierzu ist noch anzumerken, dass in den Fällen *Velθur-u*, *Sertur-u*, *Ancar-u* auch zugehörige *u*-stämmige Genetive bei den zugrunde liegenden Praenomina *Velθurus*, *Serturus*, *Ancarus* (*Ancarus₁* OA 6.2 und *Ancarus₂* Pe 1.772) bezeugt sind. Diese Fälle sind auf Nordetrurien beschränkt.

4.1.7.7. Ausbleiben der Vokalsynkope.

Auffällig ist, dass in allen diesen Belegen die Synkope unterblieben ist, obwohl sie zu einem nicht unbeträchtlichen Teil (mit Ausnahme von Ru 1.3, AV 6.1 und vielleicht den Genetivbelegen *Θucerus* aus Volsinii, Crocifisso del tufo) aus postsynkopaler Zeit (d.h. nach 480 v. Chr.) stammen. Vom etruskischen Standpunkt aus ganz normal aussehende Formen (cf. *Petrna* zu *Petru*, *Macstrna* zu latein. *magister*) wie *Θucr, *Θucru, *Θucrus, *Θucrna*, *Θucrnui, *Lucr, *Laθrna (im Gegensatz zu AS 1.120 *Lactrnei*) finden sich hier nie. Im Hinblick auf die zahlenmäßig doch nicht gerade geringe Beleglage kann dies kaum Zufall sein.

Dieser Befund erklärt sich mit einem Schlag, wenn wir hier die Anwesenheit eines langen /e:/ als Lehnphonem annehmen. Daraus ergibt sich als weitere Konsequenz, dass diese Namen entlehnt sind. Im Indoeuropäischen sind Nominative auf °*ēr* gut möglich.

Das einschlägige Material für das Fehlen der Synkope bei Entlehnungen lässt sich noch erheblich vermehren, so durch die etrusk. Praenomina *Velθur* (Genetiv *Velθurus*, nie *Velθrus oder ähnlich, bei über achtzig Belegen mit dem erhaltenen *u* in Mittelsilbenstellung!) mit Gentile *Velθurna* (nicht *Velθrna) und *Sertur* (etr. Genetiv *Serturus*, Motionsfemininum *Serturia*, nicht *Sertrus, *Sertria), die auf italische Namen *Veltur, *Veltōr (?) (zu lat. *uoltur*, Gen. *uoltūris* ‚Geier‘³¹) und *Sertōr (cf. lat. *Sertor* in Praeneste, Assisi, cf. Rix 1963, 181 Fn. 80 mit Verweis auf Reichmuth 1958, 37, vorher schon Schulze 1904, 230) zurückzuführen sein werden. Der Anklang an das etrusk. Kollektivsuffix -*θur* (a-Stamm) mag die Einbürgerung dieser Namen im Etruskischen erleichtert haben, wobei sich -*θur* zwar ebenfalls oft der Synkope entzieht, aber doch nicht ganz (sieh unsere Bemerkung zu *zaθrum* ‚zwanzig‘ in Eichner 2012a, 29). Während das Ausbleiben der Synkope in etruskischen Flexionsendungen auf deren Funktionsstärke beruht (grammatische Blockade), lässt sich für die Wortbildungssuffixe in Mittelsilben ein solcher Grund weniger leicht wahrscheinlich machen. Für sie ist meines Erachtens die für die griechischen Entlehnungen bereits etablierte Annahme von Langvokalen als Lehnphonemen adaequat. Der Grund für das Ausbleiben der Synkope liegt also darin, dass die Langvokale ihr nicht unterliegen, ebenso wie im Altitalischen.

Wenn *Velθur* bisher von vielen Forschern zum ureigensten Kernbestand etruskischer Praenomina gerechnet wird, dann ist dies nur durch seine hauptsächliche Bezeugung in Inschriften in etruskischer Schrift begründet. Phänotypisch gesehen ist nicht zu verstehen, warum *Velθur* genotypisch nicht wie andere als indoeuropäisch beurteilte Namen in der Art von lat. *Artor* (cf. engl. *Arthur*), *Fertor*, *Plator*, *Tutor* (Salomies 1987, 68, 70+102, 107, 109) oder griech. Ἐκτωρ *‚Überwältiger, Besieger‘, Νέστορω *‚Rückführer, Retter‘, Στένωρω *‚Brüller‘ einzustufen sein sollten. Natürlich ist dann jeder Einzelfall genauer zu untersuchen,³² aber das generelle Verdikt der Forschungstradition für solche Hypothesen sollte ignorierbar werden.

³¹ Cf. Schnetz 1927, 7 (doch mit der seinerzeit modischen Annahme etruskischen Ursprungs der Wortsippe). Ich vermute dialektales *voltōr > *voltūr (zunächst mit Länge in der zweiten Silbe), dann innerlatein. Kürzung vor auslautendem °*r* zu lat. *uoltūr*, und weiter analogische Durchführung dieses kurzen °*ūr*- im Gesamtparadigma in postsynkopaler Zeit (das heisst: ohne Mittelsilbenschwächung *u* > *e*). Als andere mögliche Quelle für Namen auf -*θur* (wie Praenomen *Lar-θur*, *u*-Stamm) mag auch das etrusk. Suffix -*θur* (a-Stamm) in etr. *Clavtie-θur**, *Cravzaθur**, *Vipi-θur* + *Cucrina-θur*, *Cuou-θur** (TCo), *Marciθur*, *Precuθur**, *Velθinaθur*, *Vipi-θur*, Vt. 4.2 *Θουαθur oelaova* (Namen?), *Velθuriθur* < (!), *παχαθur* ‚*bacchae*, Bachantinnen‘, etc. (Steinbauer 1999, 89–90 und 130) in Betracht zu ziehen sein. Aber es ist doch auffällig, dass die Namen keine gemeinsame Basis haben, denn selbst *Velθur* kommt nicht von *Vel*, wie man früher gern angenommen hat, da jungetr. *Vel* (TCo *Vēl* mit dem *ē* von Cortona!) auf altetr. *Venel* zurückgehen wird, cf. Rix 1963, 92 Fn. 196 und Steinbauer 1999, 497. Während echtetr. *Larθur* (*Arnθur*, *Tinθur* sind zu selten belegt) das *u* ohne weiters synkopiert (*Larθru* Vt 4.2: 5mal), hat der entlehnungsverdächtige Name *Velθur* festes *u*.

³² Zum Beispiel, ob das seltene Praenomen *Tinθur* (wenige Belege, dazu gräzisiert in Neapel Μαμαρχε Τινθωρος ‚Mamarche, [Sohn des] Tinthōr‘, s. Schulze 1904, 62) als etr. *Tiñatur Δι(Ϝ)ο-δωρο-ς‘ ‚Zeusgeschenk‘ oder

Die Differenz der beiden im Nominativ auf $^{\circ}r$ schließenden lemnischen Namen des *Aker* mit *e* und seines Vaters **Tavar(za)* mit *a* der zweiten Silbe zeigt sich also auch im Etruskischen darin, dass die aus dem Italischen entlehnten Namen *Θucer* und *Lucer* festes *e* aus ital. Langvokal **e:* aufweisen, während das echtetruskische Wort altetrusk. *tevaraθ* Ta 7.7 und Ta 7.8 = ET II 63, TLE 81 (psep 6:s, tomba degli auguri, *iuxta imag[inem] uirorum, quorum unus lituum tenet*), ‚Schiedsrichter [Bildbilingue], *Schiedsspruch‘ > postsynkopal [t]eurat (Pe 8.8 = Cippus Perusinus, erstes Wort) ‚Schiedsspruch, Schiedsrichter‘ (geklärt von Pfiffig 1961) das hinsichtlich seiner Quantität indifferente und deshalb synkopierbare echtetruskische Vokalphonem aufweisen (mit Um S 4 *teurs*, TCo *tiur*)

Dieser hier erstmalig erarbeitete Befund ist von Relevanz für die Frage, ob Namen auf $^{\circ}er$ wie etr. *Lucer*, *Θucer*, wenn sie ähnlich im Lemnischen auftauchen (*Aker*, **Tover*), aus Italien mitgebracht sind. Zusätzlich zur ieu.-italischen Etymologie liefert das Synkopeverhalten ein mögliches Indiz.

4.1.7.8. Morphologische Analysen und etymologische Deutungen.

Wie oben ausgeführt worden ist, liegt der Name **Lucer* dem altrömischen Tribusnamen der *Luceres* (*Tities*, *Luceres*, *Rammes*) zugrunde. Rix besteht darauf, dass dieser Tribusname nicht aus dem Etruskischen entlehnt ist, sondern indoeuropäisch-italischen Ursprungs. Wir ziehen die nun fällige Konsequenz, dass auch das etruskische Praenomen *Lucer* aus dem Italischen entlehnt ist. Damit ergibt sich ein Dominoeffekt für die ganze Reihe *Lucer* – *Vener* – *Θucer*. Wir werden sie zumindest versuchsweise als potentiell ieu.-italisch einstufen und entsprechende Etymologisierungen ernster nehmen als bislang geschehen. Dasselbe gilt dann natürlich auch für das lemnische Comparandum *Aker*.

Am Rande sei noch erwähnt, dass es noch weitere Namen auf $^{\circ}er$ geben mag, die Etruskern und Italikern gemeinsam sind. Besonders prominent ist ein hinter **Tiferi-* stehender Name eines Flusses und Flussgottes **Tifer* ($\pm$ Vokal) mit kurzem *e* (das im Etruskischen in diesem Namen als *a* erscheint, s. sofort), zu dem weiter auch das Praenomen etr. Cr 27 (7. Jh., 1. Hälfte) Gen. *Θihvaries* und in jüngerer Lautung und Schreibung auf den Goldplättchen von Pyrgi (Anfang 5. Jh.) Cr 4.5 Nom. *Θefarie* und Cr. 4.4 Lokativ *Θefariei* gehören (= pun. *TBRJ*²; zur grammatischen Form s. Eichner 2012b, 86), in späterer Wiedergabe *Θefri*, *Θeprie*. Hier findet sich also ein Ausgang ** $^{\circ}er$* , der mit etr. *a* wechselt und der etr. Synkope anheimfällt. Im Lateinischen lautet das Praenomen *Tiberius*. Auch Ortsnamen wie *Tifernum* (in Umbrien, heute Città di Castello) und *Tibur*, *Tiburis* (Ort am Fluss *Anio*, heute Tivoli) mit Ethnikon *Tiburs*, *Tiburnus* scheinen zugehörig. Für den Wurzelbestandteil **Tif-* kann man noch an den Bergnamen *Tifata* (in Kampanien nördlich von Capua, cf. weiter Schulze 1904, 374 und 531) erinnern, oder an den lat. Namen *Tibidius*. Wenn auch eine ieu. Etymologie fehlt (zu Wurzel **steyb^h* IEW 1050?), scheinen diese Namen nach der Verbreitung eher ieu.-italisch zu sein als etruskischen Ursprungs, s. Salomies 1987, 56 (nach De Simone). Auch das Ableitungsverhältnis lat. *Tiberis* → *Tiberius* mutet indoeuropäisch an. Ich habe es kürzlich verglichen mit lat. *res* ‚Rechtssache‘ → *reus* ‚Angeklagter‘, *decus* ‚Zierde‘ → *decorus* ‚geziemend, ehrenvoll‘, *septem* ‚sieben‘ → *septimus* ‚siebenter‘, Praenomen *Septimus*, entlehnt als etr. (Theonym?) *Seθums*, sabell. **ausēl* ‚Sonne‘

‚dem Zeus gewidmet‘ als Stammkompositum (anders als das Kasuskompositum *tinscvil* ‚Weihegabe‘) wie fem. *Θanacvil*, *Θanaχvil* = synkopiert *Θancvil*, *Θanχvil* ‚Geschenk der Göttin Thana‘ oder ‚der Göttin Thana geweiht‘ zu deuten ist (zu rät. *acvil* ‚Weihegabe‘, s. Rix 1998, 32–33 Fn. 45), und sein *Theta* erst der Anlehnung an die anderen Praenomina auf *-dur* (*Arnθur*, *Serθur*, *Velθur*) verdankt, wie ich hiermit vorschlage, oder ob es aus ieu.–italisch ‚Eintaucher, Färber‘ (cf. lat. *tinctor*) herzuleiten wäre mit dem *Theta* als Schibboleth für Entlehnung (gegen die ieu. Etymologie s. Schulze 1904, 62).

(> *osēl) → Praenomen *Osēle, entlehnt als etr. Theonym *Os₀il* ‚Sonnengott‘ (Eichner 2012c, 33 sowie 39 Fn. 136 und 44). Hier gibt es im Personennamenschatz überwiegend unsynkopierte Belege (*Us₀eles*, *Us₀elmas*, nur 1mal Vt 1.162 archaisch *U₀lnies*, vielleicht Schreibfehler), aber beim Appellativum ‚Sonne, Mittag‘ mit dem eingekreuzten etr. Suffix *-il* dann synkopierte LL VII.13 *u₀ōli > *u₀li* ‚am Mittag‘, LL V.21 *Desane u₀lane-c* ‚am Morgen und am Vormittag (Nachmittag?)‘. Zu weiterem wie dem Fluss *Aternus* (in Mittelitalien, heute Aterno) mit Ort *Aternum* (heute Pescara) habe ich kein Material gesammelt und kann hier nicht darauf eingehen. — Zum erschließbaren Namen lemn. *Tover s. unten bei *Toveronail*.

Wir können nun auf Fragen der historischen Phonologie, Morphologie und der Etymologie zurückkommen. Etr. *Lucer* als Entlehnung aus dem Italischen und latinisch (d.h. der Sprache Latiums angehörend, im Gegensatz zum weiteren Begriff „lateinisch“) *Lucer* samt *Lucerus*, dem Namen des sagenhaften Ardeatenkönigs, sind als auf einem *nomen agentis* ieu. *lukêr ‚Leuchter, Strahler‘ (und daneben auch auf einer Ableitung **leukero-*) beruhend erklärbar, wie oben schon ausgeführt worden ist. In der Namengebung kann dann der Bezug auf helle Haut und helle Haare zum Tragen kommen, wie bei dem etymologisch verwandten gemeinital. Idionym und Praenomen *Leukjos. *Loukjos* ‚*Lucius*‘ (auch Fischname ‚Hecht‘), das ich für eine Kurzform mit dem „Kurznamen-Suffix“ *-jo-* zu einem Adjektiv **leukedos*³³ ‚leuchtend‘ beurteile, das selbst nur in der (ursprünglich patronymischen) Ableitung *Lucilius* (vielleicht mit „sabinischem *l*“ als Variante zu *°idius*, nach H. Rix) überlebt. Zur Wortbildung von *Lucer* ist das völlig parallel gebildete und auch semantisch sehr ähnliche griech. Wort *αἰθήρ* mask. *‚strahlender oberer Luftraum‘ (zum Verb *αἰθομαι* ‚strahle‘) mit Adj. *ἰθαρός* zu vergleichen. Auch griech. *ἀήρ* ‚dunkler unterer Luftraum‘, das man neuerdings (nach Vorgang von Paul Kiparsky) auf *h₂aus-ēr oder *h₂us-ēr (Peters 1980, 70; Beekes 2010, sub *uoce*) zurückführt, gehört diesem Bildetypus von Nomina auf *-er* an, und selbst ein Name *Ἐλευθήρ* begegnet (Schwyzer 1959, 480–481; Risch 1974, 62–65). Welch kuriose Wege solche Namen gehen, zeigt das lat. Cognomen *Spinther* (*Lentulus ~, Cornelii Spintheri*), das man auf den ersten Blick für vornehm-etruskisch halten möchte, das sich aber tatsächlich wohl auf ein verschließbares Armband des Namenträgers bezieht und von griech. *σφιγκτήρ* ‚Zuschnürung, Armband, Schließmuskel, *Cinaedus*‘ kommt, mit lateinischer Reduktion von *nkt* > *nt* wie in *quinctus* > *quintus* ‚fünfter‘. Dabei gibt es auch ein griech. Substantiv *σπινθήρ* ‚Funke‘, als hapax legomenon in der Ilias, und ein Verb *σπινθεύω* ‚Funken sprühen‘ bei Hesychios.

Sehr auffällig ist aber, dass ausgerechnet ein solcher seltener Wortbildungstyp vorliegen soll. Namen auf *°er* oder *°or* sind sonst im Italischen, so wie wir es kennen, mit vorhergehendem Dental *t* gut vertreten, z.B. lat. *Denter*, *Artor* (Praeneste und messap., s. Salomies 1987, 68),

³³ Die derzeit beliebte Herleitung des Mittelvokals dieses Wortbildungstypus (Hauptbeispiel: lat. *rubidus*) aus altem *i samt der des folgenden Dentals *d* aus einer Media aspirata **d^h* halte ich für nicht — oder wenigstens: für nicht in allen beteiligten Fällen — zutreffend. Denn schon die dadurch erzwungene Annahme, die Bezeichnung der umbrischen Rinderfarbe **kaledo-* (Tabulae Iguvinae Ia 20 *kaleřuf*, VIb 19 *kalersu*, nach Emil Vetter mit Bedeutung ‚*callidos*‘, ‚mit weißem Fleck auf der Stirne‘, cf. Untermann 2000, 365) mit ihrem historisch eindeutigen *e*-Vokalismus und mit *d statt *f sei aus dem Lateinischen entlehnt, ist kulturgeschichtlich überaus unwahrscheinlich. Auch ist *°edo-* bei diesem Typus im Frühlatein nach meiner Interpretation von HAVELOD auf dem Forumscippus aus der ersten Hälfte des 6. Jahrhunderts (< **havedo-* ‚mangelhaft, juristisch ungültig‘, mit „sabinischem *l*“, als Antonym zu IOUESTOD ‚juristisch untadelig‘ im nahen Kontext) ja tatsächlich bezeugt. Die Herleitung des *d* aus **d^h* scheidet auch an südpiken. AÚDAQUM ‚*audacem*‘ (als Beinamen, zu lat. *audius*), falls man nicht auch hier wieder ein latein. Lehnwort postuliert (im 6./5. Jh.!). Ein Sonderproblem stellt noch alat. Perf. *gauisi*, *gauisus sum* zu *gaudeo* ‚freue mich‘, mit seinem zugehörigen ital. Praenomen **gāve/id^(h)os* (?) mit Kurznamen *gāwjo-s, osk. *Gavis*, Γαφίς, Lat. *Gaius* (auch Vogelname ‚Häher‘), fem. *Gaia*, etr. *Caie*, *Cae*, fem. *Caia* (mit *Cajele, *Cajenai [+ Synkope] > *Caile*, *Cainai*), wo ebenso wie bei *diuisus* ‚geteilt‘ (*dis-vi-d^h*...) kein lautgesetzlicher „Lachmann“ vorliegen wird.

venet. *Egetor, Lemetor, Domator*, (Lejeune 1974, 52, §35,3: Mehr als ein Dutzend Belege, alle in Vénétie Euganéenne), messap. *Plator*. Ich kann mir den Befund nicht erklären und zögere etwas, ihn voll und ganz einer sonst unbekanntem italischen Sprache zuzuschreiben. Leichter gangbar scheint auf den ersten Blick doch der Weg über *ro*-Bildungen mit sehr früher Apokope des Themavokals, wie ich sie auch für *Venele („kleiner Lieber“) > *Venel* annehme (Eichner 2012a, 28 mit Fn. 83). Aber die besprochenen Verhältnisse des Vokalismus, wo ich Langvokale annehmen zu sollen glaube, widersprechen dem. Die semantische Übereinstimmung von *Luc-ēr ‚Leuchter, Glanzvoller‘ mit griech. *αἰθ-ήρ* ‚leuchtender (oberer Himmel)‘ bei gleicher Wortbildung (!) ist doch bestechend. Auch bliebe bei einem ausschließlich e/o-thematischen Grundtypus **leucero-* gerade der Name *Aker*, um den es in diesem langen Abschnitt gegangen ist, kaum zu erklären.

4.2. *Tavarzio* ‚Sohn des Tavarza‘.

Wie schon öfter angenommen wurde (Kretschmer 1942, 90 „*Tavarzio* muß das Patronymikon sein“; Rix 1968, 221, §4.21: „mit *tavarsio* als Patronymikon“; De Simone 1996, 24–25), liegt hier das zweite Glied einer binomen Namenformel vor. Als Funktion kommt die des Patronymikons in Betracht „Sohn des Tavarza“ oder die eines Gentile „Angehöriger der gens *Tavarzia*“, soviel wie „Mitglied des Familienverbandes der Tavarzier“.

4.2.1. *Tavarza*: Idionym oder Patronym?

Da wir über die soziale Organisation der tyrsenisch sprechenden Lemnier noch nichts wissen, müssen wir uns an die Logik der Namensnennung um Auskunft wenden. In einem Gentilnamensystem wie es in Mittelitalien mindestens seit der zweiten Hälfte des 7. Jahrhunderts bei Latino-Faliskern, Sabellikern (Osco-Umbrern) und Etruskern herrscht, besteht die binome Grundformel des Namenformulars aus dem Praenomen und dem Gentile (Rix 1995): *M(arcus) Tullius*. Die Fortsetzung in Form einer Filiation hierzu lautet *M(arci) f(ilius)*, und im etruskischen Bereich wäre auch noch die Angabe der Mutter (*Helviā natus*) recht beliebt. Auch der Großvater kann mit *nepos* oder *N.* („Enkel des ...“) samt seinem Praenomensigel angereicht werden, und schließlich auch noch die geographische Herkunft *Arpinas*, in offiziellen Dokumenten weiter auch die Tribusangabe. Das *nomen gentile* (auch: *nomen gentilicium*, dt. Familienname, russ. фамилия) ist in der Filiation entbehrlich, denn für das Individuum *Marcus Tullius* bedeutet *Marci filius* ‚Sohn des Marcus Tullius‘, da das *gentile* ja vererbt ist. Durch ihre Namentradition ist die arpinatische Familie mit dem frühen Consul *Manius Tullius Longus* und dem König *Servius Tullius* verbunden. Im vorausliegenden patronymischen Namenssystem war *Tullius* das Patronym zu *Tullus* und bedeutete „Sohn des *Tullus*“. Das zugehörige Idionym, das mit dem Umbruch des Namensystems zum Praenomen wurde und später ausstarb, trug der dritte König von Rom *Tullus Hostilius* (traditioneller Zeitansatz 673–642). Nach Rix (2006: 169) ist sein Nachfolger *Ancus Marcius* (traditioneller Zeitansatz 642–617), der vierte König von Rom, die erste Person, deren *second name* sicher schon ein Gentilname gewesen ist, da sein Vater *Numa Marcius Marci filius* geheissen hatte, wie Liuius berichtet (1,20,5; 32,1). Während der Vater *Numa* anscheinend selbst noch im Patronymsystem steht, teilt der Sohn *Ancus* mit ihm schon dessen *second name* *Marcius* als neues *gentile*. Das passt auch zur kontemporären Entwicklung des Namensystems in Mittelitalien. Gerade solche veristischen Details der Namengebung mahnen an, dass die sagenumwobene altrömische Überlieferung nicht – wie in der Hyperkritik mancher Historiker – in Bausch und Bogen als bloße Erfindung abgetan werde.

Eingedenk dieser Sachlage habe ich im vorigen Jahr zunächst zwar schon angenommen, dass in Lemnos noch das patronymische System vorliegt, denn die Filiation des *Aker* fehlt in

der Reihe EGO ← PATER ← AUOS ← ATAUOS, offensichtlich deshalb, weil das Patronym *Tavarzio* das Idionym des Vaters schon impliziert, nur dass ich bei dessen Identifizierung noch zwischen den Alternativen *Tavarza und *Tavar schwankte: ein Problem, das ein Lemnier nicht gehabt hätte. Ausserdem habe ich die Kautel „sehr wahrscheinlich“ angemeldet³⁴, in dem Gedanken, dass der Vater ausnahmsweise übersprungen sein könnte, so wie in einer etruskischen Genealogie einmal der Großvater übersprungen und ausgelassen worden ist.³⁵ Nur in diesem Fall könnte *Tavarzio* auch als *nomen gentile* aufzufassen sein. Aber wenn man diesen Gedanken zu Ende denkt, dann wird man ihn verwerfen. Denn die Filiation ist weitaus wichtiger als die Papponymie, man wird sie also nicht ohne triftigen Grund in einer sonst so ausführlichen Genealogie fortlassen. Ein solcher Grund könnte wohl nur sein, dass *Aker* keinen offiziellen Vater hatte. Aber dann wäre es schwer vorstellbar, dass er in einer ständischen Gesellschaft mit aus den Genealogien ablesbaren Familientraditionen – überhaupt, und zudem noch so jung mit vierzig Jahren – zu hohen Staatsämtern aufgestiegen wäre. Der Sachverhalt wird vollends aus dem mir seinerzeit noch unverständlichen Papponym *Eptezio* des zweiten Grabherrn [X]r klar, da der Stammbaum EGO (= [X]r) ← PATER (= *Haralio*) ← AUOS (= *Eptezio*) mit seinen unterschiedlichen *second names* nur dem patronymischen Namensystem angehören kann, und nicht dem gentilizischen. Das Fazit lautet, dass die viergliedrige Genealogie des *Aker* ohne jeden Zweifel als lückenlos beurteilt werden darf und sich in das beim zweiten Grabherrn sicher bezeugte patronymische Namensystem der Lemnier nahtlos einfügt.

In Hinblick auf die tyrsenischen Zusammenhänge ist damit zu beachten, dass für die Ankunft der Lemnier aus Etrurien nach Lemnos mit dem Alphabet im Reisegepäck, wie das De Simone (1996, 91: ca. 700 v. Chr.) angenommen hat, ein Zeitlimit anzusetzen ist. Sind sie später gekommen, dann aus anderen Gebieten Italiens (zu den Namensystemen der Randgebiete s. Untermann 2005), oder sie sind in Lemnos autochthon. Die Hypothese von Michel Gras (1975, cf. 1985) von der Einwanderung etruskischer Kaufleute zur See im achten Jahrhundert, deren Unternehmungen den Griechen als die von Piraten galten, bliebe zunächst noch möglich. Aber ausser dem Namen *system* sind auch noch die Namen *morphologie* und der konkrete Namen *bestand* zu bewerten, und diese beiden Bereiche stimmen weder mit dem Etruskischen noch mit dem Rätischen sehr nahe zusammen. Folglich sind die Lemnier, wenn sie denn aus Italien eingewandert sein sollten, aus dem Gebiet einer *Tyrsenia submersa* gekommen.

4.2.2. Suffix *-za*.

Der Gebrauch des Suffixes *-za* in der Namengebung wird erst im folgenden Paragraphen diskutiert. Anzumerken ist vorher noch, dass das Suffix auch im appellativischen Wortschatz begegnet, nämlich auf einem von Della Seta (1937, 125, Tav. XVI nr. 3, wiederholt bei Agostiniani 2012, 173–174 mit fig. 4 in der Lesung *uarθamesa*) publizierten Graffito, der nach dem Brand „mit sicherer Hand“ (laut Vetter) auf den Henkel eines Krugs eingeritzt worden ist, der als Fragment in einem Haus in Efestia gefunden worden ist, zusammen mit vier anderen beschrifteten, aber schwer deutbaren Keramikfragmenten (2. Hälfte 6. Jh.).

³⁴ Eichner 2012a, 28: „[...] Nach unten hin [ist] dann die Einführung des Gentilnamensystems (etwa 8. Jahrhundert [dieses Limit ist etwas herabzusetzen!]) die Untergrenze, denn die Lemnier stehen wahrscheinlich noch auf seiner Vorstufe, ebenso wie die Räter und Veneter [...]“.

³⁵ Vs 1.178 (4. oder 3. Jh.) *Vel Leinies : Larθial : ruva : Arnθialum clan : Velusum : prumaθs₂ : avils : semφs₂ lupuke* „Vel Leinies, des Larth Bruder? und des Arnth Sohn und des Vel Urenkel. Mit Jahr(en) sieben? Ist er gestorben.“

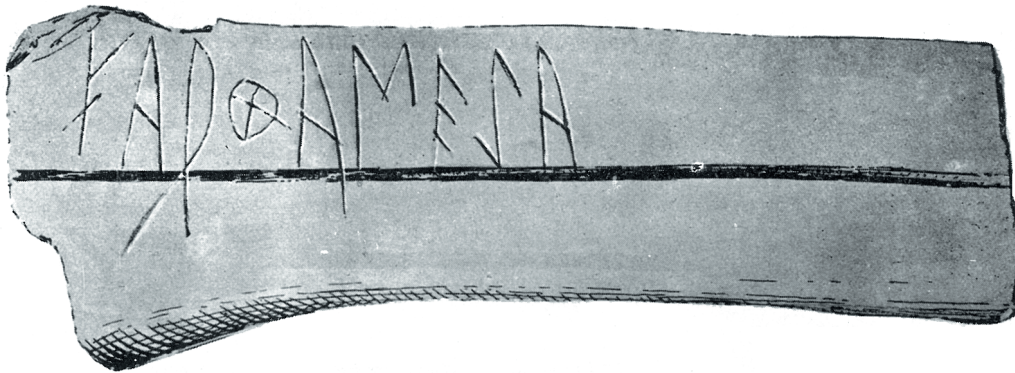

Abb. 7: Graffito in der Umzeichnung Della Seta's (1937, Tav. XVI fig. 3)

Della Seta präsentiert diese Einwortinschrift in der Lesung $\upsilon\alpha\rho\theta\alpha\mu\epsilon\zeta\alpha$ (= YARΘAMEZA), die Emil Vetter (1940, 228) und Luciano Agostiniani (2012, 173) widerstandslos so übernehmen. Ich möchte hier gar nicht das als erstes ins Auge springende Problem dieses Graffito diskutieren, nämlich das des auf Lemnos völlig unerwarteten Quasi-Ypsilons am Wortanfang, ob es ein Schreibfehler oder eine Modifikation des Digamma ist, oder vielleicht der bislang schmerzlich vermisste Buchstabe für das /f/, sondern einen Vorschlag zu Textsorte und Worterklärung machen.

Es handelt sich wohl um eine einfache Gefäßaufschrift, in welcher der Name oder eine Funktionsbezeichnung des betreffenden Gefäßes³⁶ festgehalten wird, wie das im Etruskischen gang und gäbe ist: Fa 2.3 *eleivana* ‚Ölgefäß‘, Cr 2.9 etc. *θina* ‚Wasserkrug‘, Sp 2.36 *fas₂ena* ‚?‘, Ta 2.31 *putlumza* (ieu. **pōtlom-* + *-za*, lat. *poculum*) ‚Trinkgefäß‘, etc. Dann liegt wie so oft bei Gefäßbezeichnungen offensichtlich auch hier ein Deminutivum vor (cf. Agostiniani 2003, 187–188): *lextumuza* (7. Jh.), *sund₂eruz₂*, *zavenuza* (von *zavena), *putiza*, *halχza* (?), *θapnza* (von *θafna*, *θapna*, *putlumza*). Liest man das „Ypsilon“ mit dem Lautwert eines Digamma, so kann man vielleicht an die schon sehr früh (7.–6. Jh.) bezeugte etr. Gefäßbezeichnung (Cr 3.16, Ta 2.1) *vertun* anschließen.³⁷ Der Nasel im Auslaut kann zwischen *n* und *m* schwanken wie in Fa 2.1 *qutun* für sonstiges *qutum*, und vor dem *-za* kann ein Zwischenvokal stehen wie in dem zu *qutum* gehörigen Deminutivum *qutumuz₂* (7. Jh.).

Durch die Beachtung des unserer Entzifferung zugrunde gelegten lemnischen Zetazismus, den – wie ich erst jetzt nachträglich bemerke – bereits Wilhelm Deecke (1886, 462, mit „schlagendem“ Verweis auf die Gleichung Pe 1.539 *Casniz* = Pe 1.545 etc. *Casniś*) entdeckt hatte, stellt sich also auch hier ein Interpretationserfolg ein. Denn der neue Vorschlag passt unvergleichlich besser zur Aufschrift eines Krughenkels als die bisherigen Vorschläge, nämlich der eines persischen komponierten Personennamens *Vārθra-Miça ‚den Gott Mithra als Schutz habend‘ (Duhoux 1991, 93) oder der Cristofani's (2003, 85: Annahme einer artikulierten Form), oder der Agostiniani's (2012, 185: Präteritalpartizip in der Art von *acnanasa* ‚avvendo fatto‘).

Unsere Namenanalyse wird also durch den Aufweis dieses Suffixes *-za* im appellativen Normalwortschatz weiter gestützt. Es stimmen bei diesem Suffix nun überein: Deminutive Bedeutung im Normalwortschatz, Gebrauch in der Onomastik (mit Differenzen im einzelnen), Kombinierbarkeit mit bestimmten wieder gemeintryrsenischen anderen Suffixen, und die morphonologische Besonderheit der Vokalausstoßung (*-za* + *-io* > *-zio*). Die Wahrscheinlichkeit des zufälligen Zusammentreffens all dieser Charakteristika ist vermutlich nur in as-

³⁶ Zu den etr. Gefäßnamen s. aktuell Bellelli / Benelli 2009.

³⁷ Colonna 2005, 1582–1583 (*non uidi*), zitiert nach Bellelli / Benelli 2009, 140 Fn. 1.

tronomischen Zahlen ausdrückbar. Schon allein dieses eine kleine Morphem *-za* taugt zum Beweis der genetischen Verwandtschaft von Lemnisch und Etruskisch.

4.2.3. Patronymsuffix *-zio* oder *-io*?

Trotz vorläufigen Schwankens zwischen den beiden Möglichkeiten habe ich den Namen von *Aker's* Vater schon als — offensichtliches Deminutivum — *Tavarza* festgelegt (2012a, 27), und nicht in der Normalform **Tavar*. Dabei kann ich bleiben, obwohl mittlerweile mit *Eptezio* noch ein zweites solches „verdächtiges“ Deminutivpatronym hinzukommt.

4.2.3.1. Deminutivnamen.

In Etrurien wird das Deminutivsuffix *-za* gerne an Praenomina angehängt, wenn sie von kleinen Kindern getragen werden, *Arnza*, *Larza*³⁸, *Lariza*, *Tiuza*. Musterfälle sind (a) Vc 1.20 (ca. 330 v. Chr.) *Arnza* (**Arnθ-za*) auf der Bildbilingue in der *Tomba François* als Bezeichnung des kleinen Sohnes des Grabherrn *Vel Saties*, und (b) *Tiu-za* in Chiusi mit der Altersangabe XIII (dreizehn) und der Filiation mit einem Vater *Tiu*.³⁹

Wegen der Relevanz für das tyrsenische Namenwesen und auch für die Namenetymologie — infolge der mitabgebildeten Mondsichel — sollen die beiden Abbildungen hier gebracht werden:

Abb. 8: *Arnza* (Tomba François, 330 v. Chr.) in Zeichnung von Carlo Ruspi, aus Spielmann 2004, 164

Abb. 9: *Tiuza Tius* mit Inschrift Cl 1.135 (2. H. 2. Jh.), aus Buonamici 1932, Tav. XV fig. 23

³⁸ Diese Form ist doppeldeutig, ausser Deminutiv **Larθ-za* kommt auch Gen. *Larθia(l)* in Betracht mit dem Zetazismus des *Theta* (**θ > z*), so in den von Agostiniani 2003, 186 Fn. 39 zitierten beiden archaischen Belegen. Damit würde die erwünschte archaische Parallele zum Lemnischen bei Personennamen geschmälert.

³⁹ Cl 1.134 (Tongefäß, 2. Hälfte des 2. Jh.) *Tiuza Tius : Vetusal : clan θanas* : „Tiuza, Sohn des Tiu Vetus (und) der Thana“ und Cl 1.135 (an der Grabwand, s. die obige Abb. 7) *Tiuza Tius : Vetusal clan θanas Tlesnal avi {:} l {:} s XIII* „Tiuza, des Tiu Vetus Sohn (und) der Thana Tlesnei. Mit Jahr(en) dreizehn“. Zur von Schulze und Pallottino missverstandenen Inschrift s. Rix 1963, 271 Fn. 14. — Teenager ab 15 Jahren erhalten das Deminutivsuffix nicht, s. die Liste bei Heems 2008, 103–105 (wo die Altersangaben aber weggelassen und vom Leser selbst zu eruieren sind).

Aber auch Grabinschriften mit der Angabe eines sehr niedrigen Lebensalters belegen diesen Usus. Wie bei uns („Hansi“, „Hans“, „Rudi“, „Fritz“, „Heiner“, „Lieschen“) können solche Deminutiva, Hypokoristika etc. auch ins Erwachsenenalter mitgenommen werden. Agostiniani (2003, 188) zeigt auf, dass der Gebrauch von *-za* einerseits speziell zu Differenzierung von gleichnamigen Vätern und Söhne dient, wie unser ‚Junior‘. Außerdem kommt es aber auf der *Tabula Cortonensis* vor, dass anscheinend erwachsene Vollbürger mit offizieller Namenformel so benannt sind⁴⁰:

Zeile 12 *Arnza Fêloni Vêlθinal* „Arnza Fêloni von der Vêlthinei“, Zeile 13–14 *Larza Lartle Vêlaves*⁴¹ „Larza Lartle, des Vêlave (Klient; oder Sohn?)“.

Für die Stele von Kaminia müssten wir solche erwachsene Personen als Deminutivnamenträger annehmen, da sowohl **Tavarza* als auch **Epteza* mindestens je einen Sohn (1. *Aker* und 2. *[X]r*) gezeugt haben, also nicht für kleine Kinder gehalten werden können.

Da ich die Formen *Vêlave-s*⁴² ebenso wie *Σcêva-s* in Cortona für „echte“ Genetive halte, weil hier (Gentil-)Namen prinzipiell asigmatisch sind, erwäge ich für *Larza Lartle Vêlaves* (ebenso wie für *Pêtru Σcêvas*) der *Tabula Cortonensis* eine Stellung minderen Rechts, etwa die eines Freigelassenen (*libertus*) mit Patronusangabe.

Damit kommt man in den Bereich der Sklavennamen mit *-za*. In der Tat sind Deminutiva bei Sklavennamen sehr geläufig (Rix 1994, 99), darunter auch solche auf *-za* wie *Larza* oder verbaut *Venzile* (*Venza* + *-ile*).

Van Heems (2008, 76–82) dokumentiert 113 Belege von *-za* in onomastischer Verwendung, mit Auflistung sämtlicher so gebildeter Namen und Zugabe einer Verbreitungskarte. Aus dieser geht hervor, dass *-za* an Namen in ganz Etrurien weitverbreitet ist, aber auffälligerweise in Volsinii fehlt.

An Namen auf *-za* hängen die Etrusker manchmal noch die weiteren Deminutivsuffixe *-iu* und *-ile* an, mit dem Ergebnis:

Arnza → *Arnzile* oder → *Arnziu*
Larza → *Larzile* oder → *Larziu*
Venza → *Venzile* oder → *Venziu*

Solche Verdoppelung bei Deminutiven ist geläufig. Exzessiv begegnet sie z. B. im Litauischen, auch slavische Sprachen (z.B. Tschechisch) haben viel zu bieten, und selbst das Latein. Theoretisch wäre es möglich, dass auch eine solche Doppeldeminution verselbständigt und abgelöstes *-zio* als Patronymsuffix verwendet wird. Da man aber andererseits lemn. *°io* (*Haralio*) bereits als Patronymsuffix hat, wäre das schon gar nicht praktisch, weil der Rückschluss auf den Grundnamen erschwert würde, wie in unserem Fall: Heisst der Vater des *Tavarziu* denn *Tavar* oder *Tavarza*?

Auch ist fraglich, ob die lemnischen Patronymika direkt auf Deminutiva zurückgehen oder vielleicht eher auf deren hypothetische ältere Funktion als Zugehörigkeitsbildungen. Schliesslich sind etr. *Arnziu*, *Larziu*, *Venziu* nur praenominal oder als Idionyme verwendet,

⁴⁰ Agostiniani 2003, 188 „[...] un impiego di nomi propri in *-za* per personaggi che non mostrano nessuna delle caratteristiche referenziali supradette. Il nome in *-za* si riferisce chiaramente ad un adulto, il che indica chiaramente che la funzione diminutiva del suffisso non è più operante: come non lo è, in Italia, in nomi come Antonino, Giuseppina o Enrichetta“.

⁴¹ Der Name ist nicht eindeutig, es käme auch *Vêl Aves* (mit *Ave* wie in Vs 1.161, 1.162, Sp 2.97) in Betracht, s. Eichner 2002, 143 Fn. 7, und 2006, 213 Fn. 18.

⁴² Anderorts mag der Name sigmatisch *Velaves** gelautet haben (als Praenomengentile mit zusätzlichem Sigma?), und dazu ist Cl 2.3 *Velaves₂nas₂* dann das reguläre Gentile. Mir ist die Sache nicht recht klar.

überdies typische Sklavennamen oder *lautni*-Namen (für Personen von niederem Stand), im Unterschied zu den anderen etr. Bildungen auf *°iu*, die als „second names“ vorkommen.

All dies zusammengenommen ergibt die Entscheidung, dass das lemnische Patronymsuffix allein *-io* lautet, und dass die Patronymika auf *-zio* von deminutiven Idionymen des Form **Tavarza* und **Epteza* mittels des Suffixes *-io* abgeleitet sind: *Akers* Vater heisst also *Tavarza*, und *Harals* Vater heisst *Epteza*.

4.2.3.2. Ital. Parallelen für das Suffix *-io* in ‚second names‘.

Schon Kretschmer (1942, 90) sagt über das von ihm so identifizierte Patronymikon *Tavar-śio*: „Sein Ausgang darf mit dem etrusk. *-io* verglichen werden, einer bekannten Endung von Nomina und Cognomina, für die Schulze, Lat. EN [= Schulze 1904] 305–309 reiche Belege gibt.“ De Simone (1996, 24–25) stellt dann eine aktuelle Blütenlese zusammen und betrachtet die Fälle schon etwas näher. Da für uns die Frage nach dem Patronymsystem und der geographischen Distribution von besonderem Interesse ist, füge ich Informationen über eine etwaige Filiation hinzu. Vollständigkeit wird hier nicht erstrebt.

Name	Bemerkungen
<i>A(rn)ϑ Alpiu Titial</i> , Cl 1.1170–1171	mit Metronym
<i>L(ar)ϑ Alpiu Ianzu</i> , Vt. 4.6	rezent, niedriger Stand; einmaliges Appellativ (Rix 1963, 146); j-Anlaut nur in Vt.!
<i>L(ar)ϑ Aniu</i> , Cl. 1, 1237 etc. (4 weitere Belege)	cf. <i>Anie</i>
<i>V(el) Ceicna Fetiu V(elus)</i>	mit Filiation, Cognomen <i>Fetiu</i> mit Tau
<i>V(e)l Feϑiu Larisal</i> , Vt 1.33	mit Filiation, Cogn. <i>Feϑiu</i> mit Theta
<i>V(e)l Feϑiu Au Veiatial</i> , Vt. 4.6	mit Filiation, Metronymie
[?] <i>Feϑi[u?]</i> , Pe 1.137	Kontext zerstört
[V]e(l) <i>Feϑiu Au Cirial</i> , Pe 1.676	mit Filiation, Metronymie
<i>Θa(na) Σurnei Feϑius</i> , Pe 1.92	Gamonym
<i>Θanχvil Veani Feϑius</i> , Pe 1. 1015	Gamonym
<i>Θana Huzetnei Feϑius</i> , Pe 1.1085	Gamonym
<i>Ar(nϑ) Hupriu A(rn)ϑ(al)</i> , Cl 1.492 Grabziegel	mit Filiation
<i>Lar Latiu Aules</i> , Co 1.27	mit Filiation
<i>Arnϑ Nerpiu</i> , AS 2.13	bloße binome Formel
<i>V(e)l Pumpiu La(risal) Cainal</i> , Cl 1.2161	mit Filiation, Metronymie
<i>L(arϑ) Σ₂piu Velias Sc(atrnal)</i> , AS 1.42	Familiengrab, ca. 200 v. Chr.; Metronym
<i>Aule S₂piu Pupainal</i> , AS 1.43	=; Metronym; Wechsel <i>sp</i> ~ <i>σp</i>
<i>Larϑi Pupainei Σ₂pius₂</i> , AS 1.44	=; eingeherratete Frau
<i>Au Σ₂piu</i> , AS 1.45	=; wohl der <i>pater familias</i>

Hinzu kommen noch Femininbildungen wie mask. *Aniu* → fem. *Anui* * (Dissimilation *°iwi* > *ui*), Gen. *Anual* (Rix 1963, 168 + 185) und schwankende Fälle wie Cl 1.407 *Cae Peσ₂tiu* ~ Cl 1. 2620 *Θeprinis₂ Peσ₂tus₂* (Rix 1963, 157).

Die Beleglage zeigt, dass es sich zweifelsohne um Gentilnamen handelt. Zumindest ein Teil von ihnen sind Praenomengentilizen, die aus Deminutivpraenomina hervorgegangen

sind (*Ane* → *Aniu*, *Alpe [‚weiß‘] → *Alpiu*). *Feðu* ist auch in cognominalem Gebrauch bezeugt. All dies hat schon De Simone (1996, 24–25) beobachtet. Er nimmt plausibel an, dass sich diese Gentilizen aus Deminutivdionymen⁴³ entwickelt haben.

Die schon von De Simone konstatierte Übereinstimmung mit dem lemnischen Deminutiv „gentile“ *Tavarzio* ist jetzt aufgrund des „Triumvirats“ der drei Patronyme auf *-io*, *Tavarzio* ‚Sohn des Tavarza‘ + *Haralio* ‚Sohn des Haral‘ + *Eptezio* ‚Sohn des *Epteza*‘ nicht mehr wgzudiskutieren. Zu korrigieren ist lediglich seine Annahme des Status der Namen als Gentilizen auch für das Lemnische, das vielmehr auf der patronymischen Vorstufe verharret, wie ich oben nachgewiesen zu haben meine. Da es sich bei der binomen Namenformel um eine Neuerung handelt, die in allen drei überlieferten tyrsenischen Sprachen unterschiedliche Morphologie aufweist, ist die Übereinstimmung des Lemnischen mit einem kleinen Sonderbereich der reicheren Gentilnamenbildung des Etruskischen von besonderer Aussagekraft. Man wird sie nicht leicht als beiderseits unabhängig erfolgte Innovation abtun, obwohl ein solcher Vorgang nicht auszuschließen ist. Frappant ist dabei die Beschränkung der Gentilizia auf *-iu* auf das Nordetruskische: Volterra, Chiusi, Ager Saenensis, Perugia. Da im Norden archaische Inschriften selten sind, ist in dieser Beschränkung auch der Grund für die junge Bezeugung in hellenistischer Zeit zu suchen. Hier ist noch anzumerken, dass auch Cognomina auf *-iu*, wie *Claniu* *, ‚Söhnlein‘ (mit fem. *Clanui*, Rix 1963, 156 + 167) und *Pruciu* *, ‚Freier(lein) (?)‘, *Nurziu* (mit *Nur-* zu *Never*, *Naver?*), die hinsichtlich der Namenssystematik zwar einen anderen Status haben, aber morphologisch doch vergleichbar sind, auf den Norden (speziell Chiusi, *Nurziu* auch in Perugia) beschränkt sind. Auch ohne genaue und die Beleglage ausschöpfende weitere Untersuchung haben wir doch schon ein deutliches Bild gewonnen.

Für die historische Sprachgeographie ergibt sich damit ein interessantes Indiz: Wenn die Vorfahren der tyrsenischen Sprachträger unter den Lemniern aus Italien gekommen sind, dann sind sie das aus einer Gegend, die Beziehungen zu Nordetrurien aufweist. Dabei ist noch zu beachten, dass der nordetr. Verlust von Aspiraten $\vartheta > t$ nur einmal bei *Feðu* > *Fetiu* zu beobachten ist. Die sonstige Erhaltung des Theta kann mit lemn. *evisðo* (2mal so) und *zeronaið* (2mal so) verglichen werden.

4.2.4. [-io, etymologischer Anschluss]

Rix (1963, 178–179, und öfter) hat aufgrund der Beobachtung, dass zu u-stämmigen maskulinen etr. Namenformen um *n* erweiterte etr. Femininformen *uni*, *unia* gehören, ieu.-italischen Ursprung dieser Suffixbildung angenommen. Feminina wie etr. Ge. *Petrunial* vergleicht er mit umbr. *Petrunia* und lat. *Petronia*. Es ist deshalb verständlich, dass er auf der Tischvorlage seines Unterrichts (vom Jahr 1980) die Namenform *Tavarsio* mit dem griech. Typus $\textcircled{\text{u}}\text{ων}$ vergleicht, Ἀκτορίωνε ‚die beiden Zwillingssöhne des Aktor‘, Πηλείων ‚Sohn des Peleus‘, Ἀτρείων ‚Sohn des Atreus‘ etc. (s. Risch 1974, 56–57). Aber etr. Namen mit Nominativ auf $\textcircled{\text{u}}$ werden von ieu. Nachbarn mit dem Nom. $\textcircled{\text{o}}$ von *n*-Stämmen identifiziert, und so kommt auch die Anknüpfung an Italisches in Betracht: *Srablunia* zum lat. Cognomen *Srablio* (Rix 1963, 168 mit Fn. 44)

Ernst Risch gibt auch an, dass es sich um *n*-Erweiterungen zu *ijo*-Stämmen handelt (s. auch Leumann 1977, 364 §323). So steht neben Πηλείων ‚Sohn des Peleus‘ in Ilias 18, 60 und 441 das unerweiterte *ijo*-Adjektiv $\text{δόμεον Πηλήιον εἶσω}$ ‚ins Haus des Peleus (hinein)‘. Eine solche Derivationsgeschichte lässt sich auch für italische Deminutiva auf **-ijo-n-* ansetzen, die

⁴³ Eine Auflistung solcher Namen mit ausgeschriebenen Einzelbelegen gibt Heems 2008, 105 (nr. 116–140): *Ankariu*, *Arntiu* / *Arnziu*, *Auliu*, *Capiu*, *Fastiu*, *Larikiu*, *Lartiu* / *Larziu* / *Larsiu*, *Θepriu*, *Velðuriu*, *Venziu*, *Vipiu*. Darunter sind ein achtjährig verstorbener Knabe *Velðuriu* und etliche Sklaven.

den etruskischen Deminutiva auf *-iu* (mit *-ziu*) zugrunde liegen werden. Ihre Bildweise gleicht der etruskischer Namen. Ein Beispiel: etr. *Anie* → *Aniu* aus *ieu-ital. *(i)je / (i)jo- → (i)jo-n-*. Der *n*-Stamm zeigt sich auch in der Feminindeklination von Cognomina wie *Pruciu* mit fem. *Pruciunia* (Rix 1963, 168; ich vermute Beziehung zu lat. *proculus* ‚Freier, *Fragesteller‘).

4.2.5. Griechisch oder Italisch?

Wenn wir uns in Hinblick auf den möglichen Ursprung von lemn. *Holaie* aus griech. *Hylaios* zwar auch für das Patronymsuffix *-io* die griechische Option offenhalten, so ist doch deutlich, dass ein solches Suffix *-ijo(n)* in Italien angesichts der dortigen Symbiose von Etruskern und Italikern sehr viel leichter übernommen werden konnte als irgendwo sonst. Der im Etruskischen bei *-iu* und *-ziu* deutliche Bezug auf Angehörige niederer Gesellschaftsschichten mag uns ein Fingerzeig sein, aus welchen Kreisen die etwaigen Auswanderer nach Lemnos stammen. Dazu passt auch die Anwesenheit gleich zweier Deminutivdionyme *Tavarza** und *Epteza** in unserem schmalen Namencorpus (insgesamt acht Namen für zehn Personen). Auch wenn die betreffenden Familien zum Amtadel aufgestiegen sind, bewahren sie noch diese angestammte Tradition der Deminutivnamen, die sogar auf den Namen balkanischer Herkunft *Epteza* übergreift, wie wir später ausführen.

4.2.6. Etymologie von *Tavar*.

4.2.6.1. Die in Eichner 2012a, 24 mit Fn. 70 noch ohne Kenntnis von Vorgängern in Betracht gezogene Verbindung mit etruskischem Sprachmaterial ist schon gleich zu Anfang an in die Diskussion gekommen, denn bereits Pauli (1886, 31) verzeichnet unter „Anklänge“ den an etr. *tevara*ϑ ‚Schiedsgericht, Schiedsrichter‘ (Bedeutung durch Bildbilingue gesichert in Ta 7.7–8, Tomba degli auguri, ca. 530 v. Chr.). Es handelt sich um eine kleine Wortsippe. Auch auf dem *Cippus Perusinus* ist zu Anfang [*t*]eurat (mit nordetr. °*t* < °*o*ϑ) ‚arbitr, arbitrium‘ zu lesen (geklärt von Pfiffig, 1961). Das Wort ist Ableitung mittels des Suffixes *-a*ϑ, das zur Bildung von Abstrakta und speziell von Ämtern (auch: Amtspersonen, wie bei lat. *magistratus* [Amt und Person], am bekanntesten sind *zila*ϑ *Meϑl Rasnal* [s. zuletzt Eichner 2012b, 82–83] und *zat-la*ϑ ‚satelles, Trabant‘) verwendet wird. In einer Spiegeldidaskalie ist als Beischrift zum Urteil des trojanischen Königssohns Paris das Grundwort im Lokativ-Ablativ (Um S. 4) *teurs* zu lesen, das Steinbauer 1999, 478 noch fragend, aber doch „schlagend“, mit „beim Urteil“ übersetzt. Mittlerweile ist noch TCo 4 *tiur tēn*ϑur-*c* dazugekommen, wo mir die Auffassung ‚Mond, Monat‘ (Agostiniani 2000, 90; Facchetti 2000, 62) ganz unpassend scheint. Der Beleg in dem klar als juristisch zu klassifizierenden Text wird im Bedeutungsbereich ‚Schiedsspruch, Schiedsrichter‘ angesiedelt sein.

Nun gibt es andererseits ein ebenfalls gesichertes nahezu gleichlautendes Wort für ‚Mond‘ und ‚Monat‘, z.B. AT 1.22 (auf Sarkophagdeckel, rezent) Altersangabe *avils : XX : tivrs : sas* ‚Mit 20 Jahren, vier Monaten‘. Auf einem halbmondförmigen Weihgeschenk steht Cl 4.1 (Ende 6. Jh.) *mi Tiiurs₂ Kaϑuniias₂ul* ‚Ich bin des Tiiur Kathunias‘ (Steinbauer 1999, 265; Maras 2009, 239).

Ich stelle mir den Zusammenhang von ‚Schiedsgericht, Schiedsrichter‘ = ‚Ausgleich, Ausgleichender‘, und ‚Mond‘ so vor, dass die beiden sich ausgleichenden Mondphasen „zunehmender“ und „abnehmender“ Mond das *tertium comparationis* zum Schiedsverfahren enthalten. Wegen der Mehrphasigkeit des Mondes (Neumond – Zunahme [Halbmond] – Vollmond – Abnahme [Halbmond]) ist es auch möglich, dass der *r*-Stamm *tiur* (bloßes *r!* Lok. *tiur-i*) ein verbautes und reduziertes (*ra* > *r*) Pluralzeichen (etr. **-ra-*) enthält. Nun gibt es auch die *r*-lose Form *Tiu*, die den ursprünglichen Singularstamm enthalten wird. Daniele F. Maras identifiziert dieses Wort im Nominativ auf einer Weihung (erstes Drittel des 3. Jh) und be-

spricht den Text umsichtig und instruktiv: *mi Tiu* „ich: (sc. für) Tiu (der Mondgott)“ (Maras 2009, 407; vorher REE 63, 1997, n. 48). Den Namen des Mondgottes setzt Maras schon als *Tiu(r)* mit eingeklammertem *r* an.

Nun gibt es bei den Etruskern anscheinend theophore Personennamen, und sie können auch einstämmig sein: *Tinia* ‚Zeus, Iuppiter‘ im Genetiv als PN *Tins* (häufig in Perugia als „Götternamengentile“, Rix 193, 270 Fn. 10, Steinbauer 1999, 479). Auch der aus dem Ieu.-Italischen entlehnte Sonnengott *Us₀il* ist vertreten, in der Ableitung mit dem Suffix *-e* als Praenomen *Us₀ele* (zu lat. Gentile *Aurelius*, Eichner 2012c, 33) Obwohl die Morphologie und die Funktion von diesen beiden Fällen abweicht, tragen allem Anschein nach auch der oben abgebildete *Tiuza* und sein Vater *Tiu* einen solchen Namen, und zwar als Götternamenpraenomen im asigmatrischen Nominativ⁴⁴ und vollkommen gleichlautend mit dem Theonym.

Wir verstehen jetzt, warum über dem Bild des Knaben *Tiu* eine Mondsichel abgebildet ist. Sie ist so deutlich so ins Gesichtsfeld gerückt, dass man dafür sehr plausibel einen Hinweis auf die Bedeutung des Namens *Tiu* annimmt.

Voraussetzung für die direkte Übertragung des Götternamens auf männliche Personen ist sicherlich, dass die etruskische Mondgöttheit *Tiu* ein Mann ist. Nun merkt Steinbauer (1999, 265) an: „Zweifellos gibt der Gegenstand [sc. die Mondsichel, die halbmondförmige Scheibe als Inschriftenträger] Auskunft über die Natur der Gottheit – allerdings nicht über ihr Geschlecht.“ In der Tat wird zur Bezeichnung der etruskischen Entsprechung der griechischen *Selene* und der lateinischen *Luna* ein anderer – entlehnter – Name verwendet, nämlich Vs 4.12+7.42 *Lusχnei* (mit Metathese $s\chi < *χs$ mit Frikativ $*χ$, oder auch $*ks$) aus ital. $*Louksnā$ (inschriftlich altlatin. [CIL I² 549 Praeneste] LOSNA). Der Göttername steht auf einer Schale (ca. 5. Jh.) neben einer Darstellung des Halbmondes.⁴⁵ Aber hier ist die Mondsichel sicherlich als generelles Symbol gemeint, ohne Rücksicht auf das Geschlecht. Denn wenn es einen Gegensatz der spitzen Mondsichel zum runden Vollmond gibt, dann ist es archetypisch, dass der Vollmond weiblich ist (lat. *Luna*). Auch im Genusverhalten unserer Sprachen zeigt sich das gelegentlich im „polaren Genus“. Im Slavischen (schon altkirchenslav.) sind *měsęcь* ‚Mond, Monat‘ und *luna* ‚Mond‘ stark synonym, cf. aber die polare Genusverteilung russ. masc. (молодой) *месяць* ‚(junger) Mond‘ : fem. (полная) *луна* ‚(Voll-)Mond‘.

Wenn wir nun etr. *Tiu(r)* mit lemn. $*Tavar$ gleichsetzen, dann haben wir eine tyrsenische Etymologie für dieses lemnische Anthroponym. Das war es, was ich mit der kurzen Notiz in Eichner 2012a, 24 mit Fn. 70 hatte sagen wollen.

Für den Vokalismus ergibt sich eine zunächst etwas erstaunliche Entsprechung lem. *a* : etr. *i*. Sie konnte aber auch schon beim Zahlwort zwei etr. $*izal$ gegenüber lemn. $*azal$ vermutet werden (Eichner 2012a, 29), wo wegen der Parallele bei den Pronomina (*i*)*ta*, (*i*)*ka*, (*i*)*sa*, ein etruskischer *i*-Anlaut anzusetzen ist. Auch der Name lat. *Etruria* (ab Cicero), *Etrusci* (seit Cicero) gegenüber seltenerem *Tusci* und dem Adjektiv *Tuscus* (seit Plautus), umbr. *Tursku-m* (2. Jh., [etr. Cla 2.3] 7. Jh. *Turoi-ki-na*) wird in diese Reihe gehören, und vielleicht noch weiter auch die Amtsbezeichnung *purθ* etc. gegenüber *eprθnevoc*. Vielleicht liegt hier ein spezielles

⁴⁴ Da es auch sigmatische Gentilizen gibt, deren Form mit dem sigmatischen Genetiv gleichlautet, sind die tatsächlichen Belege zunächst doppeldeutig: Der Kindername *Tiuza* kann theoretisch $*Tius-za$ sein, denn das Sigma schwindet vor dem Zeta des Deminutivsuffixes *-za*, aber der Name des Vaters *Tiu* als Gamonym seiner drei Ehefrauen Cl I.130 *Tiuσα* = *Tius-σα* ‚die des Tiu‘ ist eindeutig, da der Genetiv zu einem Nominativ $*Tius$ vielmehr $*Tiusal$ oder $*Tiusal$ lauten würde wie beim Gentile des Vaters *Vetus* : *Vetusal*.

⁴⁵ CIE 10734 (Zeichnung; wird als Fälschung verdächtigt). Ich danke Bouke van der Meer für Auskunft über den mir momentan unzugänglichen Beleg. Er macht mich auch auf die Darstellung der Mondgöttin zusammen mit der Mondsichel auf dem praenestinischen Spiegel (CIL I² 549) aufmerksam.

(reduziertes? langes?) tyrsen. *e zugrunde das sich im Etruskischen zu *i* und im Lemnischen zu *a* entwickelt hat.

Als Vorform für *Tavar kommt *Tävär oder *Tävar besonders in Betracht. Das Verhältnis zu etr. *tivr*, *tiur*- + Vokal legt einen Wandel *iv* > *äv* im Lemnischen oder *äv > *iv* im Etruskischen nahe. In Anbetracht von Lemn. *Vanal** : etr. *Venel* (tyrsen. **Vänälä?*) wäre wohl etr. *Tever oder *Tevar- zu erwarten. Wenn man annimmt, dass der Vokalismus von *tevara*∅ und *teurs* erst durch die etr. Senkung *i* > *e* zustande kommt, die sich um 500 v. Chr. abspielt, dann hätte man vielleicht ein Problem wegen der etwas früheren Bezeugung von *tevara*∅ (um 530 v. Chr.); cf. Steinbauer 1999, 38 (§11). Wohl deshalb glaubt Steinbauer, die beiden Wortsippen ‚Mond, Monat‘ und ‚arbiter, arbitrium‘ seien zu trennen. Dieser Einwand ist – aus meiner Sicht – durch den neuen Beleg *tiur* ‚arbiter, arbitrium‘ auf der *Tabula Cortonensis* hinfällig.⁴⁶

Falls die beiden etr. Wortsippen ‚Mond, Monat‘ und ‚arbiter, arbitrium‘ doch zu trennen sind, dann hätte man im Vergleich zum Vorhergehenden nur eine „etymologia dimidiata“. Man müsste dann die Qual der Wahl zwischen ‚Mond‘ und ‚arbiter, Schiedsrichter‘ auf sich nehmen.

Festzuhalten ist, dass der Name (Text A) *Tavar mit seinem *a*-Vokalismus beim Ausgang °*ar* besser zu B *Haral (< **Farar?*) stimmt als zu A *Aker*, und zu etwaigem B *Tover. Im Etruskischen – wo allerdings noch die Mittelsilbenschwächung zu beachten bleibt – entsprechen einerseits *tevar* (-*a*∅) und andererseits *Lucer*, *Thucer* etc. Das auslautende °*r* ist, wie wir sehen, in Namen gut vertreten. Dagegen ist die noch zu erwähnende, lautlich möglich Nebenlösung lemn. *Tavara∅ > *Tavar∅ (mit Synkope das *a* in gedeckter Endsilbe, wie ich sie auch in wie in *Morinajal > *Morinail* postuliere) + *-za* > *Tavarza* nicht attraktiv, denn das Etruskische hat keine gewöhnlichen⁴⁷ Personennamen auf *-a*∅.

4.2.6.2. [Kautel wegen griech. Δίων] Wie so oft beim Etruskischen gibt es auch zu *Tiu* eine abweichende Option. Nach Ugo Coli lehrt Steinbauer (1999, 479) für den Namen *Tiu* die Übernahme über das Lateinische aus griech. Δίων. Rix hat akzeptiert (Rix 1981, 105), dass der Name des Stammvaters der *gens Pulenas* in Tarquinia, also der Urgroßvater Ta 1.17 (um 300 v. Chr.) *Laris Pule Creice*, aus dem griech. Personennamen Vok. Πῶλε* komme, was wegen des Cognomens *Creice* ‚Graecus‘ gefällt. Zu solchen Gräzisierungsvorschlägen und ihrem „mangelnden Hintergrund“ s. andererseits Rix 1963, 190. Dass es sich dabei nicht nur um aus der Luft gegriffene Anklangspantasien handeln muss, mag auch die Legende vom Korinther Demaratos (< dor. Damaratos) nahelegen, der zur Zeit der Machtergreifung des Kypselos im 7. Jh. nach Tarquinia gekommen sein und dort Fortüne gemacht haben soll (s. Pallottino 1988, 168–171). Die Etymologie von lemn. *Tavarza* würde so eine Stütze verlieren, aber immer noch standfest bleiben.

⁴⁶ Die Vokaldifferenz kann zunächst in archaischer Zeit durch die Silbenstruktur bedingt sein, also (tautosyllabisch) *tiur*° : (heterosyllabisch) *tevar*°. Nach der Synkope kann auch *tevr > *tiur*° eingetreten sein. Die Form *teurs* (4. / 3. Jh.) könnte Archaismus juristischer Fachsprache sein. Bei der scheinbaren Bildbilingue *hiuls* zusammen mit dem Bild einer Eule Vc 7.1 scheint mir ein zufälliges Zusammentreffen vorzuliegen, da man die Form *hiuls* grammatisch nur als Ablativ, und dann mit der Bedeutung ‚omnibus = mit allen, für‘ alle‘, verstehen kann, wie aus der Trivialanalyse *hi-χva-la-s (s. Eichner 2012c, 37 Fn. 123) > *hiuls* (das *χ* in *χv* schwindet hinter *i* lautgesetzlich; Rix 1985, 222) und gut bezeugtem **hev’ls* > *hels* (cf. dazu immerhin, wenn auch zögerlich, Steinbauer 1999, 425: ‚mit allen‘) leicht zu ersehen ist. Zur kompletten Reduktion des *v* > Null im Morphem *-χva* s. unter SIALXVEIZ.

⁴⁷ Mythologische Figuren und Appellativa wie *Am-in*∅ (Umbildung aus lat. *Am-or?*), *Van*∅, *lein*∅ ‚Greis‘ sind etwas anderes, *s₀minth* ist italisch (~ osk. Gentile *Smintiis*), *Lar* → *Lar*∅ ist ein Sonderfall, *Aran*∅ (ital. *Ar...n*° → ?) *Arn*∅ steht für sich. Die Frage nach der Erhaltung des *a* in etr. gedeckter Endsilbe kann ich hier nicht diskutieren.

4.3.–4.4. *Holaiez naφoθ* ‚des Holaie* Enkel‘.

Das Genetivsyntagma zur Angabe der Filiation des *Tavarza** erspart das vielleicht phonetisch etwas unbequeme Patronym (*Holaieio?) und bildet die Überleitung zur folgenden zweistufigen Genetivkonstruktion *Vanalasia* ‚des des Vanal‘. *Holaiez* ist Rectum des Regens *naφoθ* und selbst Regens eines weiteren Rectums *-sial*, das auch seinerseits noch einmal Regens des Rectum *Vanalasia* ist. Im Etruskischen entspricht, mit gleicher Voranstellung des Genetivs, Vs. 1.179 und 180 (4./3. Jh.) *Velus₁-um nefts₂* ‚und des Vel Enkel‘.

4.3.1. *Holaie*

Zwei lemnische Personen tragen dieses Idionym, der eine ist Vater des *Tavarza* und Sohn eines *Vanal*, der andere Vater eines *Phokia* und Sohn eines *Phokia*. Das ist ein Hinweis darauf, dass dieser Name in der Familientradition der lemnischen Nobilität gut verankert ist.

Falls er als rein griechisch zu beurteilen wäre, dann wären in der Familie des *Phokia* in Ostlemnos nur griechische Namen zu verzeichnen. Handelt es sich dagegen lediglich um die *interpretatio Graeca* eines tyrsenischen Namens, dann wäre der Stammbaum des *Aker* im westlemnischen Myrina rein tyrsenisch.

Zu erwähnen ist noch, dass einer der in einem stattlichen Haus in Efestia gefundenen Graffiti auf einem Vasenfragment von Lejeune (Tyrrhenica 1957, Fn. 53, *non uidi*, referiert von Heurgon 1980, 598) in ingenieuser Weise mit einem weiteren Fragment derselben Vase verbunden und zu Zweipunkt plus *Ho[la]iez* ergänzt wird (Heurgon 1980, 592; zum Objekt s. Della Seta 1937, 124 und Tav. XV 3–4; Vetter 1940, 228, Nr. 3b und c). Der so gewonnene Personenname ist dann der des Besitzers des Hauses. Ich halte das vorerst für riskant und merke nur an, dass auch dieses Konstrukt sich gut in das neugewonnene Bild der beiden *Holaie* von der Stele von Kaminia fügen würde.

Zu *Holaie* hat Heurgon (1980, 508) die historische Fiktion entworfen, dass der lemnische *Holaie* aus Phokaia an der kleinasiatischen Westküste (heute Foça, Provinz Izmir) nach Lemnos emigriert sei, als seine Heimatstadt 545 v. Chr. von den Persern erobert wurde. *Holaie* ist Neffe eines gewissen *Siasi*, selbst geboren um 575 v. Chr., geflohen aus Phokaia vor den Persern 545, und auf Lemnos um 515 gestorben. Heurgon's Élève Michel Gras hat in seiner Dissertation (1985, 637) *Holaies* Lebenszeit dann noch weiter präzisiert und um fünf Jahre herabgesetzt: „Naissance vers 570, départ de Phocée en 545, à 25 ans et non pas à 30 ans, mort à Lemnos en 510.“ Wenn diese imposante Historienschau durch neuere Auffassungen zu den Zahlwörtern schon arg ins Wanken geraten war, so müssen wir nun nach der Aufdeckung der Stammbäume völlig auf sie verzichten.

4.3.2. *Hylaios*.

Schon Sophus Bugge (1886, 9) hat die mögliche Übereinstimmung mit griech. Ὑλαῖος erkannt, was daraufhin in der Rezension von Pauli (1886b, 395) als einziges seiner Ergebnisse ausser der Identifikation des Ortes Myrina anerkannt worden ist. In der Folge ist dies die hauptsächliche Interpretation des Namens geblieben. Der Name ist allerdings überwiegend aus der Literatur als der Name eines Kentauren („Waldmann“ zum Adjektiv ὕλαῖος ‚im Wald lebend‘ von ὕλη ‚Wald‘) bekannt, inschriftliche Belege sind selten, laut dem großen neuen Namenlexikon (LGNP):

III A 440: Je ein Beleg aus Ätolien, Argolis, Arkadien;

IV 337: 2–3 Personen aus dem kimmerischen Bosphoros und aus Macedonien (3./2. Jh.).

Dabei erscheint in Band IV Ὑλαῖος Σίνδου als Sohn eines „Sindos“ oder „Sindês“ mit dem Ethnikon der „Sinder“ am Azovschen Meer verbunden, worauf bereits Louis Robert (1963,

511 mit Fn. 5) kurz eingeht und auf den etymologischen Anschluss Karl Treimers an den hethit. Flussnamen *Hulaia* hinweist. Während der „hethitologische Bezug“ als wertloser Anklang zu werten sein dürfte, lässt Ὑλαῖος Σίνδου aufhorchen, da für die betreffende geographische Zone nach antiken Angaben auch die Anwesenheit von „Pelasgern“ (wie auch auf Lemnos) vermutet werden kann, und da der Name der „Sinder“ doch auch sofort an die homerischen Sintier (Σίντιες Ilias 1, 594; Odyssee 8, 294) auf Lemnos erinnert, die man nach der Angabe von Strabon, dass sie Anwohner des Flusses Strymon sind, in plausibler Weise für Thraker hält.

So wird man annehmen, dass es einerseits den mythologischen griechischen Namen gibt, der auch ein paarmal den Weg in die Anthroponymie gefunden hat, und andererseits die *interpretatio Graeca* eines vielleicht pelasgisch-tyrsenischen Namens. Eventuell ist sogar noch ein Ortsname Ὑλαῖ im Spiel.

4.3.3. Mykenischer Anschluss?

Schon in der Diskussion von Jacques Heurgon (1980, 592 ff.) und Lejeune (*ibidem* 602, Fn. 8) kommt der Hinweis auf den mykenischen Personennamen *U-ra-jo* = Ὑλαῖος, der in Knossos viermal belegt ist (Aura Jorro II 39), KN B 799.2 (Männerkatalog, H. 103), Db 1265 und 1329, Dv 1199 (alle H. 117).

Aura Jorro nimmt an, dass es sich dabei um vier verschiedene Personen handele, darunter drei Schaefer. Nach der neueren Arbeit *The people of Knossos* von Hedvig Landenius-Enegren (2008, 87)⁴⁸ dürften sich die drei Schäfernamenbelege auf dieselbe Person beziehen lassen.

Wegen der lemnischen Verbindungen zur mykenischen Bronzezeit wäre es reizvoll, im Namen *Holaie* = *U-ra-jo* = Ὑλαῖος den griechischen roten Faden in der lemnischen Bevölkerung zu finden.

Aber leider ist nicht einmal die Lesung eindeutig, denn schon Ventris / Chadwick (1973, 589) hatten auch die Alternative Ὑραῖος bemerkt, und auch dieser Name wird im neuen Namenlexikon verbucht (LPGN V a, 441, Bithynien) und ist außerdem literarisch für Sparta als Name eines Heros belegt (Pausanias III 15.8, s. LPGN III A, 441).

4.3.4. Griech. *Holaios* oder *Holaiôs*?

Natürlich sind für die griechische Interpretation auch griechische Namen mit Anlaut Ολ°, Ουλ°, Ωλ° in Betracht zu ziehen. Die Durchsicht der fünf Bände des Namenlexikons (LPGN) hat aber nichts Passendes ergeben. Ausserhalb der Inschriften gibt es einen nah anklingenden literarischen Beleg, auf den schon August Fick (1905, 104; cf. Heurgon 1980, 605) rekurriert hat. Es handelt sich um Ὀλαίαις, den Sohn des Kypselos von Arkadien (Pausanias VIII 5,5). Aber auf einen solchen vereinzelt anklingenden Anklang in geographischer Ferne kann man nichts geben.

Festzuhalten ist noch, dass das Problem der mangelnden Psilose in *Holaie* (dazu Lejeune 1980, 603; Heurgon selbst 605) durch den jüngsten Neufund aus Efestia lemn. *H(e)k(a)taon-ozī* ‚durch / von Hekataon‘ (s. Eichner 2012a, 29–30) eliminiert ist. Zum Ersatz von griech. °αῖος durch tyrsen. °aie kann Heurgon (1980, 605) auf griech. Ἀσκληῖος in etruskischer Übernahme Cm 2.9 (Gefäß, 6. Jh.) *Asklaie* verweisen.

4.3.5. Italischer Anschluss.

Schon Deecke (1886, 462) ist die Beziehung zu ital.etr. °aios °aie aufgefallen, und er verglich sogar schon Fälle mit dem Wechsel *f* ~ *h* (*Hulu*, *Fulu*, *Fulunie*, lat. *Fullo*, *Folnius*) wie dann erst wieder und noch ohne Kenntnis von Deeckes Vorgang Eichner (2012a, 27 Fn. 77).

⁴⁸ Für Beratung und Übermittlung eines Scans danke ich Herrn Dr. Jörg Weilhartner (Wien, Akademie der Wissenschaften).

Im Etruskischen hat man zunächst archaische Fälle wie *Anaie*, *Aχlaie*, *Vhlakunaie*, *Hermenaie*, *Titaie*, *Velχaie*, *Leθαie*. Wegen der Synkope muss man auch Feminina wie *Anaie-nai > *Anainei* hinzunehmen. Da das intervokalische *i* (= *j*) schwindet, kommen dann weiter noch *Anae*, *Leθαes*, *Maclae*, *Petraes*, *Pupae*, *Pulpae*, *Velχae*, *Velvae Vestrae* etc. hinzu. Schließlich kann auch das *a* noch schwinden oder das *ae* noch monophthongieren (*ae* > *æ*, unabhängiger Musterfall ist griech. *Φιολαος* > etr. *Vilae* > *Vile*) und es ergeben sich Reihen wie *Leθαie* ~ *Leθαes* ~ *Leθε* und *Velχaie* ~ *Velχae* ~ *Velχε* (Steinbauer 1999, 55, 436).

Inneretruskisch lassen sich Ableitungen erkennen wie *Velχα* > *Velχaie*. Inneritalisch besteht die Verbindung mit latin. ANAIOS, lat. *Annaeus*, *Poppaeus*. Und man wird nicht daran zweifeln, dass es sich hier um indoeuropäischen Einfluss auf das Etruskische handelt.

Ich meine, dass es diese Namenbildung gewesen sein wird, die dem *Holaie* zugrunde liegt, und die es dem griech. *Ἰλαῖος* ermöglicht, auch im anhellensischen Bereich aufzutreten.

Aber den Fall *Holaie* für sich genommen steht die Waage wohl im Gleichgewicht zwischen Bugge und Deecke. Erst aufgrund mancher weiterer Indizien neigt sich die Waagschale zugunsten der italisch-etruskischen These auch bei diesem Namen *Holaie* (und weiter quasi *Fulvaeus?).

Für die geographische Herkunft und soziale Stellung der aus Italien Gekommenen würden sich aufschlussreiche Indizien ergeben, wie zum Beispiel aus der Ähnlichkeit von *Holaie* mit dem für Angehörige der Unterschichten typischen Namen *Leθαie* > *Leθε*. Aber ich unterlasse es hier, gleich mit der Bekanntgabe der Entzifferung alle sich neu auftuenden Perspektiven zu verfolgen.

Ausblick und Zwischenbilanz

Mit Rücksicht auf den zur Verfügung stehenden Raum wird der Wort-für-Wort-Kommentar hier unterbrochen. Die Fortsetzung wird der routinierte Fachmann schon jetzt leicht selber erkennen. Um aber die mit dem Etruskischen, dem Lemnischen und dem Altitalischen weniger vertrauten Leser nicht auf die Folter zu spannen, folgen hier noch knappe Hinweise auf die weiteren Einzelwörter.

- (1. *Aker*, 2. *Tavarzio*, 3. *Holaiez* sind oben ausgiebig besprochen.)
4. *ναφοθ*: ‚Enkel‘: s. vorläufig Eichner 2012a, 16 Fn. 44, 18, 28.
5. *Vanalasia*: = etr. *Ve(ne)luola* ‚des des Ve(ne)l‘ (lemn. a-Stamm älter als etr. u-Stamm). „Artikulierter“ Genetiv *Vanalās* mit Determinativpronomen im Genetiv, zu Nom. *Vanalasia (heteroptotische Konstruktion), entspricht griech. *X, ὁ Φενέλου, mit Gen. *τοῦ Φενέλου.
6. *sial*: Genetiv des Determinativpronomens, entspricht etr. *-sla*.
7. *zeronai*: Mit Rix als Bezeichnung des Obermagistrats im Nominativ (nicht Hypostase des Lokativs), also mit Zugehörigkeitssuffix *-i* wie in etr. *lavθun* ‚familia‘ : *lavθun-i** ‚familiaris‘ (Erstbeleg jetzt aus dem 6. Jh. fem. *lauteniθα*) und dem Suffixkonglomerat von etr. *-nai(a)*, das bei der femininen Motion und auch in der Deklination der Ortsnamen begegnet. Als Amtsbezeichnung zu etr. *zêrσna*, rät. *zerisna*, lemn. *zari[zna?]* mit Vokalwechsel *e* ~ *a*. Weiteres s. unten Nr. 11.
8. *Morina* < *Murinaial mit synkopiertem Endsilbenvokal zum Ortsnamen *Morina* (= heute Myrina) Genetiv-Lokativ gebildet wie in etr. *Unialθi* ‚am Ort der Uni‘, etc., nur mit *-na-ia-* statt bloßem *-na-*.
9. *zivai*: Das von fast allen Autoritäten falsch beurteilte Wort spielt eine Schlüsselrolle bei der Verkennung des Textinhalts. Die Bedeutung der Deklinationsform ist hier ‚dem

- Hausstand‘, zu etr. Gen. *zivas* (so mit Steinbauer). Die andere Auffassung als Präteritalform auf ^o*ai* entfällt jetzt aufgrund von (Efestia) *heluke* mit dem Erweis des Kappa / Khei-Präteritums auch für das Lemnische. Auch die Auffassung von *zivas* als Partizip ‚lebend‘ statt als Genetiv ‚für den Hausstand‘ ist verfehlt, cf. Eichner 2012c, 31 Fn. 86. Vollends der auf ganz wenige falsch aufgefasste Einzelbefunde gegründete Bedeutungsansatz *zivas* ‚lebend‘ verstößt gegen die Regeln philologischer Textinterpretation. Zudem ist das etr. Verbum für ‚leben‘ bestens bekannt: Es lautet *sval-* (mit *svalce* ‚lebte‘, mit zwei Dutzend ausgeschriebenen Belegen in der etr. Verbalformenstatistik bestens repräsentiert, mit Partizip intransitiv *svalas*, transitiv *svalθas*, dazu eine Form mit Wechsel *a ~ e*: *sveleri*). — *ziva-* (unveränderlicher *a*-Stamm) ist wohl Lehnwort aus dem Balkanischen (Thrakischen) mit ieu. Wurzel **g^wih₃* (cf. altiran. **gaiθā* ‚Hausstand‘).
10. *evisθo*: ‚mit dem Amtsjahr betraut‘, ‚beamtet‘, zu lemn. *aviz*, Bildung mit Suffix *-θo* wie etr. *hilarθuna** ‚terminatus‘.
  11. *zeronaiθ*: doppelt charakterisierter Lokativ vom *na*-Stamm der Amtsbezeichnung *zeronai*; diese gehört zu etr. *zêrsona*, rät. *zerisna*, lemn. (Chloi) *zari[zna]* (ergänzt nach *novaizna* ‚sacrosanctum‘), etr. *zeri*. Bedeutung der Sippe eher im sozialen und politischen Bereich als ‚frei‘ anzunehmen (mit Steinbauer), auch ‚licet‘ (es steht frei) denn als ritualbezogen, wofür es auch Argumente gäbe. Von der Alternative hängt ab, ob der Zeronat als eher politisches oder eher religiöses Amt aufzufassen ist.
  12. *sialχveiz* ‚mit vierzig‘ *~* etr. *sealχls*, entweder I-Schwund oder Abl. I (auch in etr. *cealχuz?*) uersus Abl. II; e-Färbung entweder phonologisch (i-Umlaut) oder morphologisch (Wechsel *a ~ e*); B *sialχviz* wohl durch lautliche Schwächung wie B *-tiz*.
  13. *aviz ~ avils* Abl. (oder Gen.??) ‚mit Jahr(en)‘.
  14. *maraz* (mit *r < rv*) *~* etr. *marvas* Partizip Praet. Aktiv ‚als Maru fungiert habend‘; sabell. Maroes (lat. Marones) auch im Südpikenischen (TE 1, Chieti) schon im 6. Jh. bezeugt im Zusammenhang mit dem Auctor (*pim oftorim = quem auctorem*).
  15. *-m ~ -om* ‚und, aber‘ *~* etr. *-m, -um* (hinter ^o*s* aber *-m* u n d *-um*).
  16. *aiz ~* etr. *ez* (belegt in: LXXX *ez*), Multiplikativzahladverb auf *-z(i)*, dabei nur zu niederem Kardinale möglich wegen der Suppletion (cf. lat. *unus : semel*), später etr. *θunz*. Auf Lemnos wegen des Zetazismus undeutbar und in ein kongruierendes Syntagma *aviz aiz* integrierbar.
  17. *Haralio* Patronym ‚Sohn des Haral*‘ (oder *Harali** *~* etr. *Farari?*).
  18. *zivai* (s. oben) zweimal in derselben Inschrift wie etr. *zivas* (Gen. des Benefiziaten) Ta 1.182; in die Genealogie des *Haralio* (Hyperbaton) eingeschoben.
  19. *Eptezio* Patronym zu *Epteza**, dies Deminutiv zu einem Kurznamen aus den zahlreichen und exklusiv thrakischen und makedonischen Namen mit Vorderglied *Epte-*.
  20. Abfolge ^o*r* — *Haralio* — *Eptezio* als genealogisches Formular wie im Lydischen, cf. *ak-ad Karolid Sabλalid Ištubelmlid* ‚nun es (ist) des *Karo-*, des (Sohnes des) *Sabla-*, (des (Sohnes des) *Ištubelm-*“.
  21. *arai* Lokativ ‚auf dem Acker‘ *~* etr. *ara-* ‚Grundstück, Landbesitz‘, tyrsenisches Lehnwort aus balkanieu. **arā* > messap. *ara-n*, alban. *arë* ‚Acker, Scholle‘; in lyd. Formel *aara- pira-* (*pira-* mit *a*-Stamm speziell lyd. Innovation zu heth.-luv. *pēr, pṛn-*!) = entlehnt in etr. *aras peras* (nach E. Vetter). Lemn. *ara-* = reiner *a*-Stamm (< ieu. **ā* < **ah₂*) ohne Vokalwechsel *a ~ e* oder *i*-Umlaut *ai > ei*.
  22. *arai tiz* ‚von dem (Ertrag) auf der Scholle‘, gleiche Phraseologie wie in rät. Demlfeld *kleimun-teis* ‚von dem auf der Leite (Wiese am Berghang)‘ mit Lok. *kleimun* zu ieu. (kelt., venet.?) **k^lleimôn* von Wurzel **k^llei* ‚neigen‘.

23. *tiz* Ablativ (= etr. *tis*), geschwächt aus **teis* zum Pronomen (*i*)*ta-*, Stamm mit Vokalwechsel *ta ~ te* oder i-Umlaut *tais > teis*.
24. *Φoke* Lok. (Rixens Formtyp „Ablativ III“ [2004, 953] < **Phokje* im Wechsel mit *Φokia*, aus griech. Name **Φώκιος*, Palatalität des *k* im Lemnischen vor *e* unbezeichnet, lemn. Stamm *Φokja-* / *Φok(j)e*, *°e* entweder durch „frühe Monophthongierung“ (**Phokjej* oder **Phokjaj*) oder Wechsel *a ~ e* und endungsloser Lokativ; cf. *-te* in etr. *sparzê-te*.
25. Konstruktion von *Φoke* (und nicht: **Φokiazi*) entsprechend etr. (*farθnaχe*) *Tute Arnθials*.
26. *zeronaiθ*: Steht die Wortform hier apo koinou zu *Φoke* und *Haralio*? Steht *Φoke* nach Art des lat. *ablatiuus absolutus*? Und trotz *Holaiezi* statt **Holoiez*? Kann hier *Holaiezi* als Rectum mit *zeronaiθ* als Regens kongruieren? Liegt die Verschränkung zweier Konstruktionstypen vor? Dieses interessanteste Problem der Stele von Kaminia erfordert noch nähere Untersuchung des „sechsten Falls“ (cf. das Latein mit seinem synkretistischen Ablativ) des Tyrsenischen nach Morphologie und Syntax.
27. *Toveronai[l]* < **Toveronaial*, wie oben bei Nr. 6 *Morinail*. Der Name des zweiten Hauptorts (heute: Efestia) der Insel Lemnos / Limnos sieht wie eine Ableitung auf *-na* (Ortsnamensuffix) zu einer Ableitung auf *-u* (Schmiede?) von einem Personennamen *Tover* (Hephaistos?) aus.
28. *aomai*: Der zu erklärende Unterschied zu *ai-z ~ etr. e-z*, nämlich das fehlende Suffix *-z(i)*, lässt sich in dem Umstand finden, dass Bruchzahlen nicht leicht Multiplikativadverbien bilden. Wenn man deshalb die Amtszeit des lemn. *maro* mit jener der römischen Zensoren von anderthalb Jahren vergleicht, dann ergibt sich die Analyse *a-om-a-i*, z.B. mit *-om-* ‚die Hälfte eines Paares‘ (semantisch wie ieu. **sēmí* ‚halb‘ zu *sem-* ‚ein ganzer‘), cf. etr. *za(*l)θr-um* ‚zwanzig‘ = ‚zwei zueinander gehörige Soundso [Zehner]‘. Also bedeutet wohl *a* ‚eins‘ (neben *θu* ‚eins‘ wie lat. *unus* : *sem-*, *sēmi-* ‚halb‘) in *a-om* ‚eine Hälfte‘, mit folgendem *a* ‚eins‘ ergibt das $\frac{1}{2} + 1 = 1,5 =$ lemn. ikonisch *^a/om + a = aoma** ‚eineinhalb‘, im Lokativ *aoma-i*. Wer die Amtszeit des *maro* lieber mit der des römischen Diktators von nur einem halben Jahr vergleicht, mag eine andere Lösung zu suchen.

Nach der glücklichen Überwindung der bisherigen gravierendsten Hemmschwelle, nämlich der Klärung der Zeilenabfolge, macht die Auswertung der in den beiden Texten des Tyrsenischen von Lemnos enthaltenen Informationen sachlicher und sprachlicher Art rasche Fortschritte. In lawinenartiger Fülle löst sie neue Erkenntnisse und Fragestellungen aus. Manche Ergebnisse sind so unerwartet und überraschend, dass dies Zweifel am Zutreffen vorliegender Entzifferung nähren muss. Aber beide Texte sind jetzt voll verständlich, und auf Schritt und Tritt meldet sich der Selbstbestätigungseffekt der einzig richtigen Lösung. Die Texte ermöglichen tiefe Einblicke in die politische und geographische Organisation der Insel, mit der Gliederung in zwei Stadt „staaten“ mit analoger Verwaltungsstruktur im ausgehenden 6. Jahrhundert: Myrina (lemn. *Morina*) in der Westhälfte und Hephastia (lemn. *Toverona*) in der Osthälfte — für mehr wäre wohl kein Platz. Familientraditionen der Nobilität werden sichtbar und zeigen, dass die Sprachträger des Tyrsenischen schon mindestens ein Jahrhundert auf Lemnos wohnen. Mit Anthroponymen tyrsenischen, griechischen und in einem Fall thrakischen (oder makedonischen) Ursprungs bezeugt das lemnische Namenbuch aber auch eine multiethnische Situation.

Das Lemnische ist mit dem Etruskischen und Rätischen zwar eng verwandt — alles Überlieferte lässt sich ja jetzt aufgrund dieser Sprachverwandtschaft glatt verstehen —, doch andererseits ist es auch eine selbständige Sprache mit unverwechselbarem Antlitz, zum Beispiel beim stark ausgeprägten Zetazimus und bei der eigentümlichen, sowohl vom Rätischen als auch vom Etruskischen abweichenden Namenmorphologie. Wir waren in diesem zweiten Auf-

satz schon intensiv darum bemüht, die Beziehungen zu Italien mit den Mitteln der Dialektgeographie aufzuhellen. Unser vorläufiger Eindruck ist, dass die Sprachträger eine aus dem Westen (Italien) gekommene und dort untergegangene tyrsenische Sprachform verwenden, die nähere Beziehungen zu Spracherscheinungen des etruskischen Nordens (mit Clusium, Perugia) und des Tibertals (mit Volsinii, eventuell sogar Falerii?) aufweist. Mehrere Indizien weisen auf eine eher niedrige soziale Stellung der „Sprecher“. Es könnte sich um die Nachkommen sprachlich tyrsensierter und sozial unterprivilegierter Italiker handeln, deren Vorfahren zunächst eine sonst anderweitig so nicht greifbare indoeuropäisch-italische Sprache gesprochen hatten. Man meint eine *Tyrsenia submersa* aufzuspüren, unter der sich ausserdem noch weiter eine *Indogermania submersa* abzeichnet.

Die neue Forschungslage in der Sprachwissenschaft ist jetzt mit den auf Lemnos vor sich gehenden intensiven archäologischen Forschungen zu koordinieren. Bisher sind archäologisch keine Indizien für die Einwanderung tyrsenischer Sprachträger zutage gekommen. Nun, nachdem die Fragestellung klarer ist, wird man sich nicht mehr mit dem *argumentum e silentio* begnügen, sondern möchte auch eine weiterführende Diskussion erhoffen.

Literatur

- Agostiniani 2003 — Luciano AGOSTINIANI, Aspetti formali e semantici del suffisso di diminutivo *-za* in etrusco. *Studi Etruschi* 69, 183–193.
- Agostiniani 2012 — Luciano AGOSTINIANI, Sulla grafia e la lingua delle iscrizioni anelleniche di Lemnos. In: Bellelli 2012, 169–194.
- Agostiniani / Nicosia 2000 — Luciano AGOSTINIANI / Francesco NICOSIA: *Tabula Cortonensis*. Roma (Studia archaeologica, 105).
- Alföldi 1959 — András ALFÖLDI, Hasta — Summa Imperii. Spear as Embodiment of Sovereignty in Rome. *American Journal of Archaeology* 63, 1–27.
- Apostolides 1903 — B. APOSTOLIDES: *Origine asianique de l'inscription préhellénique de l'île de Lemnos*. Mémoire lu à l'Institut Égyptien dans les séances des 6 et 27 decembre 1901 et 6 mai 1902. Le Caire.
- Aura Jorro 1993 — Francisco AURA JORRO: *Diccionario Micénico*, I–II, Madrid.
- Beekes 2010 — Robert BEEKES, with the assistance of Lucien VAN BEEK: *Etymological Dictionary of Greek*. 2 Bände. Leiden.
- Bellelli 2012 (ed.) — Vincenzo BELLELLI: *Le origini degli Etruschi. Storia — Antropologia — Archeologia*. Roma: Bretschneider 2012 (Studia Archaeologica; 186).
- Bellelli 2012a — Introduzione, in: Bellelli 2012, 11–48.
- Bellelli / Benelli 2009 — Vincenzo BELLELLI / Enrico BENELLI, Un settore „spezializzato“ del lessico etrusco: Una messa a punto sui nomi di vasi. *Mesopotamia* 6, 139–152.
- Brandenstein 1934 — Wilhelm BRANDENSTEIN: *Die tyrrhenische Inschrift von Lemnos*. Leipzig 1934 (Mitteilungen der Altorientalischen Gesellschaft, VIII. Band, Heft 3). Neudruck Osnabrück: Zeller 1972.
- Bugge 1886 — Sophus BUGGE: *Der Ursprung der Etrusker durch zwei lemnische Inschriften erläutert*. Christiania (Sonderabdruck aus: Christiania Videnskabs-Selskabs Forhandling, 1886).
- Buonamici 1932 — Giulio BUONAMICI: *Epigrafia etrusca: saggi e materiale*. Firenze.
- Cousin / Durrbach 1886 — G. COUSIN / F. DURRBACH [DÜRREBACH], Bas-relief de Lemnos avec inscription. *Bulletin de Correspondance Hellénique* 10, 1–6.
- Cristofani M. 2003 — Mauro CRISTOFANI, Nuove iscrizioni „tirreniche“ da Lemno (posthumer Aufsatz), in: G. Fiorentini — M. Caltabiano — A. Calderone (a cura di), *Archeologia del Mediterraneo. Studi in onore di Ernesto de Miro*, Roma 2003, pp. 219–222.
- Deecke 1886 — Wilhelm DEECKE, Die tyrrhenischen Inschriften von Lemnos. *Rheinisches Museum für Philologie* 41, 460–467.
- Della Seta 1937 — Alessandro DELLA SETA, Iscrizioni tirreniche di Lemno. *Scritti in onore di Bartolomeo Nogara, raccolti in occasione del suo LXX anno*. Città del Vaticano, 119–146.

- De Simone 1996 — Carlo DE SIMONE: *I Tirreni a Lemnos. Evidenza linguistica e tradizioni storiche*. Firenze (Biblioteca di Studi Etruschi, 31).
- De Simone / Chiai 2001 — Carlo DE SIMONE / Gian Franco CHIAI, L'iscrizione della "Stele" del guerriero di Kaminia (Lemnos): revisione epigrafica e tipologica dell'oggetto. *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici* 43/1, 39—65.
- Duhoux 1991 — Yves DUHOUX, Les inscriptions non grecques de Lemnos: étrusque ou vieux-perse?“, in: Vladimir Podborský (ed.): *Palaeograeca et Mycenaea A. Bartoněk quinque et sexagenario oblata*, Brno 1991, 53—67.
- Eichner 2002 — Heiner EICHNER, Etruskisch -σvla auf der Bronze von Cortona, in: F. Cavoto (Ed.), *The Linguist's Linguist, A Collection of Papers in Honour of Alexis Manaster Ramer*. München 2002, 141—151/2.
- Eichner 2006 — Heiner EICHNER, Das $\exists$ von Cortona und das etruskische Phonemsystem. In: Petra Amann et al. (eds.), *Italo — Tusco — Romana. Festschrift für Luciana Aigner-Foresti*. Wien: Holzhausen Verlag, 209—220.
- Eichner 2012a — Heiner EICHNER, Neues zur Sprache der Stele von Lemnos (Erster Teil). *Journal of Language Relationship / Voprosy jazykovogo rodstva* 7, 2012, 9—32.
- Eichner 2012b — Heiner EICHNER, Anmerkungen zum Etruskischen in memoriam Helmut Rix. *Atti del Convegno in memoriam Helmut Rix, Milano 2011*, in: *Alessandria* 5, 2011, 53—78.
- Eichner 2012c — Heiner EICHNER, Sakralterminologie und Pantheon der Etrusker aus sprachwissenschaftlicher Sicht. In: Petra Amann (ed.), *Kulte — Riten — religiöse Vorstellungen bei den Etruskern und ihr Verhältnis zu Politik und Gesellschaft. Akten des 1. Internationalen Kolloquiums der Sektion Wien / Österreich des Istituto Nazionale di Studi Etruschi ed Italici* (Wien, 4.—6.12.2008). Wien 2012, 12—42.
- ET I, II — s. Rix/Meiser 1991.
- Facchetti 2000 — Giulio M. FACCHETTI: *Frammenti di diritto privato etrusco*. Firenze (Bibliotheca del Archivum Romanicum, Serie 2, Linguistica, 50).
- Falkner 1948 — Margit FALKNER, Epigraphisches und Archäologisches zur Stele von Lemnos. In: Wilhelm Brandenstein (ed.): *Frühgeschichte und Sprachwissenschaft*, Heft 1, Wien, 91—109.
- Fick 1905 — August FICK: *Vorgriechische Ortsnamen*. Göttingen.
- Ficuciello 2010 — Laura FICUCIELLO, Lemno in età arcaica. In: Greco 2012, 39—84.
- Fredrich 1906 — Carl (Carolus) FREDRICH, "Lemnos I", "Lemnos II" bzw. "Imbros", in: *Mitteilungen des Kaiserlich Deutschen Archaeologischen Instituts, Athenische Abteilung*, 31, 1906, 60—86 und 241—256 (mit Tafel XIX) bzw. 87—112.
- Gras 1985 — Michel GRAS: *Traffiques tyrrhéniens archaïques*. Rome 1985 (Bibliothèque des Écoles Françaises d'Athènes et de Rome, 258).
- Greco 2012 — Emanuele GRECO (ed.): Lemnos dai 'Tirreni' agli Ateniesi. Problemi storici, archeologici, topografici e linguistici (Napoli, 4 maggio 2011). *Annuario della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente*, vol. LXXXVIII, serie III, 10, 2010 [2012], 1—205.
- Hasluck 1919 — F. W. HASLUCK, Terra Lemnica, in: *Annals of the British School at Athens* 16, 1909/1910, 220—231.
- Heems 2008 — Gilles VAN HEEMS, Diminutifs, sobriquets et hypocoristiques étrusques. In: Paolo Poccetti (ed.): *Les prénoms de l'Italie antique. Actes de la journée d'études, Lyon 2004*, 69—109. Pisa / Roma 2008.
- Heurgon 1980 — Jacques HEURGON, A propos de l'inscription „tyrrhénienne“ de Lemnos. *Comptes Rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres* 1980, 578—600 und 605—606.
- IEW — Julius POKORNY: *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*, 2 Bände, Bern 1959—1969.
- Karo 1908 — Georg KARO, Die tyrsenische Stele von Lemnos. *Mitteilungen des Kaiserlich Deutschen Archaeologischen Instituts, Athenische Abteilung*, 33, 48—74, mit Tafel V.
- Kretschmer 1942 — Paul KRETSCHMER, Die tyrrhenischen Inschriften der Stele von Lemnos. *Glotta* 29, 1942, 89—98.
- Landenius-Enegren 2008 — Hedvig LANDENIUS-ENEGREN: *The people of Knossos*. In: *Boreas* 30, 2008 (Acta Universitatis Upsaliensis; zugleich Univ. Diss. 1999).
- Lejeune 1974 — Michel LEJEUNE: *Manuel de la langue Vénète*. Heidelberg 1974.
- Lejeune 1980 — Michel LEJEUNE, Un Phocéén à Lemnos? *Comptes Rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres* 1980, 600—604.
- Leumann 1977 — Manu LEUMANN, *Lateinische Laut- und Formenlehre*. München (Handbuch der Altertumswissenschaft).
- LGPN — Peter M. FRASER / Eleanor MATTHEWS: *Lexicon of Greek Personal Names*. 5 vol. Oxford 1887—2010.
- Maggiani 2001 — Adriano MAGGIANI, Magistrate cittadine, magistrature federali. In: *La lega etrusca dalla dodecapoli ai quindici populi. Atti della Giornata di studi, Chiusi, 9 ottobre 1999*. Pisa / Roma 2001 (Bibliotheca di Studi Etruschi, 37), 37—50.

- Maras 2009 — Daniele F. MARAS, *Il dono votivo. Gli dei e il sacro nelle iscrizioni etrusche di culto*, Fabrizio Serra, Pisa / Roma, 2009.
- Nachmanson 1908 — Ernst NACHMANSON, Die vorgriechischen Inschriften von Lemnos. *Mittheilungen des Kaiserlich Deutschen Archaeologischen Instituts, Athenische Abteilung*, 33, 47–64 mit Tafel V.
- Oettinger 2010 — Norbert OETTINGER, Seevölker und Etrusker, in: Yoram Cohen / Amir Gilan / Jared L. Miller (eds.), *Pax Hethitica. Studies on the Hittites and their neighbours in honour of Itamar Singer*, Wiesbaden 2010, 233–246.
- Pallottino 1988 — Massimo PALLOTTINO: *Etruskologie: Geschichte und Kultur der Etrusker*. Aus dem Italienischen von Stefan Steingräber. Basel / Boston / Berlin 1988.
- Pauli 1886a — Carl PAULI: *Eine vorgriechische Inschrift von Lemnos*. Mit einer lithographischen Tafel. Leipzig 1886.
- Pauli 1886b — Carl PAULI, Anzeige zu Bugge 1886 und Pauli 1886. In: *Neue Philologische Rundschau* 6, 1886, 392–397.
- Pauli 1894 — Carl PAULI: *Eine vorgriechische Inschrift von Lemnos. 2. Abteilung*. Leipzig 1894 (Altitalische Forschungen. Zweiter Band).
- Peters 1980 — Martin PETERS: *Untersuchungen zur Vertretung der indogermanischen Laryngale im Griechischen*. Wien (Österreich. Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse, Sitzungsberichte, 377. Band).
- Pfiffig 1961 — Ambros J. PFIFFIG, *Untersuchungen zum Cippus Perusinus*. In: *Studi Etruschi* 29, 111–154.
- Pfiffig 1975 — Ambros J. PFIFFIG: *Die etruskische Religion. Sakrale Stätten — Götter — Kulte — Rituale*. Graz 1975.
- REE — *Rivista di Epigrafia Etrusca*. Laufend in der Zeitschrift *Studi Etruschi*.
- Reichmuth 1956 — Johann REICHMUTH: *Die lateinischen Gentilicia und ihre Beziehungen zu den römischen Individualnamen*. Dissertation Zürich. Schwyz 1956.
- Risch 1974 — Ernst RISCH: *Wortbildung der homerischen Sprache*. Berlin / New York, 2. Aufl. 1974.
- Rix 1963 — Helmut RIX: *Das etruskische Cognomen*. Wiesbaden.
- Rix 1968 — Helmut RIX, Eine morphosyntaktische Übereinstimmung zwischen Etruskisch und Lemnisch: Die Datierungsformel. In: Manfred Mayrhofer et al. (eds.): *Studien zur Sprachwissenschaft und Kulturkunde. Gedenkschrift für Wilhelm Brandenstein (1898–1967)*. Innsbruck 1968 (Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, 14), 213–222.
- Rix 1981 — Helmut RIX, Das Eindringen griechischer Mythen in Etrurien nach Aussage der mythologischen Namen. In: *Die Aufnahme fremder Kulturinflüsse in Etrurien und das Problem des Retadierens in der etruskischen Kunst*. Mannheim 1981 (Referate vom Symposium des Deutschen Archäologen-Verbandes, Mannheim, 8. – 10.2.1980).
- Rix 1985 — Helmut RIX, Schrift und Sprache. In: M. Cristofani, *Die Etrusker*. Stuttgart / Zürich: Belser 1985, 210–238.
- Rix 1993 — Helmut RIX (ed.): *Oskisch — Umbrisch, Texte und Grammatik. Arbeitstagung der indogermanischen Gesellschaft und der Società Italiana di Glottologia vom 25. Bis 28. September 1991 in Freiburg*. Wiesbaden 1993.
- Rix 1994 — Helmut RIX: *Die Termini der Unfreiheit in den Sprachen Altitaliens*. Stuttgart 1994 (Forschungen zur antiken Sklaverei, 25).
- Rix 1995 — Helmut RIX, 105. Etruskische Personennamen. 106. Römische Personennamen. In: Ernst Eichler et al. (eds.): *Namenforschung / Name Studies / Les noms propres, Ein internationales Handbuch zur Onomastik [etc.]*, 719–724 bzw. 724–732.
- Rix 2004 — Helmut RIX, Etruscan, in: R. D. Woodard, *The Cambridge Encyclopedia of Ancient Languages*, Cambridge 2004, 943–966.
- Rix 2006 — Helmut RIX, *Rammes, Tites, Luceres: noms étrusques ou latins?* In: *Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité MEFRA* 118, 167–175.
- Rix / Meiser 1991: Helmut RIX / Gerhard MEISER, *Etruskische Texte. Editio minor*, 2 Bde., I. Einleitung, Konkordanz, Indices, II. Texte, Tübingen 1991.
- Robert 1963 — Louis ROBERT: *Noms indigènes dans l'Asie-Mineure gréco-romaine, première partie*. Paris 1963. (Bibliothèque archéologique et historique de l'Institut Français d'Archéologie d'Istanbul, 13).
- Salomies 1987 — Olli SALOMIES: *Die römischen Vornamen. Studien zur römischen Namengebung*. Helsinki 1987 (Commentationes Humanarum Litterarum, 82).
- Schnetz 1927 — Joseph SCHNETZ, Etruskische Raubvogelnamen in Orts- und Flussnamen. *Zeitschrift für Ortsnamenforschung* 2, 1927, 3–12.
- Schulze 1904 — Wilhelm SCHULZE: *Zur Geschichte lateinischer Eigennamen*. Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Phil.-Hist. Klasse, N.F. 5.

- Schwyzler 1959 — Eduard SCHWYZER: *Griechische Grammatik, Erster Band.: Allgemeiner Teil. Lautlehre. Wortbildung. Flexion*. München 1959 (Handbuch der Altertumswissenschaft).
- Steinbauer 1993 — Dieter STEINBAUER, Etruskisch-ostitalische Lehnbeziehungen. In: Rix 1993, 287—306.
- Steinbauer 1999 — Dieter Hubertus STEINBAUER: *Neues Handbuch des Etruskischen*, St. Katharinen 1999.
- Untermann 1990 — Jürgen UNTERMANN: *Monumenta Linguarum Hispanicarum*, Band III: *Die iberischen Inschriften aus Spanien. 1. Literaturverzeichnis, Einleitung, Indizes*. Wiesbaden 1990.
- Untermann 1995 — Jürgen UNTERMANN: 107. Die vorrömischen Personennamen der Randzonen des alten Italien; 109. Die vorrömischen Namen in Hispanien und Aquitanien. In: Ernst Eichler et al. (eds.): *Namenforschung / Name Studies / Les noms propres, Ein internationales Handbuch zur Onomastik [etc.]*, 732—738 bzw. 738—746.
- Untermann 2000 — Jürgen UNTERMANN: *Wörterbuch des Oskisch-Umbrischen*. Heidelberg 2000 (Indogermanische Bibliothek).
- Ventris / Chadwick 1973 — Michael VENTRIS / John CHADWICK: *Documents in Mycenaean Greek*. 2nd edition by John Chadwick. Cambridge.
- Vetter 1940 — Emil VETTER, Literaturbericht 1935—1937: Etruskisch. *Glotta* 28, 1939 [1940], 117—228 [Darin: Anhang 227—228, mit Referat zu Della Seta 1937].
- Wörrle 1995 — Michael WÖRRLE, Epigraphische Forschungen zur Geschichte Lykiens V. *Chiron* 25, 1995, 387—417.

X. АЙХНЕР. О языке лемносской стелы (ч. 2).

Статья представляет собой вторую часть исследования, посвященного вопросам истории тирренской языковой семьи (первая, вводная часть опубликована в ВЯР, №7). Основную часть статьи занимает дешифровка двух текстов Лемносской стелы из Каминьи (с параллельным обсуждением целого ряда других проблем). Для каждого слова предлагается глосса и (с редкими исключениями) этруская этимология. Удастся опознать и распределить по трем родословным, растянутым по меньшей мере на три поколения, восемь различных имен собственных. Два человека опознаны как собственно погребенные в могилах — *Aker* и [X]r; с третьим (по-видимому, должностным лицом) соотносится эпоним *Phokia*. Родословная *Aker*'а на самом деле прослеживается до четвертого поколения, т. к. в тексте упоминается его прадед *Vanal*. Каждому из погребенных соответствует собственный *cursus honorum*, во многом сходный с политическими карьерами в Древней Италии. Статья также содержит исчерпывающий комментарий относительно того, как стела связана с нанесенными на нее надписями. На основании стандартной методологии сравнительно-исторического языкознания показано, что лемносский язык находится в отношении генетического родства с этрусским и ретским языками. При этом любопытно, что в лемносском обнаруживается также ряд слов и имен собственных, которые, по-видимому, были заимствованы из древних индоевропейских языков Италии. На индоевропейские связи указывает также ряд особенностей терминологии и административного управления. Тем самым косвенно подтверждается высказанная ранее гипотеза о миграции носителей лемносского языка с запада (вне зависимости от вопроса его дальнейшего происхождения). Однако, поскольку археологические данные носят противоречивый характер, этот вопрос на данный момент остается открытым.

Ключевые слова: лемносский язык, этрусский язык, ретский язык, тирренская языковая семья, происхождение этрусков, методы дешифровки, сравнительная грамматика, система имен собственных, административная терминология, политические институты в Древнем Средиземноморье.

Vocabulary matchings in !Xóõ and Ju|'hoan*

The word-sets given in the paper consist of 281 matchings of vocabulary items between !Xóõ (T) and Ju|'hoan (J1). The Taa (Southern Khoisan) language !Xóõ and the Ju (Northern Khoisan) language Ju|'hoan are the best-documented lects in their respective families. The paper also includes a discussion of some interesting structural parallels between the two languages, and implications for language classification.

Keywords: Khoisan languages, Ju family, Taa family, lexical resemblances, areal contacts.

The analysis of lexical similarity in previous comparisons

Although past researchers, most notably Greenberg (1963), Ruhlen (1994) and Ehret (1986), have taken lexical evidence such as the comparisons listed in this paper as proof positive of a common descent from a putative Proto-Khoisan, more recent researchers, e.g. Güldemann (2008), Sands (2009), Honken (2006) and König (2008) have taken the view that such similarities are better explained as the result of extensive borrowing.

A mass of lexical similarities cannot be taken as proof-positive of a relationship between languages; the validity and significance of the similarities must first be ascertained. Ruhlen (1994) rounded out Greenberg's 116 etymologies to a full 645 on the premise that this should convince the rudest skeptic. But Ruhlen uses the same shaky data as Greenberg — Bleek's (1929) Comparative Vocabularies — and his proposed etymologies have numerous flaws of their own, even aside from the fact that he offers no repeated correspondences. To name only a few: he repeats the same data under different headings (#147 BARTER is the same etymon as #191 BUY); he ignores more recent data (e.g. Traill 1986 which would affect such etymologies as #145 BAKE: Ju *sau* is from an initial affricate, but in Tati *čoo* the initial is from a palatal click); he sometimes repeats Greenberg's data under a different name (#401 'to moo' is the same data as Greenberg's 'to cry'); in comparing clicks, he uses a scatter-gun approach (for example #204 CATCH S1 /ki, N1 //kai, C2 ʔai) and he has no control over the data (in #260 FATHER S3 *baba* and N1 *ba* are compared to Naro *aua*, even though the *-ba* is a gender ending and not part of the stem, and he has not one but two etymologies for *to write!*).

Most contemporary researchers in the Khoisan area follow Westphal (1962) in believing that Khoisan consists of a number of unrelated families, though the possibility of some ancient

---

* Editors' note. Henry Honken (1938–2012) specialized in Khoisan linguistics for several decades. His earliest studies presumed the existence of a Khoisan family as a single genetic unit; however, in his later works, while searching for stricter sound correspondences between languages, he also became concerned with issues of genetic vs. areal similarities between the many branches of "Khoisan", arguing in favor of a more meticulous, "bottom up" approach to reconstructing the prehistory of these languages. Subsequently, along with Bernd Heine, he helped establish the existence of the Kx'a language family (consisting of Ju and ǀHoan language families).

When Henry passed away in June 2012, he left behind a number of unfinished manuscripts. Bonny Sands, who regularly provided feedback on his papers, prepared the manuscript that this paper was based on for publication by updating the introduction, adding citations, and writing a conclusion paragraph.

connection is kept open. Traill (1986) already showed that certain words are wide-spread in the Khoisan area (macro-Khoisan in his terminology, pan-Khoisan in mine). However, given the overall similarity of the phonological systems and the lack of sound historical information, it is often difficult to decide which similarities are loans and what was the direction of borrowing.

!Xóõ and Ju|'hoan lexical similarities

This paper focuses on lexical similarities found between !Xóõ and Ju|'hoan, which are provided in examples #1–190. These examples are grouped according to consonant type, beginning with non-click consonants (#1–64), followed by the clicks (#65–190). An additional 91 lexical sets given in the Appendix. These have semantic or phonological irregularities when compared with the examples given in the text.

A general gloss has been given in the leftmost column indicating the shared semantics of the !Xóõ and Ju|'hoan words. Where the actual glosses in the language differs, it will be indicated after the entry, with T = Taa (!Xóõ) and J1 indicating Ju|'hoan. Occasionally, forms from Okongo !Xuun (J2) based on Heikkinen (1986) will also be indicated. Additional lexical items with related meanings may also be indicated, with †Hoan forms cited from Gruber (1975), Naro from Visser (2001), Nama from Haacke & Eiseb (2002), and Kxoe from Oswin Köhler's work. In some cases, sample sentences are given to help the reader see the parallelism between the forms in the two languages.

The original orthography of Traill's dictionary has generally been maintained with some simplifications which should all be fairly obvious. In Ju|'hoan, the tones have been marked according to Westphal's notation and the orthography approximates standard IPA rather than the current orthography used by the Ju|'hoan themselves. However, nasalization has been indicated by a superscript *n*.

Although there are patterns of sound correspondences in the word sets given here, it is not always possible to declare that there are regular sound correspondences. For instance, in examples #1–2, there are two cases of !Xóõ /b/ corresponding to Ju|'hoan /m/, but in #3–5 we see the correspondence /m/ ~ /m/.

Gloss	!Xóõ	Ju 'hoan
1. diminutive sg.	-bà/-bâ	-mà
2. insect name	-bólobòlo !Xóõ <i>lámtábólobòlo</i> 'carder bee, leafeater bee'; J1 = 'mosquito'.	ǀàmbòrò
3. speak nonclick lang.	má ^h ni	mà ^h ni, nà ^h ín < *mà ^h ín
4. turn, answer	mâli	màni
5. Citrullus lanatus	tāhm	tāmà
	Both T and J1, identical singular and plural. In T, an irregular diminutive <i>tā^hlu-bâ</i> . In Khoe, this form is recorded only for Nama (in Naro in the pejorative meaning 'Herero', in J1 it also has this meaning) and may have been borrowed into Proto-Khoekhoe from San. We have Nama <i>tshāma-p</i> 'C. lanatus'.	
6. overcome	tā ^h a kV Cf. T èh ǀau ⁿ ní bà tā ^h a k̄a-n 3SG name TRS ASP overcome TP-1SG	tā ^h ā ⁿ k̄a-n
	'I can't remember his name' = 'His name overcomes me.'	

	J1 <i>ká</i> <i>tǎhǎn</i> <i>mí</i> 3SG overcome 1SG 'I can't do it' = 'It overcomes me.'	
7. demonstrative	tV'V, <i>kátá'aⁿ</i>	tò'a T tV'V 'this', <i>kátá'aⁿ</i> 'here, this'; J1 = 'that'.
8. striped polecat	dǎ ^f a ⁿ	dǎ ^f
9. path	dào	ɱ!hùù-dǎǎ
10. slack	dǎ ^f hbu	tǎ ^h ù Cf. Angola !Xū: <i>tǎbò</i> , #Hoan <i>k^yá^yk^yá^ybu</i> .
11. flutter	dthàba	dhàdhà-mà J1 = 'butterfly', presumably < * <i>dhàbà-mà</i> .
12. gums	'nǎ ^h n' nǎ ^h n-tê	dǎ ^f è ⁿ dǎ ^f è ⁿ Note: Angolan !Xū: <i>dǎ^fǎ-sì</i> . Proto Ju < * <i>dǎ^fǎ</i> .
13. expose genitals	nāa ⁿ	nǎ ^h n
14. tadpole	támkútúlukú	tám ^t àkùrì T = 'diving beetle'. Cf. also J1 <i>tám^tàtùrìsà</i> 'black crane'.
15. want	káni	kàrè
16. year	kúli	kúrí This is pan-Khoisan.
17. hasten	kúe kV	kòè-jà-khòè T = 'do in a hurry'; J1 = 'race each other'. cf. also Khoe.
18. walk pigeon-toed	gába	gábá
19. drink too little to be satisfied	gólo	gà'áró
20. navel	góbo	góbá J1 perhaps < * <i>góbó</i> + nominal formant <i>-a</i> . Cf. also Khoe.
21. to roll	gàni	gàni
22. goose	gāa ⁿ	gǎ ^h a ⁿ
23. compress	gàlo kV	gáró
24. to come	sii	tsí
25. conjunction (then)	sii	tsé T. <i>!ʔàaⁿ à^hn ní ǰgè'e èⁿ sii à ɱ āu</i> fire 3SG2 ASP heat-3SG3 3SG3 CONJ PST shrivel 'The fire heated it and (then) it shriveled.' J1 <i>!x'ǎèǰè !'àù hà dsháú tè sá tsé ɱǰáú ǰèbè-ɱlóré</i> MPN call 3SG1 wife CONJ 3DU CONJ travel black-country '!X'ǎèǰè called his wife and then they traveled to Botswana.'
26. to flow	sù ^f ni	tsù ^h nì
27. gravy	sāa ⁿ	tǰà ⁿ
28. medicine	sòo	tǰò
29. sip sthg hot	sàm kV	tǰàm
30. to wag	sāmsām kV	tǰám ^t ǰàm T 'flick tail (as lion)'; J1 'wag (of dog wagging tail)'.
31. to ritually feed	sōo	tǰòà ⁿ (?) < tǰò ⁿ + -a T <i>mā-n ǰqhèⁿ qǎ^fa ní sōo kǎ-n</i> CONJ-1SG uncle ADV ASP rit.feed TP-1SG 'Because long ago my uncle ritually fed me.'

	J1	žú	kú	tʃòàn-a	dǎ'àmà	kò	ʔm-sì
		people	IMP	rit.feed	child	TP	food-PL
		'The people ritually fed the child.'					
32. be disrespectful		dzáa				zá	
		T. 'be disrespectful, illtreat'; J1 'swear at, insult'.					
33. hunger		dzáʔi				(tʃí ⁿ)-zá ^ʔ ú	
34. upper lip		dzúm				zù ⁿ	
		J1 zù ⁿ , J2 zòŋ < Proto Ju *dzòn.					
35. male PN		dzâo				zùù	
36. thin		dzáʔba-tá				žǎʔm	
37. turn		dzáʔbidzáʔbi				žàbìžàbì	
		Cf. T dzò ^h a ⁿ 'ant'; J2 ndzòà ⁿ ndzóá ⁿ 'fly'.					
38. day after tomorrow		k ^h úma				(ŋ!hò)-k ^h òmà	
		J1 = 'soon'; Cf. T k ^h úbe 'tomorrow', J2 k ^h ómè 'tomorrow'.					
39. break		kūa ⁿ				kòà ⁿ	
		J1 = 'stretch', cf. J2 k ^h òà 'break'. But this may be a loan from Khoe. Cf. Nama k ^h òá ⁿ , Kxoe k ^h óā ⁿ , Naro k ^h óá ⁿ .					
40. erect hairs		kò ^h la				gòà ^h rǎ	
41. be wide		tshào				jàò	
42. begin		tshōatshōa				jàòjàò	
		Borrowed from Nama?					
43. hole		dzū ^h e				tsù ~ dshí	
		For the voicing contamination see Trill's paper on Taa dialects.					
44. to suck		qâm				kà ^ʔ m	
		T qâm (qaBV, H) 'suckle, kiss'; J1 kà ^ʔ m 'suck', / ʔm 'suckle'; T qûm (quBV, H) 'suck out and swallow'; J1 kò ^ʔ m 'hold back pips in mouth'. But this form is widespread, occurring also in E. †Hoà and Khoe.					
45. long ago		qâ ^ʔ a				kà ^ʔ á	
		J1 = 'a little while ago, now'; cf. also J1 kà ^ʔ á-há 'already', kà ^ʔ á-ŋhòàn 'just now', J2 kà ^ʔ á ⁿ 'then'.					
		J1 mí kà ^ʔ á-há 'àŋ 'àri 'I trapped a guineafowl' (1SG + ADV + catch + guinea-fowl). J2 sè kà ^ʔ án 'àŋ-á há kè ŋʃùbì-hàn 'They then tied the meat in bundles' (3PL + ADV + tie + TRANS PART + meat + TRANS PART + bundle-PL). Cf. Köhler kǎ ^ʔ -hìn-kè 'now'.					
		Cf. also interjection: T qhāe'è oh no; J2 kháè.					
46. nominalizing suffix		-sé				-sí	
47. noun suffix		-sè				-jè	
48. hang the head		xò'lo				xòròxòrò	
		J1 = 'hang heavy (fruit)'.					
49. crush		xà'm				xámí	
50. marijuana		qhàna				xàna	
		Cf. T qhála- 'spit out'; J2 ghára.					
51. larynx		gò'lo				xúró	
52. to help		ūhi				hù	
53. to stir		húni sV				húní	
54. move		ù ^h a ⁿ				hòà ⁿ hòà ⁿ	
		T †cáni kâ ù ^h a ⁿ kâ ⁿ !'ûa ⁿ -tê 'move eyes back and forth'; J1 'move, alternate'.					

55. to eat	'âa ⁿ	ʔm̄
	T 'aV, H. Cf. idiom: T 'ée !hûa, J2 ʔm̄ !'ðã ⁿ '(eat a) yawn'.	
56. pack up	'āba sīi	'ābàsi
	T. 'āba sīi sī sāa 'Let's pack up and go'; J2 yà 'ābàsi m̄ ⁿ láo idem. But this may be from Khoe 'ābà 'carry on back'.	
57. dawn	kx'āo	kx'àu ⁿ
58. stretch marks	dtxô'a	txòà ⁿ
59. thread together	txóm	txómá
	T txóm-sà, txoBV (H); J1 < txóm + -a trans. part.	
	T txóma gã ⁿ ηa kí xāi thread-2SG bead TP-1SG cord 'thread ostrich eggshell bead on sanseveria cord'	
	J1 ká mí !xáí ã ⁿ mí dshàú txómá ká CNJ 1SG cloth tear 1SG woman thread 3SGII 'When my clothes tear, my wife darns them.'	
60. bridge of nose	ts'kx'únu	ts'ú ⁿ
	The !Xóõ word is Aminuis dialect. J1 = 'nose'.	
61. fart	dts ^h àm	(jàrè)-ʒã ^f m̄
62. gland	dts ^h án	zà ^h í ⁿ
63. bump	dts ^h ò ^h f ⁿ u ⁿ	dʃ ⁿ úú ⁿ
64. blow a fire	dts ^h úm	dʃ ⁿ úú ⁿ
	Cf. also T <i>dthábi</i> 'butterfly'; J2 <i>thábí</i> 'eyelid' (from flutter).	

Clicks

The Glottal Accompaniment

65. be dry	ʔò	ʔò
	This is also found in Khoe. Cf. transitive verb: T ʔòʔò tV, J1 ʔò ʔò.	
66. medicine	ʔōo	ʔú ⁿ - áí
	T = 'apply medicine'.	
67. to think	ʔán sV	ʔáj
	This is pan-Khoisan (Macro-Khoisan in Traill's terminology). J1 < Proto Ju *ʔán.	
68. enough	ʔāu ⁿ	ʔàu ⁿ
69. to kick	ʔí	ʔáí
70. bicep	ʔólo	ʔóré
	Cf. T <i>qhāaʔú</i> 'caracal'; J2 ʔú ⁿ -mà.	
71. to kiss	ʔûma ⁿ	ʔóm-á
	Cf. ʔHoã ʔámʔám 'taste the mouth'.	
72. care for	ʔúí ⁿ	ʔúí ⁿ -á
73. dish	ʔû-le	ʔòrè
	T pl ʔún-sá ⁿ ; J1 is cited by Köhler, cf J2 ʔóré. Also found in Nama ʔòré-s.	
74. stick for stick game	'ábi	'ábí
75. possessions	'ái	'áí
76. fertile egg	úa ⁿ úa ⁿ	ʔòa ⁿ 'òa ⁿ

- T. ʔgúáⁿ àh ní |úáⁿ|úáⁿ fíi
 egg PST ASP fertile AUXSTAT
 ‘The egg is fertilized.’
 J1 khúkhuú ŋ!ù !’òáⁿ!’òáⁿ
 ‘The chicken’s egg is fertilized.’

77. precede

ʔhàáⁿ ʔàⁿ

78. yawn

ʔhúá !’òáⁿ

Cf. idiom: T ’éé ʔhúá, J2 ?m !’òáⁿ ‘(eat a) yawn’.

Plain voiceless clicks

79. aardwolf

|ṛhi |àʰi

80. increase

|àʰo |àʰò

81. to follow

|òʰo |òʰò

82. finish

|òʰo |òàʰrà

Note also: ‘prevent’ T |āla kV; J2 |ará.

83. buy, sell

ʔōʰoⁿ ʔùʰùⁿ

84. Black man

ʔābe ʔàbè

85. path

ʔólo ʔáró

86. sleeping mat

ʔûa ʔòá

T pl ʔúm-sà-tê. Poss. pan-Khoisan, found also in J2 ʔòá and in ʔHoã, N|uu and Khoe.

87. to pound soft

ʔāhmʔāhm ʔām

T = ‘to pulp’; J1 = ‘stamp grain, break up hard nuts with a stone’.

88. carry on shoulder

!án !áé

J1 ? < *!áéⁿ < *!án.

89. carry on head

!úu ʔàm !úra

J1 lúra < lúrí-à, cf J2 !úrí. Also J1 !ú ʔàm.

90. male PN

!áe-sà !áé

91. hunting bag

!ūma !òmà

92. Toktokkie beetle

!òo!òo !òo!ò

93. spear

!ōo àʳa !ú!ù

94. artery

!òʰoⁿ !òʰùⁿ

95. wear on head

||àa ||àʰ

96. to push

||àʰm ||àm

97. set fire

||àoⁿ||àoⁿ ||àʳòⁿ-wá

98. well

||ám ||áú

T ||ám sâa ‘go well’; J1 ||áú ’ú ‘go well’.

Voiced clicks

99. shelter from

|gâa |gà

Note: Dickens has g|há.

100. Karoo robin

|gàni-sè |gàni-!àè!àè-jè

Also T |gàh’a ‘mat to lay meat on’; J2 g|hà.

101. rotten egg	†gūhi	g#húí
102. mound	†gūu ⁿ †gūu ⁿ	tò ^f ò-†gū ⁿ -wà
	T = 'mound of sand for //ábi game'; J1 = 'ash heap'.	
	Cf. also T rod †gúli 'rod'; J2 †gúrí 'springhare hook'. T †gúnu 'dry skin'; J2 †gúrí.	
103. late afternoon	!góa	!gòá
104. vulture	!gûe	!gòhé-!á ⁿ
	J1 is a praise name for the vulture.	
105. enter	!gâ'o	!gà'ámá
	T !ga'BV (H). J2 //gàbá 'enter' appears to be a different etymon, comparable to J1 //gábá 'put on footwear'. Note that the !Xóõ word is 'enter' (pl.) and also means 'put on shoes'. Cf also †Hoã !á'm 'enter' (pl.).	
106. music bow	!gùma	!gò ^h mà
	Snyman has !gòmàhà.	
107. edible termite	!gò'obi	!gù'úri-tjí-!gò'm
108. spend the day	//gàa ⁿ	//gàá ⁿ
109. red oxide	//gà'i	!gò' ^f í ⁿ
110. hip bone	//gànu	!gánú
111. belch	//gà ^h a	!gà ^f
112. deep mud	//gòbo	//gò ^h bò
	J1 = 'mushiness'.	
113. pull through legs	//gò ^h bi	//gùbí
114. (put on) shoes	//gù'a	!gò ^h à
	Cf. J2 //gò ^h á ⁿ 'shoes'; †Hoã //pà 'put on shoes'.	
115. to slap	!góba	!ò' ^f óbá
116. Ehretia rigida	//gá'u	//à' ^f ú
	Cf. also T †gúnu, J2 †gúrí 'dry skin'; T. !gúnu, J2 !gúrukú 'trachea'.	

Velar friction accompaniment

117. be fertilized (of egg)	†xái†xāi	†xái†xái
	J1 = 'be partly hatched'.	
118. have miscarriage	†xâm	†xàm
119. cloth	!xái	!xāi
120. booze	!xāli	!xàri
	Cf. J2 !xāri.	
121. pipe	!xúu	!xò
	Cf. J2 !xòó.	
122. stir a soft substance	!xâm	!xàm
	J1 = 'make porridge'.	
123. San person	!xóo ⁿ	!xùú ⁿ
124. to (set) trap	//xáu	//xáu
	Cf. J2 //xáo.	
125. unwind	//xābi	//xábé
126. bad luck	//xōo	!xò
	Cf. J2 //xò.	

	T	<i>n̄ à n̄</i> //xōo	
		1SG PST ASP bad.luck	
		‘I’ve had bad luck.’	
	J1	<i>mí lxò t̄è lã̄è-tàmà</i>	
		1SG bad.luck CNJ hunt-AUX (AUX = unsuccessful)	
		‘I had bad luck and hunted in vain.’	
127. sweep		xái	xái
		Cf. also T //xáú ⁿ ‘point between shoulder blades’ and J2 //xáú ⁿ ‘back’.	
128. leave young at home		xāo	xàù ⁿ
		For vocalism, cf. #57 ‘red color of dawn’.	
129. awl		g xâni	g xáin
		T = ‘drill for eggshell beads’. Cf. J2 g xàṅ < Ju *g/xan.	
130. spit ritually		g xâi	xài
131. “buzz”		g xòo g xòo	g xò g xò
		T = ‘crackling sound of walking on dry vegetation’; J1 = ‘buzz of insect’.	

Ejective accompaniment

132. to visit	x’æ	x’è
133. notch in arrow	x’án-si	(tʃhì)- x’ái
	Cf. J2 x’áṛí ‘to notch’.	
134. male PN	q’æ-sè	x’è-fè
135. wash by rubbing	q’ùm	x’óm
136. to mix	‡x’úmi	‡x’úmí
137. clay	‡q’áa-ká	g‡x’áá
138. twist body	!x’âm	!x’àm
139. to wring	!x’áli	!x’àri
140. join, together	x’áe kV	x’áe
	T	<i>ʔisí n̄</i> //x’áe ⁿ !ʔáa ʃi
		1PL ASP join sit-PL AUXSTAT
		‘We are sitting compacted.’
	J1	<i>mì-lá</i> g!hòó //x’áé
		1PLINCL-PL sit-PL join.
		‘We are sitting together.’
	Note: this etymon is pan-Khoisan.	
141. be sated	x’áa ⁿ	x’á
142. stink	x’áu ⁿ	x’ú
143. to punch	x’úm	x’óm

Uvular accompaniments

144. dent	‡qáo	‡ã’ò
145. sink in sthg soft	‡qōhm- ’ûma ‡ð’ò	
146. to hunt	!qāhe	!ã’è
	Cf. also T /qée sg, /qám pl ‘Nama person’; J2 /ã’è ‘a Black’.	

147. snot	çòe T = 'phlegm'; J1 = 'blow nose'.	ŋ ò'ín
148. Barn owl	qà ^h o	ŋ à'ó
149. look out of corner of eye	‡gáni	ŋ‡à'ín
150. Acacia fleckii	‡gà ^h li	ŋ‡à'ŋ
151. corn cricket	‡gāna Cf. T ‡gā ^h ma 'wing'; J2 g‡hàbà.	ŋ‡à'nú ⁿ
152. Aloe zebrina	çólu	ŋ hò'òrù
153. rinse	çòbu çòbu	ŋ ò'ò m

Aspirated accompaniments

154. to drive	qhūi	húi
155. Corallocarpus bainesii	qhú'lu-kú	hóro
156. rhino	qhíi T = 'buffalo'.	háí
157. to stretch out	‡qhòna Cf. also J2 hóro C. bainesii, hí 'rhino'. Cf. T qhee ⁿ , J2 hà ^h ŋ 'raw'; T. ‡qhúì ká 'áo ⁿ 'take between fingers and pinch', J2 ‡húì 'pinch'; T qhāa ⁿ 'pound, stamp', J2 hā ⁿ 'hammer in, crack'; T hāa, J2 hāá ⁿ 'show'.	‡hòà ⁿ
158. real, true	'Oŋā ^h a ⁿ Cf. ethnonyms: T tùu 'Oŋā ^h a ⁿ , J1 žù hòà ⁿ . The underlying meaning of the !Xóõ word seems to be 'body' and the same semantic connection is found in Naro where xáé means both 'body' and 'true'.	ŋ hòà ⁿ
159. sack	ŋ háo	háó
160. Fockea sp.	‡qhába	ŋ‡hábá
161. womb	ŋ‡ò ^h o ⁿ	ŋ‡hò'ò
162. Oxygonum sp.	gòe ŋ‡ā ^h u	ŋ‡hā ^h ò
163. walk quickly	ŋ à'ba	ŋ hàbà
164. foam	òhbu Cf. also T ŋ á ^h m 'duck, evade'; J1 ŋ ŋàè, J2 kèŋ àbìkì 'stick sp.'; T ŋ á ^h u 'stir- ring stick, dzani game stick'; ‡Hoā ' ŋá ^h u 'zini game stick'; J1 ŋ háú 'branch'; Nama ŋ áú ⁿ -p 'branch, twig'. For semantics, cf. J1 'ú ⁿ 'bow', J2 'ú ⁿ 'stirring stick', ‡Hoā 'ó ⁿ 'tree'; J1 ŋ ò'ò 'stick for helicopter toy', T ŋ ú'm 'pestle'.	ŋ húbú

Nasal Accompaniment

165. to love	ŋ àm kV	ŋ àhm̩
166. to restrain	ŋ è ^h e ⁿ J1 = 'intervene in quarrel'.	ŋ à'è
167. <i>A. naudinianus</i>	ŋ ũ'lo T 'tuber of <i>Acanthosicyos naudinianus</i> ', sg ŋ ũ ^h -lo, pl ŋ ũ ^h -n-sà; J1 (?) < ŋ ũ ^h -ù + -à nom. suff.	ŋ ũ ^h à
168. long for	ŋ óo	ŋ ò
169. to rub	ŋ ù ⁿ kV	ŋ ò ^h à

170. to whet	ŋʃán T = 'flint'.	ŋʃànì
171. thicket/herd	ŋʃà ^h ni T = 'herd of gemsbok', cf. also T ŋʃà ^h bi 'stand, clump of small trees or bushes'; J1 = 'swarm, flock, herd, clump, thicket', cf. also ~ ŋʃáré 'herd of ~,' ŋʃábé-ŋ!à ⁿ 'big village'.	ŋʃà ^f
172. glue, tar	ŋʃáú	ŋʃáú
173. travel at night	ŋʃùì ⁿ	ŋʃùù ⁿ
174. get lost	ŋ!ò ^h a ⁿ	ŋ!à ⁿ
175. to criticize	ŋ!ábe	ŋ!ábé
176. country	ŋ!úle T pl ŋ!ún-sá ⁿ ; J2 ŋ!óré 'country'.	ŋ!óré
177. open space	ŋ!ám T ʔ'áa ⁿ /'àa ⁿ kí ŋ!ám 'Light a fire in the clearing.' J1 ŋ!ám ŋ!ú ⁿ -a tʃ'ù ts'í 'There's an open space by the door.'	ŋ!ám
178. get lost	ŋ!ò ^h a ⁿ Also J1 ŋ!ù ^h ù 'lose one's way'.	ŋ!à ⁿ
179. stork	kâŋ ú ^h be This word may be borrowed from Khoe, where we have Nama ŋ òbá-p and Naro ŋ òbē implying Proto Khoe *ŋ obe(R). Since the *ε correspondence in Khoe is normally borrowed into Ju as e or i, the Jul'hoan form would seem to be borrowed from Nama. At the same time, the prefix and laryngealized vowel in !Xóǝ suggest that the form has some antiquity in that language. More data is needed on the distribution of this form, especially in Khoe.	ŋ ábá
180. talk	ŋ á ^h e	ŋ àè
181. dish up	ŋ áa kV	ŋ á ^f
182. to scatter	ŋ á ^f i	ŋ á ^f ù ⁿ
183. shake head	ŋ á ^f niŋ á ^f ni	ŋ á ^f i ⁿ ŋ á ^f nì
184. (un)wind	ŋ ú ^h m kV T = 'twist, coil'; J1 = 'unwind'.	ŋ ò ^f mì

Glottalized nasal accompaniment.

185. springhare	'ŋù ^h i Cf. J2 'ŋò ^f mì.	ŋ ò ^f mì
186. lame	'ŋùma T = 'limp'; cf. J2 'ŋò ^h mì.	ŋ ò ^h mì
187. hill	!ù ^h m J1 = 'dune'; cf. J2 'ŋò ^h ni. Cf. also T 'ŋò ^h u, J2 'ŋò ^h bú 'to bark'.	ŋ ò ^h mì
188. whirlwind	' ŋò ^h lo Also cf. T ' ŋà ^h o, J2 ' ŋà ^h ó 'rainy season'.	ò ^h rò
189. T. esculentum	? ŋà ^h n J1 refers to 'Tylosema esculentum tuber'.	ŋ à ^h ŋ

Voicing lead

190. elbow

gʰhúli

ʰhúni

Cf. J2 gʰhúní.

Also cf T ʰgà^hma, J2 gʰhàbà ‘wing’. This is pan-Khoisan: ʰHoã ʰhà^hma, Kxoe ʰgàámá, |Gui ʰgà^hmà, Naro ʰxàmà. But note that |Gui words with pharyngealized vowels and low tone are for the most part loan words and the correspondence with Naro seems unusual.

Discussion of !Xóõ and Ju!hoan lexical similarities

If we believe that the Taa and Ju families that these languages belong to are unrelated, then the vocabulary correspondences set out below must perforce be the result of borrowing. But, is there any reason why we cannot take these correspondences as evidence of a genetic relationship, particularly in view of the structural similarities also noted below, as Greenberg and Ruhlen would surely do?

I believe there are several reasons why we should proceed with caution. First of all, although the correspondences cover a wide semantic range, if we look at the vocabulary in terms of basic semantic areas, we see much less similarity. None of the kin terms in !Xóõ have any analogue in Ju!hoan. Although there are many animal and bird names in the list, none of the words for major carnivores or herbivores correspond (lion, leopard, eland, kudu etc.). We find a number of corresponding words for body parts but none of the major words — head, eye, ear, hand, foot, heart — correspond. The same is true in general for natural phenomena, color terms, verbs of motion and so on.

More importantly, however, there are no characteristic sound correspondences: either the words are identical or nearly so, or they show random uncontextualized variation (as is generally true of words with pharyngealized vowels). For examples of nearly identical forms, consider #11–23 and #65–75. For examples of the random uncontextualized variation, see #26 and #94 where !Xóõ and Ju!hoan exactly reverse the correspondence breathy vowel ~ pharyngealized vowel; #26. ‘to flow’ !Xóõ: sù^hni; Ju!hoan: tsù^hnì vs. ‘artery’ !Xóõ: !ò^hoⁿ, Ju!hoan: !ò^hùⁿ.

We must also be careful of apparent correspondences resulting from group-internal sound changes that have nothing to do with one another. As an example, in #152–153 we seem to have T //G ~ J1 η//V^h. But there is evidence that Khoe voiceless and voiced uvular clicks have in Naro shifted to plain voiceless and nasal clicks respectively, followed by pharyngealized vowels (cf. puff adder |Gui //cáē, Naro η//à^hē, Kxoe //xèé, ||Ani η//yèé; apparently borrowed into Ju as Okongo //gàé, Mpunguvlei //gàè etc.) So, this apparent sound correspondence may simply be the result of differential borrowing with !Xóõ borrowing from |Gui and Ju!hoan from Naro, particularly since these words are also cited for Naro. Other paths of borrowing are also possible but the point is that the apparent !Xóõ //G ~ Ju!hoan η//V^h correspondence here is not necessarily hard evidence for a genetic relationship between Ju and !Xóõ.

Nevertheless, the impressive number of points of resemblance between these languages gathered here at the very least seems to indicate some period of intensive contact between the two. Indeed, the much stronger evidence in favor of a relationship between Ju and ʰHoã, taken with the resemblances set out here, might suggest that, rather than ʰHoã having wandered south as Westphal proposed, the speakers of Proto-Ju formerly lived much closer to the !Xóõ area and eventually wandered north.

Structural Parallels

1. Conditional: T *kâ*, J1 *ká*.

n̄ n̄ kâ bà †hã s̄a kí !qāhi
 1SG ASP COND TNS precede go TRPRT hunt
 ‘If I go first on the hunt’

žù †hã ká hà kú |x’àè hà lò’á
 person COND 3SG IMP sick 3SG chest
 ‘When a person has an illness of the chest’

2. Diminutive: T *-bà/-bâ*, J1 *-mà*.

	!Xóõ	Ju’hoan
diminutive sg.	<i>-bà/-bâ</i>	<i>-mà</i>
diminutive pl.	<i>-màni</i>	<i>-m^hín</i>

It is not clear from the available data whether the Ju diminutive is productive. The dictionaries list the forms individually. In both Ju’hoan and Ovamboland !Xũ, the singular *-ma* (also found as an independent noun meaning ‘child’) has an irregular plural from the subclass of nouns characterized by tonal change in the plural: Ju’hoan sg. *-mà*, pl. *-m^hín*, !Xũ sg. *-mà*, pl. *-mè^hé*. This suffix appears to have been fused to certain stems; e.g., child sg. *dà’ábà*, pl. *dà’ábí* (< **dã’á-m^hín*).

In !Xóõ, the dim pl is marked by *ò’âni*, the plural of *ò’âa* ‘child’ in the Lonetree dialect but in the Kutuku dialect the forms are sg. *-bâ*, pl. *-màni*. The correspondence here of irregularities between !Xóõ and Northern Khoisan is quite striking (presumably Ju *-mè^hé*, *-m^hín* < *màn).

3. Nominalizing suffix/noun suffix.

Traill’s dictionary cites *-sè* as simply a noun suffix, but there appear to be two nominal suffixes of this form. High-toned *-sé* attaches only to verb stems and forms a nominalization of that verb. Examples are T *xāu* ‘to respect’, *xāu-sé* ‘kin avoidance’, *ká’aⁿ* ‘to insult’, *ká’aⁿ-sé* ‘insults’; J1 *η/áj* ‘sit’, *η/áj-sí* ‘seat’, *kx’òàⁿ* ‘look for’, *kx’òàⁿ-sí* ‘eyes’, *†gà’ín* ‘high’, *†gà’ín-sí* ‘height’. It appears to be rare in !Xóõ; there are only five listings in Traill’s dictionary. The only likely overlap involves a change of meaning: T. */gôo* ‘be generous’, */gôo-sé* ‘gifts’; J1 */gò* ‘be stingy’, */gò-sí* ‘stinginess’.

Low-toned *-sè* attaches to a wide variety of stems, the result being a noun. This suffix is non-productive in both !Xóõ and Ju’hoan and its increment of meaning is difficult to define, but the majority of the nouns involved are bird and animal names. With this suffix, the overlaps between the two languages are somewhat more numerous.

T (*!úlu*)-*/èhe-sè*, J1 *η/ηò-fé* ‘fork-tailed drongo’; T */gàni-sè*, J1 */gànì-!àè!àè-fè* ‘karoo robin’; T *qá’i-sè*, J1 *kã’è-fè* ‘male PN’; T */q’ái-sè*, J1 *|x’àè-fè* ‘male PN’; T *η/làle lá’o-sè*, J1 *η/àè g!x’àri-fè* ‘pale chanting goshawk’.

4. Verb prefix and transitive particle.

In both !Xóõ and Ju there is a subclass of verbal stems which take a *k-* prefix. Some examples from !Xóõ are *kâθxóõ* ‘shuffle’, *kâηlāh’m* ‘stagger’, *kā’|ηā^fma* ‘blink’; in some cases, the *k-* element brackets the stem as in *kâθòòkâ* ‘be smeared with dirt’.

In her grammar of Ovamboland !Xũ, Heikkinen treats the analogous element as a “dummy verb” and says it usually takes the transitive particle but does not give any examples. However, from the examples in the vocabulary, we can see that just as in !Xóõ there are pre-fixed forms as in *kèdù'ùbì* ‘cut’ and bracketed forms like *kèmànìkì* ‘hide’.

In Ju!hoan this class appears to be very much reduced; the only examples in Snyman and Dickens are *kòkx'úí* ‘speak’, *kònàm* ‘slumber’ and *kòts'áũ* ‘jump away’. However, Dickens notes in his grammar that ideophones take the transitive particle *kò* (*kò !gòhbú* ‘splash’), though like Heikkinen he does not discuss this point in detail.

This leads us directly into another point of contact between the two languages, namely the transitive particle, an element in *k-* that marks adjuncts of the verb: objects, locative and instrumental phrases and adverbs of various sorts. In !Xóõ, this element changes its form to agree with the gender of its head, but Traill gives the base form as *kâ*. Indeed this is the most striking resemblance among the languages involved: that the verbal transitive particle and the verbal prefix have the same vocalization: T. *kâhò'be* ‘shake hard’, *kē kōpì tshôe* ‘in the cup’; J1 *kòkx'úí* ‘speak’, *kò tàfēr |hó* ‘on the table’; J2 *kètsâ'î* ‘make haste’, *kè ts'ù ñ!áñ* ‘in the house.’

Examples of the verbal prefix:

!Xóõ

èh ñ tshōa Ōân kâ'ñò'bukâ
3SG TNS begin sleep ADV(NOD OFF)
‘He is nodding off to sleep.’

kàn!á'm kâ ||ūm
surround TP2 springbok
‘surround the springbok.’

|á'í ñ kâ bà kâ'úpá ìh ñ †'áma 'ñùaⁿ
lion TNS COND ASP R&L 3SG1 TNS carry aggression
(*kâ'úpá* = ‘raise and lower the head [as a lion]’)

Ju!hoan

ká !hòàn kòg#hàò ||'a-kà dshàú †'áúfè tsáú
COND man fall.asleep DEIC woman ADV rise
‘When the man fell asleep, the woman quietly got up.’

hà kò!gòhbú kò zì !x'á tè dshàú-sì kò!ùìh !làh sàrà-à-khòè
3SGI splatter TP shit heart CONJ woman-PL ADV run scatter-JUNC-RECIP
‘He landed with a splatter in the shit and the women ran off scattering.’

!Xũ

má ké kèlá-gù kè hà
1SG PST seize-SG TP 3SG1
‘I caught him (by the arm).’

Note: Heikkinen, pp. 29–30: “The marker *kè* also marks a first extension immediately following... one of the small class of double verbs formed from the dummy verbs *kè* (or *kòè*).”

Examples of the transitive particle:

!Xóõ

n̄ n̄ η!úm tshûu |īi ké ká|gá'e
 1SG TNS dwell sit.SG STAT TP3SG k.
 'I am living at ká|gá'e.'

Ju|'hoan

mí hð-à lhá kò η!àmà η!áíj
 1SG see-TP meat TP path inside
 'I see the meat in the path.'

Conclusion

The number and sort of lexical and grammatical parallels between !Xóõ and Ju|'hoan are striking, yet are consistent with the hypothesis that the (proto)languages have had intensive contact. If the Taa and Ju language families are related to one another, the signal of any shared, inherited linguistic forms is obscured by an overlay of forms shared due to contact. Not only has there been contact between Taa and Ju, but there also has been contact between both families and the Khoe languages.

Literature

- BLEEK, Dorothea F. (1929). *Comparative Vocabularies of Bushman Languages*. University of Cape Town, School of African Studies Publications. Publications from the School of African Life and Language. University Press. Cambridge. [Pp 94]
- EHRET, Christopher. (1986). Proposals on Khoisan reconstruction. *Sprache und Geschichte in Afrika*, 7(2): 105–130.
- GREENBERG, Joseph H. (1963). *The Languages of Africa*. Bloomington. Indiana University.
- GRUBER, Jeffrey S. (1975). *Bushman languages of the Kalahari: †Hoan – vocabulary – recorded utterances*. Technical project report to the National Endowment for the Humanities, Washington, D.C.
- GÜLDEMANN, Tom. (2008). Greenberg's "case" for Khoisan: The morphological evidence. *Problems of Linguistic-Historical Reconstruction in Africa*. Ed. by Dymitr Ibrizimow, with contributions by Pascal Boyeldieu, Pierre Nougayrol, Gerrit J. Dimmendaal et al. (Sprache und Geschichte in Afrika, 19). Köln: Rüdiger Köppe. pp. 123–153.
- HAACKE, Wilfrid H. G. & Eliphaz EISEB. (2002). *A Khoekhoegowab Dictionary, with an English-Khoekhoegowab Index*. Windhoek: Gamsberg Macmillan.
- HEIKKINEN, Terttu. (1986). Phonology of the !Xū dialect spoken in Ovamboland and western Kavango. *South African Journal of African Languages (Suid-Afrikaanse Tydskrif vir Afrikatale)*, 6(1): 18–28.
- HONKEN, H. (2006). Fused loans in Khoesan. *Pula*, 20(1): 75–85.
- RUHLEN, M. (1994). Khoisan Etymologies. In: *On the Origin of Languages*. Stanford, California. Stanford University Press. pp. 45–69. (Chapter 3).
- SANDS, Bonny. (2009). Africa's linguistic diversity. *Language and Linguistics Compass*, 3(2): 559–580.
- TRAILL, Anthony. (1986). Do the Khoi have a place in the San? New data on Khoisan linguistic relationships. *Sprache und Geschichte in Afrika*, 7(1): 407–430.
- VISSER, Hessel. (2001). *Naro Dictionary: Naro-English, English-Naro*. 4th edition. Ghanzi, Botswana: Naro Language Project & SIL International. [240pp]
- WESTPHAL, E. O. J. (1962). On classifying Bushman and Hottentot languages. *African Language Studies*, 3: 30–48.

Appendix: Additional matchings showing irregularities

Gloss	!Xóõ	Ju 'hoan
1. nosebleed	dzâ ^h u ⁿ	dù'ú ⁿ
	But cf. also dzâ ^h u ⁿ and J1 zà ⁿ -wa 'virgin' (underlying meaning 'to bleed').	
2. tie closed	dtsxà'm	txòm
3. not share	à ^h hi	kà ^h í
4. stand on tiptoe	hó'lo	tò ^h órotò ^h òrò
5. lift to peek under	āhbi	tà'ábí
6. marijuana	qhàna	xàna
7. gape	qàa	gò'á
	But also found in †Hoā gā'a, Kxoe qāā 'open mouth', Nama kàlāá 'yawn'.	
8. sly	kāha	kà ^h hà ⁿ
	J1 = 'do in secret'. Cf. Nama kàá 'be clever'.	
9. joint	gūlu	gògòró
	T = ankle, J1 = 'heel'. Cf. also J1 x'ái-tʃhùù ⁿ -gúnú 'heel'.	
10. eat dry food	gùm	gòm
	J1 = 'swallow'.	
11. recline, sg	tshūu	ǰú
	T = 'sit' sg.; J1 = 'lie down' sg.	
12. cast skin	húli	hùrìhùrì-jà
	T = 'cast skin, change to another creature'; J1 = 'smooth'. Cf. also T thūlu 'smooth', J1 thúru 'change to another creature'; T dūhi-tūhi-dthūi 'shaved, shorn, bald, smooth', cf J1 dúri 'peel', dù'úri 'slough skin', J2 dú'úrí 'be naked'.	
13. steal	dzā'a	dǰ'áá
	T = 'hide, conceal'; J1 = 'steal, kidnap'.	
14. lightning	tāli	tàri
	J1 = 'thunder, echo'. Cf T tāli ts'éen 'sound of a lightning strike, lit. 'lightning cries'. For the quotative verb, cf J1 tǰ'ín 'cries'.	
15. form clouds	ō ^h o	hòò
	J1 = 'clear up'. For other comparisons with a semantic reversal of polarity, consider T kx'āba 'get up', J1 khábá 'go down'; T gòò 'generous', J1 gò 'stingy'.	
16. turn	qā'bi, q'ābi tâ	kà'ábé
	T = 'turn inside out', J1 = 'fold over, roll up (i. e. sleeves)'. Also apparently found in Khoe Naro kà ^h bí, †Ani γàbí (re)turn.	
17. pull/fall out	gū ^h hm	kòm
	T = 'pull out grass or hair, pluck'; J1 = 'fall out (feather)'.	
18. choke	ǰ'úu ⁿ	ǰ ù'ú ⁿ
	T †Gú ^h mu ǰ'úu ⁿ 'choke on food', Gú ^h hu ⁿ -ǰ'úu ⁿ 'excess saliva in pharynx'; J1 = 'swallow with difficulty'.	
19. cut in pieces	!àhle	!ährè
	T = 'cut meat in pieces'; J1 = 'cut meat in strips'.	
20. bird sp	!òbo	!óbó
	T = 'quail'; J1 = 'red-billed francolin'.	

21. shake out	!àhin	!àhìn
	T = 'beat a blanket'; J1 = 'shake out (e.g. liquid)'. Cf. also 'beat out' T !à ^h i ⁿ kV; J1 !à ^h i ⁿ , J2 η!ηjàèη!ηjàè. Note vowel lowering in J2 related to nasalization.	
22. travel	!âo	!áú
	T = 'go "up" back home'; J1 = 'move, trek'.	
23. tell	!ūbe	!òbè
	T = 'tell'; J1 = 'discuss'.	
24. take a handful	'ām	x'àm
	Cf. T x'únu 'bridge of nose'; J2 xòónù 'nose'.	
25. wrinkled	g x'ài	x'ài
26. snake sp	‡qhúu	‡hú
	T = 'small python'; J1 = 'banded spitting cobra'.	
27. snatch	qhúu	hú
	T = 'snatch'; J1 = 'take back a gift', cf J2 g hú 'snatch'. Cf also T qhála 'chop off pieces'; J2 hárá 'rip up'.	
28. to shake	η!ābu	η áúη ábú
	T = 'shake, shiver'; J1 = 'shake, twitch violently'.	
29. cut off	η àho	η àhù
	T = 'flay, skin'; J1 = 'shave'.	
30. spill	η à ^f a	η àà
	T = 'pour, spill'; J1 = 'sow'.	
31. churn	η ū ^f hbu	η ùbù
	T = 'shake (of liquids)'.	
32. catch	η‡àho	η‡àhù
	T = 'catch smth. moving'; J1 = 'take with both hands'.	
33. stomach contents	η āhna	η ànà
	T = 'contents of rumen'; J1 = 'shit, dung'.	
34. refuse	η á'ni	η ànín ànì
	T = 'refuse to do what is asked'; J1 = 'dissuade, i. e. causative of not do'.	
35. arm	η‡á'a ⁿ	η‡hà ⁿ
	T = 'ulna and radius'.	
36. think	η!òho	η!òó
	T = 'speculate, imagine, think'; J1 = 'yearn for, mourn, wish'.	
37. to tie	' ηāhni-	'àní
	T 'tie' pl.; J1 = 'tie closed'.	
38. wink	' ηā ^f ma	-η!ò ^f ómá
	J1 gàá-ts'i-η!ò ^f ómá = 'eye-cover-wink'.	
39. carry on stick over shoulder	gàlo	!àrò
40. caracal	qhāa ‡'ùì	‡'ùì
41. mortar	!gâi	!ài
42. <i>Oxygonum</i> sp	gùe-η‡ā ^f hu	η‡ā ^f ò
43. knife	η‡ûn	η‡àhù
	J1 = 'Ovambo knife'; T = 'spear', pl. Cf. Aminuis dialect 'knife': sg η‡ôra, pl η‡ûn.	
44. warthog	gāhli-sè	khàrí
	T cited in Traill, Phonology p. 170. J1 = 'wild pig'.	

45. to fly	dzā'hin	zõ'ín
46. hair	!x'ôe	!x'úi
	T = 'rain'. Cf. J1 !gà!x'úi, η ð'íl!x'úi 'cloud', lit. 'rain's hair'.	
47. tease	'ái 'ài	x'ài
48. rag	g x'ài	x'ài x'arì
49. tortoise	η úe	gòé
50. nail	gà'm	-!ä' ⁵ àmì
	J1. !gáú-!ä' ⁵ àmì 'finger'.	
51. tortoise shell	Gõh'a	ò'á
	T = 'plastron of tortoise'; J1 = 'tortoise', cf J2 gò'á id.	
52. Pentarrhinum insipidum	†gú'a	gò'á
53. tongue	'náf'm !qhâa ⁿ	nà'm
	T = 'saliva' (? < tongue + water); J1 = 'lick'.	
54. growth	sú'í ⁿ	
	T = 'growth on plant'. Cf. J2 tsú'í ⁿ 'growth on tree'.	
55. starling	dzáf'ba í'hí	žó'ai
	J1 cited in Dickens, tone not given. Cf. †Hoã džó'barí.	
56. dance	η āhm	η ām
	T = 'play with, joke with'; J1 = 'dance (of women)'.	
57. stick sp.	η ú'm	η ò'm
	T = 'pestle'; J1 = 'stick for helicopter game'.	
58. trick	η†áf'a bìi	η†hàbè
	T = 'trickster, deceiver'; J1 = 'trick, deceive'.	
59. smoulder	η!ò'hlo	η!àhrù
60. crowned plover	η áf'en	η!ä' ⁵ ì
61. worm	†gú'u ⁿ	η†ù'ú ⁿ
	Cf. K. dialect of !Xóõ i-†qhú'u ⁿ .	
62. to trip	†gāhm-†gúli	η†ù'ú ⁿ i
63. to sharpen	η áf'n	η hàñ
64. cool down	η†ùa	η†hòàrà
65. shoulder	‡ ηú'bi tshôe	η ù'ùrù
	T = 'armpit' < 'shoulder' (?) + 'inside'.	
66. syphon water	‡†ηūhn-	η†hùrì
66. stick sp.	gāmi	η ä' ⁵ mì
	T = 'scraper'; J1 = 'splinter'.	
67. chest	!gāhma	η!āhmà
	T = 'sternum'; J1 = 'hold to chest'.	
68. dent	†gà'm-	g†x'à'm
69. ask for	gàan	àn
70. warm by the fire	†àla	†'àrà
71. mound	†gûu ⁿ †gûu ⁿ	tò'†gûù ⁿ -à
	T = 'mound of sand'; J1 = 'ash heap' ('ash' + 'mound' + compound marker), cf. also †gú ⁿ †gú ⁿ -fê 'ant sp.'	
72. seize	qhúu	hú
	T = 'snatch'; J1 = 'take back a gift'; cf also J2 g hú 'rob'. Found also in Khoe.	

73. burn	‡qhó'obu T = 'scorch'; J1 = 'boil dry, burn'.	‡x'òbò
74. breathe	‖qhô'a ⁿ J1 = 'pant'.	‖xòà ⁿ
75. joint	g‡xúbi T = 'elbow'; J1 = 'shoulder joint'.	‡xúbí
76. shiver	‡gà'ni	‡à ì ⁿ ‡àni
77. wild dog	g‡xūi For initial cf #52 <i>Pentarrhinum insipidum</i> .	g‖x'áúhí
78. to siphon	dtsk'òla T = 'to squirt'. Cf. also T <i>dtsxô'ni</i> 'stick into (hair, branches)'; J2 <i>dsxðè</i> 'put in under belt'.	dts'úi
79. chin	‖gā ^h e T = 'dewlap'. Cf. J2 ‖gā ^h 'chin'; cf also Kxoe ‖géí, ‖gái 'cheek'.	!gā ^h ɪ ⁿ
80. raise up	‡hābi	‡ábí
81. pan	!gā ^o -bà Cf. 'trachea' T !gúlu; J1 !ð ^o òrù, J2 !gùrúku. Also T !gùm 'jaw muscle'; J1 !òm 'cheek'.	!ò ^o
82. insect sp.	!gā ^h hi-sí T = 'dung beetle'; J1 = 'termite', cf J2 !gè ^h é 'termite' (some forms collected by Amanda Miller-Ockhuizen).	!gā ^h è
83. erythema	tō ^h hlo	dò ^o òrò
84. septum	‖x'únu Cf. J2 ‖xòónù.	‖xáúnú-sì
85. wolf spider	qhūu	ɲ hùù
86. ritual face scars	ɲ‡ūh'uma	ɲ‡òm
87. dish up	‖āhi kV J1 = 'lure with food'.	‖āhì
88. beg	‖gāa ⁿ	‖à ⁿ
89. carry on pole over shoulder	‖gàlo	!àrò
90. to chop, cut	kháa ⁿ T = 'carve'; J1 (cited by Köhler) = 'to hoe'. Cf. J2 <i>khán</i> 'to hoe' and also Kxoe <i>sáⁿ</i> < * <i>tshán</i> < <i>khán</i> 'to hoe'.	khá ⁿ
91. thong	qhūle Snyman derives the Jul'hoan word from Tsw. <i>kxore</i> id., but this word also occurs as Naro <i>kxòrē</i> and Kxoe <i>qwèrē</i> (note also that the !Xóǒ word is in gender 3, the default gender, but has an irregular diminutive <i>qhùlu-bà</i>). It is tempting to bring Nama <i>kàré-p</i> 'slingshot' into this group, but the vocalism presents a serious problem. Vossen suggests that the Nama word is related to Naro <i>!àrē</i> , Kxoe <i>kyàrē</i> 'cut in strips' (though these might be borrowed from Jul'hoan <i>!àhrè</i>), as an unusual example of click loss in Nama. As usual, we have a dauntingly complex web of relationships. The first question to ask is whether the Tswana form has a Bantu etymology. If not, it seems more likely that Tswana borrowed <i>kxore</i> from Naro. Naro <i>kx-</i> corresponds to Gui <i>qh-</i> in a number of words, so the Naro form might be reconstructed as * <i>qhòrē</i> . The form is so far recorded only for Kxoe and Naro, but if any other Khoe languages have a cognate, the word may be recon-	xòrè

structible for Khoe. The !Xóǝ word might then be a borrowing from Proto-Naro or Proto-Naro/||Gana **qhòrē* and the Ju'hoan form might be borrowed from modern Naro *kxòrē*, as is the Tswana word (with *x*- replacing *kx*- in J1).

There is an alternative explanation for the Nama word — as a borrowing from some other Khoe language which has undergone click loss. This may be the case for another unusual form, *jáà* 'tread' (Naro *náà*) found in Kxoe and !Gui; it may represent a borrowing of **ηáà* 'dance' from some Shua or Tshoa language which has shifted **η* to *ɲ* or *j*.

Г. ХОНКЕН. Лексические схождения между !хонг и и жу|хоан.

Статья представляет собой обзор 281 лексического схождения между языками !хонг (Т) и жу|хоан (J1), относящимися к языковым группам таа (южнокойсанская) и жу (севернокойсанская) соответственно. По состоянию на сегодняшний день именно эти языки оказываются наиболее тщательно описанными представителями соответствующих семей. Помимо этого, в статье обсуждается ряд любопытных структурных параллелей между данными языками. На основании проанализированных данных автор приходит к выводу, что наблюдаемые сходства удобнее объяснять через сложную систему ареальных контактов, чем через постулирование генетического родства.

Ключевые слова: койсанские языки, языки жу, языки таа, лексические сходства, ареальные контакты.

О финальной стадии эволюции языка (лексико-семантический аспект)*

В статье показывается, что 1) «слова» протоязыка были однозначными и имели только основные значения; 2) при трансформации протоязыка в праязык эти «слова» стали многозначными — обрели метафорические и метонимические значения; 3) тот, кто способен понимать и порождать метафоры и метонимии, обладает человеческим представлением действительности, развитым мышлением и способностью творчески использовать многозначную лексику

Ключевые слова: лексический протоязык, эволюция языка, полисемия, основное значение, метафора, метонимия, праязык, усвоение языка.

1. Введение

Одной из главных проблем современной теоретической лингвистики является одновременное и в большинстве случаев «мирное» сосуществование множества противоречащих друг другу теорий языка (подробнее об этом см. в [Кошелев 2013]). Аналогичная ситуация имеет место и в более частных лингвистических дисциплинах, прежде всего в глоттогенезе. Так, касаясь многообразия теорий происхождения и эволюции языка, Д. Бикертон отмечает **«поразительное отсутствие консенсуса и несовместимость различных подходов**, с которыми исследователи сталкиваются на почве языковой эволюции» ([Bickerton 2007: 524]; выделено нами. — А. К.), см. также [Hewes 1977; Fitch 2010: 401—507; Козинцев 2010].

Для того, чтобы в этом многообразии подходов и гипотез найти точку приложения сил, мы, во-первых, предельно сузим рамки рассматриваемого нами периода языковой эволюции, ограничившись лишь ее финальной стадией — переходом от максимально развившегося **протоязыка к праязыку** (первому человеческому языку). Во-вторых, мы будем следовать гипотезе о том, что такой развитый протоязык был лексическим, и поэтому не обсуждаем две другие возможные модальности протоязыка: жестовую, идущую в современной трактовке от Г. Хьюза [Hewes 1977] (см. также [Панов 2004: 137—172]), и музыкальную, обсуждавшуюся еще Ч. Дарвином¹ и развиваемую Т. Фитчем [Fitch 2010: 466—506]. Важным достоинством гипотезы лексического протоязыка является ее относительно широкое признание в среде теоретиков-эволюционистов. Вот как характеризует ее Т. Фитч:

Речь идет о протоязыке, обладающем обширным словарем значимых символов, но лишенном отработанного синтаксиса. Слова в таком языке не комбинируются в сложно выстроенные пред-

---

* Выражаю глубокую благодарность А. Г. Козинцеву, Н. В. Перцову и Я. Г. Тестельцу за ценные замечания.

¹ О разных версиях протоязыка см., напр., [Fitch 2010: 401—506; Bickerton 2008; Бикертон 2012: 63 и сл.].

ложения, так что приобретение синтаксиса рассматривается как следующий, заключительный шаг в эволюции языка. Эта модель представляется справедливой для исследователей разных школ, между которыми существуют разногласия относительно многих других аспектов проблемы (например, Lieberman, 1984; Bickerton, 1990; Givón, 1995; Jackendoff, 2002) [Fitch 2010: 401].

В-третьих, мы считаем, что описание завершающей стадии языковой эволюции должно опираться на какую-то общую теорию языка. Поскольку в настоящее время таких общих теорий существует более десятка, эволюционная теория должна быть привязана к некоторой вполне определенной языковой концепции. Тем самым автор, с одной стороны, эксплицитно формулирует свой взгляд на устройство языковой системы, возникновение которой он должен объяснить, а с другой стороны, подчиняет построение своей эволюционной концепции «внешним» ограничениям, предопределяющим этапность развития данной языковой системы из некоторого исходного состояния (коммуникативной системы животных или протоязыка).

Поэтому в центре нашего внимания будут теории Д. Бикертонна [Bickerton 1990; Calvin, Bickerton 2000; Bickerton 2009] и Р. Джекендоффа [Jackendoff 2010], рассматривающие эволюцию лексического протоязыка. Первая из них опирается на концепцию креолизации пиджина, а вторая — на одну из версий генеративизма. Мы также коснемся эволюционной концепции Н. Хомского [Chomsky 2010], с которой обе эти теории тесно связаны и остро соперничают, см. [Fitch 2010: 401–432].

Охарактеризуем кратко данные концепции. Их объединяет по меньшей мере два фундаментальных свойства: нативизм и синтаксоцентричность. Во-первых, все три концепции исходят из гипотезы о наличии у ребенка врожденных структур языковых знаний (они называются по-разному: «универсальная грамматика», «генетический дар» [Chomsky 2005: 1], «механизм усвоения языка» [Jackendoff 2010: 63]) и пр.

Во-вторых, все они являются синтаксическими, поскольку исходят из положения, что главной характеристикой человеческого языка является синтаксис (иерархические синтаксические структуры языковых фраз), а потому в формировании синтаксиса и заключается сущность языковой эволюции, ср.: «⟨...⟩ синтаксический компонент является завершающей инновацией, так сказать, венцом эволюции языка» [там же: 71].

Различия же между этими теориями предопределяются их общетеоретическими установками и сводятся в конечном счете к вопросу о взаимосвязи языка и мышления. Н. Хомский в духе картезианской традиции постулирует неразделимость языка и мышления и, соответственно, скачкообразность языковой эволюции: синтаксические структуры и определяемые ими формы мысли появляются одновременно и сразу. Д. Бикертон и Р. Джекендофф постулируют относительную независимость мышления и языка и, соответственно, двухэтапность языковой эволюции: сначала имеют место элементарное мышление и протоязык (его асинтаксические фразы посредством фиксированного порядка протослов² задают лишь семантические роли и отношения («„Агенс“ на первом месте» и др.)), а затем появляются развитый синтаксис и собственно человеческое мышление.

Поясним кратко сказанное. По мнению Н. Хомского, человеческий язык мог возникнуть лишь «одномоментно», одним скачком [Chomsky 2010: 59]³. Этот вывод неизбежно следует из его трактовки человеческого языка.

⟨...⟩ язык человека — это вычислительная система, часть мышления (механизмов мозга), которая порождает неограниченное множество структурно организованных выражений... Каждое поро-

² См. [Бикертон 2012: 254; Jackendoff 2010: 69].

³ Так же считают и некоторые другие лингвисты, см., напр., [Гумбольдт 1984: 308; Мюллер 2009: 270].

жденное выражение может рассматриваться как совокупность инструкций для *интерфейсных* систем, обеспечивающих связь с теми компонентами мышления (механизмами мозга), в которые вложена языковая способность [там же: 45; курсив автора].

Синтаксические выражения строятся из абстрактных «слов» специального лексикона («концептуальных или лексических „атомов“», которые суть наборы фонологических, синтаксических и семантических признаков). Что важно: использование этих выражений «для мышления, понимания и организации деятельности» обеспечивается специальным и внеположным языку «семантико-прагматическим» интерфейсом, преобразующим каждое такое выражение в логическую форму (Logical Form), пригодную для интерпретаций механизмами мышления человека. Иначе говоря, синтаксическое выражение задает форму мысли, а механизмы конкретного мышления — ее семантико-прагматическое осмысление⁴.

Видоспецифическим свойством языка (такой «вычислительной системы») является его способность порождать рекурсивные выражения⁵. Но рекурсивная синтаксическая структура не может возникнуть постепенно. Поэтому к формированию человеческого языка теория естественного отбора неприменима. Как считает Н. Хомский, возникновение языка было «результатом случайной мутации» [там же: 60].

Д. Бикертон и Р. Джекендофф, напротив, считают, что язык формировался поэтапно, через посредство лексического протоязыка.

Д. Бикертон, апеллируя к пиджинам и их исторически «моментальному» (в течение одного поколения) преобразованию в креольский язык, утверждает, что человеческий язык появился в два этапа: сначала сформировался «лексический» протоязык, асинтаксические фразы которого выражали элементарные мысли проточеловека (их звуковые «слова» «наназывались как бусины на нитку: А + В + С», не объединяясь в синтаксическую структуру), а затем этот протоязык скачкообразно трансформировался в полноценный человеческий язык, слова которого «образуют иерархическую структуру, похожую на дерево» [Бикертон 2012: 206]. Логика Бикертонна также вполне ясна: иерархическая структура, лежащая в основе синтаксиса, не может возникнуть постепенно. При этом неявно предполагается, что иерархическая структура компонентов мысли проточеловека не послужила образцом для образования синтаксической иерархии.

Р. Джекендофф определяет язык сходным с Н. Хомским образом — как генеративную вычислительную систему, порождающую правильные выражения из тех же абстрактных «слов» (см. выше) [Jackendoff 2010: 67]. Однако формируемое этой системой выражение не однослойно, как у Н. Хомского, а трехслойно и представляет собой «параллельную архитектуру» из трех структур: фонологической, синтаксической и «семантической/ концептуальной», каждая из которых формируется своим порождающим модулем, и связывается с двумя другими «при помощи правил интерфейса» [Jackendoff 2007: 49].

Такая трехуровневая структура языковых фраз дает Р. Джекендоффу основание предполагать «разнообразные сценарии развития языковой способности» с постепенным

⁴ В. А. Плунгян представил этот аспект теории Н. Хомского следующей наглядной метафорой: «Язык мыслится неким подобием машины по производству пустых бутылок (пусть очень сложной формы и очень многих типов, но дело не в этом); если потом в бутылку для „Пепси-колы“ будут наливать бензин, это... никакого отношения к заводу-изготовителю не имеет. Завод следит, чтобы цвет стекол и форма доньшка соответствовали инструкции, за все остальное он нести ответственности не может» [Плунгян 1999: 51].

⁵ Согласно статье М. Хаузера, Н. Хомского и Т. Фитча [Hauser et al. 2002: 1573], «вычислительный механизм рекурсии... является уникальным для нашего вида», а рекурсивная синтаксическая структура специфична для человеческого языка.

увеличением «гибкости и эффективности системы коммуникации» [Jackendoff 2010: 71]. В самом деле, поскольку все три уровня фразовой структуры (фонология, синтаксис и семантика) независимы, вполне можно допустить первоначальное образование лишь двух из них: фонологического и семантического/концептуального. И тогда возможен сценарий, предлагаемый Д. Бикертоном: сначала возникает асинтаксический протоязык (аналог пиджина и языка полуторагодовалого ребенка) — инструмент выражения элементарных мыслей проточеловека, а затем этот протоязык обретает синтаксис, трансформируясь в полноценный человеческий язык. Р. Джекендофф в своих построениях отводит гораздо большую роль периодам постепенной эволюции протоязыка. Однако и он отмечает, что «возникновение иерархических структур... требует, как кажется, фундаментальных инновационных изменений репрезентативной способности мозга» [там же].

Как мы видим, различия теорий языка предопределяют своеобразие сценариев происхождения и эволюции языка. Укажем для сравнения на концепцию языковой эволюции М. Томаселло, опирающуюся на «грамматику конструкций» и альтернативную рассмотренным выше теориям. Согласно этой концепции в усвоении родного языка главным для ребенка является не генетический, а обучающий фактор (usage-based theory of language acquisition) [Tomasello 2003: 307—312; Томаселло 2012].

2. Когнитивно-семантический подход к эволюции языка

1. Лексоцентрическое направление. В предлагаемом нами подходе в качестве точки отсчета также берется лексический протоязык, но фокус внимания перемещается с синтаксического, на лексико-семантический аспект его эволюции. Если в рамках доминирующего в настоящее время синтаксоцентрического подхода главным результатом эволюции протоязыка считается возникновение сложных синтаксических структур и, в частности, рекурсии, то в лексико-семантическом подходе главным **итоном эволюции протоязыка** мы будем считать появление **лексической многозначности**: прежде однозначные протослова, трансформируясь в слова человеческого языка, становятся многозначными, обретают вторичные значения, причем не произвольного, а вполне определенного (метафорического и метонимического) типа.

Основанием для этой гипотезы служит следующее соображение. Для человеческого языка характерна многозначность его лексики. Это — одна из фундаментальных языковых универсалий. При этом структура лексической многозначности одинакова во всех языках. Многозначное слово содержит одно основное, или исходное значение (оно описывает фрагмент действительности: предмет, животное и т. д.) и несколько производных от него (метафорических или метонимических) значений, имеющих гораздо более сложную структуру (см. п. 4). Поэтому естественно предположить, что на каком-то этапе эволюции протоязыка его лексика была однозначной и обладала только основными значениями (или их протокоррелятами). В самом деле, поскольку производные значения многозначного слова образуются из (или при посредстве) основного значения, они появляются строго **позже основного**. Как мы покажем ниже, эта последовательность наблюдается и при усвоении ребенком знаменательных слов родного языка: сначала он усваивает основные значения своих первых слов, а примерно с двухлетнего возраста (на этапе речевого взрыва) его однозначные слова постепенно обретают производные значения.

Рассмотрение общих вопросов эволюции человека и его языка обязывает нас определить место нашего исследования в кругу подходов, изучающих эту тему. Заметим, прежде всего, что излагаемый нами «лексикоцентрический» подход не является альтерна-

тивной синтаксоцентрическому подходу и, в частности, рассмотренным выше синтаксическим теориям языковой эволюции. Он находится в отношении дополнительности (а не в оппозиции) к собственно синтаксическим выводам этих теорий, поскольку эволюция языка представляет собой синхронное и взаимосвязанное развитие его лексикона и грамматики.

В то же время развиваемая нами точка зрения альтернативна «односторонним» концепциям, согласно которым из двух наиболее общих факторов, обеспечивших эволюцию человеческого языка (внутреннее развитие и влияние среды) выделяется какой-то один доминирующий фактор. Таким фактором часто становится либо «универсальная грамматика» (Н. Хомский и др.), либо «социальное взаимодействие» (Т. Дикон, М. Томаселло и др.), ср.: «большинство уникальных аспектов „высшего познания“ или даже все они тем или иным способом происходят из социального взаимодействия и его интериоризации индивидами» [Томаселло 2011: 26].

Наш подход лежит в русле общей концепции Герберта Спенсера, согласно которой всякое развитие живого существа осуществляется при тесном взаимодействии этих двух равновеликих факторов, или, говоря словами И. М. Сеченова, *«Всегда и везде жизнь складывается из кооперации двух факторов — определенной, но изменяющейся <нервной. — А. К.> организации и воздействия извне»* [Сеченов 1952: 288; курсив автора]. В более конкретном плане мы следуем концепции И. М. Сеченова, который в своей работе «Элементы мысли» [Сеченов 1952: 272—426] развил подход Г. Спенсера.

В данной статье сказанное демонстрируется на примере усвоения двухлетним ребенком лексической многозначности (умения понимать и порождать метафоры и метонимии), см. пп. 2—6. Как мы пытаемся показать, в овладении этой языковой способностью существенную роль играют оба фактора: внутренний (когнитивное развитие ребенка) и внешний (инпут и референция). Когнитивное развитие ребенка а) обуславливает образование **универсальной семантической структуры**, которая продуцирует формирование многозначной лексики, б) формирует новый, более детальный (свойства и части объектов) уровень **ментального представления действительности** и в) расширяет возможности **мышления**, включая в его сферу этот новый уровень. Фактор внешних воздействий складывается из а) речевого стимула, или инпута — воспринимаемой ребенком речи окружающих, и б) референтного стимула — непосредственно воспринимаемых им фрагментов и ситуаций действительности, которые описываются в речениях взрослых.

Лишь тесное взаимодействие обоих факторов способно обеспечить, на наш взгляд, ту быстроту и успешность, с которой ребенок усваивает метафорические и метонимические значения.

2. Когнитивно-лингвистический подход к лексической многозначности. В соответствии с логикой наших рассуждений мы должны теперь представить теорию лексико-семантических значений, включающую анализ и механизмы образования лексической многозначности, чтобы явным образом обозначить то итоговое состояние лексикона человеческого языка, к которому должна эволюционировать лексика протоязыка. Конечно, в небольшой статье это сделать невозможно. Ниже мы представим лишь краткий конспект этой теории, более подробно она изложена в статьях [Кошелев 2011; 2012].

В своих построениях мы будем опираться на две независимо существующие концепции: 1) на древнейшую лексикологическую традицию, различающую в знаменательном слове основное (исходное) и производные от него значения (в современной трактовке эта традиция представлена работами акад. В. В. Виноградова и ряда других

ученых⁶) и 2) на созданную в середине прошлого века трудами Э. Рош, Дж. Лакоффа и др. теорию «базовых концептов» — когнитивных единиц, формирующихся у ребенка в первые годы жизни и отражающих его начальную классификацию окружающего мира.

Наш интерес к этим концепциям вызван тем, что они с разных позиций изучают одно и то же явление: первичные **когнитивные единицы** (базовые концепты), возникающие в сознании ребенка помимо языка в результате сугубо когнитивного развития, становятся далее важнейшими **семантическими единицами** — основными значениями усваиваемых ребенком знаменательных слов. Соединяя эти концепции, мы сможем объяснить, с одной стороны, когнитивную сущность основного значения слова, а с другой стороны, природу и механизмы образования из него (из базового концепта) производных значений.

Рассмотрим кратко каждую из этих концепций и характер их взаимодействия. В соответствии с лексикологической традицией во множестве значений знаменательного слова выделяется «основное» значение, описывающее «кусочек действительности» [Виноградов 1977], и его семантические дериваты, или «производные» значения — метафорические, метонимические и синекдохические значения — порожденные из него посредством одноименных семантических механизмов (мы ограничимся здесь анализом лишь конкретной лексики и радиальной многозначности), подробнее об этом см. в [Кошелев 2011; 2012].

Проиллюстрируем сказанное примерами словарных статей слов *дерево* и *тарелка*.

Дерево

Основное значение:

1. 'многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону'.

Производные значения:

2. 'структура, образованная стволом дерева и его ветками' (метафора), напр., *дерево зависимостей*, *родословное дерево*;
3. 'то же, что древесина' (метафора), *резьба по дереву*.

Тарелка

Основное значение:

1. 'посуда круглой формы с приподнятыми краями и плоским дном'.

Производные значения:

2. 'плоская медная пластина ударного музыкального инструмента' (метафора);
3. 'содержимое тарелки' (метонимия), *тарелка супа*.

Согласно когнитивным исследованиям Э. Рош, Б. Берлина, П. Экмана, Дж. Лакоффа и др. (см. [Лакофф 2004: 52—85]), **первичные категории**, — «деревья», «тарелки», «собаки», «яблоки» и др., задающие начальную классификацию предметного мира ребенка, формируются у него, начиная с конца первого года жизни, причем благодаря сугубо

⁶ Эта систематика лексических значений, идущая от Аристотеля, изучалась в средневековье (Ансельм Кентерберийский и др.), в лингвистических исследованиях А. С. Шишкова, младограмматиков (Г. Пауль) и лингвистов XX века. С середины 1930-х гг. сходная систематика значений слова разрабатывалась Р. Якобсоном и Е. Куриловичем, а в 1950-х гг. — В. В. Виноградовым. Позднее эта лексикографическая концепция нашла продолжение в трудах Д. Н. Шмелева, Дж. Лакоффа и др. [Шмелев 1977; Norvig, Lakoff 1987; Brugman, Lakoff 1988].

когнитивным процессам развития, независимо от «растущего» в нем родного языка. Кроме того, дети **усваивают имена вещей на этом уровне** раньше всего. Когнитивные единицы, задающие такие категории, получили название базовых концептов. Согласно Дж. Лакоффу, базовый концепт обладает **общей формой** (overall shape) и **типичными действиями**, которые осуществляются с этой формой. Далее мы будем для простоты рассматривать только «предметные» базовые концепты, задающие классы предметов и живых существ. В этом случае базовый концепт можно мыслить как целостный ментальный объект (вещь), хранящийся в памяти ребенка и задающий класс предметов, сходных с ним по форме и действиям. Например, ментальный объект ДЕРЕВО хранится в виде целостного и типизированного пространственного образа (объемной формы) дерева и типичных взаимодействий с ним. Аналогично, объект ТАРЕЛКА — это типичная объемная форма тарелки плюс стандартные действия с ней. Благодаря своей форме и действиям такие объектные репрезентации (базовые концепты) задают категории конкретных предметов.

Поскольку, с одной стороны (когнитивные данные), дети усваивают имена вещей первыми, а, с другой стороны (лингвистические данные), основное значение слова описывает «кусочек действительности» (а именно это и делает базовый концепт), мы будем полагать, что ментальный объект (= базовый концепт), получающий имя, и становится основным значением слова, усваиваемого ребенком. А категория предметов, задаваемых этим базовым концептом, становится прямым денотатом этого слова, или множеством его референтов ([Кошелев 2011: 702—715]).

Так, описание основного значения слова *дерево* («многолетнее растение с твердым стволом и ветвями...») отсылает к базовому концепту (объекту) ДЕРЕВО (форма дерева и возможные взаимодействия с ним), который задает множество конкретных деревьев — референтов слова *дерево*. Это же верно для основного значения слова *тарелка* и ментального объекта ТАРЕЛКА. Иными словами, мы постулируем, что основным значением детских слов *дерево*, *тарелка* и др. являются соответствующие ментальные объекты, формирующиеся в его памяти.

В итоге получаем следующую когнитивно-семантическую схему слова:

- (I) Имя — основное значение — референты
Дерево — объект ДЕРЕВО — конкретные деревья (члены категории)
Тарелка — объект ТАРЕЛКА — конкретные тарелки (члены категории)

3. Усвоение основных значений. Эта простая схема позволяет объяснить, каким образом ребенок усваивает слова родного языка. Объекты типа ДЕРЕВО, ТАРЕЛКА, начинают формироваться в его памяти примерно с девятимесячного возраста. Следовательно, к началу произнесения ребенком первых слов (с 12—13 месяцев) некоторые из таких объектов уже существуют в его памяти, пусть и в нечетком пока, «сверхгенерализованном» виде⁷. Поэтому, когда ребенок слышит слово *дерево* или *тарелка*, ему нужно лишь догадаться, к какому из хранящихся в его памяти ментальных объектов оно относится. И дети легко это делают, наблюдая, какие предметы называют этими словами их близкие. Они быстро понимают, что ментальному объекту ТАРЕЛКА соответствует имя *тарелка*, а объекту ДЕРЕВО — имя *дерево*⁸. К примеру, в [Baldwin 1991] показано, что по-

⁷ О сверхгенерализованных (overextensions), т. е. диффузных, расплывчатых значениях первых детских слов см. [Mervis 1987; Елисеева 2008: 76—81; Clark 2009: 82—85; Кошелев 2009].

⁸ Ср. воспоминание Блаженного Августина: «Я схватывал памятью, когда взрослые называли какую-нибудь вещь и по этому слову оборачивались к ней; я видел это и запоминал: прозвучавшим словом назы-

луторалетний ребенок связывает новое слово, только что услышанное от взрослого, не с тем предметом, на котором в данный момент было сосредоточено его внимание, а с другим предметом, на который взрослый обращал его внимание.

Как мы видим, для усвоения слова ребенку необходимы оба стимула — речевой (звуковая форма слова) и референтный (вид именуемого предмета).

Номинация, основанная на схеме (I), называется прямой номинацией. В ней имя (слово) используется как этикетка для хранящегося в памяти человека типизированного ментального объекта (базового концепта). В речевых номинациях эта этикетка переносится на конкретные предметы (референты), воспринимаемые ребенком. Довольно быстро (до двух — двух с половиной лет) ментальные объекты ребенка превращаются из сверхгенерализованных в четкие, строго разделенные. Ребенок теперь хорошо понимает, что каждое слово называет представителей «своей», но не «чужой» категории: словом *стол* можно называть только конкретные столы, словом *дерево* — только конкретные деревья, и т. д. А называть, скажем, стол словом *дерево* нельзя.

Коснемся теперь трех основных сфер речемыслительной деятельности ребенка полутора-двух лет, соответствующих схеме (I): его ментального представления действительности, мышления и речи. Формирующиеся в памяти ребенка базовые концепты дискретны, однако отнюдь не изолированы друг от друга. Они образуют ассоциативную сеть: концепт ДЕРЕВО связан с концептами ЗЕМЛЯ, СОЛНЦЕ, ВОДА, ЯБЛОКО, ПОЛИВАТЬ, СРЫВАТЬ (плоды, листья) и др. Концепт ТАРЕЛКА — с концептами ЛОЖКА, КАША, СТОЛ, КУШАТЬ, СИДЕТЬ и т. д. В результате в сознании ребенка формируется сеть базовых концептов, представляющая окружающий его мир в виде совокупностей целостных объектов, действий, масс (ЗЕМЛЯ, ВОДА) и мест (ДВОР, ДОРОГА). Мышление ребенка оперирует этими базовыми концептами, формируя из них мысли, или мысленные ситуации — два или более концепта, связанных действиями или отношениями⁹. Эти ситуации и описывает ребенок, используя усвоенные им слова в основных значениях.

4. Производное значение как предикативное высказывание. Производное значение типологически и структурно отлично от основного значения (базового концепта). Во-первых, оно **композиционно** (составлено из нескольких компонентов). Кроме того, слово, употребленное в производном значении, называет не отдельный предмет/концепт, а **предикативную мысль** — конкретный предмет **другой**, не базовой **категории**, обладающий **характерным** свойством, связывающим его с некоторым **свойством предмета базовой категории**.

Проиллюстрируем этот тезис примерами. В метафоре *Ваня не мальчик, а маленькая обезьянка* слово обезьянка называет не базовый объект — конкретную обезьянку, а объект другой категории — мальчика Ваню, который обладает характерным свойством ‘вертлявость, «обезьянничанье», связывающим его с типичным свойством обезьяны (базового объекта). В метонимии *Где Ваши бумаги?* слово *бумага* называет не конкретную бумагу, а ‘документ’ на бумажном носителе. Наконец, синекдоха *Эй, борода* называет не

вается именно эта вещь. Что взрослые хотели ее назвать, это было видно по их жестам, по этому естественному языку всех народов, слагающемуся из выражения лица, подмигиванья, разных телодвижений и звуков...» (Исповедь), см. также [Ganea et al. 2007: 734–735], ср. описание в [Панов 2012: 372] процесса усвоения английской речи карликовым шимпанзе Канзи.

⁹ В соответствии с классическим определением И. М. Сеченова «всякую мысль можно рассматривать как сопоставление мыслимых объектов друг с другом в каком-либо отношении» [Сеченов 1952: 277].

базовый объект — конкретную бороду, а человека, обладающего характерным свойством «однозначно идентифицируется своей частью», связанным с базовым объектом (борода), который и является этой частью.

Как мы видим, слово, употребленное в производном значении, уже не является этикеткой. При порождении новой метафоры, метонимии или синекдохи оно употребляется индивидуально и творчески, называя не отдельный объект, а целую предикативную мысль, т. е. особого вида высказывание.

Продолжим иллюстрацию этого тезиса.

Метафора. *Это не молоко, а вода.* Здесь слово *вода* связывает конкретное безвкусное, не содержащее полезных веществ молоко (это его специфическое свойство) с базовым концептом ВОДА, с присущим ему свойством 'отсутствие вкусового и питательного компонента'. Во фразе *Это не бульон, а вода* аналогичное специфическое свойство выделяется в данном бульоне. В другом случае, скажем о кислом, забродившем молоке, можно сказать *Это не молоко, а квас*. Здесь также отмечается не просто свойство молока, сходное со свойством концепта КВАС, а свойство, специфическое для данного молока.

Итак, в **метафорическом** высказывании именем концепта (*вода*) называется 'объект другой категории (молоко), который имеет **специфическое** свойство ($\approx$ безвкусное), **сходное** со свойством концепта'.

Метонимия. *Чайник кипит.* Словом *чайник* названа вода в чайнике — смежный с чайником объект другой категории, который образует с ним новое системное целое: чайник и вода, которую он греет. Вода здесь — специфическая смежная составляющая чайника, **не только контактно** («по смежности»), **но и функционально** связанная с ним. В самом деле, предположим, что вода в чайнике кипит по другой причине: благодаря независимому электрическому кипятильнику, который мы опустили в чайник. Теперь уже фраза **Чайник кипит* некорректна. Вода не составляет с чайником нового комплексного единства.

По этой же причине метонимия *тарелка сыра* корректна, если сыр заполняет тарелку небольшими кусочками, образуя с ней новую физическую целостность, а не лежит в ней двумя-тремя самостоятельными кусками. Еще более наглядную иллюстрацию указанного принципа (образования интегрированной двухсоставной системы) дает пример А. А. Реформатского: «французское *jalousie* — жалюзи — „оконные шторы из деревянных пластинок“ от *jalousie* — „ревность“ (того, кто подсматривал в окошко через створчатую штору)» [Реформацкий 1996: 47]. Штора образует с подглядывающим системное единство, поскольку, скрывая подглядывающего, не препятствует, а напротив, содействует ему.

Итак, в **метонимическом** высказывании именем концепта (*чайник*) называется 'соединенный с конкретным чайником объект другой категории (вода в чайнике), который имеет **специфическое** свойство: образует с чайником **интегрированное целое** (чайник кипятит воду)'.

Синекдоха. В обращении *Эй, борода!* слово *борода* называет не бороду как таковую (референт основного значения), а мужчину с бородой. Причем борода здесь выступает не просто как одна из частей мужчины, а как часть, идентифицирующая его (в компании бородатых мужчин такое обращение бессмысленно). Аналогичную идентифицирующую функцию несут имена *Красная Шапочка*, *бобер*, *енот* (о человеке в пальто с енотовым, бобровым воротником). *Я нуждаюсь в крыше для моего семейства* (Герцен). Здесь словом *крыша* называется дом. Будучи частью дома, крыша однозначно его идентифицирует.

Итак, в **синекдохическом** высказывании именем концепта (*борода*) называется 'объект другой категории (человек), имеющий своей частью объект базовой категории —

бороду, которая обладает **специфическим** свойством: **идентифицирует** данного человека в рамках референтной ситуации’.

5. Три синхронных новообразования в развитии ребенка. Проведенный анализ обнаруживает одну характерную черту производного значения и косвенной номинации: в их формировании используется не целостный объект, как в случае основного значения и прямой номинации, а **отдельные компоненты** (свойства и части) **целостного объекта**.

Следовательно, для того, чтобы ребенок оказался способным к самостоятельному пониманию и порождению косвенных номинаций, он должен научиться вычленять в объекте отдельные свойства и части, мысленно манипулировать ими, сопоставляя друг с другом, и соответственно именовать результаты таких сопоставлений. Для этого в речемыслительной сфере ребенка должны произойти более или менее одновременно три преобразования: одно — в представлении окружающего мира (появление свойств и частей базовых концептов), другое — в мыслительной сфере (манипулирование этими свойствами и частями), третье — в его языковой способности (именование результатов таких манипуляций). Это центральный момент рассуждения.

Представление мира: разложение концептов на компоненты. Необходимо предположить, что способность понять косвенную номинацию ребенок обретает только после того, как в его когнитивном развитии происходит очередной (и революционный) шаг: он научается дифференцировать в своих ментальных объектах **отдельные** свойства. В объекте ДЕРЕВО он вычленяет материал (древесину). Это же свойство он распознает и в воспринятом деревянном столе — предмете из совершенно другой категории. Аналогично в объекте ТАРЕЛКА он дифференцирует ее форму как отдельное, самостоятельное свойство — основу для сравнения с совершенно иным предметом — металлическим диском, также относящимся к другой категории предметов, поскольку он предназначен для иных целей, и потому с ним осуществляют совершенно другие действия, чем с тарелкой и пр.

Как свидетельствуют экспериментальные данные, указанная когнитивная способность начинает появляться у ребенка примерно с полутора лет. В это время из синкретического пространственного образа объекта вычленяется его форма (как самостоятельная характеристика). Эту тенденцию развивающуюся у детей к 18 месяцам, с 1988 г. стали называть «предпочтением формы»:

Когда дети усваивают имена новых объектов, они имеют склонность распространять эти имена на другие объекты *такой же формы* — этот феномен получил название *предпочтение формы* (shape bias) [Markson *et al.* 2008: 204].

Анализ этой тенденции (см., напр., [Pereira, Smith 2009]) позволяет утверждать, что примерно с 18-месячного возраста главным ориентиром для ребенка при назывании нового предмета служит прежде всего его **пространственная форма** и ее сходство с формой уже известных ему предметов. Вычленившаяся форма предмета служит теперь также основанием и для первых детских метафор. Они появляются раньше метонимий и синекдох, ср. метафоры двухлетней Лизы Е.: «*Вот такая терка у меня — о кондиционере в немецком поезде, напоминающем тёрку... надела пустую головку от мака на пальчик: Это наперсток*» [Елисеева 2008: 115].

В это же время дифференцируются параметрические и «перцептивные» свойства предмета: определение по внешнему виду его веса, ср.: «Ближе к 18 месяцам ... ребенок

способен предугадывать вес предметов, которые он еще не держал в руках» [Бауэр 1985: 212], различение его состояния (сухой — влажный [Ganea *et al.* 2007]) и др.

Приближаясь к двухлетнему возрасту дети начинают мысленно членить окружающие их предметы на отдельные части (части тела человека и животных они дифференцируют раньше), ср.:

В конце второго — начале третьего года жизни ребенок начинает выделять отдельные элементы, детали в объектах. Например, дети в возрасте 1 год 10 месяцев — 2 лет уже пытаются сорвать цветок, схватывая его за стебелек, берут крышку сахарницы за шишечку, а не всю ее и т. д. [Кольцова 1980: 37].

В этот период ребенок уже «просит называть предмет и его части: Женя И. (двух лет) хлопает рукой по сиденью трактора, смотрит на мать, вокализует и не успокаивается, пока мать не назовет части трактора (руль, сиденье и др.)» [Исенина 1986: 54].

В результате ментальная репрезентация окружающего мира ребенка, включавшая до сих пор только целостные объекты [Кошелев 2011: 731—732; 2011а: 177], вдруг становится гораздо более дробной, «мелкозернистой». Число составляющих ее компонентов многократно увеличивается.

Не следует, однако, думать, что с обретением нового, «компонентного», уровня представление мира ребенка «рассыпается» и теряет свою связность. Во-первых, указанная дифференциация идет постепенно, затрагивая сначала самые близкие и понятные ребенку объекты. Во-вторых, согласно общей теории развития [Кошелев 2011б], за дифференциацией следует интеграция выделившихся свойств, объединяющая их в системные объекты. Иначе говоря, на этом новом, «компонентном» уровне когнитивного представления мира (а он надстраивается над сохраняющимся в памяти «объектным» уровнем) целостные объекты представляются как системы своих свойств и частей. Таким образом, детская репрезентация мира становится, наряду с дискретной (уровень базовых концептов), еще и системной (компонентный уровень).

Понятно, что перед ребенком сразу же возникает проблема номинации: как называть вновь появляющиеся дробные компоненты своего представления мира? Механизмы метафоризации и метонимизации как раз и «придуманы» для решения этой проблемы: с их помощью можно называть отдельные «зерна» этой мозаичной картины (свойства, части прежде целостных ментальных объектов), используя уже известную ребенку лексику.

Мышление: мысленное манипулирование свойствами и частями объектов.

С появлением в детском представлении мира компонентного уровня модифицируется и его мышление. Ребенок научается оперировать отдельными свойствами своих базовых концептов, в частности, сопоставлять свой (уже системный) ментальный объект с встретившимся ему конкретным предметом другой категории (теперь тоже системным), подмечая какое-то его характерное свойство. Например, вычленив в воспринятом столе свойство ‘материал — древесность’, он может теперь соотнести его с объектом ДЕРЕВО, которому это свойство исконно присуще. Тем самым возникает новая мысль: «Данный стол обладает характерным свойством ‘древесность’, которое связывает его с объектом ДЕРЕВО, обладающим тем же свойством». Она и лежит в основе метафорической номинации *Это дерево* (о материале деревянного стола)¹⁰. Аналогичная мысль возникает у ре-

¹⁰ Подчеркнем: для метафоры важно соотнесение какого-то свойства ментального объекта (как источника метафоры) с соответствующим свойством конкретного предмета другой категории. Это отно-

бенка, когда он видит общность формы объекта ТАРЕЛКА с формой конкретного предмета **другой категории** — металлической тарелкой ударного инструмента или дискообразным летательным аппаратом неизвестной природы.

И благодаря таким мыслительным операциям — связыванию ментального объекта с **отдельными предметами других категорий** — ребенок теперь способен формировать подклассы категорий: выделять в категории «стулья» подкласс «деревянные стулья», имеющие общее свойство с категорией «деревья», выделять во множестве плоских предметов подкласс «тарелок», схожих по форме с типичной тарелкой и т. д. Увеличившаяся детальность детской картины мира сопровождается усилением ее связности.

Язык: возникновение косвенной номинации. Сформировав метафорическую мысль: «Данный стол обладает характерным свойством ‘древесность’, связывающим его с объектом ДЕРЕВО», — ребенок должен как-то понять, что известное ему слово *дерево* в номинативном и содержательном плане можно использовать и иначе: не только для именованья «своего» ментального объекта ДЕРЕВО и задаваемых им конкретных деревьев, но и для называния этой предикативной мысли, т. е. для именованья «чужого» предмета — стола, обладающего лишь отдельным свойством ‘древесность’ «своего» объекта. Короче говоря, он должен научиться называть хорошо известными ему существительными и глаголами не только конкретные объекты и действия, но и новые, гораздо более сложные когнитивные единицы — свои предикативные мысли об объектах и их свойствах.

6. Как ребенок усваивает косвенную номинацию? Механизм косвенной номинации (подробнее о нем см. в [Кошелев 2011: 706—711]) ребенок начинает усваивать примерно с двух лет. В этом возрасте в детской речи появляются метафорические употребления слов: двухлетняя Ася П. называет вязаную шапочку на голове матери *грибом*, Аня (год и 9 месяцев), положив цветок календулы на голову, говорит: *У Ани зонтик*. Дочь Жана Пиаже Жаклин (2 года и 3 месяца), держа расческу над головой, говорила: *Это зонтик*. Подчеркнем: это не сверхгенерализации, а производные (метафорические) значения употребленных слов. Ребенок уже хорошо знает слова *шапка*, *цветок*, *расческа*, которые (в их основных значениях) нужно здесь использовать. После двух лет появляются и метонимические употребления, ср.: «*Настоящие коробочки получились — о куличах, сделанных с помощью коробочки из-под масла*» [Елисеева 2008: 115].

Столь раннее и быстрое понимание и использование косвенной номинации поистине удивительно. Ведь только-только ребенок усвоил правила прямой номинации, согласно которым словом *дерево* можно называть деревья, но никак не столы, миски и проч. предметы других категорий. И вот теперь ребенок замечает, что окружающие его взрослые иногда нарушают эту «номинативную конвенцию», называя известным ему словом типологически совершенно другой референт, т. е. предмет или действие, заведомо не принадлежащее к классу прямых референтов слова. Например, словом *тарелка* взрослые называют медную пластинку ударного музыкального инструмента, словом *петух* — человека, фразой *Молоко убегает* — вскипающее молоко и т. д.

На первых порах ребенок негативно воспринимает «неправильные» номинации взрослых, ср.: «Особенно часто критикуют дети высказывания, в которых используются глаголы движения... в их производных значениях: „*Молоко не может убежать, у НЕГО*

шение асимметрично. Мы не можем метафорически сказать о воспринятом дереве *Это стол*, — имея в виду ‘древесность’ этого дерева и воспринятого стола, поскольку ‘древесность’ не является (обязательным) свойством ментального объекта СТОЛ (категории «столы»).

ЖЕ НЕТУ НОГ!“; „Дорога сбегает с горки. А что, разве у нее НОГИ есть?“» [Цейтлин 2000: 199–201]. Однако вскоре ребенок начинает понимать, что эти номинации тоже правильны, но основаны на совершенно ином принципе: слово называет чужой объект метафорически — не по совокупности его свойств, соответствующей целостному ментальному объекту (= базовому концепту), как в случае прямой номинации, а по какому-то его **отдельному** свойству. Называя словом *дерево* стол, взрослые указывают на свойство стола ‘деревянный, сделанный из дерева’. При этом другие свойства объекта ДЕРЕВО, отсутствующие в референте «стол» (ветви, ствол дерева, его способность расти и пр.), игнорируются. Аналогично, называя медную пластинку словом *тарелка*, они указывают лишь на схожесть ее формы с формой тарелки, и т. д. Важно также, что ребенок не утрачивает при этом старый механизм прямой номинации, ср.:

Особенность отношения к полисемии и омонимии у Лизы в легкости ее приятия асимметрии языкового знака. Лиза не столько недоумевает или удивляется новому значению, сколько просто демонстрирует свое понимание того, что это значение — другое. Интересны несколько примеров употребления ребенком слова *угол* (*уголок/уголки*)...

Лиза (3 года 3 месяца): *А что ты меня пытаешься в угол поставить? Как хорька какого-то.*
 Мать: Этот вопрос — трансформированная цитата из «Сказки об умном мышонке» Маршака: *Мы, хорьки, больше любим уголки* (игра уголки. — А. К.).

Мать (о мозаике): *Клади в угол.* — Лиза (3 года 9 месяцев): *Угол вообще-то бывает для плохих девочек.*

Естественно задаться вопросом, как ребенок догадывается об этом новом механизме номинации? Ведь никто ему этот механизм не разъясняет, поскольку носители языка его отличия от механизма прямой номинации просто не замечают.

Чтобы уяснить трудности, возникающие здесь перед ребенком, проанализируем речевую ситуацию, в которой он оказывается. Наряду с усвоенной им прямой номинацией ребенок становится свидетелем употребления тех же слов в **новых и разных** значениях: в метафорическом (Это *дерево* — о деревянном столе), в метонимическом (*Кастрюля кипит* — о кипящей в кастрюле воде) и в синекдохическом (*Шляпа, иди сюда* — обращение к человеку в шляпе). Каждая из этих косвенных номинаций устроена по своим весьма прихотливым правилам, которые носители языка неукоснительно соблюдают. Например, мать ребенка говорит *Кастрюля кипит*, если кастрюля с кипящей водой стоит на плите, но она никогда так не скажет, если вода в кастрюле кипит от вставленного в нее кипятильника. Хотя механизм образования метонимии в таких деталях ей совершенно не известен. Более того, эти правила в полном объеме неизвестны даже исследователям. К примеру, лингвисты определяют метонимию как «такой перенос названия, который совершается... на основании смежности, т. е. соприкосновения вещей в пространстве или во времени» ([Реформатский 1996: 47; разрядка автора]) и не отмечают, что **не на всякий смежный предмет** это название переносится (я этот факт обнаружил в процессе собственного анализа, ранее он мне не встречался в лингвистических работах по метонимии). Аналогично, мать ребенка может сказать *тарелка сыра* лишь о множестве мелких кусочков сыра, заполняющих тарелку, но не об одном-двух больших кусках? Это же верно и в отношении детской метонимии *Настоящие коробочки получились* («о куличах, сделанных с помощью коробочки из-под масла»). Можно не сомневаться, что если бы эти же куличи (точно такой же формы) были сделаны руками, а не с помощью коробочки из-под масла, ребенок не употребил бы эту уже некорректную фразу.

Несмотря на имплицитность и неочевидность правил, по которым образуются косвенные номинации, ребенок быстро научается понимать и порождать их. Откуда ему

известно, что имеется только три типа косвенных номинаций, тоже не понятно. Никто ему об этом, естественно, не говорит, но никакой произвольности в своей речи в этом плане ребенок не демонстрирует.

Мы полагаем, что в таких условиях ребенку совершенно недостаточно входных речевых данных, инпута — воспринимаемой речи окружающих, чтобы столь быстро научиться понимать и порождать производные значения. Обратимся для иллюстрации сказанного к статье [Казаковская 2010], посвященной влиянию реплик-реакций со стороны взрослых на речевую продукцию двух-трехлетнего ребенка. Автор, относится к представителям «социопрагматического подхода к усвоению языка», в рамках которого отвергается тезис Н. Хомского о «бедности языкового стимула» (poverty of the stimulus argument)¹¹, недостаточного в силу этого для усвоения ребенком родного языка (с. 3). Тем не менее, в своем исследовании В. В. Казаковская отмечает, что лексические ошибки «практически не являются объектом негативной реакции со стороны взрослого» (с. 27). А между тем метафора, метонимия и синекдоха основаны именно на лексических употреблении.

Но, может быть, дети могут получить помощь от родителей, по поводу трудностей понимания услышанного слова в производном значении? Увы, и этой возможности у них нет. Их родители не только сами не понимают, как они используют косвенную номинацию. Они даже не представляют, что тут может быть непонятного, настолько легко и произвольно они это делают.

Кроме того, наглядно объяснить ребенку, что именно называет слово в производном значении весьма затруднительно. Ведь здесь невозможно задать референт остенсивно — указать на предмет рукой или взглядом, как это было при усвоении прямых номинаций, — поскольку нельзя указать на отдельное свойство вещи. К тому же, эти свойства типологически различны: метафора указывает на одно свойство, метонимия — на другое, а синекдоха — на третье. Тем не менее, для уяснения косвенной номинации ребенок должен а) воспринимать такие номинации (речевой стимул) и б) видеть называемые ими предметы (референтный стимул), чтобы вычленять в них каждый раз указываемое свойство. Например, услышав фразу *Это — дерево*, обращенную к столу, ребенок должен видеть этот стол, чтобы идентифицировать свойство стола, на которое указывает говорящий, скажем, на материал ('древесина').

Сказанное позволяет предположить, что усвоить косвенные номинации, опираясь только на инпут, референтный стимул и помощь окружающих — для ребенка задача непосильная. А значит, это усвоение предопределено генетически. Можно предположить, что примерно в два года у ребенка актуализируются абстрактные структуры (формы) и механизмы формирования метафор, метонимий и синекдох. Они, по-видимому, универсальны, т. е. одинаковы для всех языков. А дальше свою столь же важную роль начинают играть внешние стимулы: инпут и референция, которые конкретизируют эти абстрактные структуры и запускают соответствующие механизмы. Как только это происходит, ребенок начинает понимать и порождать косвенные номинации. И это означает, что он перешел на качественно более высокий уровень речемыслительной деятельности. Резюмируя сказанное, можно утверждать, что **детские метафоры, метонимии и синекдохи свидетельствуют о формировании у ребенка взрослого представления мира, мышления и языка.**

¹¹ Имеется в виду фрагментарность, бессистемность, а иногда и неправильность звучащей в окружении ребенка речи.

3. Метафора и метонимия как эволюционные признаки *homo sapiens* (свидетельства глоттогенеза и глоттохронологии)

1. О полимодальном скачке в эволюции гоминид. Теперь мы готовы к описанию лексоцентрической концепции языковой эволюции. Основываясь на приведенных выше рассуждениях, можно сформулировать гипотезу об эволюции протолюдей (ранних *Homo sapiens*), владевших «лексическим» протоязыком — непосредственным предшественником человеческого языка.

Об уровне их когнитивного развития мы будем судить по их протоязыку. Согласно нашей гипотезе, основная часть его лексикона состояла из **однозначной** знаменательной лексики (существительные и глаголы, как предполагается в [Calvin, Bickerton 2000]), которая описывала наиболее важные для проточеловека «кусочки действительности» — предметы, массы, места, действия и состояния. Следовательно, представление действительности у протолюдей было гомологично картине мира полутора-двухлетнего ребенка и представляла собой сеть целостных базовых концептов. Но это означает, что их мышление было способно оперировать лишь такими концептами, а их способность называть окружающие явления ограничивалась лишь прямой номинацией — названием предметов и действий, но не отдельных их свойств.

Решающий эволюционный скачок, трансформировавший сознание проточеловека в сознание человека, представлял собой по меньшей мере три синхронных скачка, аналогичных описанным выше новообразованиям, которые происходят у каждого ребенка на третьем году жизни: а) представление мира проточеловека дифференцируется и обретает новый, «компонентный» уровень, б) его мышление становится способным к оперированию, наряду с целостными объектами и действиями (базовыми концептами), их отдельными компонентами, т. е. к сопоставлению их друг с другом в том или ином отношении и в) у него появляется способность к косвенной номинации — использованию слов в метафорических, метонимических и синекдохических значениях, благодаря чему слова возникающего праязыка становятся многозначными.

Дадим краткое обоснование этой гипотезы.

2. О трансформации лексики протоязыка в лексику праязыка. Мы принимаем гипотезу С. А. Старостина о том, что общечеловеческий праязык возник примерно 40—50 тыс. лет назад. Он определил этот срок, опираясь на данные глоттохронологии (скорость старения и замены базовой лексики) и на глобальные этимологии. Ср.:

Наиболее вероятная теория сейчас — это моногенез. То есть то, что язык произошел из одного источника (праязыка. — А. К.). (...) По лингвистическим данным, это никак не глубже, чем 40—50 тысяч лет (...) — это максимум, потому что те макросемьи, которые нам известны, имеют датировку порядка 15—17 тысяч. Для сведения воедино других языковых семей может потребоваться еще два-три этажа, но исходный пункт не может быть старше 40—50 тысяч лет, иначе не сохранились бы глобальные этимологии, иначе мы не увидели бы вообще ничего. Это можно показать чисто математически [С. Старостин 2003: 42—43].

Так же считают лингвисты М. Рулен [Ruhlen 1996], Н. Хомский и антрополог и биолог Р. Клейн (R. Klein), биолог Т. Фич [Fitch 2010: 250, 257], ср.:

... из множества загадок, относящихся к языку, две имеют основополагающий характер: во-первых, почему вообще существуют языки? И, во-вторых, почему языков так много?... Ответы на оба вопроса определяются около 50 000 лет назад. К тому времени наши предки начали покидать

Африку и быстро расселяться по всему миру. Имеются убедительные свидетельства того, что с тех пор языковая способность по существу не менялась (...) Вероятно, некое генетическое событие перенастроило мозг таким образом, что возникли механизмы для языка с богатым синтаксисом, дающим различные способы выражения мысли. Это стало предпосылкой для социального развития и быстрых изменений в поведении, которые отражены в археологических данных и, возможно, вызвали выход из Африки, где гоминиды, которые с анатомической точки зрения были современными людьми, существовали до того на протяжении сотен тысяч лет [Chomsky 2010, 60].

50,000 лет назад возникла реальная точка перегиба, своего рода квант прогресса (quantum advance) в способности к охоте и собирательству. Мы получили, например, первые свидетельства рыбной ловли. Я работал в Южной Африке, работал на стоянках, имеющих возраст старше 50,000, и стоянках более поздних... Они располагались на побережье, когда их занимали древние люди. Если у вас стоянка старше 50,000 лет, которая расположена на побережье, то никаких костей рыб в ней нет. Вы можете заранее это предсказать. Но после 50,000 лет кости рыб будут уже доминировать... если мы углубимся в артефакты, все станет очевидно: технология для ловли рыб появляется не ранее 50,000 лет тому назад.

(...) Итак, что-то очень важное произошло 50,000 лет назад. Я думаю, мы пересекли своего рода Рубикон, порог. (...) я полагаю, это была точечная мутация, произошедшая в мозге. Возможно, это было чем-то, что позволило языкам, как мы понимаем это сегодня, быстро продуцировать, артикулировать (членораздельно произносить) речь, речь такого типа, с которой я обращаюсь сейчас к вам¹².

Зададимся вопросом: каковы были значения «слов» протоязыка? Были ли это именованные понятия, сходные с дискретными базовыми концептами двух-трехлетнего ребенка или же это были аморфные когнитивные единицы, подобные «сверхгенерализованным» (диффузным) лексическим значениям ребенка одного-двух лет?¹³

3. Свидетельства глоттохронологии. Для ответа на этот вопрос обратимся к глоттохронологии и ее исходному инструменту — 100-словному списку Сводеша (см. [С. Старостин 2007: 782]), содержащему небольшой набор «самых главных слов, самых главных значений, которые существуют фактически в каждом языке... и составляют базовый костяк языка» [Мудрак 2005]. Это почти сплошь знаменательные слова: *человек, рыба, птица, дерево, лист, корень, рука, нога, голова, пить, есть (кушать), идти, давать, сказать, солнце, вода, песок, земля, огонь, дорога, гора ...*

Слословный список Сводеша почти полностью состоит из конкретной лексики. Согласно глоттохронологии, ряд слов из него содержался и в человеческом праязыке, ср.: «Есть набор корней, которые так или иначе обнаруживаются по всему земному шару. (...) Таких глобальных этимологий найдено довольно много, и я не умею объяснить это явление иначе, как предположив, что это слова, которые восходят к какому-то общему источнику (праязыку. — А. К.)» [С. Старостин 2003: 42]. А это означает, что базовым ядром праязыка был типологически совершенно аналогичный набор слов (конечно, он был гораздо шире, но его конкретный состав нам сейчас неважен). Поэтому в рамках нашего

¹² См. лекцию Р. Клейна «О трех различных популяциях человека» (<http://www.accessexcellence.org/BF/bf02/klein/bf02e3.php>), а также монографию [Klein, Edgar 2002].

¹³ В англоязычной литературе по когнитивному развитию ребенка эти единицы часто называют «sortal concepts (sortal kinds)». Это — нечеткие прообразы первичных базовых категорий, таких как «мячи», «чашки», «куклы», «утки» и др.). Они появляются у 12-месячных младенцев (а в 10 месяцев их еще нет) и «соответствуют тому, что психологи называют категориями базового уровня» [Xu 2007: 400–401], см. также [Mervis 1987; Murphy 2002: 303–309].

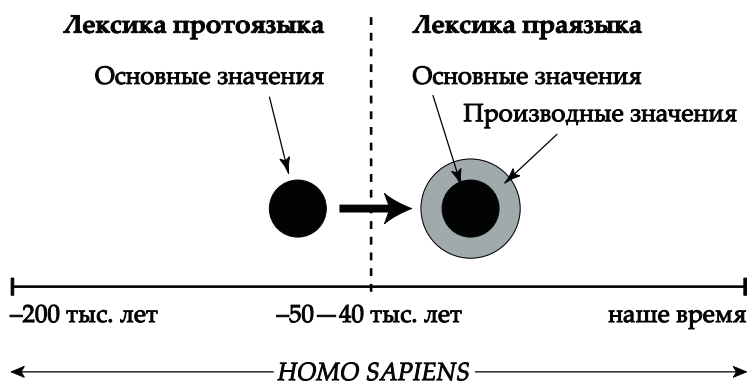

Рис. 1. Трансформация однозначной лексики протоязыка в многозначную лексику праязыка: слова сохраняют исходные значения (черный круг) и обретают производные значения (серое кольцо).

рассуждения список Сводеша вполне можно рассматривать как выборку типичных слов базового ядра праязыка.

Анализу основных значений слов из этого списка в глоттохронологии уделяется большое внимание (в связи с проблемой поиска точных эквивалентов его английским элементам в других языках и возникающей здесь проблемой синонимии), см. [Г. Старостин 2013: 105–124, 264–297; Kassian et al. 2010]. Не следует, однако, забывать, что в каждом языке слова стословника обладают, наряду с основными (базовыми, универсальными), еще и лингвоспецифичными производными значениями. Например, в русском языке слово *вода* имеет метафорическое значение ‘безвкусная, не содержащая питательных веществ жидкость’, ср.: *Это не молоко / не бульон, а вода*; слово *гора* имеет метафорическое значение ‘огромный размер, величина’, ср.: *Человек-гора*; *У него гора проблем*.

В других языках базовые слова могут иметь другие производные значения. Так, одинаково корректны в русском и английском языках фразы: *Ваня не мальчик, а маленькая обезьянка* (производное значение ‘тримасничает, кривляется, передразнивает других’) и *Vanya is not a boy, but a little monkey*. И напротив, существенно различаются фразы *Ты видела ее мужа? Он настоящая обезьяна!* (производное значение ‘очень некрасивый человек’), *Have you seen her husband? He is a real dog* (*monkey). А в немецком языке производное значение слова *обезьяна* выражает особый тип ‘развязного, бесшабашного поведения’, характерного для опьяневшего человека, ср.: *sich einen Affen kaufen* — разг. ‘начать пить и немного охмелеть’, букв. ‘купить себе обезьяну’; *den Affen loslassen* — разг. ‘предаться буйному (пьяному) веселью’, букв. ‘выпустить обезьяну’.

Из сказанного можно заключить, что и базовые слова праязыка обладали своими производными значениями, отражавшими присущий носителям праязыка взгляд на окружающий мир. Как в связи с этим отмечал более 200 лет назад А. С. Шишков, «сцепление понятий у каждого народа делается своим особливим образом» [Шишков 1803/2010: 36].

Сделаем теперь шаг назад и зададимся вопросом: каковы были слова протоязыка, непосредственно предшествовавшего праязыку? Сказанное выше дает основание полагать, что это были практически те же базовые слова праязыка, но однозначные, обладавшие лишь основными, или исходными значениями (= базовыми концептами) и не обросшие пока еще производными значениями, см. рис. 1. Ведь, как показал генезис производных значений слова, они появляются позднее исходного значения (базового концепта) и на его основе. С другой стороны, если мы предположим, что значениями

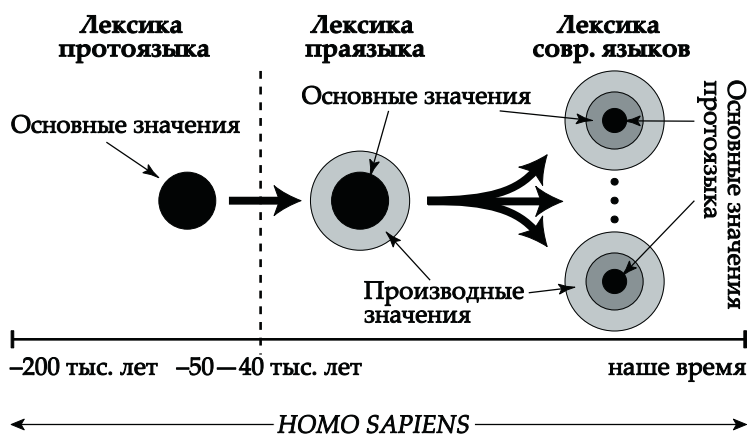

Рис. 2. Некоторые слова протоязыка «сохранились» в современных языках (малые черные круги).

слов протоязыка были не дискретные базовые концепты, а более размытые, сверхгенерализованные когнитивные единицы (определяющие окружающий мир ребенка одного-полутора лет), то сразу же приходим к противоречию: при трансформации таких слов в лексику праязыка они не смогли бы стать многозначными. Из диффузных значений не могут образоваться производные значения, поскольку размытое понятие не поддается дифференциации, расчленению на отдельные свойства.

Из однозначности лексики протоязыка следует, что ментальная репрезентация мира ранних *Homo sapiens* представляла собой сеть базовых концептов, и эти базовые концепты были элементарными единицами их мышления. А значит (см. выше рассуждения о росте языка ребенка), эволюция проточеловека должна была сопровождаться а) появлением в его представлении мира более дробного, чем базовые концепты, компонентного уровня, представляющего ментальные объекты в виде совокупностей их свойств и частей, б) соответствующим усложнением его мышления, способным оперировать этими более мелкими элементами и формировать метафорические и метонимические мысли и в) появлением в их языке производных лексических значений и механизма косвенной номинации.

4. Исчезла ли лексика протоязыка? При обсуждении вопросов эволюции протоязыка обычно констатируется, что, поскольку он недоступен непосредственному наблюдению, о его лексике достоверно ничего утверждать нельзя. Упомянем здесь точку зрения Т. Фитча, который к числу слабых сторон лексической теории протоязыка относит допущение, согласно которому «существовавший когда-то протоязык затем исчез, и следовательно, его нет у современного человека, так что его атавистические проявления (protolinguistic «fossils») [Fitch 2010: 433] возможны лишь в короткие периоды усвоения языка в раннем возрасте». Ранее этого вопроса касался Т. Дикон: «кажется маловероятным, чтобы он (протоязык. — А. К.) исчез столь быстро в период длительной эволюции нашего вида» [Deacon 1997: 384].

Согласно нашим рассуждениям, лексика протоязыка не исчезла бесследно. Во-первых, она целиком вошла в лексикон праязыка. Во-вторых, объединив этот вывод с рассуждением С. Старостина о глобальных этимологиях, мы получим следующее утверждение. Поскольку в лексиконе современных языков присутствуют слова праязыка, значит, в него транзитом проникли и слова протоязыка, см. рис. 2 (подробнее об этом см. в статье [Кошелев 2011а: 171—173]).

4. Заключение

1. Синтетическая концепция эволюции человеческого языка. Как мы видим, концепция финальной стадии языковой эволюции, основные положения которой здесь были представлены, получилась синтетической: она системно соединила в себе три относительно самостоятельные линии человеческой эволюции: представление знаний об окружающем мире, мышление и язык. По нашему мнению независимо описать эти линии невозможно. И прежде всего потому, что на своих нижних уровнях они неразделимы, а верхние уровни в процессе своего функционирования постоянно к ним обращаются. Говоря метафорически, человеческая эволюция развивается не как многоствольный куст (из одного корня), а как дерево, ветви которого растут из общего ствола. Разумеется, здесь представлены далеко не все «ветви», тесно взаимодействующие с языком. Некоторые из них обсуждаются в отдельной статье.

2. О степени надежности приведенных результатов. Упомянутая во введении полипарадигмальность исследований по языковой эволюции выдвигает на первый план вопрос о надежности а) «внешних» данных, на которые опирается автор, и б) полученных им выводов.

Можно предложить два общенаучных критерия надежности подобных исследований. Прежде всего, наиболее надежными мы считаем опору на данные, лежащие в русле устоявшейся научной традиции (все новое менее надежно, чем старое, особенно, если старое независимо открывалось в разными авторами). Используемые нами данные отвечают этому критерию. Оппозиция «основное vs производные значения» слова берет свое начало в Античности и через Средневековье разными путями приходит в Европу и в Россию, см. сноску 6. Исследования базовых концептов начались в 60-е гг. прошлого века (хотя истоки этой проблематики также можно найти уже в спорах реалистов и номиналистов). Их достоверность подтверждена в целом ряде независимых когнитивных и лингвистических исследований, см. об этом в [Лакофф 2004; Gallese, Lakoff 2005]. В определении и анализе мыслительной деятельности человека мы опираемся на классические исследования И. М. Сеченова, в частности, на его работу «Элементы мысли» [Сеченов 1952: 272—426], далеко опередившую свое время. Наконец, при исследовании когнитивного развития ребенка мы используем общую теорию развития, сформировавшуюся в трудах Я. А. Коменского, Г. Гегеля, Ч. Дарвина, Г. Спенсера, Вл. С. Соловьева, И. М. Сеченова, К. Коффки, К. Левина и других мыслителей [Кошелев 2011б].

Второй критерий надежности связан с междисциплинарной значимостью полученных результатов. Как мы убедились, предложенная концепция лексической полисемии способна отвечать запросам одновременно глоттохронологии, онтолингвистики, теории глоттогенеза и, в какой-то мере, теории эволюции человека. Кроме того, с ее помощью оказывается возможным объяснить некоторые явления семантической микродиакронии: употребление знаменательных слов в окказиональных значениях и образование у них новых производных значений, см. об этом в статье [Кошелев 2012: 303—307].

Конечно, нельзя отрицать возможности построения других концепций, альтернативных приведенной. Но при этом каждая из них должна быть а) не менее надежной и б) не менее междисциплинарной, связывающей в рамках единого речемыслительного процесса различные аспекты человеческой деятельности.

Литература

- Бауэр 1985 — Т. БАУЭР. *Психическое развитие младенца*. М., 1985. [T. BAUER. *Psikhicheskoe razvitie mladenca*. М., 1985.]
- Бикертон 2012 — Д. БИКЕРТОН. *Язык Адама: Как люди создали язык, как язык создал людей*. М., 2012. [D. BIKERTON. *Yazyk Adama: Kak lyudi sozdali yazyk, kak yazyk sozdal lyudej*. М., 2012.]
- Виноградов 1977 — В. В. ВИНОГРАДОВ. *Избранные труды. Лексикология и лексикография. Основные типы лексических значений слова*. М., 1977. С. 162—189. [V. V. VINOGRADOV. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya. Osnovnye tipy leksicheskikh znachenij slova*. М., 1977. S. 162—189.]
- Гумбольдт 1984 — В. ФОН ГУМБОЛЬДТ. *Избранные труды по языкознанию*. М., 1984. [V. FON GUMBOL'DT. *Izbrannye trudy po yazykoznaniju*. М., 1984.]
- Елисеева 2008 — М. Б. ЕЛИСЕЕВА. *Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста*. СПб., 2008. [M. B. ELISEEVA. *Foneticheskoe i leksicheskoe razvitie rebenka rannego vozrasta*. SPb., 2008.]
- Исенина 1986 — Е. И. ИСЕНИНА. *Дословный период развития речи у детей*. Саратов, 1986. [E. I. ISENINA. *Doslovnnyj period razvitiya rechi u detej*. Saratov, 1986.]
- Казаконская 2010 — В. В. КАЗАКОНСКАЯ. Реактивные реплики взрослого и грамматики родного языка // *ВЯ*. № 3. 2010. С. 3—29. [V. V. KAZAKONSKAYA. Reaktivnye repliki vzroslogo i grammatiki rodnogo yazyka // *VYa*. № 3. 2010. S. 3—29.]
- Козинцев 2010 — А. Г. КОЗИНЦЕВ. Предыстория языка: общие подходы // *Российский археологический ежегодник*, Т. 1, 2010. С. 642—646. [A. G. KOZINCEV. Predystoriya yazyka: obshchie podkhody // *Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik*, Т. 1, 2010. S. 642—646.]
- Кольцова 1980 — М. М. КОЛЬЦОВА. *Развитие сигнальных систем действительности у детей*. Л., 1980. [M. M. KOL'COVA. *Razvitie signal'nykh sistem dejstvitel'nosti u detej*. L., 1980.]
- Кошелев 2008 — А. Д. КОШЕЛЕВ. О качественном отличии человека от антропоида // *Разумное поведение и язык*. Вып. 1. *Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка*. М., 2008. С. 193—230. [A. D. KOSHELEV. O kachestvennom otlichii cheloveka ot antropoida // *Razumnoe povedenie i yazyk*. Вып. 1. *Kommunikativnye sistemy zhivotnykh i yazyk cheloveka. Problema proiskhozhdeniya yazyka*. М., 2008. S. 193—230.] www.akoshelev.net
- Кошелев 2009 — А. Д. КОШЕЛЕВ. О когнитивных факторах развития детской речи // *Проблемы онтолингвистики — 2009: Мат-лы междунар. конф. (17—19 июня 2009 г., Санкт-Петербург)*. СПб., 2009. С. 54—61. [A. D. KOSHELEV. O kognitivnykh faktorakh razvitiya detskoj rechi // *Problemy ontolingvistiki — 2009: Mat-ly mezhdunar. konf. (17—19 iyunya 2009 g., Sankt-Peterburg)*. SPb., 2009. S. 54—61.] www.akoshelev.net
- Кошелев 2011 — А. Д. КОШЕЛЕВ. Почему полисемия является языковой универсалией? (Когнитивная природа и языковая функция многозначных слов) // *Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. статей в честь 80-летия Ю. Д. Апресяна*. М., 2011. С. 695—735. [A. D. KOSHELEV. Pochemu polisemiya yavlyetsya yazykovoju universaliej? (Kognitivnaya priroda i yazykovaya funkciya mnogoznachnykh slov) // *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety: Sb. statej v chest' 80-letiya Yu. D. Apresyana*. М., 2011. S. 695—735.] http://www.ruslang.ru/doc/apresjan_festschrift2011/Koshelev.pdf
- Кошелев 2011a — А. Д. КОШЕЛЕВ. О протоязыке и его трансформации в человеческий язык (лексико-семантические аспекты) // *Интеграционно-дифференциальная теория развития / Сост. Н. И. Чуприкова, А. Д. Кошелев*. М., 2011. С. 155—182. [A. D. KOSHELEV. O protoyazyke i ego transformacii v chelovecheskij yazyk (leksiko-semanticheskie aspekty) // *Integracionno-differencionnaya teoriya razvitiya / Sost. N. I. Chuprikova, A. D. Koshelev*. М., 2011. S. 155—182.] www.akoshelev.net
- Кошелев 2011b — А. Д. КОШЕЛЕВ. В поисках универсальной схемы развития // *Интеграционно-дифференциальная теория развития / Сост. Н. И. Чуприкова, А. Д. Кошелев*. М., 2011. С. 217—234. [A. D. KOSHELEV. V poiskakh universal'noj skhemy razvitiya // *Integracionno-differencionnaya teoriya razvitiya / Sost. N. I. Chuprikova, A. D. Koshelev*. М., 2011. S. 217—234.] www.akoshelev.net
- Кошелев 2012 — А. Д. КОШЕЛЕВ. Значение слова как генеративный комплекс: когнитивное значение (связанная со словом структура концептов) → языковое значение (набор узуальных смыслов) // *Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. статей в честь 80-летия И. А. Мельчука*. М., 2012. С. 301—329. [A. D. KOSHELEV. Znachenie slova kak generativnyj kompleks: kognitivnoe znachenie (svyazannaya so slovom struktura konceptov) → yazykovoe znachenie (nabor uzual'nykh smyslov) // *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety: Sb. statej v chest' 80-letiya I. A. Mel'chuka*. М., 2012. S. 301—329.]

- Кошелёв 2013 — А. Д. КОШЕЛЕВ. Современная теоретическая лингвистика как Вавилонская Башня (О «мирном» сосуществовании множества несовместимых теорий языка) (в печати). [A. D. KOSHELEV. *Sovremennaya teoreticheskaya lingvistika kak Vavilonskaya Bashnya* (O «mirnom» so-suschestvovanii mnozhestva nesovmestimykh teorij yazyka) (v pechati).]
- Лакофф 2004 — Дж. ЛАКОФФ. *Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении*. М., 2004. [Dzh. LAKOFF. *Zhenschiny, ogon' i opasnye veschi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii*. М., 2004.]
- Мудрак 2005 — О. А. МУДРАК. *История языков* (Лекция, 09 ноября 2005). [O. A. MUDRAK. *Istoriya yazykov* (Lekciya, 09 noyabrya 2005).] <http://www.polit.ru/lectures/2005/11/09/mudrak.html>
- Мюллер 2009 — М. МЮЛЛЕР. *Лекции по науке о языке*. М., 2009. [M. MYULLER. *Lekcii po nauke o yazyke*. М., 2009.]
- Панов 2004 — Е. Н. ПАНОВ. *Знаки, символы, языки: коммуникация в царстве животных и в мире людей*. М., 2004. [E. N. PANOV. *Znaki, simvolu, yazyki: kommunikaciya v carstve zhivotnykh i v mire lyudej*. М., 2004.]
- Панов 2012 — Е. Н. ПАНОВ. *Парадокс непрерывности: языковой рубикон: О непроходимой пропасти между коммуникацией у животных и языком человека*. М., 2012. [E. N. PANOV. *Paradoks nepreryynosti: yazykovoj rubikon: O neprokhodimoj propasti mezhdru kommu-nikaciej u zhivotnykh i yazykom cheloveka*. М., 2012.]
- Пинкер 2004 — С. ПИНКЕР. *Язык как инстинкт*. М., 2004. [S. PINKER. *Yazyk kak instinkt*. М., 2004.]
- Реформатский 1996 — А. А. РЕФОРМАТСКИЙ. *Введение в языкознание*. М., 1996. [REFORMATSKIJ A. A. *Vvedenie v yazykoznanie*. М., 1996.]
- Сеченов 1952 — И. М. СЕЧЕНОВ. *Избранные произведения*. Т. 1. *Физиология и психология* / Ред. и посл. Х. С. Коштыянца. М. 1952. [I. M. SECHENOV. *Izbrannye proizvedeniya*. Т. 1. *Fiziologiya i psikhologiya* / Red. i posl. Kh. S. Koshtoyanca. М. 1952.]
- Г. Старостин 2013 — Г. С. СТАРОСТИН. *Языки Африки: Опыт построения лексикостатической классификации*. Т. 1: *Методология. Койсанские языки*. М., 2013. [G. S. STAROSTIN. *Yazyki Afriki: Opyt postroeniya leksikostaticheskoy klassifikacii*. Т. 1: *Metodologiya. Kojnsanskije yazyki*. М., 2013.]
- С. Старостин 2003 — С. А. СТАРОСТИН. У человечества был единый праязык // *Знание — сила*. 2003. № 8. С. 39—44. [S. A. STAROSTIN. U chelovechestva byl edinyj prayazyk // *Znanie — sila*. 2003. № 8. S. 39—44.]
- С. Старостин 2007 — С. А. СТАРОСТИН. О доказательстве языкового родства // С. А. СТАРОСТИН. *Труды по языкознанию*. М., 2007. С. 779—793. [S. A. STAROSTIN. O dokazatel'stve yazykovogo rodstva // S. A. STAROSTIN. *Trudy po yazykoznaniiyu*. М., 2007. S. 779—793.]
- Томаселло 2011 — М. ТОМАСЕЛЛО. *Истоки человеческого общения*. М., 2011. [M. TOMASELLO. *Istoki chelovecheskogo obscheniya*. М., 2011.]
- Цейтлин 2000 — С. Н. ЦЕЙТЛИН. *Язык и ребенок: Лингвистика детской речи*. М., 2000. [S. N. TSEJTLIN. *Yazyk i rebenok: Lingvistika detskoj rechi*. М., 2000.]
- Шишков 1803/2010 — А. С. ШИШКОВ. *Рассуждение о старом и новом слоге российского языка*. СПб., 1803; 2-е изд., испр. М., 2010. [A. S. SHISHKOV. *Rassuzhdenie o starom i novom sloge rossijskogo yazyka*. SPb., 1803; 2-e izd., ispr. М., 2010.]
- Шмелев 1977 — Д. Н. ШМЕЛЕВ. *Современный русский язык: Лексика*. М., 1977. [D. N. SHMELEV. *Sovremennyy russkij yazyk: Leksika*. М., 1977.]
- Baldwin 1991 — D. BALDWIN. Infants' contributions to the achievement of joint reference // *Child Development*, 1991. 62. P. 875—890.
- Bickerton 1990 — D. BICKERTON. *Language and Species*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1990.
- Bickerton 2007 — D. BICKERTON. Language evolution: A brief guide for linguists // *Lingua*. 2007. 117. P. 510—526.
- Bickerton 2008 — D. BICKERTON. But how did protolanguage actually start? // *Interaction Studies*. 2008. 9 (1). P. 169—176.
- Brugman, Lakoff 1988 — C. BRUGMAN, G. LAKOFF. Cognitive topology and lexical networks // S. L. SMALL, G. W. COTTRELL, M. K. TANENHAUS (eds). *Lexical Ambiguity Resolution: Perspectives from psycholinguistics, neuropsychology, and artificial intelligence*. San Mateo (CA), 1988. P. 477—508.
- Calvin, Bickerton 2000 — W. H. CALVIN, D. BICKERTON. *Lingua ex machina: Reconciling Darwin and Chomsky with the human brain*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.
- Chomsky 2005 — N. CHOMSKY. Three factors in language design // *Linguistic Inquiry*. Vol. 36. № 1. Winter 2005. P. 1—22.

- Chomsky 2010 — N. CHOMSKY. Some simple evo-devo theses: how true might they be for language? // R. K. LARSON, V. M. DÉPREZ, H. YAMAKIDO (eds). *The evolution of human language: biolinguistic perspectives*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010.
- Clark 2009 — E. V. CLARK. *First Language Acquisition*. 2nd ed. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2009.
- Deacon 1997 — T. W. DEACON. *The Symbolic Species: The co-evolution of language and the brain*. N. Y.: Norton, 1997.
- Fitch 2010 — W. T. FITCH. *The Evolution of Language*. N. Y.: Cambridge Univ Press, 2010.
- Gallese, Lakoff 2005 — V. GALLESE, G. LAKOFF. The brain's concepts: the role of the sensory-motor system in conceptual knowledge // *Cognitive neuropsychology*. 2005. 22. P. 455—479.
- Ganea et al. 2007 — P. A. GANEA, K. SHUTTS, E. S. SPELKE, J. S. DELOACHE. Thinking of things unseen: Infants' use of language to update mental representations // *Psychological Science*. 2007. 18 (8). P. 734—739.
- Hauser et al. 2002 — M. D. HAUSER, N. CHOMSKY, W. T. FITCH. The faculty of language: What is it, who has it, and how did it evolve? // *Science*. 2002. 298. P. 1569—1579.
- Hewes 1977 — G. W. HEWES. Language origin theories // *Language learning by a chimpanzee: The Lana project*. N. Y., 1977.
- Jackendoff 2007 — R. JACKENDOFF. *Language, Consciousness, Culture: Essays on Mental Structure*. Cambridge (MA): MIT Press, 2007.
- Jackendoff 2010 — R. JACKENDOFF. Your theory of language evolution depends on your theory of language // R. K. LARSON, V. M. DÉPREZ, H. YAMAKIDO (eds). *The evolution of human language: biolinguistic perspectives*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010.
- Kassian et al. 2010 — A. KASSIAN, G. STAROSTIN, A. DYBO, V. CHERNOV. The Swadesh wordlist: an attempt at semantic specification // *Journal of Language Relationship*. 2010. 4. P. 46—89.
- Klein, Edgar 2002 — R. G. KLEIN, B. EDGAR. *The Dawn of Human Culture*. John Wiley & Sons, New York. 2002.
- Markson et. al. 2008 — L. MARKSON, G. DIESENDRUCK, P. BLOOM. The shape of thought // *Developmental Science*, 2008, 11(2). P. 204—208.
- Mervis 1987 — C. B. MERVIS. Child-basic object categories and early lexical development // U. NEISSER (ed.). *Concepts and conceptual development: Ecological and intellectual factors in categorization*. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1987. P. 201—233.
- Murphy 2002 — G. L. MURPHY. *The Big Book of Concepts*. Cambridge, (MA): MIT Press, 2002.
- Norvig, Lakoff 1987 — P. NORVIG, G. LAKOFF. Taking: a study in lexical network theory // *Proceedings of the 13th Berkeley Linguistics Society Annual Meeting*. Berkeley: BLS, 1987. P. 195—206.
- Ruhlen 1996 — M. RUHLEN. Language origins // *National Forum* 76, 1996. P. 28—30.
- Tomasello 2003 — M. TOMASELLO. *Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition*. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 2003.
- Xu 2007 — F. XU. Sortal concepts, object individuation, and language // *Trends in Cognitive Sciences*. 2007. 11. P. 400—406.

Alexey KOSHELEV. On the final stage of the evolution of language (lexico-semantic aspect).

The article demonstrates that 1) “words” in the human Pre-language must have been monosemic and could only have basic meanings; 2) in the process of transformation of the Pre-language into the Proto-language these “words” became polysemic, thus acquiring metaphoric and metonymic meanings; 3) those who are able to understand and generate metaphors and metonymies possess a human understanding of reality, a well-developed mind and the ability to use the polysemic lexicon in a creative way.

Keywords: lexical Proto-language, evolution of language, polysemy, central sense, metaphor, metonymy, pre-language, language acquisition

The place of Armenian in the Indo-European language family: the relationship with Greek and Indo-Iranian*

The main purpose of this paper is to present lexical correspondences that unite Armenian with Greek and/or Indo-Iranian. They include shared innovations on the one hand, and isolated lexemes on the other. These two lexical corpora — lexical innovations on an inherited basis and isolated words — can be placed within the same temporal and spatial framework. After the Indo-European dispersal Proto-Armenian would have continued to come into contact with genetically related Indo-European dialects. Simultaneously, it would certainly also have been in contact with neighbouring non-Indo-European languages. A word can be of a substrate origin if it is characterized by: (1) limited geographical distribution; (2) unusual phonology and word formation; (3) characteristic semantics. The material presented here, albeit not exhaustive, allows to preliminarily conclude that Armenian, Greek, (Phrygian) and Indo-Iranian were dialectally close to each other. Within this hypothetical dialect group, Proto-Armenian was situated between Proto-Greek (to the west) and Proto-Indo-Iranian (to the east). The Indo-Iranians then moved eastwards, while the Proto-Armenians and Proto-Greeks remained in a common geographical region for a long period and developed numerous shared innovations. At a later stage, together or independently, they borrowed a large number of words from the Mediterranean / Pontic substrate language(s), mostly cultural and agricultural words, as well as animal and plant designations. On the other hand, Armenian shows a considerable number of lexical correspondences with European branches of the Indo-European language family, a large portion of which too should be explained in terms of substrate rather than Indo-European heritage.

Keywords: Armenian historical linguistics, Armenian etymology, Indo-European comparative linguistics, Indo-Iranian lexicology, Greek lexicology, Mediterranean substrate.

Introduction

1. Method
2. Phonological isoglosses
3. Morphological isoglosses
4. Lexical isoglosses between Armenian, Greek and Indo-Iranian
  - 4.1 Material
  - 4.2 Pair isoglosses
5. Lexical isoglosses between Armenian and Indo-Iranian
  - 5.1 Armenian and Indo-Iranian
  - 5.2 Armenian and Indo-Aryan
  - 5.3 Discussion
    - 5.3.1 Native or loan?
    - 5.3.2 Armeno-Indo-Iranian poetic or mythical lexicon
    - 5.3.3 Other issues
- Table set A (sections 4–5)
6. Lexical isoglosses between Armenian, Greek and European dialects
  - 6.1 Armenian and Greek: innovations
  - 6.2 Armenian and Greek: isolated words

---

* I am greatly indebted to Kate Bellamy for checking my English. I am also much obliged to James Clackson, Frederik Kortlandt, Alexander Lubotsky and the editorial staff of *JLR* for their thorough and helpful comments.

- 6.3 Armenian, Greek and Albanian
- 6.4 Armenian, Greek and Latin
- 6.5 Armenian, Greek and Germanic and/or Celtic
- 6.6 Armenian, Greek and Balto-Slavic
- 6.7 Armenian and Greek in a broader European context
- 7. Armenian, Greek and the Mediterranean/European substrate
- Table set B (sections 6–7)
- Preliminary conclusions

Introduction

The dialectal position of Armenian has attracted the attention of Armenologists ever since Heinrich Hübschmann (1875/1877) proved that Armenian does not belong to the Iranian group of Indo-European languages and should be treated as an independent branch of the Indo-European family. Mainly under the influence of the *centum* / *satəm* division, Armenian was considered to be in close relationship with the Aryan and Balto-Slavic languages for a long period, until Pedersen (first in 1906: 442), Meillet and others noted that the number of Greek-Armenian agreements is greater than the number of agreements between Armenian and any other Indo-European language. The relations between Armenian and Greek are sometimes regarded within a larger Balkan context including Phrygian, Thracian and Albanian.

Some scholars argued that there are a large number of similarities between Greek and Armenian, which allow for the postulation of a common Graeco-Armenian language.¹ It is now clear, especially after Clackson's (1994) thorough, albeit somewhat hypercritical treatment, that this case is not as strong as it is for Indo-Iranian and Balto-Slavic. The contact relations between Proto-Greek and Proto-Armenian may have been intense, but these similarities are considered insufficient to be viewed as evidence for discrete Proto-Graeco-Armenian.²

There are also connections between Armenian and Indo-Iranian on the one hand, and between Armenian, Greek and Indo-Iranian on the other. Armenian is usually placed between Indo-Iranian to the east and Greek to the west, and on the northern side it might neighbour Balto-Slavic (and/or Germanic and others). The dialectal unity of Armenian, Greek, (Phrygian,) and Indo-Iranian is often discussed.³

¹ Note the term Helleno-Armenian in Hamp 1979: 4–5; 1983: 6; 1992: 58.

² For such a moderate approach, see Meillet 1936: 9, 141–143. For more literature and different discussions of this and related issues, see Meillet 1922/1950; Pedersen 1924; Bonfante 1937, 1981; Adjarian 1937, AčarHLPatm 1, 1940: 23–99; Makaev 1967; Schmitt 1972–74: 34–40, 64–67; 1975: 27; Širokov 1977, 1980; de Lamberterie 1978–79; 1992: 236–239; Ĵahukyan 1980; Wyatt 1982; Hamp 1983a; Beekes 2003: 152–153; Ringe / Warnow / Taylor 2002: 102–106. See especially the monographs: Arutjunjan 1983; Clackson 1994. For the relationship of Armenian with Balkan (and Asia Minor) languages, see Ĵahukyan 1970; 1987: 296–306; Diakonoff 1984: 103–104, 110–112, 120–121, 184₁₇, 188–190; Holst 2009: 49ff; Kortlandt 2010: 4–6, 31–32, 78; de Lamberterie 2012 and 2013; individually: Phrygian (Pedersen 1925: 44–49; Haas 1939; Bonfante 1946; Ĵahukyan 1968; Orel 1993; Clackson 2008: 124), Albanian (Pedersen 1900; Kortlandt 1980, 1986; Rusakov 1984), Thracian (Kortlandt 2003: 83–87; Beekes 2003: 153). For Urartian names of Balkan origin, see Petrosyan 2002: 179–182 and 2005 (with literature).

³ For various views and discussions, see Meillet 1896: 149–155; 1936: 142; Pedersen 1924: 224–225 = 1982: 307–308; Specht 1935: 29–30, 102–103; 1939: 8, 12–14; AčarHLPatm 1, 1940: 85–86; Thieme 1954: 582–590; Porzig 1954: 162–164; Birwé 1956: 6; Solta 1960: 459ff; Schmitt 1967: 259–260; Makaev 1967: 453–455, 461; Xač'aturova 1973, 1979; Pisani 1979: 210; Euler 1979: 18–23; Ĵahukyan 1980: 4; Wyatt 1982: 27; Gamkrelidze/ Ivanov 1984, 1: 417–418 = 1995:

After the well-known large-scale investigations of Porzig (1954) and Solta (1960), in the period between 1970's and 1990's there have been made a number of attempts to study the relations between Indo-European branches by means of statistics: Tischler 1973, Davies / Ross 1977, Bird 1982 (updated 1993), Coleman 1992, etc. With respect to Armenian one has to mention especially the works of Ĵahukyan, 1980, 1983, and 1987: 86–222. For a critical account of these studies, see Clackson 1994: 7–8, 193–198. For a recent attempt to recover the first-order subgrouping of the Indo-European family using a new computational method, see Ringe / Warnow / Taylor 2002: 102–106.

As far as the morphological and lexical isoglosses are concerned, in these statistical investigations Greek and Indic mostly appear among the closest languages to Armenian. As an example, in the table below I present Ĵahukyan's data on the first five language branches displaying the highest number of common features taken from his lists of 27 phonetic, 35 morphological, and 1400 lexical isoglosses.

	Phonological	Morphological	Lexical
1.	Greek 14	Indic 20,5	Greek 878
2.	Phrygian 12,5/13,5	Greek 18	Germanic 783,5
3.	Thracian 11/13	Anatolian 17	Indic 661,5
4.	Slavic 11	Tocharian 16,5	Italic 636
5.	Iranian 10,5	Italic 16	Baltic 625,5
6.	Baltic 10	Iranian 13,5	Slavic 579,5
7.	Celtic 9,5/10,5	Slavic 13	Celtic 542,5

Rather than discuss here the different theories of the relationships between Armenian and other language branches and tackle every individual isogloss, which would require a copious monograph, I shall limit myself to a general outline of the most relevant issues regarding Greek and Indo-Iranian. After a short methodological outline (§1) and sections on phonological and morphological agreements (§§2–3), I shall turn to the main goal of this paper, the lexical material. Applying the methodology outlined in §1, I shall select the most illustrative examples from the lists that have been used before and will add some new material that has not been discussed in this context before. Additionally I present a number of new etymologies which are marked as HM.

In cases where I give no references, the relevant etymological material can be found in HAB and Martirosyan 2010 s.v.

1. Method

The methodological and thematic background of this paper largely coincides with that of Clackson 1994, so I simply omit these discussions and refer the reader to this exemplary monograph.

A crucial methodological point of departure is that archaic features and independent developments are not significant for determining a close genetic relationship between two languages or dialects. Instead, one should rely on shared innovations from the outset. The draw-

---

365; de Lamberterie 1986; Mańczak 1987; Pisowicz 1987; Schmidt 1987; Hamp 1992; Lehmann 1993: 19; Clackson 1994: 201–202; 2008: 124; Mallory/Adams 1997: 29; 2006: 78–79, 109–110, 455; Stempel 2000; Ritter 2006; Schmitt 2007: 22–23; Fortson 2010: 203, 383.

back with this method is that there is often (if not always) the possibility of independent innovations yielding similar results. Nevertheless, the cumulative evidence decreases the likelihood of chance in such cases.

On the other hand, if a competing feature is present in a certain group of dialects that is otherwise confirmed by a number of isoglosses, it should be taken into account even if we cannot formally decide whether we are dealing with an archaism or innovation. Thus Armenian, Greek, Phrygian and Indo-Iranian make use of the *e*-augment (§3.1) whereas other dialects do without it, and it is impossible to decide whether the presence or absence of an augment is to be regarded as dialectal innovations made in late Proto-Indo-European. Nevertheless, this is a significant isogloss, because a similar dialectal distribution is found, as we shall see, for a number of morphological and lexical variables.

In the case of, e.g., the genitive ending **-osjō-*, however, some archaic traces are also found in other branches, for example Italic and Celtic (see §3.2). This is reminiscent of e.g. IE **h₂nēr*, gen. **h₂nr-ós* ‘man’ that is basically represented by the dialect area under discussion (Armenian *ayr*, gen. *ain*, Skt. *nár-*, Greek *ἀνῆρ*, gen. *ἀνδρός*, Phryg. *avaρ*, cf. also Alb. *njeri* ‘human being, person’) but has also left some traces in Italic (Osc. *ner-*) and Celtic (Mir. *ner* ‘boar’, MWelsh *ner* ‘chief, hero’).⁴ A similar case is **h₂erh₃-uer/n-* ‘arable land’. Such cases cannot be regarded as significant for the purpose of subgrouping or establishing areal contacts.

When an etymon is only found in two or three non-contiguous dialects, it may theoretically represent an archaic PIE lexeme that has been lost elsewhere⁵ and is thus not significant for our purpose. But when an etymon appears in a few dialects that can be regarded as contiguous at a certain stage, we should take it seriously even if the etymon has no PIE origin and cannot be thus treated as a shared innovation in the genetic sense. Two Indo-European dialects that were spoken in the same geographical area at a period shortly before and/or after the Indo-European dispersal could both develop shared innovations as a result of their interaction with neighbouring non-Indo-European languages.

After the Indo-European dispersal Proto-Armenian would have continued to come into contact with genetically related Indo-European dialects. Simultaneously, it would certainly also have been in contact with neighbouring non-Indo-European languages. A word can be of a substrate origin if it is characterized by: (1) limited geographical distribution; (2) unusual phonology and word formation; (3) characteristic semantics.

Theoretically, these two lexical corpora — lexical innovations on an inherited basis and substrate words — can thus be placed within the same temporal and spatial framework. As far as the relationship between Armenian and Greek is concerned, matters are particularly complicated for two principle reasons: (1) it is often very difficult to know whether we are dealing with an innovation or a substrate / cultural word, and (2) aside to lexical correspondences confined to only Armenian and Greek, there are also a large number of lexical agreements between Armenian, Greek and a few other European dialects. Many of these words belong to the semantic fields of the physical world, fauna, flora, agriculture and crafts. They may, therefore, shed some light on cultural and geographical characteristics of the environment where Proto-Armenian might have contacted Proto-Greek and other dialects in a late period around the time of the Indo-European dispersal. For these reasons, in section six, following the subsection on Armenian and Greek only, I also provide a few characteristic examples reflecting the broader areal context. I then present a brief discussion on

⁴ On this etymon see de Vaan 2008: 406–407; Matasović 2009: 289; Martirosyan 2010: 61–62; Beekes 2010, 1: 103–104.

⁵ For the problem of determining a PIE word, see e.g. Mallory/Adams 2006: 107–110.

the substrate (section 7) and add a summarizing table divided into semantic fields. Wherever a lexical agreement is likely to be an innovation rather than an isolated etymon, I mark it by shading.

2. Phonological isoglosses

2.1. A major and very complicated issue is the *centum / satəm* division which puts Greek and Armenian on different sides of the line. Together with Indo-Iranian, Balto-Slavic and Albanian (the situation in Luwian is disputed), Armenian belongs to the *satəm* group of languages which show palatalisation of the palatovelars and absence of a labial element in their reflexes of the labiovelars.⁶

2.2. Another phonological feature that unifies Indo-Iranian, Balto-Slavic and partly Armenian is the *ruki/iurk-rule*, the special development of *s after r, k, i, and u.⁷ It is interesting that Armenian shows a twofold development of *-rs- as reflected in *t'aršamim* and *t'ařamim* 'to wither'; the -rš- reflex is in line with the ruki-development, whereas -ř- betrays an assimilation of *-rs- to *-rr-, also seen in Greek. This issue can be placed within the framework of the development *s > h in Armenian, Greek, Iranian, Phrygian and Lycian (and also Brythonic Celtic). Both developments may have resulted from a common change, although independent innovations are not unlikely either.⁸

2.3. The so-called “**prothetic vowel**”, viz. Gr. *â-* (and *ô-*) : Arm. *a-*, and Gr. *ê-* : Arm. *e-* vs. zero in other languages, is now interpreted as a vocalized reflex of the PIE initial laryngeal followed by a consonant (see the table below). It is considered an important isogloss shared by Armenian and Greek, and possibly also Phrygian and Albanian.⁹ Clackson (1994: 36) notes that this may represent an areal feature since initial laryngeals might also have left vocalic reflexes in the Anatolian languages. However the latter statement seems to be uncertain.¹⁰

PIE	Gloss	Greek	Armenian	Other
* <i>h₁reg^wos-</i>	'darkness'	ἔρεβος	<i>erek(-oy)</i>	Goth. <i>riqis</i>
* <i>h₁neun̥</i>	'nine'	ἐννέα	<i>inn</i>	Skt. <i>nāva</i>
* <i>h₂le/o(u)pek-</i>	'fox'	ἄλωπηξ	<i>atuēs</i>	Skt. <i>lopāśā-</i>
* <i>h₂ster-</i>	'star'	ἀστήρ	<i>astt</i>	Hitt. <i>hašter-</i>
* <i>h₃neh₃mn</i>	'name'	ὄνομα	<i>anun</i>	Skt. <i>nāman-</i>

⁶ See Pedersen 1925: 7, 44–47; Allen 1978; Shields 1981; Gamkrelidze/ Ivanov 1984, 1: 417 = 1995: 365; Clackson 1994: 54–55. It is remarkable that Luwian preserves the original labialized reflexes of labiovelars (for relevant literature, see Szemerényi 1996: 61).

⁷ See Martirosyan 2010: 709–710; Beekes 2011: 30, 126–127, 137. I do not share the view (see Olsen 2011: 26–27 with lit.) on the final -r as a *ruki*-development in Armenian.

⁸ For references and a discussion of these two issues see Clackson 1994: 54, 210₈₆; for *s > h, cf. Szemerényi 1985; Schmidt 1988: 602. Note that the change s > h in Lycian and Brythonic Celtic is certainly not a common archaism with Greek, Armenian, and Iranian according to received opinion on the matter (cf. already Meillet 1896: 151 on Celtic).

⁹ For literature and a discussion, see Martirosyan 2010: 714–716; de Lamberterie 2013: 29–34. See also Schmidt 1988: 602. For Phrygian, see Ligorio / Lubotsky forthc. (section 4.3); for Albanian, see Demiraj 1994.

¹⁰ For a discussion, see Kloekhorst 2006 and his manuscript monograph on Hittite accentuation, notably the section “Words containing aC(-)”.

2.4. Vocative accent. Armenian manuscripts and dialects provide rich evidence for vocative forms accented on the first syllable: *háyrík* ‘o father’, *máyrík* ‘o mother’, *Kárapet*, etc.; dial: T‘iflis *áxper* ‘o brother’, *vúrt‘i* ‘o son’; Lori *órđi* ‘o son’; Hamšen *háyr-i* ‘o father’, *máyr-i* ‘o mother’; Akn *hársnuk* ‘o sister-in-law’, *márik* ‘o mummy’; Moks *xrółper* ‘o uncle’, *t‘ágäour* ‘o king’, Nor-Bayazet *hárs-ε* ‘o sister-in-law’, *Hóromsim*, *Máýran*, *Márgarit*, *tnákolner* “you whose house may be destroyed!”, even word combinations, such as *túrban harse* “you, dear sister-in-law (to whom I may be sacrificed)”, *Hróp‘sama Xat‘un* ‘o you, Lady Hróp‘sim’.

The vocative with initial accentuation may be considered an Indo-European inheritance. In Vedic Sanskrit, the vocative, when accented, has the acute on the first syllable, e.g., voc. *pítar* vs. nom. *pitá*. The same is found in Greek: *ἄδελφε* vs. *ἀδελφός* ‘brother’; *δέσποτα* vs. *δεσπότης* ‘master (of the house), lord’; *πάτερ* vs. *πατήρ* ‘father’, etc.; in modern Iranian languages: in Persian, the stress is on the initial syllable of the vocative noun or phrase. In Kurdish Awroman, when no vocative particle is present the stress is brought forward to the first syllable of a noun.¹¹ This isogloss is highly hypothetical.

3. Morphological isoglosses

3.1. One of the most significant morphological isoglosses shared by Armenian, Greek, Phrygian and Indo-Iranian is the *e*-augment (cf. §1), e.g. Arm. 3sg aorist **e-ber** ‘brought’ from PIE **é-b^her-et*: Skt. *á-bhar-at*, Gr. *ἔ-φερ-ε*; Arm. 3sg aorist **e-git** ‘found’ from PIE **é-uid-et*: Skt. *á-vid-at*, Gr. *εἶδε* < *ἔ-Ϝιδ-ε*; Arm. 3sg aorist **e-d** ‘put’ from PIE **é-d^heh₁-t*: Skt. *á-dhā-t*, Gr. dial. *ἔ-θη*, cf. suffixed forms, Gr. *ἔ-θη-κα*, Phrygian *e-daes*.¹²

3.2. The genitive ending **-osjō-* (Skt. *-asya*, Gr. *-οιο*, Arm. **-oy**,¹³ etc.) of the nominal *o*-stems has been taken over from the pronominal declension. It is basically restricted to Indo-Iranian, Greek and Armenian and has been interpreted as either a dialectal Indo-European innovation or a morphological isogloss.¹⁴ Given the appearance of this genitive singular ending in Italic (*-osio* in early Faliscan inscriptions and in one early Latin inscription, the *Lapis Satricanus*, c. 490 BC, and in the name *Mettoeo Fufetioeo*) and Celtic (*-oiso* in three or four Lepontic inscriptions from before 400 BC), it is now possible to argue that the spread of a genitive singular **-ī* took place relatively recently, not much earlier than the period of Italo-Celtic unity. It has been argued that the ending **-osjō-* was also present in Anatolian. As an archaism it cannot, therefore, be used as an isogloss. Nevertheless, it is somehow significant that, as in case of the *e*-augment, Armenian sides with Greek and Indo-Iranian in having **-osjō-* as a specific genitive marker of *o*-stems.¹⁵

¹¹ See Martirosyan 2010: 748–749 and Martirosyan forthc.

¹² For a discussion, see Meillet 1950: 97–101; Birwé 1956: 18–19; Meid 1975: 214–215; Schmidt 1980: 2–5; 1987: 39; 1988: 601–602; Gamkrelidze / Ivanov 1984, 1: 388–390 = 1995: 340–341; de Lamberterie 1986: 48–49; 1992: 237; Abajyan 1991; Clackson 1994: 9–10; Meier-Brügger 2003: 182; Mallory/Adams 2006: 75; Kocharov 2008: 32–33; Fortson 2010: 92, 101, 392. For Phrygian, see also Ligorio / Lubotsky forthc. (section 5.3)

¹³ Meillet 1900: 17.

¹⁴ See e.g. Gamkrelidze/Ivanov 1984, 1: 375–379 = 1995: 329–332; Kortlandt 1984: 99–100 = 2003: 47.

¹⁵ For some other possibly related forms and a general discussion, see Lehmann 1981; Gamkrelidze / Ivanov 1984, 1: 377, = 1995: 330; Schmidt 1987: 40–42; Beekes 1990–92; Morani 1992; Hamp 1992: 59; Clackson 1994: 8, 14; Szemerényi 1996: 184, 187; Clackson/Horrocks 2001: 16–17, 32, 69; Eska/Wallace 2001; Fortson 2010: 127. On Anatolian, see Szemerényi 1996: 184; Kloekhorst 2008: 216; and especially Yakubovich 2008.

3.3. A commonly cited morphological feature found in Armenian, Greek and Indo-Iranian (and perhaps also Celtic) is the instrumental marker ***-b^{hi}(s)**. Furthermore, Greek and Armenian share the use of ***-b^{hi}-** as the instrumental singular marker, probably due to extension of the athematic instrumental plural marker ***-b^{his}** that is also shared by Indo-Iranian. After a lengthy discussion, however, Clackson (1994: 68–74, 87) concludes that the two languages are likely to have made independent developments and denies the significance of this isogloss. He does admit the importance of this feature, however, for the dialect group Armeno-Graeco-Indo-Iranian.¹⁶

3.4. *meh₁ prohibitive particle: Arm. **mi**, Skt. *mā*, Av. *mā*, Gr. *μή*, Alb. *mo*.¹⁷ The Armenian prohibitive particle *mi* is probably reflected in Urartian *me(i)*.¹⁸ The value of this isogloss is uncertain in view of Toch. AB *mā* ‘not, no’, which expresses both simple negation and prohibition (Adams 1999: 445–446).

3.4. *h₂oiu-k^wi(d): Arm. **oč** ‘not’, Gr. *οὐκ, οὐκί* ‘not’. However, an inner-Armenian development is not excluded.¹⁹

3.5. *-nu-presents are attested in Armenian, Greek and Indo-Iranian in a number of verbs that lack them outside this area: ***h₂r-nu-**: Arm. **arnum** ‘to gain, obtain, take’ (Armenian, Greek, and probably Iranian, see §4.1.9); ***ues-nu-**: Arm. **z-genum** ‘to put on clothes’ (Armenian and Greek, see §6.1.16); ***g^{wh}er-nu-**: Arm. **jeinum** ‘to be/become warm, burn’ (Armenian and Indic, see §5.2.13).²⁰

As an example of the **-nu-**extension on Armenian grounds, note Arm. **Inum**, 3sg.aor. *e-lic* ‘to fill, be filled’ from QIE ***pleh₁-**: Gr. *πίμπλημι, -αμαι* ‘to fill, make full’, *πλέω*, Ion. *πλέος* ‘full’, Lat. *plēre* ‘to fill’, Skt. *pari* ‘to fill’, pres. **pīprati*, etc. (cf. Arm. **li** ‘full, abundant, whole’ and **lir**, *i*-stem ‘plenitude’ vs. Gr. *πλήρης* ‘full; in full’). The aorist **e-li-c** derives from **e-plē-ske*, with ***-skelo-** added to the old root aorist **plē-(s)-*, cf. Ved. *áprās*, Gr. *ἐπλησε*, etc.

3.6. The ***ni-** preverb in Armenian and Indo-Iranian.

*ni-si-sd-e/o-: Arm. **nstim**, 3sg.aor. *nst-a-w*, impv. *nist* ‘to sit’ < **nihist-e-*; Skt. *ní śīdati*, Av. *nišhidaiti*, MPers. *nišastan* ‘to sit’. The form is based on the reduplicated present form ***si-sd-** from PIE ***sed-** ‘to sit’: Skt. *śīdati*, Gr. *ἵζω*, Lat. *sīdō*, etc. The verbal form ***ni-si-sd-e/o-** ‘to sit’ is a significant isogloss shared by Armenian and Indo-Iranian. Other languages only have the deverbative noun ***ni-sd-o-**: Lat. *nīdus* m. ‘bird’s nest, residence’, OHG *nest* ‘nest’, cf. Arm. *nist*, *o*-stem ‘seat, site, base; royal residence, capital’, Skt. *nīdā-* m.n. ‘nest, lair, bird’s nest’, etc.²¹

3.7. ***-ṅ-**presents in Armenian (*-anem*) and Greek (*-ánw*).

*li(n)k^w-ṅ- ‘to leave’: Arm. **lk’anem**, 3sg.aor. *e-lik* ‘to leave’, Gr. *λείπω, λιμπάνω* ‘to let, leave’; cf. Skt. *rec-*, pres. *riṅákti* ‘to leave, let, release’, Iran. **raič* ‘to leave, let, abandon’, Lat. *linquō, līquī* ‘to leave, quit, forsake; to abandon’, OIr. *léicid* ‘leaves’. Arm. 3sg.aor. *e-lik* is de-

¹⁶ For references and a general discussion of the ***-b^{hi}-** ending, see Meillet 1896: 153; Pedersen 1924: 223 = 1982: 306; Gamkrelidze / Ivanov 1984, 1: 379–382 = 1995: 332–335; Kortlandt 1984: 101–102; 2010: 40, 44–45; Schmidt 1987: 40; Martirosyan 2010: 751; Beekes 2011: 30–31, 187–189.

¹⁷ Martirosyan 2010: 468–469. For Albanian *mo*, see Demiraj 1997: 275–276.

¹⁸ Jahukyan 1963: 124; Arutjunjan 2001: 454b; Yakubovich 2010.

¹⁹ For references and a critical discussion, see HAB 3: 561–562; Clackson 1994: 158; 2004–05: 155–156; Martirosyan 2010: 531. The most recent treatment of this correspondence is found in de Lamberterie 2013: 21.

²⁰ See Clackson 1994: 83–84, 178–180 and Martirosyan 2010 s.vv., also Schmidt 1988: 601; Fortson 2010: 97, 214. For an extensive discussion on *nu*-verbs I refer to Kocharov 2008: 39–40, 126–155, 182–185.

²¹ See de Lamberterie 1986: 49–57 and Martirosyan 2010: 505–506 with lit.

rived from thematic aorist **é-lik^w-e-t*, cf. Gr. ἔλιπε, and the imperative *lik'* reflects IE **lík^we*, cf. Gr. λίπε. PIE nasal-infixed present **li-n-k^w-* was remodelled to **li(n)k^w-n-*: Gr. λιμπάνω and Arm. *lk'anem* (cf. **b^heg-* 'to break', nasal present **b^h-n-eg-*: Arm. *bekanem*, 3sg.aor. *e-bek* 'to break', Skt. *bhañj-*, *bhanákti* 'to break, shatter', OIr. *bongid*, *-boing* 'breaks', etc.). I agree with the view²² that this is likely to be a shared innovation (pace Clackson 1994: 84–85).

This type of presents became productive in Armenian, cf. e.g. **pr^hk-ske/o-* (*sk*-present): Arm. *harc'anem*, 3sg.aor. *e-harc'* 'to ask, question, inquire', Ved. *prcchāmi*, MPers. *pursīdan* 'to ask', Lat. *poscō* 'to ask, demand', etc. Arm. 3sg.aor. *e-harc'* derives from thematic imperfect **e-pr^hk-sk^h-et*, cf. Skt. *ápṛcchat*. Note also Arm. imper. *harc'* vs. Skt. *prcchá*.

3.8. The **-n*-presents (see the previous paragraph) and a few other Graeco-Armenian isoglosses are treated by Clackson (1994: 74–87) as ambiguous with respect to the question of whether they represent shared innovations or independent developments: the suffix **-olā-* in Greek *-όλης* (e.g. *μαινόλης* 'raving, frenzied') vs. the Armenian quasi-participles in *-ot*, the usage of the PIE verbal suffix **-sk^h-* (Greek *-σκ-* in Ionic iteratives and *-c'* in the Armenian aorist) with restriction to past time, peculiar verbal reduplication seen e.g. Gr. *δαιδάλλω* 'to embellish' and Arm. *cicatim* 'to laugh', etc. Naturally, one should welcome such a sound and cautious approach. However, the cumulative strength of these morphological (and a few phonological) features and a great number of such lexical agreements gives additional weight to the evidence.

4. Lexical isoglosses between Armenian, Greek and Indo-Iranian

4.1. Material.

4.1.1. **pl^hu-* 'Pleiades': Arm. *alaw(s)unk'* 'Pleiades', YAv. acc.pl. f *paoirīiaēiniias* < **paruijainī-*, NPers. *parvīn* 'Pleiades', Gr. *Πλειάδες* 'id.'; cf. Arm. *y-olov* 'many' < **polh₁us*: Gr. *πολύς* 'many', Skt. *purú-* 'much, abundant', etc. (Martirosyan 2010: 12–13).

4.1.2. **polio-/polie₂*: PArm. **(p)olīya-* > Arm. *ali-k'₁*, obl. *ale-a-* 'wave'; *ali-k'₂* obl. *ale-a-* 'grey hair; old age'; Gr. *πολιός*, fem. *πολιάς* 'whitish grey (of hair and of foaming seas)' (cf. especially *πολιαί* 'grey hair' which stands for Arm. *alik'* e.g. in Proverbs 20.29); MPers. *pīr* 'old, aged' < **parya-*, Kurd. *pēl* 'wave, billow', etc.²³ In view of Mycenaean *po-ri-wa*, the Greek word has been reconstructed as **πολιφο-* and its close connection with Arm. *ali-k'* has been doubted (Clackson 1994: 163–164). Beekes (2010, 2: 1219), however, notes that the appurtenance of the Mycenaean word is quite uncertain and prefers to reconstruct **polio-*.

The Armenian, Greek and Iranian (if **parya-* is reliable) words are particularly close to each other in having both meanings ('wave' and 'grey hair, old') and reflecting **polio-*. Perhaps we can also add Skt. *palitá-* 'grey, grey of old age, aged', though this is uncertain.²⁴ Other languages have **poluo-* 'pale, grey', which seems to be unrelated: Lat. *pallidus* 'pale' < **palwo-*, OHG *falo* 'faded' < PGerm. **falwa-*, OCS *plavъ* 'white', etc.²⁵

4.1.3. **h₂(e)lh₁-/*h₂l-n(e)h₁-*: Arm. *atam* 'to grind' < **al-n-*, Gr. *ἀλέω* 'to grind', MInd. *ātā* 'flour', Av. *aša-* 'ground' < **arta-*, MPers. *ārd* 'flour' < **ārta-*, Khot. *ārr-* and Sogd. *'rn* 'to grind' from Iran. **arna-*. See also §4.1.4.

²² Hamp 1975; Wyatt 1982: 29; Stempel 2000: 517. For an extensive discussion I refer to Kocharov 2008: 34–39, 73–101, 172–180.

²³ Martirosyan 2010: 14–15.

²⁴ See Mayrhofer EWAia 2, 1996: 103–104.

²⁵ See de Vaan 2008: 440–441; Derksen 2008: 412.

4.1.4. **h₂(e)lh₁-tr-i-*: Arm. **ալաւրի**, *ea*-stem ‘mill; female grinder (of corn)’, Gr. ἀλετρις ‘woman who grinds corn’. If Pers. *ās*, *āsyā* ‘mill’, Sogd. *’rδ* ‘mill’ and other Iranian forms reflect **a/ārθra-* ‘mill’, a similar **-tr-*formation of **h₂(e)lh₁-* ‘to grind’ (see §4.1.3), then this is a lexical isogloss between Armenian, Greek and Indo-Iranian, as is the root **h₂(e)lh₁-*. Note also Arm. *ալաւր* ‘flour’ and Gr. ἄλευρον ‘flour’ (§6.1.1).²⁶

4.1.5. **h₂lōpelēk-* / **h₂le/oupek-* ‘fox’: Arm. **աւուէս**, gen. *atues-u* ‘fox’, Gr. ἀλώπηξ, -εκος ‘fox’, Skt. *lopāsā-* probably ‘fox’, Proto-Iranian **raupāsa-* ‘fox’ (Parth. *rwbs*’s [rōbās], MPers. *rōbāh* ‘fox’, Oss. *rūvas/robas* ‘fox’, Sogd. *rwps-*, Khwar. *rwbs* ‘fox’, Khot. *rrūvāsa-* ‘jackal’, etc.). Despite the vocalic problem, I agree with Mayrhofer EWAia 2, 1996: 482 in that Indo-Iran. **Raupāca-* is “nicht zu trennen” from Arm. *atūēs* and Gr. ἀλώπηξ. Further, note Av. *urupi-* ‘dog’, *raopi-* ‘fox, jackal’, Celtic **lop-erno-* (Welsh *llewyn* ‘fox’, Bret. *louarn* ‘fox’, etc.), Lat. *volpēs* f. ‘fox’, Lith. *lāpė*, Latv. *lapse* ‘fox’, etc.²⁷

4.1.6. **h₂(e)iġ-* ‘goat’: Arm. **այց**, *i*-stem, ‘goat’, **այց-ի**, obl. *aycea-* (probably from fem. in **-ih₂-*), Gr. αἴξ, αἰγός f. ‘goat’ (compositional αἰγί-), YAv. *īzaēna-* ‘leathern’, perhaps also Skt. *eḍa-* m. ‘a kind of sheep’ and Alb. *dhi* f. ‘(she-)goat’; note also the *i*-less form: Skt. *ajā-* ‘goat’, YAv. *aza-* ‘goat’, Lith. *ožys* ‘goat’, etc.²⁸

4.1.7. **h₂nēr*, gen. **h₂nr-ós* ‘man’: Armenian **այր**, gen. *arñ*, Skt. *nár-*, Av. *nar-*, Greek ἀνήρ, gen. ἀνδρός, Phryg. *anar*, cf. also Alb. *njeri* ‘human being, person’; note also traces in Italic (Osc. *ner-*) and Celtic (Mir. *ner* ‘boar’, MWelsh *ner* ‘chief, hero’). For the areal distribution, compare, e.g., gen. **-osġo-* and **h₂erh₃-uer/n-* ‘arable land’.

4.1.8. PIE **h₁r̥s-en-* ‘male, male animal’: Arm. **արն** ‘wild ram’ (acc.pl. *z-arñ-s*), Gr. ἄρσην, -ενος, Att. ἄρρην, Ion., Lesb., Cret. ἔρσην, Lac. ἄρσης adj. ‘male’, Av. *aršan-* m. ‘man, male’, OPers. *aršan-* ‘male, hero, bull’, cf. Skt. *r̥ṣabhá-* m. ‘bull’.

In view of the vocalic discrepancy in the Greek forms ἔρσην and ἄρσην, two different roots may be posited: **h₁r̥s-en-* (with Arm. *arñ* and Indo-Iran. **H₁r̥šan-*) and **h₂u₁rsen-* (with Skt. *v₁r̥ṣan-* ‘manly; male animal, bull, stallion, etc.’, Lat. *verrēs* ‘boar’, Lith. *veršis* ‘bull, ox, ox calf’, etc.), respectively.²⁹ According to Pronk (2010), the second part of the Proto-Indo-European determinative compound **g^w(e)h₃u-ursēn* ‘bull’, lit. ‘cow-male’ (Toc. A *kayurš* ‘bull’, B *kaurše* ‘bull’, OIc. *kursi*, later *kussi* ‘bull calf’, Skt. *gó-v₁r̥ṣa-* and *gó-v₁r̥ṣabha-* ‘bull’, etc.), was reanalyzed in Greek, Indo-Iranian and Armenian as **-rsēn* and started to lead an independent life.³⁰ Whether one accepts this attractive scenario or not, we are nonetheless dealing with a lexical isogloss between these three branches (pace Pronk 2010: 176₁₄). Note the abundance of such isoglosses in the domain of animal husbandry (see Table set A).

4.1.9. **h₂r-nu-*: Arm. **արնում** ‘to gain, obtain, win, take, grasp’, Gr. ἄρνημαί, aor. ἀρόμεν ‘to win, gain’, probably also Av. *arənauu-* ‘to grant, allot, provide’ (see §3.5 on *nu*-verbs).

4.1.10. **sru-ti/to-*: Arm. **արու**, *i*-stem, *o*-stem, *a*-stem ‘brook, tributary; channel, ditch, trench’; the threefold declension of the Armenian word points to different derivatives: **sru-ti-* (cf. Skt. *sru-tí-* f. ‘way, path’, Gr. ῥύσις f. ‘flowing, flow’, etc.), **sru-to-* (cf. Gr. ῥυτός ‘flowing’) or **sroutos-* n. (cf. Skt. *srótas-* n. ‘stream, current’, OPers. *rautah-* n., Pahl., NPers. *rōd* ‘stream’),

²⁶ See Bailey 1979: 22a; Clackson 1994: 90–95; ÈtimSlovIranJaz 1, 2000: 200–204; Beekes 2010, 1: 65; Martirosyan 2010: 13–14, 26–27, 31.

²⁷ Clackson 1994: 95–96; Martirosyan 2010: 42; Beekes 2010, 1: 78–79.

²⁸ Euler 1979: 167–168; Clackson 1994: 88–90; Martirosyan 2010: 58; Beekes 2010, 1: 40–41; cf. also Clackson 1994: 182, 237_{6/4}.

²⁹ For references and a discussion, see Martirosyan 2010: 112.

³⁰ Note that, in the Atharva-Veda, Skt. *r̥ṣabhá-* is usually a real male animal, whereas *v₁r̥ṣabhá-* is generally used symbolically, often referring to, e.g., Indra or Agni (Lubotsky apud Pronk 2010: 172, 175–176).

sr(o)u-ieh₂* (cf. Lith. *sraujà*, Latv. *strauja* ‘stream’, Russ. *strujá* ‘stream’, etc.). The forms derive from PIE **sre/ou-* ‘to stream, flow’: Arm. **a/orog(an)em ‘to water, irrigate’, Gr. *ρέω* ‘to flow, stream’, etc.

4.1.11–12. **h₂rǵipió-*: **arcui** ‘eagle’ and **t̥kiH-(i)no-/t̥kiH-eno-*: **c’in** ‘kite’ (§4.2).

4.1.13. *urh₁ēn, gen. **urh₁no-*: Arm. **garin**, *in/an*-stem: gen. *garin*, instr. *garām-b*, nom.pl. *garin-k’*, gen.dat.pl. *garian-c’* ‘lamb’, Skt. *úran-*, nom. *úrā*, acc. *úraṇam* m. ‘lamb’, NPers. *barra* ‘lamb’ < PIr. **varn-aka-*, Gr. *ἀρήν* m., *φάρην* ‘lamb’, *πολύ-ρρηγν-εσ* ‘possessing many lambs’ < **-urh₁-n-*.

4.1.14. **d^hmb^h-*: Arm. **damban**, **dambaran** ‘tomb, grave’; Gr. *ταφή* f. ‘interment’, *τάφος* m. ‘funeral rites; grave, tomb’, *τάφρος* f. ‘ditch, trench’, *θάπτω* ‘to bury’ from **d^hmb^h-iō*. Probably here also belongs YAv. *daxma-* ‘grave’ (dissimilated from **dafma-* < **d^hmb^h-mo-*). The appurtenance of Old Pruss. *dambo* ‘ground’ is uncertain. PArm. **damb(a)r-* ‘tomb’ (< **d^hamb^h-ro-/re_h2-*, cf. Gr. *τάφρος*) may have been borrowed into Abkhaz *a-damra* ‘tomb, grave, dolmen’. Note also Arm. *t’umb* ‘mound; fence, wall around a house’ and Gr. *τύμβος* m. ‘mound, burial mound, grave’ (see §6.1.18). In view of the aberrant vocalism comparable to *burgn* and *durng*, as well as Arm. *t’-* instead of *d-*, here we may be dealing with a substrate intermediation.³¹

4.1.15. **h₁eg^{wh}-i-*: Arm. **iž**, *i*-stem ‘viper’, Gr. *ἔχις*, *-εως*, gen. *ἔχιος* ‘viper; name of a monster’, Skt. *áhi-* m. ‘snake, adder’, YAv. *aži-* m. ‘snake, dragon’. The assibilation **-g^{wh}-i-* > **-yžy-* and the problem of the Armenian vocalism are due to a generalization of the genitive **ežyo-* from gen. **h₁(e)g^{wh}-i-ós* (cf. Gr. gen. *ἔχιος*). If the Indo-Iranian forms belong rather to PIE **h₂(e)ng^{wh}-i-* (Arm. **awj**, *i*-stem ‘snake’, Lat. *anguis* m.f. ‘snake’, Lith. *angis* f. ‘snake’), then we are left with a correspondence between Armenian and Greek.

4.1.16. **ǵerH-*: Arm. **cer**, *o*-stem ‘old man; old’, **cer-anam** ‘to become old’, Skt. *jari* ‘to age, grow old’, *jarás-* f. ‘old age’, YAv. *zar-* ‘to age, grow old’, *γέρας* n. ‘gift of honour’ (originally ‘old age’); **ǵerH-ont-*: Arm. **cer-un(-i)** (*ea*-stem) ‘old’, Skt. *járant-* ‘old’, Oss. *xæronđ* ‘old’, Gr. *γέρων* ‘old man’. A different formation: OIc. *karl* ‘old man’, OHG *karal* ‘old man’, etc.³²

4.1.17. **g^wou₁-io-* (or **g^wh₃eu₁-io-*): Arm. **kogi**, gen. *kogw-o-y*, ins. *kogw-o-v* ‘butter’, Skt. *gávya-*, *gavyá-* ‘consisting of cattle, coming from or belonging to a cow (as milk, curds, etc.)’, YAv. *gaoiia-* ‘coming from cattle, consisting of cattle’, Gr. adj. *-βο(φ)ιος*, e.g. *ἐννεά-βοιος* ‘worth nine beeves’. This isogloss³³ is based on the PIE word for ‘cow’ (Arm. *kov*; cf. nom. *arew* vs. oblique *areg-* ‘sun’). SEE AUTHOR’S ADDITION ON P. 137.

4.1.18. **h₂erh₃-uer/n-*: Arm. **harawun-k’** (acc.pl. *harawun-s*) ‘sowing, seeds; sowing-field; arable land’, Gr. *ἄρουρα* f. ‘tilled or arable land; pl. corn-lands, fields’, Skt. *urvárā-* f. ‘arable land, field yielding crop’, Av. *uruuarā-* f. pl. ‘food plant, plant, ground covered with plants, flora’. As in cases of e.g. gen. **-osǵo-* and **h₂ner-* ‘man’, Celtic and Italic are added: Mlr. *arbor*, NPl *arbanna*, OIr. gen. *arbe* ‘grain, corn’, Lat. *arvum* ‘ploughed land’. Armenian, Greek and Indo-Iranian are unified by the **-r/n-* heteroclitic declination (seen also in Celtic) and the semantics. If the original meaning was ‘grain, crop’ (cf. Iranian and Celtic), we might treat the semantic shift as an innovation. However, the **-r/n-* declension is rather archaic. The value of this isogloss is uncertain.

4.1.19. **m₁rto-*: Arm. **mard**, *o*-stem ‘man, human being’ (renders Gr. *ἄνθρωπος* or *βροτός* in the Bible), Gr. *βροτός* m., f. ‘(mortal) man; mortal’; Skt. *mṛtá-* ‘died, dead’ (verbal adj.), Av. *mərata-* ‘dead’; cf. privative **ṇ-m₁rto-*: Skt. *amṛta-* ‘immortal’, YAv. *amaša-* ‘immortal’, Gr. *ἄμβροτος* ‘immortal, divine’; with different vocalism: Skt. *márta-* m., Av. *marata-* m. ‘the mortal

³¹ For a discussion, see Clackson 1994: 120–121; Martirosyan 2010: 232–233; Beekes 2010, 1: 534, 1517–1518.

³² Mallory/Adams 1997: 409–410; Olsen 1999: 611; Martirosyan 2010: 339; Beekes 2010, 1: 268–269.

³³ See already Meillet 1896: 152.

one, man’, Gr. *μορτός· ἄνθρωπος, θνητός* ‘man’ (Hesychius); the other cognates continue a form in **-tu-o-*: Lat. *mortuus*, OCS *mrъtvъ* ‘dead’, etc.³⁴ Armenian, Greek and Indo-Iranian agree in **-to-* as well as the semantic shift from ‘dead’ to ‘mortal’ and therefore represent a significant isogloss (cf. Meillet 1896: 151).

4.1.20. **k₁elou-*: Arm. **č’uem** ‘to go, set forth, march off, break camp’, **č’og-**, suppletive aorist of *ert’am* ‘to go, set off’; Skt. *cyav-* ‘(to start) to move, stir; to undertake’; OAv. *šauuaitē* ‘to move’, YAv. *fra-šūiti-* f. ‘approach’, OPers. *šiyav-* ‘to set forth, go, march’; Gr. *σεύομαι* ‘to be in violent motion, hurry; to walk, rush (to)’; participle **k₁iu-to-* ‘moved’: Arm. **č’u**, *o*-stem ‘setting out, departure; campaign, expedition; journey’, Skt. *cyutá-* ‘moved (wankend, in Bewegung geraten)’, YAv. *mainiiu.šūta-* ‘vom Geist angetrieben’, Gr. *ἐπί-σσυτος* ‘rushing, gushing’. This isogloss is based on PIE **kei(h₂)-*, cf. Gr. *κίω, κινέω* ‘to set in movement, drive away, shake’, Lat. *ciēre* ‘to move, stir up’, *citus* ‘fast’.³⁵

4.1.21. **g^{wh}er-os-* ‘warmth’, PIE *s*-stem neuter: Arm. **jer**, *o*-stem ‘warmth; warm and bright weather; warm’, Skt. *hāras-* n. prob. ‘flame, glow’, Gr. *θέρως* n. ‘summer; harvest’.³⁶

4.1.22. **(p)stelēn(-o)-*: Arm. **stin**, gen. *stean* ‘breast of a woman’; Skt. *stāna-* m. ‘breast of a woman, mother’s breast, nipple’; YAv. *fštāna-* m ‘breast of a woman’, MPers., NPers. *pestān* ‘breast’; Gr. *στήνιον· στήθος* (Hesychius); probably also Toch. A *pässām*, B *pāscane* dual ‘woman’s breasts’ < PIE thematic dual **pstenō*. The other cognates have an initial **sp-*, cf. Lith. *spenỹs* ‘nipple’, OIc. *speni* ‘teat, nipple’, etc.³⁷

4.1.23 **k(e)r(H)-* ‘to tie, attach, bind’: Arm. **sarem** ‘to form, make; to equip, prepare; to stretch; to weave, etc.’ (Middle Armenian and a number of non-contiguous dialects); **sard**, *i*-stem ‘spider’ (Bible+; dial.) from **kr(H)-ti-*; Iranian **sar-* ‘to tie, attach, link’: OAv. *sār-* ‘to mix, unite with’, Parth. *sar* ‘community’ (only in *pd ... sr* ‘together with’),³⁸ Pashto *sará* adv. ‘together’, etc.

*k(e)r(H)-ieh₂ ‘band’: Arm. **sari-k’**, *ea*-stem ‘chain, fetters, bands’ (5th century onwards); Gr. *καίρια* ‘tape or cord used for ligatures’, *κειρία* f. ‘girth of a bedstead; swathing-band, bandage’, *καιροσέων* (Homer) ‘close-woven’, *καιρόω* ‘tie the *καίροι* onto the loom’.³⁹

The Iranian verb is usually derived from IE **kerh₂-* ‘to mix, tie’: Skt. *á-širta-* ‘mixed (with milk)’; Gr. *κεράννυμι*, aor. *κεράσ(σ)αι* ‘to mix, mix up (especially of wine with water); to temper (of the climate)’. However, this is uncertain, as is the appurtenance of Skt. *śrīkhalā-*, *śrīkhalā-* ‘chain, fetter’.⁴⁰

4.1.24. **(s)peud-* ‘zeal, haste’: Arm. **p’oyt’**, *o*-stem (also *i*-stem) ‘zeal, diligence; haste; zealous, diligent; hastily’, **p’ut’am** ‘to hasten, hurry, strive’; Gr. *σπουδ-ή* f. ‘haste, zeal’, *σπεύδω* ‘to hasten, hurry, strive’; MPers., NPers. *pōy-* ‘to run’, ManParth. *pwd-* ‘to hasten’. The problem of Arm. *-t’* can be solved by positing **(s)peud-to- > *p^hoy(t)t^ho-*.⁴¹ Beekes (2010, 2: 1381–1382) notes

³⁴ Clackson 1994: 237_{6/4}; Mayrhofer EWAia 2, 1996: 318, 327; de Vaan 2008: 389–390; Derksen 2008: 342; Martirosyan 2010: 452–453; Beekes 2010, 1: 242–243. It has been assumed that Lat. (*im*)*mortalis* might be based on earlier **morto-* rather than *mors* ‘death’ (de Vaan 2008: 390; cf. Euler 1979: 125), but this is not compelling.

³⁵ Schrijver 1991: 237–238; Mayrhofer EWAia 1, 1992: 552–553; Olsen 1999: 41; de Vaan 2008: 113–114; Martirosyan 2010: 547–548; Beekes 2010, 1: 700, 707; 2: 1321–1322. On the pure velar **k-* in **kei-*, see Beekes 2011: 126.

³⁶ On the isogloss, apart from the standard literature, see Euler 1979: 224; Wyatt 1982: 31–32; Schmidt 1987: 37; de Lamberterie 2013: 19–20; cf. Hamp 1992: 57–58. For the Armenian etymon, see Martirosyan 2010: 556–557.

³⁷ See Euler 1979: 33–34; Stempel 1990: 52; Olsen 1999: 135–136; Martirosyan 2010: 584–585.

³⁸ Durkin-Meisterernst 2004: 308b.

³⁹ HAB 4: 183–184, 186, 187–188; Jahukyan 2010: 670–672 (mentioning only the Greek cognates).

⁴⁰ For the forms and a discussion, see Schwartz 1986: 359–360; Mayrhofer EWAia 1, 1992: 178; Clackson 1994: 139–140; de Vaan 2003: 99–100; Cheung 2007: 337; Martirosyan 2010: 573–574; Beekes 2010, 1: 617, 664, 675.

⁴¹ Klingenschmitt 1982: 167; Clackson 1994: 155; Martirosyan 2010: 652 (with more references).

Lith. *spáusti* ‘to press, squeeze; to push, drive on; (intr.) to hurry’ as the only certain cognate for the Greek and does not mention the Armenian and Iranian forms. If the Baltic form is indeed related, the isogloss becomes less significant, although the semantic identity of the Armenian, Greek and Iranian cognates is more impressive.

4.2. Pair isoglosses. If two lexemes are contextually related with each other and both represent the same dialect area, the significance of these isoglosses increases. In this section I present two such pairs.

4.2.1. **h₂r̥g̃ipió-*: Arm. **arcui**, *ea*-stem: gen.sg. *arcu-o-y*, gen.pl. *arcue-a-c* ‘eagle’; Skt. *ṛjipyá-* ‘epithet of an eagle’, m. ‘eagle’, YAv. *ərəzifiio.parəna-* adj. ‘having eagle-feathers’, MPers. *’lwf* ‘eagle’ (= phonetically *lāwlf*), *āluh* ‘eagle’, etc.; Gr. *αἰγυπιός* m. ‘vulture’, *αἰγίποψ* ἀετός ὑπὸ Μακεδόνων, cf. also ἀργιόπουος ἀετός. Μακεδόνες. The formal difficulties of Gr. *αἰγυπιός* (the expected form is **ἀργι-πιός*) may be due to folk-etymological association with *αἶξ* ‘goat’, *αἰπύς* ‘high and steep, sheer’ and *γύψ* ‘vulture’.⁴²

4.2.2. **tkiH-(i)no-* or **tkiH-eno-* ‘bird of prey’: Arm. **c’in**, *o*-stem ‘kite’, Skt. *śyená-* m. ‘bird of prey, falcon, eagle’, Av. *saēna-* ‘a big bird of prey’, Gr. *ἰκτινος* m. ‘kite’.⁴³

Discussion: **h₂r̥g̃ipió-* and **tkiH-(i)no-/*tkiH-eno-* (4.2.1+2). In RV 4.38.2, etc. the horse *Dadhikrá-* is compared with *ṛjipyám śyenám*. Vedic *ṛjipyá-* is an epithet of *śyená-* ‘bird of prey, falcon, eagle’. It is remarkable that both **h₂r̥g̃ipio-* ‘epithet of a bird of prey’ and **tkiH-(i)no-* or **tkiH-eno-* ‘bird of prey’ belong to the Armeno-Graeco-Indo-Iranian dialect group. Within this group we can speak also of the Armeno-Aryan poetic language, notably *arew* ‘sun’, *erg* ‘song’, *ji* ‘horse’, perhaps also *surb* ‘pure, holy’ (see §§5.2–5.3).

Arm. *arcui* (gen. *arcu-oy*) is the principal word for ‘eagle’, and its derivation from **h₂r̥g̃ipio-* in native terms is secure both formally and semantically. The contextual relation with **tkiH-(i)no-/*tkiH-eno-* ‘bird of prey’ (from which Arm. *c’in*, *o*-stem ‘kite’ certainly derives as a native word) that belongs to the same isogloss area makes the native origin of *arcui* impeccable. I therefore see no reason for denying a direct derivation of *arcui* from late Indo-European **h₂r̥g̃ipio-* and treating it as an Iranian or Urartian loanword. Urartian *aršibi-* that is found in a horse-name and has no Hurrian match should be regarded as an Armenian loanword.

Armenian *arcui* largely functions in poetic association with a swift horse and in figures such as ‘eagle-winged’ and ‘sharp-flying as an eagle’. In the epic fragment on the abduction of the Alan princess *Sat’inik* by King Artasēs (Movsēs Xorenac’i 2.50), the horse of Artasēs is compared with *arcui srat’ew* ‘sharp-winged eagle’. In Aždahak’s dream (Movsēs Xorenac’i 1.26), the dragon-riding hero was dashing with eagle’s wings: *arcuoy imn ardarew slac’eal t’ewook’*. In a *kafa*-poem to the Alexander Romance we find *srant’ac’ arcuw* ‘sharp-riding eagle’.

These figures probably go back to the Armeno-Graeco-Indo-Aryan poetic language, cf. Skt. *āśu-pátvā* ‘swift-flying’ as epithet of *śyená-* ‘eagle’ (cognate with Arm. *c’in* ‘kite’), Gr. *ὠκυπέτης* ‘swift-flying’ (used of horses and hawks), *ὠκύπτερος* ‘swift-winged’; cf. also Av. *ərəzifiio.parəna-* ‘eagle-feathered (arrow)’, Lat. *acci-piter* ‘hawk’, etc.⁴⁴

4.2.3. **kel/omieh₂*: Arm. pl. **sami-k’**, gen. *samea-c* ‘the pair of yoke sticks; rudder’; Skt. *śámyā-* ‘pin of a yoke, peg, wedge’, *yuga-śamyá-* n. ‘yoke and yoke-pin’; Av. *simā-* f. ‘yoke-pin’ (Yašt 10.125, perhaps for **sāmā-*), dual *yuii(uu)ō.sāmī-* ‘(having) yoke and yoke-pin’ (Videv-

⁴² See Pedersen 1924: 224 = 1982: 307; Schmitt 1970: 66–67₁₇; de Lamberterie 1978: 251–262; Euler 1979: 88–89; Meier-Brügger 1995; Watkins 1995: 170–172; Balles 1997: 148–150; Beekes 2010, 1: 33, 126; Martirosyan 2010: 139–141.

⁴³ Clackson 1994: 45–46, 143–144; Martirosyan 2010: 627.

⁴⁴ Watkins 1995: 170–172, 252–253. For references and a thorough etymological discussion of Arm. *arcui*, see Martirosyan 2010: 139–141.

dad 14.10) for **yuuō.sami-* from Indo-Iran. **iuga-ćam-ī*;⁴⁵ Western Iranian: Takistani *sāme*, Aš-tiyani *sama* ‘yoke-peg’; Šughni, Bajui *sim-đōrg* (with *đōrg* ‘wood, stick’ < Iran. **dāruka-*), Khufi *sim* ‘peg for fastening yoke to bullock’s neck’.⁴⁶ Outside of Indo-Iranian, note Gr. *κάμαξ*, *-ακος* f. m. ‘pole, shaft; pole to support the vine; shaft of a spear; tent pole’, MHG *hamel* ‘shaft, pole’, etc.

4.2.4. **deh₁-* ‘to bind’: Arm. **ti-* ‘tie, bond’ in **sami-a-ti* > **sameti-k’** and **sametay(-k’/n)** ‘the tie of *sami*, yoke band’, Gr. *δέω* ‘to bind’, Skt. *dā-/dyāti* ‘to bind’, Av. *dā-* ‘to bind’.⁴⁷ This etymon is restricted to Armenian, Greek, and Indo-Iranian, possibly also Hittite, *tije/a-zi* ‘to bind?’ (cf. Skt. *dyāti*), *tijamar / tijaman-* n. ‘cord, string’⁴⁸ and Alb. *dúaj* ‘sheaf’.⁴⁹

To the best of my knowledge, the Armenian by-form **tay-* ‘bond’ (*sametay-k’*; dial. **sametay-n*, **samotay*; other dial. compounds: **beran-tay*, **bn-a-tay*, **vz-tay*, etc.) has not yet received an explanation. I propose to derive it from **dh₁-ti-*: Gr. *δέσις* ‘binding, joint’, and Skt. *-diti-* ‘Gebundenheit, Fesselung’ (in *á-ditiḥ* ‘boundlessness’).

Discussion: **kel/omieh₂* and **deh₁-* (4.2.3+4). Armenian **sami-k’**, gen. *samea-c’* ‘the pair of yoke sticks; rudder’ (Severian of Gabala, John Chrysostom, Grigor Narekac’i, etc.; preserved in a number of dialects) is mostly attested in a compound with **ti/tay* ‘tie, band’ which is represented in several forms: **sameti-k’**, ins.pl. *sameteawk’* (Sirach 28.23–24, 30.27);⁵⁰ **sametē-k’**, acc. *sametē-s*, ins. *sametēiw-k’* (Jeremiah 5.5, Severian of Gabala, John Chrysostom, etc.);⁵¹ **samet**, *i*-stem (ins. pl. *samet-i-w-k’* [var. lect. *sameteawk’*, *sametēiwk’*, etc.] in Job 39.10, see Cox 2006: 251); **sametay-k’** (Commentary on Jeremiah by Mxit’ar Goš, 12th cent.); **samotik’** (Grigor Narekac’i, Oskip’orik); **sametēn-k’** (Grigor Tat’ewac’i), all meaning ‘the tie of *sami*, yoke band’. The compound corresponds to Gr. *δεσμός* ‘band, fetter’ or *ιμάς* ‘leathern strap or thong’ in the Bible translation.

The component **tay* in *sametay*, albeit attested in a Middle Armenian source only, seems to be reliable and old since it is confirmed by data from both western and eastern dialects. In a folk incantation against the Evil Eye from the Ĵavaxk’ region one finds *samota* < **sam(w)oy-tay* (Lalayeanc’ 1892: 13a). Identical to this are *samoda* and *somat’a* found in ritual songs of Palm Sunday in Basen and Ĵavaxk’ respectively (Grigoryan 1970: 323). In Xotorĵur, a dialect that is both geographically and linguistically close to the Karin/Ērzrum group, to which Basen and Ĵavaxk’ belong too, one finds *samotek’* (YušamXotorĵ 1964: 506b), obviously from **samotay-k’*. In these forms the first component comes from *sam(w)oy*, the genitive singular of *sami*. It is also found in *samotik’* (Grigor Narekac’i and Middle Armenian). As for the eastern dialects, we find Łarabał, Hadrut’, etc. *sambétan* and Łazax *sametan*,⁵² which presuppose **sametay-n*. The widespread form *sameten* may also be derived from **sametayn*, with a common development *ay* > *ε*.

⁴⁵ For the Indo-Iranian forms, see Mayrhofer EWAia 2, 1996: 412–413, 613; Skjærvø 1997: 119–121; de Vaan 2003: 470.

⁴⁶ Morgenstierne 1962: 207; 1974: 31b, 73b.

⁴⁷ Bugge 1893: 25; Hübschmann 1897: 488; HAB 4: 403–404; Mayrhofer EWAia 1, 63, 1992: 716–717; for the Indo-Iranian forms, see also Mayrhofer KEWA 1, 1956: 29, 547; 2, 1963: 69; ÈtimSlovIranJaz 2, 2003: 444–445; Cheung 2007: 47).

⁴⁸ See Kimball 1998: 338; Melchert apud Kloekhorst 2008: 880–881; Beekes 2010, 1: 321–322.

⁴⁹ Frisk GEW 1, 1960: 374–375; Mayrhofer KEWA 2, 1963: 69; Demiraj 1997: 128, 149–150.

⁵⁰ In the Sebastac’i Bible, we find *šlt’ay* ‘chain’ instead of *sametik’*.

⁵¹ The form *sametē* (ins. *sametēiw-k’*) vs. *sameti* is reminiscent of the puzzling auslaut of *aštē / aštē* (ins.pl. *aštēiwk’*) ‘spear’ from Iran. **aršti-* ‘spear’, cf. OPers. and Av. *aršti-*, etc. (HAB 1: 221a; Olsen 1999: 865). If the *-ē* proves to be original, one might think of a possibility that IE **dh₁-ti-* yielded **tey-* > **tē*, with a development **-h₁-* > Arm. *-e-* between consonants. More probably, however, *-ē* was taken from obl. *aštē-* and *sametē-*.

⁵² Davt’yan 1966: 467; HayLezBrbBar 5, 2008: 259b.

In dialects we also find compounds with *beran* ‘mouth’ (*beran-tay), *bun* ‘trunk, shaft’ (*bn-a-tay), *or* ‘buttocks’ (*or-ti-k and *or-tay-n), *viz* ‘neck’ (*vz-tay), etc.

Since Bugge,⁵³ Armenian *sami-k* has been interpreted as an inherited word. Some scholars are inclined toward an Iranian origin of the Armenian word.⁵⁴ However, there is no compelling reason for this. There are no Iranian forms that would be formally and semantically compatible with the Armenian word as a source of borrowing.⁵⁵ Note that the second component of the compound *sameti* is not attested independently, and this is another (albeit not decisive) indication that *sami* is archaic.

It is especially important that both *sami* and **ti/tay* belong to the same dialect area, namely Armeno-(Graeco-)Indo-Iranian. This situation is reminiscent of another case, PArm. *andi- ‘doorframe, threshold’, that has been preserved only in the compound *dr-and-i* (*ea*-stem) and can be derived from **h₂(e)nHt-ieh₂-*, which is also to be regarded in terms of an interchange between feminine suffixes, cf. YAv. *qiθiiā-* f.pl. ‘door-post’ vs. Av. *aθā-* ‘house’, Skt. *ātā-* f.pl. ‘door-frame, door-posts’ and Lat. *antae* f.pl. ‘square pilasters, wall posts of a temple’.

Taking into account all that has been said above, I am inclined to treat Arm. *sami-k* / *samea-* ‘the pair of yoke sticks’ as a native match of Skt. *sámyā-* ‘pin of a yoke’. Theoretically, the Armenian form may be derived from **samíya-* < *komieh₂.

5. Lexical isoglosses between Armenian and Indo-Iranian

5.1. Armenian and Indo-Iranian.

5.1.1. **h₂énHt-i(e)h₂-*: Arm. **(dr-)and**, *i*-stem, **(dr-)and-i-**, *ea*-stem ‘door-frame, threshold, vestibule’ (perhaps also ‘house, estate’, cf. dial. ***andiwor** ‘family’), **(h)and**, *i*-stem and *o*-stem ‘cornfield, arable field, pastureland’; YAv. *qiθiiā-* f. pl. ‘door-post’, *aθāhuua* ‘house’ (loc.pl. of *aθā-* ‘house’, with extension of ‘doorposts’ to ‘house’, cf. Arm. **and-i-* ‘house’, ‘cornfield’); further: Skt. *ātā-* f. pl. ‘door-frame, door-posts’, Lat. *antae* f. pl. ‘square pilasters, wall posts of a temple’, OÍc. *qnd* f ‘front room, corridor’.⁵⁶

5.1.2. **ṅ-b^hud^hno-* ‘bottomless’: Arm. **andund-k**, *o*-stem, Skt. *a-budhná-* ‘bottomless’, MPers. *a-bun* ‘baseless, bottomless’ (compare Skt. *budhná-* ‘bottom, depth, the root of a tree’, Gr. *πυθμήν, -ένοϛ* ‘bottom, depth, base’, Lat. *fundus* ‘bottom’, OHG *bodam*, etc.).

The close relationship between the Armenian and Aryan words is also seen in the mythological context: Arm. **Andndayin awj** ‘the Abyssal Serpent’ (in an incantation against the snake and scorpion); a black serpent (*sev oĵ*) at **Andndayin car** ‘the Abyssal Tree’ (in an incantation from the Akn area); **Andndayin t’agavor** “Abyssal King” in a New-Year’s ritual formula related to a spring in Kamarkap, a village in the same area of Akn.⁵⁷ Compare the Rigvedic primordial Serpent of the Depth, *Áhi- Budhnyā-*, whose origin and abode is the dark bottom of the waters, as well as the Cosmic tree in the bottomless (*a-budhná-*) abyss.⁵⁸

⁵³ Bugge 1893: 24–25; Hübschmann 1897: 488; HAB 4: 167; Ĵahukyan 2010: 665b.

⁵⁴ Benveniste 1964: 2; Olsen 1999: 906; Mayrhofer KEWA 3: 302 (not mentioned in EWAia 2, 1996: 613); hesitantly: Pokorny 1959: 556. The etymon is absent in Gamkrelidze/Ivanov 1984 and Mallory/Adams 1997. Beekes (2010, 1: 629) is sceptical about the connection.

⁵⁵ Ĵahukyan 1987: 174–175, 551; Hovhannisyan 1990: 213–215; cf. also Schmitt 1983: 108; 1987: 446b. Ĵahukyan (2010: 665b) is quite positive about the native origin of the word.

⁵⁶ Martirosyan 2010: 72–77.

⁵⁷ Čanikean 1895: 48–49, 167; K’ēč’ean/ Parsamean 1952: 78; Łanalanyan 1969: 110^{Nr304}; S. Harut’yunyan 2006: 91a, 152a.

⁵⁸ Martirosyan prepar 2.

5.1.3. **b^heh₂g-*: Arm. **bak**, *a*-stem ‘courtyard; sheep pen; sun or moon halo’ (this tentative etymology implies that the original meaning of the Armenian word was ‘landed allotment, encircled estate’); Indo-Iranian **b^hāg-á-*: Skt. *bhāgá-* m. ‘part, portion, share, lot, destiny’ (RV+), OAv. *bāga-* ‘part’, Aram.-Iranian **bāga-* ‘landed property, estate, fief’, Sogd. β’γ ‘garden’, MPers. *bāw* from *bāγ* ‘garden, orchard’, NPers. *bāγ* ‘garden, orchard’, Tadj. *boγ*, Baluchi *bāg* ‘garden’, etc.; cf. Skt. *bhāga-* m. ‘prosperity, good fortune, property, personified distribution’ (RV+), *bhaj* (pres. *bhājati*, aor. *ābhakṣi*, perf. *babhāja*, etc.) ‘to share, partake, divide, distribute, apportion; to receive, enjoy’ (RV+), *bhakti-* f. ‘distribution, apportioning’ (RV+), OAv. *baxštā* ‘genießt, hat Anteil’, YAv. *baya-* m. ‘god, distribution’, *baxta-* ‘allotted; allotment’, OPers. *baga-* m. ‘god’, *bāji-* m. ‘tribute, tax’, MPers. *bāj* ‘tribute, tax’, *bay* [bg] ‘god, lord’, *baxš* ‘allotment, grant’, *baxt* ‘luck, fate, fortune’, Parth. *baxš-* ‘to divide, distribute, bestow’, *baxtag* ‘divided’. Further: Gr. *φαγεῖν* ‘to eat, consume, swallow’ (< *‘to enjoy, share’).⁵⁹

The etymon may broadly be ascribed to the Armeno-Graeco-Indo-Iranian dialectal area. Arm. *bak* ‘courtyard, pen, circle, halo’ matches the Indo-Iranian noun **b^hāgá-* from **b^heh₂g-* both formally and semantically. The semantic specification ‘portion, share, allotment’ > ‘landed allotment’ is also seen in Iranian languages (Aram.-Iranian **bāga-* ‘landed property, estate, fief’, Sogd. β’γ ‘garden’, MPers. *bāγ* ‘garden’, etc.) and may be due to independent developments. Compare the case of *haraw* ‘south’.

However, the Armenian word has an *a*-stem instead of the expected *o*-stem. If the *a*-stem is old (note that we have no evidence for any declension class from the so-called Golden period), we can posit a feminine or collective **b^heh₂g-(e)h₂*. Alternatively, we might assume an old Aryan borrowing: **b^hāgá-* ‘portion, share, allotment’ > PArm. **b^hag-a-* > **bak-a-* ‘landed allotment, encircled estate’, with the consonant shift *g* > *k* (cf. the well-known case of *partēz* ‘garden’, which is usually treated as a very old Iranian loan reflecting the devoicing shift *d* > *t*).

The basic meaning of the Armenian word thus is ‘landed allotment, encircled estate’, which easily developed to ‘courtyard’, ‘sheep pen’, ‘circle’, etc. For the semantic fluctuation between ‘courtyard, pen’ and ‘garden, estate’, note, e.g., Goth. *garda* ‘Viehhürde’, *gards* ‘house, family; court’, OHG *garto* ‘garden’, OEngl. *geard* ‘enclosure’, Engl. *yard* ‘yard’, Lat. *hortus* ‘garden; pleasure-grounds’, etc. For the semantic shift ‘courtyard, pen’ > ‘halo’, cf. Turk. *ayal* and *kutan*, both displaying the meanings ‘overnight sheep pen’ and ‘moon halo’. An older example is Hitt. *ēhīla-* c. ‘courtyard; halo (of the moon or the sun)’. We can see that this pattern is widely represented in Asia Minor and adjacent areas.⁶⁰ (HM)

5.1.4. **h₁eǵ^h-ih₂-*: Arm. **ezn**, gen.sg. *ezin*, nom.pl. *ezin-k’*, *ezan-c’* ‘bullock, ox’; Skt. *ahī-* f. (*vr̥kī*-inflection) ‘cow, female of an animal’ (RV), Av. *azī-* (*devī*-inflection) ‘milking (of cows and mares)’; the appurtenance of OIr. *ag* n. ‘cow, cattle’ (< **aǵ^hes-*) is uncertain. Arm. *ezn* (gen. *ezin*) may be a frozen accusative in **-ih₂-m*. The gender change is somehow reminiscent of the other important designation of bovids, Arm. *kov* ‘cow’ from the PIE generic name for ‘bovid’.

5.1.5. **pro-h₂enh₁-o-* ‘breath, air’: Arm. **eran** ‘gentle breeze; winnowing wind; a wind-spirit’ (**pro-hán-o-* > **e-ra(h)án-o-* with a regular prothesis before #*r-*); Skt. *prāṇá-* m. ‘breath, breathing out, air’; MidIran. **frāna-* ‘air’ (cf. Sogd. βr’n, βr’’n, etc.), **pati-frāna-* ‘ouverture d’aération’ > Arm. *patuhan* ‘window’. The Indo-Iranian form is composed of PIE **pro-* (cf. Skt. *prá* ‘before,

⁵⁹ The Tocharian (A *pāk*, B *pāke* ‘part, portion, share’) and the Slavic (OCS *bogatŭ* ‘rich’, *u-bogŭ*, *ne-bogŭ* ‘poor’, Russ. *bogátŭj* ‘rich’, OCS *bogŭ*, Russ. *bog* ‘god’) cognates reflect loanwords from Iranian (see Adams 1999: 363–364 and Derksen 2008: 50).

⁶⁰ If this etymology of Arm. *bak* is accepted, we have to treat Georg. *bak’i* ‘hedged pen for cattle; yard; moon halo’ and the related forms as armenisms. Georgian-Zan **baga-* ‘sheep-pen, goat-pen, crib’, if related, can have been borrowed from Proto-Armenian **baga-* prior to the devoicing consonant shift.

forward, forth, in front', Arm. *era-* 'first', etc.) and **h₂enh₁-* 'to breathe': Skt. *ani* 'to breathe', 3sg.pres. *ániti*, cf. **h₂enh₁-mo-*: Gr. *ἄνεμος* m. 'wind', Lat. *animus* m. 'mind, soul; the element of air (as the principle of life); spirit', *anima* f. 'breath; soul, life; disembodied spirit, soul, ghost; soul, spirit; air as the substance of wind, an air current, wind, breeze', etc. (HM)

5.1.6. **loukeno-*: Arm. **lusin**, *o*-stem 'moon', Skt. *rocáná-* n. 'light, luminous sphere, firmament', YAv. *raocana-* adj. 'shining, light' (see §5.3.2 for the discussion).

5.1.7. **pr₂H₂uo-*: Arm. **haraw**, *o*-stem 'south; southern wind', Skt. *púrva-* 'being before, going in front, first, former; eastern', OAv. *pouruuia-* 'first, initial, former', YAv. *pauruuua-*, *paouruuua-*, *pouruuua-* 'being in front, first, former, southern'; OCS *prvov* 'first', Toch. B *parwe* 'earlier; first', Alb. *párë* 'first', etc.; with a different suffix: Lith. *pirmas* 'first', Lat. *prīmus* 'first'.⁶¹ This etymology has been proposed by Ĵahukyan⁶² and, with few exceptions,⁶³ has largely remained outside the scope of Indo-European etymological studies. Armenian and Indo-Iranian are unified by **-uo-* (this is also found in Slavic and Tocharian, for example) and the meaning 'going in front' with a further shift to a compass direction. The direction ('south') is identical in Armenian and Iranian, but it is difficult to ascertain whether this is due to chance or not.

5.1.8. **h₃meig^h-o-*: Arm. **mēg**, *o*-stem (also *i-* or *a*-stem) 'mist, fog, darkness', Skt. *meghá-* m. 'cloud, gloomy weather', Av. *maēya-* m. 'cloud', Parth. *mēg* 'cloud, mist'. The other cognates continue **h₃mig^h-leh₂*: Gr. *ὀμίχλη* 'mist, fog', Lith. *miglà*, OCS *m_ogla* 'fog'. Arm. *mēg* may also be an Iranian loanword. However, this is not compelling. Note the *o*-stem of the word, as well as the dialectal **mg-l-im* 'to cloud' comparable to Dutch dial. *miggelen* 'staubregnen', etc.⁶⁴

5.1.9. **pelork^h-u-* 'rib, side': Arm. **yorsays** adv. 'supinely, lying on the back' (John Chrysostom, Philo, etc.), *yorsayseal* 'id.' (Proverbs 6.9;⁶⁵ *yorsayseal ankeal* in Canon Law, with *ankanim* 'to fall down'), *yorsaysem* 'to cause to lie down; to let fall, overthrow' (Paterica, Grigor Narekaci, etc.); without *y-*: *orsays* 'lying on the back' (Paterica), *orsayseal* 'supine' (Movsēs Xorenac'i 1.12);⁶⁶ Skt. *pársu-* f. 'rib', *pārsvā-* n. 'the region of the ribs, side, flank', YAv. *pərsu-* 'rib', Khot. *pālsuā-* 'rib; spoke', MPers. *pahlūg*, NPers. *pahlū* 'side, rib', Oss. *fars* 'side', etc. The connection of this Indo-Iranian word with OCS *prvsi* 'chest, bosom', Russ. *pěrsi* 'breast, bosom', Lith. *pīršys* 'chest of a horse', etc. is considered uncertain.⁶⁷ This attractive etymology has been proposed by Ĵahukyan (1991: 42; 2010: 556a)⁶⁸ but has remained outside the scope of standard Indo-European etymological studies.

The Armenian word is composed of the prefix *y-* 'at, in, on' and an otherwise unattested word for 'rib, side', **ors-* < **pork^h-u-*. The semantic pattern is widespread in Armenian: *t'ekn* 'shoulder, back' > *t'ikn tal* / *t'iknel* 'to recline', *koł* 'rib, side' and *kołmn* 'side' > *ən-kołnim* and *ən-kołmanim* 'to recline, lie down', *křt'-un-k'* 'back' > *křt'-n-il* 'to lean, recline', *pařak* 'rib, side' > *pařakim* 'to lie down'.⁶⁹

⁶¹ For the forms, see Mayrhofer EWAia 2, 1996: 157; Demiraj 1997: 311; Adams 1999: 360; Derksen 2008: 430; de Vaan 2008: 488–489; Martirosyan 2010: 393–394.

⁶² Ĵahukyan 1973: 20–21; 1986–87: 30; 1987: 143, 186; 2010: 450–451.

⁶³ Clackson 1994: 39; Olsen 1999: 26.

⁶⁴ Martirosyan 2010: 457–458, 466, 715 (with a hypothetical explanation for the loss of an initial **h₃-* before **-m-* in Armenian); Beekes 2010, 2: 1077.

⁶⁵ In Proverbs 6.9 (Zōhrapean 1805, 3: 149): *Minč'ew yerb yorsayseal kas óv vat, kam erb i k'noy zart'ic'es* "How long wilt thou lie (*ὀκνηρὲ κατάκεισαι*), o sluggard, and when wilt thou awake out of sleep" (Brenton 1851: 793).

⁶⁶ In Movsēs Xorenac'i 1.12 (1913=1991: 38¹¹⁷; transl. Thomson 2006: 86): *Ew zdaštñ arewelic' gogc'es immn ibrew orsayseal* "The eastern plain, you might say, was supine".

⁶⁷ Mayrhofer KEWA 2, 1963: 229, 261; EWAia 2, 1996: 100–101; Derksen 2008: 429.

⁶⁸ No acceptable etymology is recorded in HAB 3: 408–409.

⁶⁹ See HAB s.vv. and Martirosyan 2010: 368–369, 376.

Ĵahukyan does not specify the nature of *-ays*. I propose to explain *-ay* as a (collective) suffix seen in a few formations such as *ap'-ap'-ay-k'* 'rocky and steep place', *bał-ay-k'* and *bałbał-ay-k'* 'pretext, ostensible reason or accusation'.⁷⁰ It probably has an adverbial origin, cf. Arm. *i ver-a-y* 'on, over', Gr. *ὑπερ* 'over, plenty; beyond; above', *ὑπέρα*, pl. *-αι* f. 'upper ropes on the sails', Lat. *s-uper* 'above, on, over', *suprā* 'above, over, on the upper side of' (see Martirosyan 2010: 592–593). We can posit an underlying **orsay(-k')* 'the region of the ribs / Rippengegend'.

The "pure" form **(y)orsay* has been preserved in the dialect of Nor-Ĵuła: *hōrsa əngnel* 'to lie down or recline like a superior' from **yorsay ankan-* (cf. *yorsayseal ankeal* in Canon Law), and **yors-ank-* > *hōrsang tal* 'id.'; the development *y-* > *h-* is exceptional in this dialect.⁷¹

The *o*-vocalism is found in a number of words in the same semantic field, such as *koł* 'rib, side', *ołn* 'spine, back', *oř* 'buttocks', *p'or* 'belly' and *k'ov* 'side'. An astonishing parallel for *y-orsays-eal* 'supinely, lying on the back' (from **orsay-* 'rib, side') is *y-ołn-eal* 'id.' (from *ołn* 'spine, back').

The final *-s* points to a frozen accusative-locative plural **ors-ay-s*. There are a number of similar frozen formations belonging to the same semantic sphere, such as **beran-s-i-vayr* 'lying face downward' > Nor-Ĵuła *b'arazver* (with *beran* 'mouth'), **p'or-s-i-vayr* '(lying) belly downward' > Łarabał *p'arsəvəer* (with *p'or* 'belly').⁷²

5.1.10. **ke/omieh₂*: Arm. pl. **sami-k'**, gen. *samea-c'* 'the pair of yoke sticks; rudder'; Skt. *śamyā-* 'pin of a yoke, peg, wedge', Av. *simā-*, *-sāmī-* f. 'yoke-pin'; further: Gr. *κάμαξ*, *-ακος* f. m. 'pole, shaft', MHG *hamel* 'shaft, pole', etc. (for a thorough discussion, see §4.2.3–4).

5.1.11. **kub^h-ro-* or **(s)kub^h-ró-*: Arm. **surb**, *o*-stem 'pure, clean; holy', Skt. *śubhrá-* 'shining, glimmering, beautiful', cf. *śobh-/śubha-* 'to be beautiful; to shine', *śúbh-* f. 'beauty, splendour, ornament', etc. Note also Khotanese *suraa-* 'clean, pure' (for a discussion, see §5.3.1).

5.2. Armenian and Indo-Aryan.

5.2.1. **sm(H)-eh₂* 'year': Arm. **am**, *a*-stem 'year, age', Skt. *sámā-* 'year, season'; further: YAv. *ham-*, OIr. *sam* 'summer'; note also Arm. *amařn* and OHG *sumar* 'summer'. The original meaning was 'summer'.⁷³ Arm. *am* and Skt. *sámā-* agree both in **-ā-* and semantics.

5.2.2. **h₃nēb^h-* 'nave, hub of wheel': Arm. **aniw**, *o*-stem (also *a*-stem) 'wheel; axle of a chariot; wheel as a torture instrument'; Skt. *nābhi-* f. 'nave, hub of wheel; centre; navel (of the body or the world); origin, relationship, family', *nābhya-* n. 'nave, hub of wheel'; cf. also YAv. *nāfa-* m. 'navel, origin, blood relationship' (for the semantic relationship cf. Arm. *port* 'navel', 'tribe, generation'), OPr. *nabis* 'hub, navel', OHG *naba* 'hub', *nabalo* 'navel', Lat. *umbilicus* m. 'navel; centre, middle' < **h₃nb^h-*, Gr. *ὀμφαλός* m. 'navel, umbilical cord'. This isogloss can be considered valid only if Skt. *nābhi-* indeed reflects **h₃nēb^h-i-* (*vřddhi*-derivation) rather than **h₃nob^h-i-*.⁷⁴

5.2.3 **s(e)Hd^h-i_o-* 'successful' and **s(e)Hd^h-ie/o-* 'to succeed, be successful': Arm. **aĵ**, *o*-stem 'right', **aĵ-oł** and **y-aĵ-oł** 'skilful, successful', **(y)-aĵ-oł-em** 'to have success'; Skt. *sādhyā-* m. 'a class of divinities', *sādhati* 'to succeed, reach the goal', *siddhá-*, *sidhrá-* 'successful', *sādhú-* 'straight, effective', *sídhyati* 'to succeed, be successful'.⁷⁵

⁷⁰ For more examples and a discussion, see Ĵahukyan 2010: 796.

⁷¹ HAB 3: 408–409; Ačaıean 1940: 21, 76, 127, 378a.

⁷² Alternatively, one might treat the final *-s* as a relic of **si-* from PIE **kei-* 'to lie' (cf. Gr. *κεῖμαι* 'to lie', etc.), which is visible in Armenian *hiwsis(i)* 'north' if indeed from **seukoi-ki(y)o-* (see Martirosyan 2010: 412 with ref.). This is less probable, however.

⁷³ The original paradigm has been interpreted as follows: **s(e)m-eh₂*, genitive **smh₂-ós*.

⁷⁴ Ritter 1983; Martirosyan 2010: 89–90.

⁷⁵ Martirosyan 2010: 99–100.

5.2.4. **h₂rey-i-*: Arm. **arew**, *u*-stem, old gen. **areg** ‘sun; sunlight; life’: *Areg k’atak* ‘the city of the Sun’ (Gr. *Ἡλίου πόλις*, e.g. Genesis 41.45, 50), *areg*, gen. *aregi* ‘the 8th month’, *areg* ‘eastern’, *areg-akn* ‘sun’, etc.); Skt. **ravi-** m. ‘sun, sun-god’ (Upaniṣad+), *ravi-putra-* m. ‘son of the Sun’ (Kāṭhaka-Brāhmaṇa); probably derived from a PIE verb that is reflected in Hitt. *ḫaru(ua)nae-zi* ‘to become bright, get light, dawn’. According to Demiraj (1994: 71), Alb. (*vë*) *rë* ‘klar, deutlich machen, sehen’ also belongs here.

In view of the *-i* of Sanskrit *ravi-*, Arm. *arew*, *u*-stem ‘sun’ and gen. *areg* < **areg-i-* may be interpreted as reflecting an old HD *i*-stem: nom. **h₂réu-ōi* > PArm. **arew-u(y)*, gen. **h₂r(e)w-i-ós* (rather than **h₂rey-os*, as is frequently assumed) > PArm. **areg-i-*.

5.2.5. **Hkeḱ-ih₂-*: Arm. **ak’is**, *i*-stem ‘weasel’; Skt. **kaśikā-** f. ‘Ichneumonweibchen’ or ‘weasel’ (RV 1.126.6), and **káśa-** ‘weasel’. Skt. *kaśikā-* f. is considered a derivation from **kaśi-* f. The connection with MPers., NPers. *xaz* ‘marten’ and Lith. *šėškas* ‘Iltis’ is uncertain. The absence of palatalization of **-k-* before a front vowel in Armenian is perhaps due to dissimilative influence of the palatal **-ḱ-*: **k-ḱ* > *k’-s*. Possible reconstruction: nom. **Hkeḱ-s*, oblique **Hkeḱ-*. Compare the analyses of *atuēs* ‘fox’ (*u*-stem) and *iž* ‘viper’ (*i*-stem). We may be dealing with a common borrowing from an unknown source. (HM)

5.2.6. **ueh₂g-nu-*: Arm. **gang** ‘sound’, Skt. **vagnú-** m. ‘sound, noise’; cf. Lat. *vāgīre* ‘to cry, wail’, etc. For the metathesis (**wāgn-* > **wāng-* > **gang-*), cf. **b^hud^hno-*: Lat. *fundus* ‘bottom’ and Arm. *andund-k’*, *o*-stem ‘abyss’ vs. Skt. *a-budhmá-* ‘bottomless’. (HM)

5.2.7. **h₁erk^w-o-*: Arm. **erg**, *o*-stem ‘song; poem; ‘playing (music)’, **ergem** ‘to sing; to play a musical instrument; to praise’; Skt. thematic noun **arká-** m. ‘ray, light, shine; song, magic song’, root noun *ṛc-* f. ‘song of praise, poem, stanza, verse’, *árcati* ‘to sing; to praise; to shine’; Hitt. *ārku-zi*, *arku-* ‘to chant, intone’ (from **h₁erk^w-/*h₁rk^w-*), Toch. A *yärk*, B *yarke* ‘worship, reverence’, probably also OIr. *erc* ‘sky’. Arm. *erg*, *o*-stem ‘song’ and Skt. *arká-* m. ‘shine, song, magic song’ represent a thematic noun and should be regarded as a shared innovation.

5.2.8. **sing^h-o-*: Arm. **inj**, *u*-stem ‘panther, leopard’ (renders Gr. *πάρδαλις* ‘panther, leopard’ in the Bible, e.g. *nman anju* : *ὄμοιον παρδάλει* in Revelations 13.2; *i leranc’ anjuc’* : *ἀπὸ ὀρέων παρδάλεων* in Song of Songs 4.8); Skt. **simhá-** ‘lion’. The connection with Toch. A *śisäk*, B *šecake* ‘lion’ is uncertain.⁷⁶

The assumption that the Armenian word has been borrowed from an unattested Iranian form is not compulsory. Nor is it plausible, since: (1) none of the Iranian languages have preserved a trace of this etymon; (2) the loss of the PIE initial **s-* is regular in native Armenian words, whereas in Iranian loanwords Armenian preserves the *h-*; and (3) the semantic difference indicates that it is an old word. Note especially that Arm. *inj* and Skt. *simhá-* are found in a comparable mythical context. In Armenian incantations the Evil Eye often appears as an *inj* ‘panther’, an *arīwč* ‘lion’, and a *višap* ‘dragon’ coming up out of the sea (compare *inj* etc. in the famous dream of Daniel 7,⁷⁷ and in Aždahak’s dream in Movsēs Xorenac’i 1.26); he roars like a cloud (*amp/b*) or a lion (*arīwč/arīuc*) or a bull (*c’ul*).⁷⁸ The animals *inj* ‘panther’ and *arīwč* ‘lion’ are also listed with *gēl* ‘wolf’ and *oj* ‘snake’ in a Daralagyaz incantation (K’ajberuni 1902:

⁷⁶ Hübschmann 1877: 25; 1897: 450; Meillet 1936: 142; HAB 2: 243; Specht 1939: 14; Xaçaturova 1973: 196; 1979: 363; Gamkrelidze/Ivanov 1984, 2: 507 = 1995: 427; Clackson 1994: 13; Olsen 1999: 110. Müller (1870: 452–453) considers a loan from lost Iranian **hinza-* beside Skt. *simhá-* ‘lion’. Bailey (1979: 484a, cf. 421; 1987: 461a; see also Mayrhofer EWAia 2, 1996: 727; ÈtimSlovIranJaz 3, 2007: 332) connects the Sanskrit word with Iran. **haiz-*, **hiz-* ‘to mount’ assuming a basic meaning ‘pouncer’ and considers Arm. *inj* as a loan from an Iranian unattested **hinzu-*. Thieme’s (1954: 54–56) sceptical approach is rightly criticized by Makaev 1967: 453–454.

⁷⁷ Cowe 1992: 195–199.

⁷⁸ Abeghian 1899: 124; Ališan 1910: 412; Ōdabašyan 1986: 141.

112a^{Nr1}), which starts with the name of *Surb Daniel* ‘St. Daniel’ (cf. the aforementioned vision of Daniel).⁷⁹

For the association of Arm. *inj* (**sinḡ^ho-*: Skt. *siṃhá-*) with thunderous cloud note RV 5.83.3 where the thunder of Parjanya is compared to the thunder roar of a *siṃhá-* ‘lion’.⁸⁰

In view of the absence of secure IE cognate forms, one may assume that the Aryan and Armenian (possibly also Tocharian) forms reflect a common borrowing⁸¹ from a North Pontic or Near-Eastern source. Possibly related forms in non-IE languages are: the old Central Asian word for ‘lion’, **sengha/singha*, Tibetan *seṅge*, *siṅge*, Zhañ Zhuñ *saṅgo*, etc.; North Caucasian: PEC **čā:nqV* ‘lynx, panther’, Chechen *çoq* ‘snow leopard’, Avar *çirq̄q̄*, Akhvakh *çiq̄q̄o* ‘lynx’, Lak *çiniq̄* ‘tiger, leopard’, Akusha *çirq̄* ‘panther’, etc.; Akkad. *sin/mk/gurru* ‘a hunted mountain feline, gepard’; Chadic: Kwang *sèmk-*, *sémgi* ‘lion’, Chibak *zing’é* ‘lion’, etc.⁸²

5.2.9. **g^wou-d^heh₁-eh₂-* ‘a lizard’, lit. ‘cow milker/sucker’: Arm. **kov-a-di-ac**‘ (also *kovideay*, *kov-di-c*‘) ‘a kind of lizard’ (renders Gr. *καλαβώτης* ‘spotted lizard, gecko’ in Leviticus 11.30) reshaped from an older **kov-di-a-*; Skt. **godhā-** f. ‘Iguana, a species of big lizard’. In later literature (Nonnus, Galen) and dialects the Armenian word has been replaced by *kov(a)cuc* ‘a kind of lizard’, composed of *kov* ‘cow’ and *cuc* ‘sucking’. There are many semantic parallels in other languages: Xurāsānī Pers. *boččoš* (preverb *bi* + *čōš-* ‘Sauger’) ‘eine Art Eidechse, die nach dem Volksglauben nachts in die Hürden schleicht und den Ziegen am Euter saugt’, Ukr. *moloko-sis* ‘lizard’, etc.⁸³

5.2.10. **h₃eui-peh₂-* ‘shepherd’: Arm. **hoviw**, *a*-stem ‘shepherd’, Skt. *avi-pā-lā-* ‘shepherd’, cf. also *go-pā-* m. ‘herdsman’, lit. ‘cowherd’.

5.2.11. **ḡ^hei-o-*: Arm. **ji**, *o*-stem ‘horse’, Skt. **háya-** m. ‘horse’. Skt. *háya-* is usually derived from *hay-* vs. *hinóti* ‘to impel, set in motion; to hurl; to help’ (presumably derived from PIE **ḡ^hei-* ‘to drive; to throw’). Arm. *ji* ‘horse’ and Skt. *háya-* m. ‘horse’ represent a poetic word, belonging to the “language of gods”, as opposed to the PIE word for ‘horse’, viz. **h₁e^hkuo-* > Arm. *ēš* ‘donkey’.⁸⁴

Kurdish *dēlazī* ‘horse’ is only recorded by Chodzko in 1857 among the Kurds of the Rishvand tribe in Iran near Alamut, between Qazvin and Rudbar. It is composed of *dēl* ‘female’ (cf. *dēlagur* ‘female wolf’) and the otherwise unknown *zī*, which was earlier considered to be a loan from Arm. *ji* (HAB 3: 152b). Garnik Asatrian (1997)⁸⁵ rejects this view saying that this Kurdish dialect had no contact with Armenian during the whole period of its history. He therefore treats this word as the only remnant of Iranian **zaya-*, the theoretical cognate to Skt. *háya-* ‘horse’. If this interpretation is accepted, we are dealing with an isogloss between Armenian and Indo-Iranian.

5.2.12. Arm. **marmin**, *o*-stem ‘body; flesh’; Skt. **márman-** n. ‘vulnerable point of the body’, MInd. *mamma-* n. ‘weiche Körperstelle’. There is no consensus about the origin of the Indo-Aryan word. If the Aryan word is related with Lith. *mélmenys* ‘die um die Nieren liegenden

⁷⁹ For a discussion and parallels from other traditions, see Ivanov/Toporov 1974: 169–170; Watkins 1975: 20f; Gusejnov apud MifNarMir 2, 1982: 342; Mawet 1983: 182–183; Gamkrelidze/Ivanov 1984, 2: 500–503 = 1995: 420–423; Cowe 1992: 399–401; Petrosyan 2002: 16. For biblical parallels and an extensive discussion, see Xalat’janc 1896: 172–200; see also Thomson 2006: 112₂₃₀.

⁸⁰ Cf. Gamkrelidze/Ivanov 1984, 2: 510₁ = 1995, 1: 430₂₇.

⁸¹ Cf. Blažek 2005: 67–68, 91–92.

⁸² For the forms and a discussion, see Pinault 2002: 330–331; Witzel 2003: 14–15, 45, 47; Behr 2004–05; Blažek 2005.

⁸³ Martirosyan 2010: 372–373; Olsen 2011: 25.

⁸⁴ The vocalism is slightly problematic. Alternative: a substantivized **-to*-participle **ḡ^hi-to-* (de Lamberterie apud Olsen 1999: 40; see also Viredaz 2005–07: 7–9).

⁸⁵ I am indebted to Garnik Asatrian and Vardan Voskanian for this information and a copy of the paper.

Fleischteile' and others, Arm. *marmin* cannot be treated as a native word because of the vocalism and the *-r-*.⁸⁶ Compare Arm. *šaliṭ* 'raw flesh, body, corpse' vs. Skt. *śārīra-* n. 'the body, bodily frame, solid parts of the body'.

5.2.13. **g^{wh}(e)r-nu-* 'to be warm, burn': Arm. *jernum* or *jeṛanim* (aor. *jeṛ-a-* from sigm. aor. **g^{wh}er-s-*) 'to be/become warm, burn'; Skt. *ghṛṇōti* 'to glow, light' from **g^{wh}ṛ-n(e)u-* (see §3.5 on *nu-*verbs).

5.2.14. *kHl-eh₂: Arm. *sal*, *i*-stem (prob. also *a*-stem, as reflected in a borrowing into Georgian *sala* 'a flat roundish stone to play with') 'a large flat block of stone; anvil'; Skt. *śilā-* 'stone, rock, crag'. The appurtenance of Goth. *hallus* 'rock' and others is uncertain.

5.2.15. **kHs-ti-*: Arm. *sast*, *i*-stem 'rebuke, scolding, censure, castigation, punishment, chastisement, threat; indignation, wrath',⁸⁷ *sastem* 'to rebuke, remark indignantly, reprimand angrily, threat', *sastik* 'intense, hard, violent, rigid'; Skt. *śiṣṭi-* 'punishment, command, instruction'; from the root **k(e)Hs-*: Skt. *śāsti* 'to punish, control, command, instruct', Av. *sāh-* 'to teach', *sāsti* 'lehrt', *sāx^van-* 'doctrine', *sāsnā-* 'doctrine, command', *sāstar-* 'commander', ManMPers. and Parth. *sāstār* 'commander, tyrant'⁸⁸, probably also Alb. *thom* 'to say' and Toch. A *kāṣ* 'to scold, reprimand'.⁸⁹

Since Hübschmann,⁹⁰ Armenian *sast* has been interpreted as an inherited word although some scholars are inclined toward an Iranian origin instead.⁹¹ However, there is no compelling reason for the latter, and I do not understand the extreme confidence of, e.g., Xaçaturova (1979: 372), who claims that Arm. *sast* is indisputably ("бесспорно") an Iranian loanword. There are no Iranian forms that would be formally compatible with the Armenian word as a source of borrowing. Besides, the Armenian word is semantically closer to the Indic than the Iranian forms. I therefore follow Hübschmann, Ačariyan and Ĵahukyan in directly deriving Arm. *sast*, *i*-stem 'rebuke, punishment, indignation' from **kHs-ti-* and thus identifying it with *śiṣṭi-* 'punishment, command, instruction' and positing an Armeno-(Indo-)Aryan isogloss.

5.2.16. **ker-e/os-* n. 'cream of milk': Arm. *ser* 'cream of milk, skin on milk or sour clotted milk' (Zgōn-Afrahāt, Middle Armenian; widespread in the dialects); Skt. *śāras* n. 'cream, skin on milk'.⁹² Mayrhofer (EWAia 2, 1996: 617–618) hesitantly derives the Sanskrit form from the root *śar-* (*śṛṇāti*) 'to smash, crush, break' from **k^herh₂-*, cf. Gr. *κεραῖζω* 'to destroy', etc. (HM)

5.2.17. **skHel-*: Arm. *sxale/im* 'to err, be mistaken; to stumble; to fail, miss'; Skt. *skhālati* 'to stumble, stammer, fail'. Here belong also Arm. *šet* 'slanting, crooked, oblique', *šil* 'squint-eyed', dial. 'mistake; disorder'; Lat. *scelus*, gen. *sceleris* n. 'misdeed, crime', Gr. *σκελλός* 'crook-legged', *σκολιός* 'wicked, crooked' (on the other hand, note Gr. *σφάλλομαι* 'to fall, stumble, be mistaken'). The twofold development of **skH-* as Arm. *š-* and *sx-* is puzzling. Most probably, *sxale/im* is a loan from the Indo-Aryan language of the Near East,⁹³ while *šet/šil* has been inherited from Indo-European.

⁸⁶ For a critical discussion of the etymology of *marmin*, see de Lamberterie 2013: 44–47.

⁸⁷ In the Bible translation, Arm. *sast* corresponds to, e.g., Gr. *ἐπιτίμησις* 'castigation, censure, criticism' and *ἀγανάκτησις* 'vexation, wrath'.

⁸⁸ See Durkin-Meisterernst 2004: 306a.

⁸⁹ For the forms and a discussion, see Mayrhofer KEWA 3, 1976: 319–320, 330–331; EWAia 2, 1996: 632–633; Schrijver 1991: 101; Demiraj 1997: 399–400.

⁹⁰ Hübschmann 1897: 488–489; HAB 4: 178; Ĵahukyan 1987: 130, 173, 551 (hesitantly); 2010: 669a.

⁹¹ Pokorny 1959: 533 (with a question-mark); Benveniste 1964: 2; Mayrhofer KEWA 3, 1976: 330 (not mentioned in EWAia); Schmitt 1983: 108; 1987: 446b; Olsen 1999: 906.

⁹² Martirosyan 2010: 574–575; welcomed in Olsen 2011: 26.

⁹³ Another possible case of such a borrowing is Arm. *buṛn* (*i*-stem, cf. adv. *bṛn-i-w* 'violently' in Eusebius of Caesarea) 'strong, violent', 'violently', 'violence, strength; tyrant', if indeed from Skt. *bhūrṇi-* 'zealous, wild'.

5.3. Discussion.

5.3.1. Native or loan? The examination of Armenian-Indic correspondences is complicated in several respects. Firstly, scholars often state that Arm. *arew*, *erg* and others were borrowed from Aryan in the middle of the second millennium BC. This view is untenable since at that period the development PIE **e* > Aryan *a* had already taken place, as is seen in Mitanni *panza* ‘five’. Besides, these poetic words are culturally and/or semantically associated with each other and are all Armeno-Indo-Aryan (or Armeno-Graeco-Aryan) correspondences, and some of them clearly preclude the loan theory: *arcui* ‘eagle’, *ji* ‘horse’, *c’in* ‘kite’, etc. For the association between ‘bird, eagle’, ‘horse’ and ‘sun’ in poetic language, cf. e.g. Skt. *paṭaṅgā-* adj. ‘flying’, m. ‘bird; flying horse; sun’.

Secondly, there is always a possibility that the Indic might have had an Iranian cognate even if it is not attested in the Iranian languages themselves. This point is often illustrated using the Armenian word **nirh** ‘dormancy, slumber’. On the basis of its appearance, the word is seen as a loan from an Iranian **nidrā-*. In Iranian such a word is not attested, but we do know that it exists in the Indo-Iranian subgroup at large because of Vedic Skt. *nidrā-* f. ‘slumber, sleepiness’.

Thirdly, in individual instances it is often very difficult to identify a word as an inherited word or an Iranian borrowing. Armenian and Iranian are independent branches of Indo-European but sometimes parallel phonetic developments complicate a judgement on the status of a lexeme. A frequently cited example is Arm. **naw** ‘boat, ship’: is it an Iranian loan (cf. Oss. *naw/nawæ* ‘boat’, Khot. *no* ‘boat’, Parth. *nāwāz* ‘skipper’ > Arm. *nawaz* ‘boatman’) or an inherited word next to Skt. *nāu-* ‘boat’, Gr. *ναῦς* ‘ship’, Lat. *nāvis*, *is* ‘ship’, OIr. *nau* ‘ship’?

It is usually the cumulative evidence that tips the balance. Arm. **surb**, *o*-stem ‘pure, clean; holy’ (Bible+) has been taken as cognate to Skt. *śubhrā-* ‘shining, glimmering, beautiful’. On the other hand, the Armenian word may have been borrowed from Middle Iranian **subra-*, itself a lost cognate of Skt. *śubhrā-*. A number of circumstances point to the native origin of the Armenian form, though, individually taken, none of them is decisive: (1) the *o*-stem of the Armenian; (2) the metathesis **-b^hr-* > Arm. *-rb-*; (3) the semantic difference; (4) the absence of direct evidence for this lexeme in the Iranian language group. The last two arguments have become insignificant in view of Khotanese *suraa-* ‘clean, pure’, which has been regarded as reflecting the theoretical Iranian form **subra-ka-*.⁹⁴ On the whole, it seems more likely that we are dealing with an Armeno-Indo-Iranian lexeme rather than an Iranian loanword in Armenian.

See also the discussions on **ji** ‘horse’ (§5.2.11) and **sami** (§§4.2.3–4).

5.3.2. Armeno-Indo-Iranian poetic or mythical lexicon. We have discussed poetic words inherited from the Armenian-Greek-Indo-Iranian dialect union (see *arcui* ‘eagle’ and *c’in* ‘kite’). As for the Armeno-Aryan poetic words, we have already discussed *ji* ‘horse’ and *arew* ‘sun’. We have also discussed two Armeno-Aryan words in the mythological context: *andund* ‘abyss’ and *inj* ‘panther’. Here I shall elaborate on ‘sun’ and ‘moon’.

Arew, gen. **Areg-** ‘Sun God’ is attested in Movsēs Xorenac’i 2.8 and in folkloric texts. Most explicit is the following folk prayer from Łarabat: *Astco c’ncuṭn tvac arignak, im eress k’o otand taka, du im xoxek’s pahes* ‘O du göttlich strahlende Sonne! Dein Fuss ruhe auf meinem Antlitz! Bewahre meine Kinder’ (transl. Abeghian 1899: 43). Note also that this word appears as an oath formula or as an interjection of astonishment. Arm. *arew/g-* ‘sun, Sun God’ and Skt. *ravi-* m. ‘sun, Sun God’ (Upaniṣad+) derive from a proto-form **h₂reu-i-* and may be regarded as an Armeno-Aryan poetically or sacredly marked designation of ‘sun’ replacing the PIE unmarked profane word for ‘sun’, **seh₂ul-*.⁹⁵ This is reminiscent of the case of Arm. *ji* vs. Skt. *hāya-* which we have already discussed.

⁹⁴ Emmerick apud Schmitt 1987: 446b; Emmerick / Skjærvø 1997: 155; see also Lubotsky 2001: 51₅₁.

⁹⁵ Martirosyan 2010: 135–138.

It is remarkable that the Armenian word for ‘moon’, **lusin**, is also in a way related to the Armeno-Aryan unity. The word has an *o*-stem (abl. *i lusn-o-y* in Eznik Koṭbac‘i, ins. *lusn-o-v* in Jeremiah 8.2) and is usually derived from *loukeno:- Skt. *rocaná-* n. ‘light, luminous sphere, firmament’, YAv. *raocana-* adj. ‘shining, light’. Next to this, however, there is also reliable evidence for gen. *lusn-i* (abundant in the Bible) which may point to both *i*- and *a*-stems; this can be confirmed by ins. *lusn-i-w* (Movsēs Xorenac‘i 2.77, etc.) and ins. (z-) *lusn-a-w* (Anania Širakac‘i, 7th cent., Abrahamyan 1940: 58^{L20f}) respectively.

This leads us to the derivation⁹⁶ of *lusin* from **louksneh*₂:- Lat. *lūna* (Praeneste *losna*) f. ‘moon, month’ and OCS *luna* f. ‘moon’, cf. Av. *raoxšna-* adj. ‘shining’, OPr. *lauxnos* nom.pl. ‘luminary’, as well as Arm. *lusn* ‘white spot’. The internal *-i-* may be analogical (cf. *kaṭin* ‘acorn’ vs. Gr. *βάλανος* ‘acorn’). In view of the *o*-declension of *lusin*, however, it is tempting to assume a blend with **loukeno-* ‘light, luminous (sphere)’.

My working hypothesis can be formulated as follows: Armenian inherited PIE **louksneh*₂- f. ‘moon’, cf. Lat. *lūna* (Praeneste *losna*) and OCS *luna* f. ‘moon’. In a late period around the Indo-European dispersal, Proto-Armenian shared the thematic innovation **loukeno-* ‘light, luminous (sphere)’ with Indo-Iranian (cf. Skt. *rocaná-* and YAv. *raocana-*). Subsequently, PArm. **lūsna-* f. ‘moon’ blended with **lowsino-* ‘luminous’ and resulted in *lusin* ‘moon’, displaying *o-*, *a-*, and *i*-stem forms.

5.3.3. Other issues. A lexical correspondence, albeit perfect both semantically and formally, cannot be considered as significant for the purpose of this paper unless we demonstrate that we are dealing with a shared innovation rather than an archaism. In some cases we are dealing with very interesting correspondences, the nature of which is quite hard to determine. Such ambiguous correspondences, even those which are more likely to be archaisms, should not be ignored if they display recurrent patterns. Future studies should gather all such correspondences and try to estimate their cumulative strength.

Armenian **y-*aṛnem*** (aor. stem *y-ari*, imper. *ari*) ‘to rise, arise, get up, stand up, wake, resurrect’ derives from PIE **h₃r-i-* ‘to rise’: Hit. *arai-ⁱ / ari-* ‘to rise, arise, lift; to raise’, CLuw. *ari(ia)-* ‘to raise’ < **h₃r-oi-* / **h₃r-i-*; Lat. *orior*, *-īrī*, *ortus* ‘to appear above the horizon, rise; to rise from bed, get up; to begin, be born’; Skt. *ar-*, ‘to set in motion, move; to arouse, excite’, *ṛṇvāti* ‘to rise, move’, Av. *ar-*, redupl. pres. *īra-* ‘to reach’, *īra-* n. ‘attack’, YAv. *arənao-* ‘to set in motion’; Gr. *ὄρνυμι* or *-ύω*, med. *ὄρνυμαι* ‘to rise, rouse, stir (up), urge on, move’.

3sg.pres.act. *íyarti*, med. *írte* < **Hi-H(a)r-*. Armenian **y-ar-i-* and impv. *ari derive from **h₃r-i-* (cf. Hit. *arai-ⁱ / ari-* ‘to rise’, perhaps also Lat. *orior*, *-īrī* ‘to rise’). The initial *y-* in **y-ar-* (vs. imperative **ar-*) is puzzling. It is tempting to explain the problem by assuming a redupl. pres. **Hi-H(e)r-* > PArm. **Hīyar-* > *(*i*)*yar-*. This would match Skt. *íyarti* (next to *ar-*). One is tempted to treat this as an Armenian-Aryan isogloss; note especially **ni-si-sd-e/o-*: Arm. **nihist-e-*, Skt. *nīṣīdati* and Av. *nišhiḍaiti* ‘to sit’ (see §3.6). However, the reduplicated present seems to be an archaic feature in Indo-European and is not productive in Armenian. The reduplicated structure of PArm. pres. *(*h*)*ipe-* (with suppletive aor. *arb-*) ‘to drink’ from PIE **pi-ph₃-e-* > *pibeti (Skt. *pībati*, Lat. *bibō*, OIr. *ibid*) ceased to be sensed at a very early stage, and a new present was made by a nasal affix: *(*h*)*ipnēm(i)* > *əmpem*.

Another complicated but intriguing example is Armenian **targal** ‘spoon’ (attested in Movsēs Xorenac‘i 2.47 and ubiquitous in the dialects) that seems to derive from **d̥r̥u-*, a zero-grade form of the PIE word for ‘wood’. A perfect semantic match is Skt. *dárvi* f. / *darvī* f. ‘spoon’, though this has a full grade in the root. But now we have a wonderful match that can solve even the problem of the suffix: Hitt. ^{G15}*staru-āli-* n., which refers to an implement used for

⁹⁶ Meillet 1936: 21. For a full discussion of *lusin* and related words, see Martirosyan 2010: 320–322.

grinding or crushing, probably something like ‘pestle’. For **-al(i)* in designations for implements or the like cf., e.g., Hitt. ^{G15}*hulāli-* n. ‘distaff’. I wonder, therefore, whether Arm. *targal* is an Anatolian loanword.

There is a better Armenian match for Skt. *dārvi* f. and *darvī* f. ‘spoon’, namely **torg** ‘wooden framework, loom’. Here again we find an interesting Anatolian cognate: HLuw. *tarw-i(ia)-* prob. ‘wooden beam’. Further, note Arm. **toin** ‘pestle’ and Skt. *drōṇa-* n. ‘wooden vessel, trough, bucket’.⁹⁷

Onomatopoeia and nursery words are usually considered insignificant for the problems of reconstruction. However, identical onomatopoeia and nursery words are not necessarily independent creations. Here again, cumulative strength can play a certain role in estimating a genetic relationship between two languages or dialects. Note correspondences such as Arm. **atafak**, obl. *atafak-a-* ‘shouting’ vs. Skt. *alalā* and Gr. *ἀλαλαγή* ‘shouting’; Arm. **atta** ‘mother’ vs. Skt. *attā* ‘mother, older sister’ (other cognates differ in their semantics).

Table set A (sections 4–5)

Lexical isoglosses: Armenian, Greek and Indo-Iranian.

Physical world, time, space.

Proto-form	Gloss	Sanskrit	Iranian	Armenian	Greek
<i>*p₁h₁u-</i>	Pleiades		<i>*paruijainī-</i>	<i>alawunk</i> ‘	<i>Πλειάδες</i>
<i>*polio-/ieh₂</i>	wave; grey	(<i>pālitā-</i>)	<i>*parya-</i>	<i>ali-k</i> ‘	<i>πολιός, -ιάς</i>
<i>*sṃ(H)-eh₂-</i>	year	<i>sāmā-</i>	(<i>ham-</i>)	<i>am, -a-</i>	
<i>*₀b^hud^hno-</i>	bottomless	<i>a-budhna-</i>	MP <i>a-bun</i>	<i>andund-, -o-</i>	
A <i>*sru-ti-</i>	stream, etc.	<i>sruṭi-</i>		<i>aru, i-stem</i>	<i>ῥυσις</i>
B <i>*sr(o)u-to-</i>	stream, etc.	<i>srótas-</i>	OP <i>rautah-</i>	<i>aru, -o-</i>	<i>ῥυτός</i>
<i>*h₂reu-i-</i>	sun	<i>ravi-</i>		<i>arew</i>	
<i>*pro-h₂enh₁-</i>	air, breeze	<i>prāná-</i>	<i>*frāna-</i>	<i>eran</i>	
<i>*loukeno-</i>	luminous	<i>rocaná-</i>	<i>raocana-</i>	<i>lusin, -o-</i>	
<i>*pr₁H₂uo-</i>	east./south.	<i>púrva-</i>	<i>pauruuu-</i>	<i>haraw, -o-</i>	
<i>*h₃meig^h-o-</i>	cloud, mist	<i>meghá-</i>	<i>maēya-</i>	<i>mēg, -o-</i>	
<i>*k^hlH-eh₂</i>	stone, rock	<i>śilā-</i>		<i>sal, -i- (-a-)</i>	
<i>*k^hub^h-ro-</i>	shiny, pure	<i>śubhrá-</i>	Khot. <i>suraa-</i>	<i>surb, -o-</i>	

Human, age, kinship.

Proto-form	Gloss	Sanskrit	Iranian	Armenian	Greek
<i>*h₂nēr</i>	man	<i>nár-</i>	<i>nar-</i>	<i>ayr, gen. arn</i>	<i>άνηρ</i>
A <i>*gerH-</i>	old	<i>jarás-</i>	<i>zar-</i>	<i>cer</i>	<i>γέρας</i>
B <i>*gerHont-</i>	old	<i>jārant-</i>	Oss. <i>zæronđ</i>	<i>cer-un(-i)</i>	<i>γέρων</i>
<i>*mr₁to-</i>	mortal	<i>-mr₁ta-</i>	<i>-māša-</i>	<i>mard, -o-</i>	<i>βροτός</i>

⁹⁷ For a discussion of all these words, see Martirosyan 2010 s.vv.

Body, perceptions, mentality, belief.

Proto-form	Gloss	Sanskrit	Iranian	Armenian	Greek
* <i>ueh₂g-nu-</i>	sound	<i>vagnú-</i>		<i>gang</i>	
* <i>pr(eo)Hkt-</i>	buttocks	(<i>pr̥ṣṭhá-</i>)	(<i>paršta-</i>)	<i>erastan-k'</i>	<i>πρωκτός</i>
* <i>h₁erk^w-o-</i>	song	<i>arká-</i>		<i>erg, -o-</i>	
* <i>m(eo)rmen-</i>	body	<i>márman-</i>		<i>marmin</i>	
* <i>skHel-</i>	to err	<i>skhálati</i>		<i>šil / sxal</i>	<i>σφάλλομαι</i>
* <i>pe/or̥k-u-</i>	rib, side	<i>pársu-</i>	<i>pərəsu-</i>	(<i>y-</i>) <i>ors-</i>	
A * <i>g^{wh}er-os-</i>	warmth	<i>háras-</i>		<i>jer, -o-</i>	<i>θερός</i>
B * <i>g^{wh}(e)rmu-</i>	to be warm	<i>ghṛṇóti</i>		<i>jeṛnum</i>	
* <i>(p)ste/ēn-</i>	wom. breast	<i>stána-</i>	<i>fštána-</i>	<i>stin</i>	<i>στηνιον</i>

Movements, speech and other activities.

Proto-form	Gloss	Sanskrit	Iranian	Armenian	Greek
* <i>s(e)Hd^h-io-</i>	succeed	<i>sídhyati</i>		<i>aǰ(-)</i>	
* <i>h₂r-nu-</i>	gain; allot		<i>ərənauu-</i>	<i>aṛnum</i>	<i>ἄρνημαι</i>
A * <i>k₁ie/ou-</i>	to go, move	<i>cyav-</i>	<i>šauuaitē</i>	<i>č'og-</i>	<i>σενομαι</i>
B * <i>k₁iu-to-</i>	moved	<i>cyutá-</i>	<i>-šūta-</i>	<i>č'u, -o-</i>	<i>-σουτος</i>
* <i>kHs-ti-</i>	punish, etc.	<i>śiṣṭi-</i>		<i>sast, i-st.</i>	
* <i>(s)peud-</i>	zeal, haste		Parth. <i>pwd-</i>	<i>p'oyt'</i>	<i>σπουδ-ή</i>

Fauna.

Proto-form	Gloss	Sanskrit	Iranian	Armenian	Greek
* <i>h₂lv(u)pēk-</i>	fox	<i>lopāśá-</i>	* <i>raupaśá-</i>	<i>atuēs</i>	<i>ἄλωπηξ</i>
* <i>h₂r̥g̊ipió-</i>	eagle, etc.	<i>r̥jipyá-</i>	<i>ərəziṣtiō.</i>	<i>arcui</i>	<i>αἰγυπιός</i>
* <i>t̥kiH-(e)no-</i>	bird of prey	<i>śyená-</i>	<i>saēna-</i>	<i>c'in, o-stem</i>	<i>ικτίνοσ</i>
* <i>Hkek-ih₂-</i>	weasel	<i>kaśiká-</i>		<i>ak'is, i-stem</i>	
* <i>h₁eg^{wh}-i-</i>	snake, adder	<i>áhi-</i>	<i>aži-</i>	<i>iž, i-stem</i>	<i>ἔχις</i>
* <i>sinḡ^ho-</i>	lion, panther	<i>śimhá-</i>		<i>inj</i>	
* <i>g^wou-d^heh₁-</i>	lizard	<i>godhá-</i>		<i>kov-a-di-ac'</i>	
* <i>ḡ^hei-o-</i>	horse	<i>háya-</i>	(* <i>zaya-</i>)	<i>ji, -o-</i>	

Animal husbandry.

Proto-form	Gloss	Sanskrit	Iranian	Armenian	Greek
* <i>h₂(e)iḡ-</i>	goat	(<i>eda-</i>)	(<i>īzaēna-</i>)	<i>ayc</i>	<i>αἶξ</i>
* <i>h₁r̥s-en-</i>	male anim.	(<i>r̥ṣabhá-</i>)	<i>aṛšan-</i>	<i>aṛn</i>	<i>ἄρσην</i>
* <i>ur̥h₁ēn</i>	lamb	<i>úran-</i>	* <i>oarn-</i>	<i>gar'n</i>	<i>Φαρίην</i>
* <i>h₁eḡ^h-ih₂-</i>	cow, ox	<i>ahí-</i>	<i>azī-</i>	<i>ezn, g. ezin</i>	
* <i>g^wou-io-</i>	of cow	<i>gávya-</i>	<i>gaotia-</i>	<i>kogí</i>	<i>-βο(φ)ιος</i>
* <i>h₃eui-peh₂-</i>	shepherd		<i>avi-pā-lá-</i>	<i>hoviw, -a-</i>	
* <i>ker-e/os-</i>	cream	<i>śáras</i>		<i>ser</i>	

Agriculture.

Proto-form	Gloss	Sanskrit	Iranian	Armenian	Greek
* <i>h₂leh₁-ur₁</i>	flour			<i>alewr</i>	<i>ἄλευρον</i>
* <i>h₂(e)lh₁-</i>	to grind	(MInd. <i>āṭā</i>)	* <i>arna-</i>	<i>atam</i>	<i>ἄλέω</i>
* <i>h₂(e)lh₁-tr-</i>	grinder		* <i>a/ārθra-</i>	<i>atawri</i>	<i>ἄλετρις</i>
* <i>h₂erh₃uer/n-</i>	arable land	<i>urvārā-</i>	<i>uruuarā-</i>	<i>harawun-k'</i>	<i>ἄρουρα</i>
* <i>ḱe/omieh₂</i>	yoke-pin	<i>śámýā-</i>	<i>simā-/samí-</i>	<i>samí, ea-st.</i>	(<i>καμαξ</i>)

House, housekeeping, crafts, implements, building.

Proto-form	Gloss	Sanskrit	Iranian	Armenian	Greek
* <i>h₂énHt-ieh₂</i>	threshold	(<i>ātā-</i>)	<i>atītiā-</i>	* <i>and-i-</i>	
* <i>h₃nēb^h-</i>	nave, hub	<i>nābhi-</i>		<i>anīw</i> ‘wheel’	
* <i>b^heh₂g-</i>	lot, estate	(<i>bhāgā-</i>)	* <i>bāga-</i>	<i>bak</i>	(<i>φαγεῖν</i>)
* <i>d^hmb^h-</i>	tomb, grave		* <i>daf-ma-</i>	<i>damban</i>	<i>τάφος</i>
* <i>ḱ(e)r(H)-</i>	to tie, form		* <i>sar-</i>	<i>sarem</i>	
* <i>ḱ(e)r(H)ieh₂</i>	band			<i>sari-k', -ea-</i>	<i>κελιρία</i>
* <i>deh₁-</i>	to bind	<i>dā-/dyāti</i>	<i>dā-</i>	* <i>ti-</i>	<i>δέω</i>
* <i>dh₁-ti-</i>	bond	<i>-diti-</i>		* <i>tay</i>	<i>δέσις</i>

6. Lexical isoglosses between Armenian, Greek and European dialects

6.1. Armenian and Greek: innovations.

6.1.1. *h₂leh₁-ur₁: Arm. **alewr**, **aliwr**, gen. *aler* (later also *o*-stem) ‘flour’, Gr. *ἄλευρον*, *ἄλευρος* ‘flour’. See also *atam* ‘to grind’ and *atawri* ‘mill, female grinder’ (§4.1.3–4).

6.1.2. **aḡu(s)ieh₂*: Arm. **acu** ‘garden-bed’, Gr. *ἄγυια*, pl. *ἀγυιαί* f. ‘street, road’; probably a shared innovation based on PIE **h₂eḡ-*: Arm. **acem** ‘to bring, lead’, Skt. *ájati*, Gr. *ἄγω* ‘lead’, etc.⁹⁸ For the semantic relationship between ‘garden-bed’ and ‘street’, compare Arm. *marg* ‘meadow’ (dial. ‘garden-bed’), which has been borrowed from Parth. *mary* ‘wood, meadow’. Sanskrit has *mṛgá-* m. ‘wild animal’ (cf. Wakhi *merg* f. ‘female ibex’) and *mārga-* ‘(wild) path, road’. The latter is comparable to the Armenian dialectal meaning ‘garden-bed’.⁹⁹

6.1.3. **h₃k^won* ‘eye’: Arm. **akn** gen. *akan* ‘eye’, Gr. *ὄκκον*·*ὀφθαλμόν* ‘eye’ (Hesychius); derived from PIE **h₃(o)k^w-* ‘eye’: Skt. *ákṣi-*, Gr. *ὄσσε*, Arm. *ač'-k'*, etc.

6.1.4. *antér / **an(n)ēr* ‘cave’: Arm. **ayr**, *i*-stem ‘cave’, Gr. *ἄντρον* n. ‘cave’.¹⁰⁰ The development of **-nt-* is problematic, however.¹⁰¹ Perhaps one can assume a substrate origin with a nasal vacillation, **an(n)ēr* vs. *antēr, somehow comparable to another substrate term, Arm. *kamurj* ‘bridge’ vs. Gr. *γέφυρα* ‘bridge’. The by-form **an(n)ēr* could easily develop into *ayr* (cf. *h₂nēr > *ayr* ‘man’).

⁹⁸ On Gr. *ἄγυια*, Arm. *acu* and various explanations of *-u*, see Clackson 1994: 117, 225₁₂₄; Martirosyan 2010: 17–18; Beekes 2010, 1: 17 (not mentioning the Armenian word).

⁹⁹ For these Armenian and Indo-Iranian words, see HAB 3: 275–276; Mayrhofer KEWA 2, 1963: 626, 669; EWAia 2, 1996: 370–371; Dočkalová / Blažek 2011: 323, 327.

¹⁰⁰ De Lamberterie 1978: 243–245; 1992: 238; Olsen 1999: 92; Martirosyan 2010: 62–63 with lit.

¹⁰¹ Clackson 1994: 98; Beekes 2010, 1: 110.

6.1.5. **h₁os-r̥-(e)h₂* ‘harvest, summer’: Arm. ***ar-a-** ‘harvest, harvest time’, seen in **ar-a-c’** ‘harvest time, harvest of grape/fruit’, the sixth month (17th August to 15th September); Gr. ὀπ-ώρα f., Lac. ὀπ-άρα ‘end of the summer, beginning of autumn; harvest, fruit’; cf. also CS *jesenʹ*, Russ. *osenʹ* f. ‘autumn’, Goth. *asans* f. ‘harvest, summer’, OHG *aran*, Germ. *Ernte* ‘harvest’, etc. Arm. **ar-a-* derives from PArm. **o(h)ár-a-* < neuter plural or collective **h₁os-r̥-h₂* ‘harvest, summer’ (or **h₁os-r̥* >> fem. **h₁os-r̥-eh₂*). Note the remarkable contrast with the preceding month name, **k’at̥-o-c’** ‘mowing time’, deriving from *k’at̥em* ‘to pluck, weed, mow, harvest’ < **(s)kl̥-ne/o-*, which is a Graeco-Armenian agreement too, cf. Gr. σκάλλω ‘to stir up, hoe’ from **σκάλ-νω* (see §6.1.30).

For the typology of such a contrast between the fifth (reaping/mowing) and the sixth (harvest — grape/fruit) months, compare e.g. the contrast between the fifth month (July-August) as “reaping/mowing time” (“урожайная пора”) vs. the sixth month (August-September) as “beginning of the pressing of grape-juice” (“начало выжимания виноградного сока”) in the Khwarezmian calendar.¹⁰² (HM)

6.1.6. **h₂er-* ‘to fix, put together’: Arm. **ainem**, 1sg.aor *ar-ar-i*, 3sg.aor. *ar-ar* ‘to make; to create’: Gr. ἀραρίσκω, aor. ἤραρον ‘to fit, equip’, etc. The agreement is unobjectionable both formally and semantically, but it may be an archaism.¹⁰³

6.1.7. **Héh₂m-(ō)r*, gen. **Hh₂m-(e)n-*: Arm. **awr**, gen. *awur*, instr. *awur-b* ‘day; time, age’; Gr. ἡμᾶρ, Arc. ἄμαρ, -ατος n. ‘day’, ἡμέρα, Dor. ἀμέρα ‘id.’. Arm. *aw(u)r* may be explained as follows: **a/āmōr* > PArm. **amur* > **a^wmur* > **awur* > Arm. *awr*, gen. *awur*.¹⁰⁴

6.1.8. **h₃b^hel-*: Arm. **awel** ‘broom’, later denominative *awelem* ‘to sweep, broom’; Gr. ὀφέλλω ‘to sweep, broom’, ὀφελμα, ὀφελτρον ‘broom’; Arm. ***awel-** ‘increase’ in *aweli* ‘more’, *aṛ-awelum* ‘to increase’, *y-awelum* ‘to add to’; Gr. ὀφέλλω ‘to increase, enlarge, augment, advance’ (cf. Myc. *no-pe-re-a₂* /nōpheleha/ ‘useless’ < **h₃b^hel-es-h₂*: **νωφελής*). There is no cognate to this root in other Indo-European languages.¹⁰⁵

Ĵahukyan (1970: 21₃₉) admits the possibility that Arm. *awel-* ‘to increase’ has been borrowed from Uartian *abili-d(u)* ‘to join, increase’. Arutjunjan (1983: 339₁₉₅) notes that in this case the comparison between Arm. *y-awelum* and Gr. ὀφέλλω would be impossible. However, the etymological connection between these Armenian and Greek words is unobjectionable, and the apparent contradiction can easily be removed if we assume the opposite direction of borrowing, namely from Armenian into Uartian.¹⁰⁶ Compare the cases of *arcui* ‘eagle’ and *burgn* ‘tower’ (§§4.2.1–2 and 6.1.10).

The remarkable agreement between Armenian and Greek in both meanings, ‘sweep’ and ‘increase’, makes this one of the most important isoglosses.

6.1.9. **b^hh₂-ti-*: Arm. **bay**, *i*-stem ‘speech, word, verb’, Gr. φάσις, φάτις f. ‘declaration, enunciation, rumour’; a zero-grade *ti*-derivative of PIE **b^heh₂-* ‘to speak’: Arm. *bam* ‘to speak, say’ vs. φημί ‘to say’.

6.1.10. **b^hurg^h-* ‘tower’: Arm. **burgn**, gen. *brgan* ‘tower; pyramid’; Gr. πύργος m. (also φύρκος) ‘tower’. Notwithstanding the formal problems, which might suggest a substrate in-

¹⁰² See Martirosyan prepar. 1.

¹⁰³ Clackson 1994: 101–102; Martirosyan 2010: 112; de Lamberterie 2013: 18.

¹⁰⁴ The appurtenance of OIr. *amm* ‘time, season’ (from **Hh₂m-n-*?) and Arm. *amanak* ‘time’ is uncertain. For a discussion, see Clackson 1994: 96–97; Martirosyan 2010: 46, 156.

¹⁰⁵ HAB 1: 356–358 with lit.; de Lamberterie 1992: 238; 1992a; Clackson 1994: 33–35, 156–158; Olsen 1999: 211, 436; Beekes 2010, 2: 1133.

¹⁰⁶ Ĵahukyan 1987: 433; 2010: 100–101. For the Uartian word and its connection to Armenian *awel-*, see N. Arutjunjan 2001: 431a.

termediation, this cultural term seems to be based on **b^herǵ^h-*, **b^hrǵ^h-u-*, **b^hrǵ^h-(e/o)nt-*: Arm. **barjr**, gen. *barju*, **-berj** ‘high’, **bařnam** ‘to lift, raise’ < **barj-nam*; Hitt. *parku-* ‘high’, Skt. *brhánt-* ‘large, wide, abundant, lofty, high, strong, dense, loud’, etc. Urart. *burgana* ‘fortress’ (if the meaning is reliable) may be an Armenian loanword. For another cultural term of a similar structure, cf. **durgn**, gen. *drgan* ‘potter’s wheel’ vs. **darřnam** ‘to turn; to return’ < **darj-nam* (see §6.5.2).

6.1.11. **d^hlh₁ro-*: Arm. **dalar**, *o*-stem ‘green, fresh’; **dalar-i**, *dalarw-o-y*, *-o-ǰ* ‘greenery, grass, herb’; Gr. *θαλερός* ‘blooming, fresh’. The root is visible in Gr. *θάλλω* ‘to bloom, flourish, grow’, *θάλος* n. ‘sprout’, *θαλλός* m. ‘green twig, esp. of the olive, sprout’, Mlr. *duilne*, *duille* ‘leaf, foliage’, OEngl. *dile* ‘dill’, Alb. *dal* ‘to sprout’, etc., as well as Arm. **deř**, *o*-stem ‘herb; medicine; poison’. Notwithstanding the problems concerning the reconstruction of the root (**d^hlh₁-* or **d^heh₂l-*) and the suffix (**-ero-* or **-ro-*),¹⁰⁷ I see no solid reason for separating Arm. *dalar* (*o*-stem) from Gr. *θαλερός*.

It is also worth considering whether Arm. *deř* ‘herb’ and Gr. *θαλλός* m. ‘green twig, sprout’ derive from an old *n*-stem: nom. **d^hél(H)-n-*, gen. **d^hl-nós*.

6.1.12. **d^h(e)h₁s-* ‘god’: Arm. **di-k’**, gen.pl. *di-c’*, instr.pl. *di-a-w-k’* (compositional *diwc’-*) ‘god’, Gr. *θεός* ‘god’. With a different meaning: Lat. *fēriae* < OLat. *fēsiae* ‘festival days’, *fēstus* ‘festive’, *fānum* < **fas-no-m* ‘hallowed place’, Osc. **fiisnú** ‘templum’, etc.

6.1.13. **pr(e/o)Hkt-/pr(ō)kt-*: Arm. **erastan-k’**, *a*-stem ‘buttocks’, Gr. *πρωκτός* m. ‘anus’. Clackson (1994: 166–167) takes this as an Armenian-Greek-Aryan correspondence, cf. Skt. *prṣṭhá-* n. ‘back, mountain-ridge, top’, *prṣṭi-* f. ‘rib’, cf. YAv. *paršta-* m. ‘back, spine, support in the back’, *paršti* ‘back’. However, the Indo-Iranian words appear to be derived from **pr-sth₂-o-* and are thus unrelated.¹⁰⁸ Even if they are related (which would create an isogloss between Armenian, Greek and Indo-Iranian), Armenian and Greek are certainly closer to each other since they agree in both vocalism and semantics.

6.1.14. **pre(i)sg^wu-*: Arm. **erēc’**, *u*-stem (adj.) ‘elder; presbyter’; Gr. *πρέσβυς* m. ‘old man; the elder; ambassador; president’; perhaps also Lat. *prīscus* ‘ancient’.¹⁰⁹

6.1.15. **d₁ueh₂-ro-*: Arm. **erkar** ‘long’ (in both temporal and spatial aspects), Gr. **δ₁φ₁ρός*: *δηρός*, Dor. *δ₁ρός* ‘lasting long’; with a different vocalism: Lat. *dūrō* ‘to endure, last out, survive’, Skt. *dūrā-* ‘far’, etc.; **d₂ueh₂-n-*: Arm. **erkayn** ‘long’, Gr. *δ₂ήν* ‘long, far’ < **δ₂φ₁ν*.¹¹⁰

6.1.16. **ues-nu-*: Arm. **z-genum**, 3sg.aor. *zge-c’-a-w* ‘to put on clothes’, Gr. *έννυμι* ‘to clothe; to put on, clothe oneself’; cf. Hitt. *ueš-* ‘to be dressed’, Skt. *vāste* ‘to be clothed, wear’, etc. (see §3.5 on *nu*-verbs).

6.1.17. **pter-* ‘feather, wing, blade’: Arm. **t’er** (widespread in the dialects: Hamšen, Axalc’xa, Łarabař, Ararat, Ĵuřa, Sebastia, etc.) ‘leaf; leaf of dough or paper; petal’, **t’el** (dial.) ‘id.’; **t’er**, abl. *i t’erē* ‘side’ (from earlier ‘wing, feather’);¹¹¹ **t’ert’**, *i*-stem ‘leaf of a flower, plant or paper; plate’ (Philo, Paterica, etc., and dialects); Gr. *πτερόν* n. ‘feather; bird’s wing; wings of a bat and of insects; any winged creature, such as the Sphinx; anything resembling wings or feathers, such as oars and parasols; side-walls of Egyptian temples; drawbridge’, *πτέρυξ* f. ‘wing of a

¹⁰⁷ For a discussion, see Clackson 1994: 118–120; Matasović 2009: 88, 102–103; Martirosyan 2010: 231–232, 237–238; Beekes 2010, 1: 530–531.

¹⁰⁸ Mayrhofer EWAia 2, 1996: 165–166; Beekes 2010, 2: 1244. For a discussion of the Armenian word and literature, see Martirosyan 2010: 258.

¹⁰⁹ Clackson 1994: 165; Martirosyan 2010: 262–263; Beekes 2010, 2: 1231–1232; de Lamberterie 2013: 15.

¹¹⁰ Meillet 1924: 1–4; de Lamberterie 1992: 257; Clackson 1994: 114–115; Martirosyan 2010: 266–267.

¹¹¹ For the semantic development, cf. the meanings ‘side-walls of Egyptian temples’ and ‘drawbridge’ of Gr. *πτερόν* ‘wing’. Note also Arm. *kuřn* ‘back, arm’ and ‘side’; Engl. *wing* ‘wing’ and ‘side, flank’.

bird; winged creature, bird; blade'; the other cognates represent **pet-r-*: Skt. *pátra* n. 'wing, feather, leaf', OHG *fedara* 'feather', Hitt. *pattar*, obl. *pattan-* 'wing, feather', etc.; derives from **pet(H)-* 'to fly': Skt. *pátati* 'to fly, rush, fall', Gr. *πέτ-ο-μαι*, *πτ-έ-σθαι* 'to fly', etc.

Arm. *t'er* and Gr. *πτερ-* correspond to each other both semantically (pace Beekes 2010, 2: 1248) and formally. Notwithstanding the formal problems, here may also belong Gr. *πίλον* n. 'soft feathers, down; wing (properly of insects); the wing-like membrane on a kind of serpent',¹¹² Arm. *t'el* 'leaf, leaf of dough' and 'wing of a bat' (the latter meaning is seen in *mašk-a-t'el* 'bat', with *mašk* 'skin' as the first member) and redupl. *t'it'etn* / *t'it'ein* 'butterfly'.¹¹³

6.1.18. **tumbo-* 'mound': Arm. **t'umb** 'mound; fence, wall around a house', Gr. *τύμβος* m. 'mound, burial mound, grave' (see §4.1.14 on **d^hmb^h-*: Arm. *damban* 'tomb, grave').

6.1.19. **ǵelh₂-ōs*, gen. **ǵlh₂-s-e/os*:¹¹⁴ Arm. **cafr**, gen. *caṭ-u* 'laugh, laughter; joke, mockery'; Gr. *γέλως*, *-ωτος* m. 'laughter', *γέλασμα* 'laughing', *γαλήνη* f. 'stillness of the sea', *γελάω* 'to shine'. Note also Arm. *catik* 'flower' and the Hesychian gloss *γελεῖν λάμπειν, ἀνθεῖν* 'shine, bloom'.¹¹⁵

6.1.20. **g^wlh₂-eno-*: Arm. **kaṭin**, *o*-stem 'acorn', Gr. *βάλανος* f. 'acorn'; with a different suffix: Lat. *glāns*, *glandis* f. 'acorn', SCr. *žělūd* 'acorn', Lith. *gìlė*, etc.¹¹⁶ It is tempting to identify Arm. dial. *Łarabał tkóten* 'hazelnut' (< **tu-kúṭin* < ***tu-kaṭin**) with Gr. *διφός βάλανος* 'chestnut' (cf. Lat. *iūglāns* 'walnut') from **diuos-g^wlh₂-eno-* 'divine acorn' (Martirosyan 2010: 348–349).

6.1.21. **g^wneh₂ik-* 'woman': PArm. ***kan-ay-** (seen in pl. *kanay-k'* vs. sg. *kin*), Gr. *γυναί-κ-*, voc. *γύναι*, nom. *γυνή* f. 'wife, woman'. This is a remarkable agreement, though its nature is debated.¹¹⁷

6.1.22. **per-(i)on-* 'piercing implement': Arm. **heriwn**, ins. *hereamb* 'awl', Gr. *περ-όνη* f. 'pin or tongue of a brooch or buckle' from IE **per-* 'to pierce': Gr. *πείρω* 'to perforate, pierce, pervade', etc.¹¹⁸ The suffixes are different in the two languages.¹¹⁹

6.1.23. **mar-mar-*: Arm. dial. ***mar-m(a)r-il** 'to shimmer, flicker, glimmer, extinguish gradually (said of e.g. a candle)', Gr. *μαρμαίρω* 'to flash, sparkle, gleam' (said of any darting, quivering light), which is analyzed as a reduplicated intensive *yod*-present **mar-mar-je-*. For the other Armenian and Greek forms, see HAB 3: 248–249, 262, 263, 365 and Beekes 2010, 2: 906–907. (HM)

6.1.24. **meh₂trui(e)h₂* 'stepmother': Arm. **mawru**, *a*-stem 'stepmother' (dial.: Hamšen *məru* 'stepmother', Muš *muri* 'step-', Šatax *muru mer* 'stepmother', Muš / Bulanəx *xort'umuru* < **xort'-u-mōru*); Gr. *μητρυνιά* 'stepmother'; further: OEngl. *mōdrige* (*n*-stem) 'mother's sister'. This is an innovation shared by Armenian and Greek (and, more distantly, Germanic). It is based on PIE **meh₂ter-* f. 'mother'.¹²⁰

6.1.25. **me-ǵ^hsr-i* 'near', lit. 'in the hand': Arm. **merj** 'near', **merjenam** < ***merji-anam** 'to approach, touch'; Gr. *μέχρι* 'as far as; up to, about, nearly; until; as long as, whilst'.

¹¹² For various views and references, see Beekes 2010, 2: 1249.

¹¹³ For a thorough discussion of all these Armenian words, see Martirosyan 2010: 286–294, 450–451.

¹¹⁴ Alternative: an old *u*-stem with nom. **-ōu(s)*.

¹¹⁵ De Lamberterie 1978: 269–276; Klingenschmitt 1982: 147–148; Clackson 1994: 126–132; Kortlandt 2003: 117–119; Martirosyan 2010: 336–338, 340–341; Beekes 2003: 193–194; 2010, 1: 257–258, 264–265.

¹¹⁶ Clackson (1994: 135–136) is positive about this isogloss.

¹¹⁷ Clackson 1994: 136–137; Martirosyan 2010: 363–365; Beekes 2010, 1: 291–292.

¹¹⁸ Hübschmann 1897: 467; Pedersen 1924: 225 = 1982: 308; HAB 3: 86; Meillet 1936: 142.

¹¹⁹ De Lamberterie 1982: 66–67; Clackson 1994: 159; Olsen 1999: 492.

¹²⁰ For a discussion and literature, see HAB 3: 246b; Szemerényi 1977: 60; Beekes 1976: 55–58; Clackson 1994: 145–147; Martirosyan 2010: 453–454; Beekes 2010, 2: 949. For the element **-u-*, cf. Gr. *μήτρως* m. 'male relative of the mother, maternal uncle, grandfather' from **meh₂tr-ōu-* 'relative of the mother', perhaps also Arm. *mi-a-mawr*, gen.pl. *-u-c'* 'the only (offspring) of one mother'.

6.1.26. **mēd-es-(e)h*₂ ‘mind, counsel’: Arm. **mit**, *a*-stem, mostly in pl. *mit-k’*, gen. *mt-ac’* ‘mind, intelligence’, Gr. *μῆδεα* ‘counsels, plans, arts’ (pl. of the unattested **μῆδος, -εος*, *s*-stem neuter), *μῆδομαι* ‘to be minded, intend; to take care, keep watch’, cf. *μέδω* ‘to protect, rule over’, *μέδομαι* ‘to provide for, be mindful of; to plan, contrive, devise’, Lat. *medeor* ‘to heal, cure’, Umbrian *mers* ‘law, justice’ < *medos, etc. from PIE **med-*. The Armenian and Greek forms agree in both vocalism and semantics.

6.1.27. **h₁en-h₃orǵ^{hi}*- ‘testicled, uncastrated, male (ram or buck)’: Arm. **y-orj**, *i*-stem ‘male sheep, ram’; Gr. *ἔν-ορχις* ‘provided with testicles, uncastrated’, cf. *ἔν-ορχ-ος*, *ἐν-όρχ-ης* meaning also ‘buck’; note also Arm. **xol-orj(n)** ‘orchis’ vs. Gr. *ὄρχις* m. ‘testicles’, ‘the plant orchid (because of the shape of the root)’.¹²¹ (HM)

6.1.28. **h₁e/oǵ^{hi}n(i)o-* ‘hedgehog’: Arm. **ozni** ‘hedgehog’, Gr. *ἐχῖνος* m. ‘hedgehog, sea-urchin’; cf. OHG *igil* ‘id.’, Phryg. *εζις* ‘hedgehog’, Lith. *ežys*, Russ. *ěž* ‘id.’, etc.; note also Oss. *wyzyn/uzun* ‘hedgehog’.

6.1.29. **suek^{ur}-(e)h*₂: Arm. **skesur**, *a*-stem ‘husband’s mother’, Gr. *ἐκνυρά* ‘mother-in-law’. Other cognates continue **suek^{ru}-h*₂ f.: Skt. *śvaśrū-*, NPers. *xusrū*, Pashto *xwāše*, Lat. *socrus*, OHG *swigar*, OCS *svekry*, etc. Arm. *skesur*, *-a-* and Gr. *ἐκνυρά* derive from QIE fem. in **-ur-* which has been taken from the PIE form for ‘father-in-law’, **suek^{ur}-o-*: Skt. *śvāsura-*, YAv. *x^vasura-*, Gr. *ἐκνυρός*, Lat. *socer*, OLat. *socerus*, OHG *swehur*, CS *svekr^v* (**swešur-* was replaced by *swekr < **swek^r*- analogically after *svekry* ‘mother-in-law’), Lith. *šėšuras*, etc.

6.1.30. *(*s*)*kl^o-ne/o-*: Arm. **k’atēm** ‘to pluck, weed, mow, harvest’, Gr. *σκάλλω* ‘to stir up, hoe’ prob. from *σκάλ-νω; further: Lith. *skeliù*, *skėlti* ‘to split’, etc.¹²² Note Arm. **k’at-o-c’** ‘mowing time’, the 5th month (18 July–16 August). See **ar-a-c’** ‘harvest time, harvest of grape/fruit’, the sixth month (§6.1.5).

6.2. Armenian and Greek: isolated words.

These words have no Indo-European etymologies and may therefore be treated as words of substrate origin, that is to say, common borrowings from an unknown language (for a discussion of the substrate, see section 7).

6.2.1. **ant^h(-r)*- ‘coal’: Arm. **ant’-eł** ‘hot coal, ember’ (Łazar P’arpec’i, Hexaemeron, etc.), dial. **ant’(e)ł-oc’* ‘metal rod for poking or stirring a fire, poker’, dial. ***ant’-(a)r-** ‘coal, ember’ in **ant’-r-oc’* and **ant’-ar-oc’* ‘poker’ (note also *ant’ayr* ‘spark’ in *Baġgirk’ hayoc’* and NHB, probably from **ant’-ar-ıV-*); Gr. *ἄνθραξ* m. ‘charcoal’.¹²³

6.2.2. **drepan-eh*₂: Arm. **artewan-un-k’**, gen.pl. *artewan-a-(n)c’* ‘eyelashes; eyebrow’ (Bible+), Gr. *δρεπάνη*, *δρέπανον* ‘sickle’ (from *δρέπω* ‘to pluck, cut off’). According to this fascinating etymology suggested by de Lamberterie (1983; 1992: 239; 2013: 22), the human eyebrow (and/or eyelash, see below) is taken as sickle-shaped.¹²⁴

The basic meaning of *artewanunk’* is usually presented as ‘eyelid’ since it usually corresponds to Gr. *βλέφαρον* ‘eyelid’ in the Bible. NHB and HAB, however, describe the Armenian word as ‘eyelashes’, and so does de Lamberterie (1983: 21) in French, ‘cils’. Indeed, in some

¹²¹ Martirosyan 2010: 329–331, 538–540.

¹²² Beekes 2010, 2: 1340–1341.

¹²³ HAB 1: 194; Martirosyan 2010: 85; Ĵahukyan 2010: 57a; Beekes 2010, 1: 105 (here the dialectal forms in *-r-* are not mentioned). For the dialectal forms, see NHB 2: 1060abc; Amatuni 1912: 4a; Ačaırean 1913: 48b, 98–99 HayLezBrbBaġ 1, 2001: 9a. The nasalless by-form *at’ar-oc’* may be due to folk-etymological association with *at’ar* ‘dry dung used as fuel’. For the suffix *-oc’*, see Olsen 1999: 533–537.

¹²⁴ For a discussion, see Clackson 1994: 109–112; Olsen 1999: 296–297; Beekes 2010, 1: 353; cf. Ĵahukyan 2010: 96b. Aġayan (1974: 34) derives the word from **drep-* ‘to see’.

biblical passages ‘eyelash’ (or ‘eyebrow’) would make more sense than ‘eyelid’, e.g. Proverbs 6.25 (*mí yap‘štakic‘is artewanambk‘ nora* “do not be captivated with her eyelashes/eyebrows”) or Jeremiah 9.18 (*ew artewanunk‘ jer btxesc‘en jur* “and let your eyelashes drop water”). Note also that the derivatives of Gr. βλέφαρον display a semantic vacillation between ‘eyelid’ and ‘eyelash’. And finally, a few passages from original (non-translated) literary sources make the meaning ‘eyelash’ quite clear (e.g. *maz artewanac‘* “hair of eyelashes”).

In a remarkable passage from Movsēs Xorenac‘i 2.42 we read: “a multitude of vineyards resembled the beautiful crescent of thick lashes (*zartewananc‘ xit ew gelec‘ik cir*); on the northern side its curved form truly imitated the arching brows of charming maidens (*geławor kusic‘ yōnic‘*)” (transl. Thomson 2006: 180). We can see that *artewanunk‘* cannot mean ‘eyelid’ here since it is compared to vineyards. Nor does it mean ‘eyebrow’ since the latter is present here by its main designation, *yōnk‘*. There can be no doubt that Thomson’s translation as ‘eyelash’ is correct.

6.2.3. **sep^h-s-* or **seps-* ‘to boil, cook’: Arm. **ep‘em** ‘to cook, boil’; Gr. ἔψω ‘to boil, seethe (of meat and the like); to smelt, refine (of metals)’.¹²⁵

6.2.4. **t(a)rp-eh₂*: Arm. **t‘arp‘** / **t‘arb** (abl. *i t‘arb-ē*) ‘large wicker fishing-basket, creel’, Gr. τάρπη f., ταρπός, τερπός m., ταρπώνη f. ‘large wicker basket’; probably a common borrowing from a lost source.¹²⁶

6.2.5. **ḡinyl(u)m-* ‘hinge’: Arm. **čxni**, *ea*-stem (loc.sg. *i čxnw-oj*, gen.dat.pl. *čxn-e-ac*), *čxni*, *čx/lan*, dial. *člxan* ‘door hinge’; Gr. γί(γ)γλυμος m. (dimin. γι(γ)γλύμιον n.) ‘hinge, joint, pivot, gudgeon’. Mediterranean word (Martirosyan 2012). (HM)

6.2.6. **kalam-* ‘aspen; plane’: Arm. **kařamax(i)** ‘white poplar, aspen’; Gr. καλαμίν-δάρπ-πλάτανος ἡδονιεῖς ‘plane’, obviously with *dar ‘tree’ (Hesychius); in neighbouring non-Indo-European languages: Salmast Turk. *k‘älām-bär* ‘aspen’, T‘avriz Turk. *qälämü* ‘poplar’; in Daghestan languages: Lak *kalaxi*, Rutul *kalax* ‘aspen’. For the semantic relationship, cf. Arm. *čandar* ‘poplar’ and ‘plane’; *op‘i* ‘poplar, aspen’ and Łarabař **hop‘i* ‘plane’. The ending *-ax* in Armenian may be a suffix, possibly seen also in *meř-ex* ‘the handle of an axe’ (if related with Gr. μελία ‘manna ash, ashen spear’) and *tařs-ax* ‘box-tree’. The correspondence Arm. *k* vs. Gr. *κ* here and in a few of the lexemes that follow points to a later stage of Mediterranean substrate vocabulary.

6.2.7. **kast(an)-* ‘chestnut’: Arm. **kask-eni** ‘chestnut-tree’ if from **kast-(u)k-eni* (for the suffix, cf. *hačar-uk* and dial. *hačar-k-i* ‘beech-tree’); Gr. κάστανον n. ‘chestnut’, κάστανέα f. ‘chestnut-tree’.

6.2.8. **karid-* ‘crayfish’: Arm. **karič**, *a*-stem ‘scorpion’, dial. ‘crayfish’ < *karid-ia f.; Gr. κᾶρίς, -ίδος, -ῖδος (also *κουρίς*, *κωρίς*) f., probably a general term for small crustaceans, including shrimp and prawn. For the (old feminine) suffix *-*ieh₂*, note Arm. dial. *mormonj ‘ant’ < *mormon-ieh₂ (cf. *morm* ‘tarantula’ and Gr. Μορμώβ ‘bogey, bugbear’, see §6.4.8). Note also Arm. **kor**, gen. *kor-i* ‘scorpion’ (Dersim dial. *gər-ř*), which is reminiscent of the Greek by-forms *κουρίς*, *κωρίς*.

6.2.9. **gorio-* ‘drain’: Arm. **kori** ‘drain, channel’, Gr. γοργύριον n. ‘subterranean channel’. (HM)

6.2.10. **g^w(e)m/b^hurjeh₂* ‘bridge’: Arm. **kamurj**, *a*-stem ‘bridge’, Gr. γέφυρα f. (Boeot. βέφυρα, Cret. δέφυρα, Lac. δίφουρα) ‘bridge’; in non-Indo-European languages: Hatt. *hamuru(wa)* ‘beam’, Abkhaz **q^wə(m)bala-ra* ‘beam over the hearth, cross-beam’, etc. The Proto-Armenian theoretical by-form **kaburj-* may have been reflected in Urart. *qaburzani* possibly meaning ‘bridge’ in a recently discovered inscription.

¹²⁵ NHB 1: 705c; Hübschmann 1897: 446; HAB 2: 72–73; Arutjunjan 1983: 282–283; Clackson 1994: 172–173; Beekes 2010, 1: 492.

¹²⁶ Clackson 1994: 183. For an etymological discussion, see Martirosyan 2010: 281–283. The Armenian form is absent from Beekes 2010, 2: 1453.

6.2.11. **mosġ^h-o/io-* ‘young bovine’: Arm. **mozi** ‘young bovine, calf’,¹²⁷ dial. **mozi** or diminutive **mozik**, mostly ‘male or female calf’, in some dialects: ‘young ox’, ‘female foal, filly’, ‘young buffalo’; Gr. *μόςχος* m.f. ‘calf, young bull, any young animal’, metaphorically ‘boy’ or ‘girl, maid’, m. ‘young shoot or twig’, *μοσχάς, -άδος* f. ‘shoot, slip; heifer’, *μοσχίας* ‘like a calf (used of any young animal); three-year-old ram’; diminutives: *μοσχίον* ‘young calf’, *μοσχίδιον* ‘small shoot’, *μοσχ-άριον* n. ‘young calf’.¹²⁸

Clackson (1994: 153–154) assumes that the word “is of later origin in Armenian, and it may even be a loan from Greek”. This is not plausible, however. This Armenian word, albeit attested late, is reliably old since it is found in a great number of non-contiguous dialects, such as Hamšen, T’iflis, Ararat, Karin, Muš, Svedia and Łarabał. Besides, Arm. -z- can hardly be explained from Gr. -σχ-. In my opinion we are dealing with a Mediterranean word: **mosġ^h-o-* ‘young bovine’ (with Gr. *μόςχος* m.f. ‘calf, young bull, any young animal’) > Parm. **moz(o) + -i* as in other animal designations, such as *ayci* ‘goat’, *mari* ‘female bird’, *mak’i* ‘ewe’ (Martirosyan 2010 s.vv.), or directly **mosġ^h-iġo/-iġā-* (cf. Gr. *μοσχίον* ‘young calf’, *μοσχίας* ‘like a calf; three-year-old ram’, etc.) > Parm. **mozzíyo/a-*¹²⁹ > Arm. *mozi* ‘young bovine, calf’. For the semantic relationship between ‘young shoot’ and ‘young animal’, compare, e.g. ClArm. *erinġ* ‘heifer’ > Ararat dial. *erinġ* ‘a three-year-old sprout of grapes’.¹³⁰

6.2.12. *notiġeh₂ ‘wetness’: Arm. **nay**, gen. *nay-i* ‘humid, moist; wetness, moisture; (phonet.) liquid’ (Dionysius Thrax, Book of Chries, Grigor Magistros, Esayi Nč’ec’i, etc.), **nayac’uc’anem** ‘to wet, moisten, water, irrigate’ (Philo, Book of Chries), **nayakan** ‘humid, moist’ (John Chrysostom); Gr. *νοτία, -ίη* f. ‘wetness’.

The Armenian word is usually derived from PIE **sneh₂-* ‘to swim’: Skt. *snāti* ‘to bathe’, Gr. *νέω, νήχω* ‘to swim’, Lat. *nāre, natāre* ‘to float, swim’, etc.¹³¹ The Armenian word may be derived from **n(e)h₂-ti-*, cf. Avest. *u-snāiti-* f. ‘Abwaschung’. However, semantically more attractive is the comparison of Arm. *nay* with Gr. *νοτία, -ίη* f. ‘wetness’ (cf. Scheftelowitz 1904–05, 2: 24). According to Beekes (2010, 2: 1025), the latter should be separated from *(s)*neh₂-* ‘to swim’ because of the vocalism and may be Pre-Greek. Gr. *νοτία* f. ‘wetness’ and Arm. *nay*, *i*-stem ‘humid, wetness’ may have been borrowed from a (substrate) proto-form like *notiġeh₂ > Parm. *notíyā > **nayí(ya)* > *nay*.

6.2.13. *(H)*olur-*: Arm. **olorn**, *an*-stem ‘pea, bean’, dial. *húle(ɔ)rnə* (Goris, Łarabał *húleṛnə*); Gr. *ὄλυραι* f. pl. ‘spelt; rice-wheat’ (cf. Akkad. *hallūru, hi/ullūru*, etc.).

6.2.14. **osp-* ‘pulse, legumen’: Arm. **ospn**, *an*-stem ‘lentil’, Gr. *ὄσπριον* n. ‘pulse, legumen’.¹³²

6.2.15. **p^yort^ho-* or *(t)*port^ho-* ‘sprout, young twig’: Arm. **ort’**, *o*-stem ‘vine’, Gr. *πóρθος* m. ‘sprout, shoot, young twig’, *πόρθος, πτόρθος, κλάδος, βλάστος* (Hesychius).¹³³

¹²⁷ Attested in the 11th century commentary of Grigor Magistros on the Armenian translation of Dionysius Thrax (Adonc 1915: 240^{L7}, 241^{L6}):

¹²⁸ The appurtenance of Skt. *mahiṣá-* ‘great, mighty; buffalo’, Lith *māzgas* ‘bud’ and others is uncertain. For an etymological discussion, see Hübschmann 1883: 43; 1897: 475; Meillet 1898: 282; Patrubány 1902–03: 124; Scheftelowitz 1927: 226, 232; HAB 3: 338; Pisani 1950: 171; Ĵahukyan 1987: 139, 298–299, 302; Clackson 1994: 152–154; Olsen 1999: 489; Beekes 2010, 2: 970–971.

¹²⁹ The pretonic **-o-* has not yielded *-a-* because the syllable was closed due to the geminate *-zz-* (see Kortlandt 2003: 40; Beekes 2003: 157).

¹³⁰ For more detail and other examples, see Clackson 1994: 230²¹⁴; Martirosyan 2010: 264–265, 785–787.

¹³¹ HAB 3: 426–427; Pokorny 1959: 972; Frisk GEW 2, 1970: 310–311, 324–325; Schrijver 1991: 168–169; Mayrhofer EWAia 2, 1996: 769–770; Beekes 2010, 2: 1012–1013.

¹³² NHB 2: 522a (s.v. *ospneay*); Olsen 1999: 141; Holst 2009: 126, 143, 188, 231. According to Katz (2000: 84–85), Gr. *ὄσπριον* derives from **uospr-* ‘having a shroud, covering’.

¹³³ Petersson 1916: 271–273; Pokorny 1959: 823; Furnée 1972: 317, cf. 261; Kortlandt 1986: 40 = 2003: 70; Olsen 1999: 24; Beekes 2008: 52; 2010, 2: 1250; cf. Kloekhorst 2008: 645–646.

6.2.16. **k^hsan-t(e)r-* ‘wool-carder, comb’: Arm. **santr** / **sandr**, ins.sg. *santr-o-v* (Łazar P‘arpec‘i 3.61), abl.sg. *i sandr-ē* (Ephrem) ‘comb; weaver’s comb’, dial. *sander-k‘* (Karin *santr-ε-k‘*) ‘weaver’s large comb’;¹³⁴ Gr. *ξάινω* ‘to card, comb wool’, *ξάντης* m. ‘wool-carder’ *ξάντριαι* (title of a play by Aeschylus).¹³⁵ In view of the incompatibility of the Armenian initial *s-* with Greek **ks-* in Indo-European terms, this comparison is considered to be uncertain.¹³⁶ I assume that we are dealing with a substrate word: **k^hsan-t(e)r-* > Arm. *sandr*, pl. *sander-k‘*.

6.2.17. **si/ek^hu-* ‘melon, gourd’: Arm. **sex** (gen. *sexoy* in Hexaameron) ‘melon’, Gr. *σικύα*, Ion. *-ύη* f. ‘bottle-gourd, round gourd; gourd used as a calabash’, *σέκουα* ‘id.’ (Hesychius), *σίκυος*, *σικυός* m., *σίκυς* f. ‘cucumber’, *σίκυος πέπων* ‘a kind of gourd or melon, not eaten till quite ripe’. The relationship with Russ. *тыква* ‘pumpkin’ and Lat. *cucumis* ‘cucumber’ is unclear.

6.2.18. **keno-/ken(e)uo-*: Arm. **sin**, *o*-stem ‘empty’, Gr. Att. *κενός* and Ion. *κεινός* from *κενφός, Epic *κενε(φ)ό*, ‘empty, idle’.

6.2.19. **ste/oibo-* or **ste/ibeh₂*: Arm. **stēp**, *o*-stem, *a*-stem ‘haste, alacrity; zeal, diligence; frequent, frequently; hastily, quickly, **stipem** ‘to constrain, compel, force; to urge, hasten’; Gr. *στειβω* ‘to tread (on something), densify by treading, trod, trample, trend’, *στοιβή* f. ‘stuffing, cushion, bulge’, *στίβος* m. ‘trodden road, path, footstep, trail’. The appurtenance of OLith. *staiбус* ‘strong, brave’ and other cognates is uncertain.¹³⁷

6.2.20. **srung^h*- ‘snout, nostrils’: Arm. **rungn**, mostly pl. **ing-un-k‘**, instr. *ing-am-b-k‘*, ***run-g-k‘**, *a*-stem ‘nostrils’; Gr. *ρύγχος*, *ρύγχεος* n. ‘snout (e.g. of a pig), muzzle, beak’.

6.2.21. **ps(e)ud-elos-*: Arm. **sut**, *o*-stem ‘false; falsehood, lie’, Gr. *ψεῦδος* n. ‘lie’, also *ψύδος*.

6.2.22. **skōrp-i-*, gen. *(*s*)*kōrp-i-ós*: Arm. **k‘arb**, *i*-stem ‘basilisk, asp’; Gr. *σκορπίος* m. ‘scorpion; a sea-fish’, *σκορπίς*, *-ίδος* f. ‘a sea-fish’. These words have been claimed to be derived from IE *(*s*)*ker(-p)-* ‘to cut’: Arm. *k‘er-(t‘)-*, *k‘er-b/p‘-* ‘to scratch, chop, carve’, Gr. *κείρω* ‘to cut (off), shave, mow off, ravage’, OHG *sceran* ‘to cut’, OEngl. *sceorfan* ‘to scratch’, etc. However, scholars are now more inclined towards a substrate origin.

6.3. Armenian, Greek and Albanian.

6.3.1. **h₂n(e/ōr)jo-* ‘dream’: Arm. **anurj-k‘**, *i*-stem, *o*-stem ‘dream, day-dream, prophetic vision, vision’; Gr. *ὄνειρος* m. ‘god of dreams, dream’, Aeol. *ὄνοιρος* m., Cret. *ἄναιρον* *ὄνειρον*, cf. *ὄναρ* n. ‘dream’, especially ‘fortune-telling dream, vision’, *ἄναρ* *ὄναρ* (Hesychius); Alb. *âdërrë* (Geg.), *ëndërrë* (Tosc.) ‘dream’ from *andërrë < **Hnr-jo/ā-*. Probably derived from PIE **h₂enh₁-* ‘to breathe’ > ‘(vital) breath, energy’ (de Lamberterie 2012a).

6.3.2. **b^he/or-(e)n-* ‘load’: Arm. **bein**, gen. *bein*, ins. *beiam-b*, vom.pl. *bein-k‘* ‘burden, load; bag, sack; freight, cargo’;¹³⁸ Gr. *φερνή* f., Aeol. *φέρενᾶ* ‘dowry’, Dor. *φερνά* f. ‘god’s share at the sacrifice’, Alb. *bárrë* ‘burden, load; freight, load; foetus’ < **b^hor-neh₂*; with a different meaning: Lith. *bėrnas* ‘boy, (farmer’s) servant’, Latv. *bērns* ‘child, baby’; with *o*-grade: Goth. and Oİc. *barn* n. ‘child’ < “what was borne”.¹³⁹ This word is a verbal noun from PIE **b^her-* ‘to bring, bear’.

The Greek meaning ‘dowry’ probably derives from ‘load, bag’ (both nuances are attested in Armenian). Concerning the meaning of Dor. *φερνά*, ‘god’s share at the sacrifice’,

¹³⁴ See Ačařean 1913: 954; HAB 4: 174–175; HayLezBrbBař 5, 2008: 266.

¹³⁵ Liddell / Scott / Jones 1996: 1188a.

¹³⁶ Hübschmann 1897: 488; HAB 4: 174–175; Ĵahukyan 2010: 668a.

¹³⁷ HAB 4: 273–274; Olsen 1999: 196; Beekes 2010, 2: 1393–1394.

¹³⁸ In the Bible, *bein* corresponds to *φορτίον* ‘burden’ (Job 7.20), *βάσταγμα* ‘load’ (Jeremiah 17.21), *μάριππος* ‘bag’ (Genesis 44.11, 13), *γόμος* ‘freight, cargo’ (Revelations 18.11), etc.

¹³⁹ Hübschmann 1897: 429; Pedersen 1905: 217 = 1982: 79; HAB 1: 440a, 441a; Pokorny 1959: 129; Chantraine 1968–80: 1180; Stempel 1990: 51; Clackson 1994: 111, 135, 183; Demiraj 1997: 92–93; Olsen 1999: 120–124, 140, 833–834; Beekes 2010, 2: 1562. For Slavic *běrmę ‘load, burden’, see Derksen 2008: 37.

compare the semantic shift ‘share’ > ‘dowry’ (cf. Arm. *bažin* ‘share’ > *bažin-k* ‘dowry’, Martirosyan 2010: 803).

We can postulate **b^her-(e)n-* ‘load’ (‘that is borne’), a verbal noun from PIE **b^her-* ‘to bring, bear’ (cf. Arm. *berem*, Gr. *φέρω*, etc.) shared by Armenian, Greek, Albanian, Baltic and Germanic. The Armenian is particularly close to the Greek (*e*-grade and semantics) and is semantically identical with the Albanian. They point to **b^hel/or-neh₂* ‘load, freight’, with a secondary transfer to the *n*-stems in Armenian (cf. *etn* ‘deer cow’, §6.7.3) or **b^hel/or-(e)n-*.

6.3.3. **g^hrī(d^h)* ‘barley’: Arm. **gari**, *ea*-stem, *o*-stem ‘barley’; Gr. *κριθ-ή* f. ‘barley-corns’, usually pl. ‘barley’, from an original root noun **κρῖθ* > Ep. *κρῖ* n.; Alb. *drithë* ‘cereals, wheat, barley’. A different formation: Lat. *hordeum* ‘barley’, OHG *gersta* ‘barley’, and Hitt. *karaš* n. ‘wheat, emmer-wheat’.¹⁴⁰

6.3.4. **sk^(h)odoro-* or **sk^(h)orodo-* ‘garlic’: Arm. **xstor**, *i*-stem and *o*-stem, **sxtor** ‘garlic’; Gr. *σκόρο(ο)δον* n. ‘garlic’, Alb. *húrdhë*, also *húdhër* (Schriftsprache) f. ‘garlic’.

6.4. Armenian, Greek and Latin.

6.4.1. **b^hrug/ǵ-* ‘dewlap’: Arm. **erbuc**, *o*-stem ‘breast of animals’, Gr. *φάρυγξ*, gen. *-υγος*, *-υγος* ‘throat; dewlap of a bull’, Lat. *frūmen* ‘throat’ < **frūg-smen*.

6.4.2. **el(e/a)iw-* vel sim. ‘olive, oil’: Arm. **ewł**, gen. *iwt-oy*, dial. ***eł** ‘oil’; Gr. *ἐλαιᾶ*, Att. *ἐλάα*, Ion. *ἐλαίη* f. ‘olive-tree; olive’, *ἔλαιος* m. ‘wild olive’, *ἔλαιον* n. ‘olive-oil; anointing-oil; any oily substance’; Lat. *oleum* n. ‘olive-oil; oil’.

6.4.3. **ptel-* ‘elm’: Arm. **t’efi** ‘elm’; Gr. *πτελέ-α*, Ion. *-η* ‘elm, Ulmus glabra’; cf. also Lat. *tilia* ‘linden’.

6.4.4. **t^huōi̯ko-* or **tū(i)kō-* ‘fig’: Arm. **t’uz**, *o*-stem ‘fig’, dial. (Aslanbek and Ozim) ‘female genitals’; Gr. *σῦκον*, Boeotian *τῦκον* n. ‘fig; *pudenda muliebria*, female genitals’; Lat. *ficus*, *ī* and *ūs*, f. ‘fig; fig-tree’.

6.4.5. **h₁ul(e/o)h₁r-o-* n.pl. **-h₂* ‘rope, thong, rein’: Arm. **lar**, *o-*, *i-* and *a-*stems ‘rope, rein, cable, cord, string; plumbline of stone-masons; snare; tendons of the neck; string of a musical instrument’; Gr. *ἔλληρα*, Dor. *ἄλληρα*, Hesychian *ἄβληρά* n.pl. ‘reins’; Lat. *lōrum*, *-ī*, n. ‘thong, rawhide whip, rein’. We can reconstruct a Proto-Armenian paradigm **ulār-o-*, pl. **ulār-a*.

6.4.6. **g^hlt-* ‘milk’: Arm. **kat’n**, gen. *kat’in*, instr. *kat’am-b* ‘milk’, Gr. *γάλα*, *γάλακτος* n. ‘milk’, Lat. *lac*, *lactis* n. ‘milk’. The **-l-* has been preserved in the Armenian dialects of Agulis and Metri, where we find *kaxc’* pointing to **katc’* (the development *a* > Agulis *ɔ* has been blocked in position before *t*). Kak’avaberd has *kaxc’* in the village of Varhavar vs. *kát’nə* in the other three villages of the region. The conditions responsible for the loss or preservation of the **-l-* are not clear.¹⁴¹ Nevertheless, I do not think that this comparison should be abandoned.¹⁴² We are probably dealing with a cultural word of Mediterranean origin.

6.4.7. **mor-* ‘blackberry’: Arm. **mor**, gen. *mor-i* ‘blackberry (fruit of the bramble)’, **mor-(en)i** ‘bramble, blackberry (plant, shrub)’, dial. **mor-m-eni** ‘blackberry’, **mo(r)š(-i)** ‘tamarisk; blackberry, bramble’; Gr. *μόρον* n. ‘black mulberry; blackberry’, *μορέα*, *-έη* f. ‘mulberry-tree, *Morus nigra*’; Lat. *mōrum*, *ī*, n. ‘fruit of the black mulberry’, *mōrus*, *ī*, f. ‘black mulberry-tree’ (sometimes considered a Greek loanword).¹⁴³

¹⁴⁰ Demiraj 1997: 145–146; Orel 1998: 75; de Vaan 2008: 288–289; Kloekhorst 2008: 444–445; Martirosyan 2010: 199; Beekes 2010, 1: 779.

¹⁴¹ For references and a discussion, see Martirosyan 2010: 345–346.

¹⁴² Pace Olsen 2011: 24. The etymology is accepted in de Vaan 2008: 320 and Beekes 2010, 1: 256.

¹⁴³ The Celtic forms (Welsh *mer-wyddden* ‘mulberry, blackberry’, OIr. *smér* ‘blackberry’, etc.) point to a different proto-form, namely **smēro-* (Matasović 2009: 347).

6.4.8. **mor-m-* ‘she-monster, spinning demon/goddess’: MidArm. and dial. **mor-m** and **mor(i)** ‘spider, tarantula, phalangium’; Gr. *Μορμώ, -όος -οῦς, Μορμῶν, -όνος* f. ‘she-monster, bogey’ (also used by nurses to frighten children), generally ‘bugbear’, Lat. *formidō, inis* f. ‘fear, terror; a thing which frightens, bogey’. (HM)

The Greek and Latin words are related, either etymologically or secondarily, with the word for ‘ant’, cf. Lat. *formīca* f. ‘ant’, Gr. *μύρμηξ, -ηκος*, Dor. *μύρμᾶξ, -ᾶκος* m. ‘ant; fabulous animal in India’ (by-forms: *μύρμος, βύρμαξ, βόρμαξ, ὄρμικας*), etc. This connection or conflation becomes quite transparent in view of the following forms and meanings: *μυρμήκ-ειον* n. a species of *φάλαγγιον*, the latter being ‘a kind of venomous spider, especially Lathrodictus or malmignatte’, *μυρμήκ-ιον* n. ‘a species of spider’. Note also *μόρμορος* and *μύρμος* ‘panic fear’ (glossed by *φόβος* in Hesychius), the former of which strikingly resembles Armenian dialect of Polis/Stambul **mor̄mōros*, Crimea and Nor Naxičewan **m̄rm̄ias* ‘Easter bogey’.

A similar kind of conflation is seen in some dialectal forms of *mr̄jwn*, the Armenian word for ‘ant’: Lori *m̄rm̄onj* and Šamaxi *m̄rm̄oninj*. Since Gr. *Μορμῶν* is feminine, one may identify it with Lori *m̄rm̄onj*, which probably reflects fem. **mormon-īeh*₂. Structurally, compare another insect-name of Mediterranean origin: *karič*, *a*-stem ‘scorpion’, dial. also ‘crayfish’ < **karid-īeh*₂, cf. Gr. *κᾶρίς, -ίλος* f. ‘Crustacea’ (§6.2.8). That ‘ant’ is associated with ‘bogey, ghost’ is not surprising. According to Armenian folk beliefs, the ant, sometimes called a ‘devil’, is an evil night animal. Like the snake, frog and other fauna, it causes the skin disease called *mr̄jm-uk* ‘little ant’, cf. Gr. *μυρμηκ-ία* ‘wart that spreads under the skin, also the irritation caused thereby, which was compared to the creeping of ants’ (from *μύρμηξ, -ηκος* ‘ant’) vs. *μυρμήκ-ιον* n. ‘a species of spider’.

It is remarkable that Armenian has both **mor-* and **mor-m-*, whereas Greek and Latin only display forms going back to **mor-m-*. The root **mor-* is probably related with European forms reflecting **morā-*: OIc. *mara*, OHG *mara* ‘nightmare’, Germ. *Mahr* ‘nightmare’, Engl. (*night*)*mare*; OIr. *mor-(r)īgan* ‘lamia’, lit. ‘Alpkönigin’; Bulg. *morá* ‘nightmare’, dial. ‘evil spirit’, SCr. *mòra* ‘nightmare, incubus’, *mora* ‘a kind of night butterfly’, Czech dial. *mora* ‘night butterfly; a mythical evil creature’, Russ. dial. *móra* ‘a female mythical being which in the night, under the moonlight, spins the yarn that has been left unfinished by a woman’, Russ. *kiki-mora* ‘a kind of brownie who spins in the night’, etc.¹⁴⁴ We may posit European substrate ***mor-ā-** ‘nightmare; a mythical creature; an insect that is associated with mythical beings (butterfly, spider. etc.)’ vs. Mediterranean substrate (probably a broken reduplication¹⁴⁵) ***mor-m-** ‘she-monster, bogey; spider, tarantula’.

Armenian thus takes an intermediary position because it has both forms. We may tentatively assume a PArm. ***mor(m)** referring to *Lady of the Beasts*, an Athena/Artemis-like female mythical personage, a protector of weaving and spinning (cf. the semantics of Russian *mora*) and personified as a spider. Note also Armenian dialectal *mamuk* ‘spider’, literally ‘grandmother’. That this goddess is continued by a mythological figure of lower rank is not surprising. A very clear case is that of the Armenian goddesses Astlik and Anahit, attested as being of the state pantheon in Classical Armenian sources, and as female spirits or nymphs in a few later sources. In some folk tales, Anahit is represented as a wise queen who makes wonderful rugs, or the daughter of a dragon. Compare also Russian *Mokoši*, a female divinity who spins wool and whose name comes to denote ‘evil monster’.¹⁴⁶

¹⁴⁴ For the forms reflecting *morā, see Pokorny 1959: 736; ÈtimSlovSlavJaz 19, 1992: 211–214, cf. 17, 1990: 204–207; HerkWört 1997: 434b; Derksen 2008: 324–325; Matasović 2009: 278. For the forms reflecting **mor-m-*, see Pokorny 1959: 749; de Vaan 2008: 234–235; Beekes 2010, 2: 967. Both are discussed in Nocentini 1994: 399–401. For an etymological discussion of the Armenian word, see Martirosyan 2010: 478–480, 787.

¹⁴⁵ Cf. Gamkrelidze/Ivanov 1984, 1: 222 = 1995, 1: 191.

¹⁴⁶ For more data on this and a thorough discussion, see Martirosyan prepar. 3.

6.4.9. **sp^hongos* / **p^hsongos* ‘sponge, mushroom’: Arm. **sunk/gn** ‘(tree-)mushroom’, Gr. σπόγγος, σφόνγγος m. ‘sponge; any spongy substance, e.g. tonsils’, Lat. *fungus* m. ‘fungus, mushroom’.

6.5. Armenian, Greek and Germanic and/or Celtic.

6.5.1. **b^hreh₁-ur* (obl. **b^hrun-*): Arm. **atbewr, atbiwr**, *r*-stem: gen. *atber* ‘fountain, spring’, Gr. φρέαρ, -ἄτος ‘an artificial well, spring’; cf. Goth. *brunna*, etc.

6.5.2. **d^hōrg^h-*/**d^hrog^h-*: Arm. **durgn**, gen. *drgan* ‘potter’s wheel’, Gr. τροχός m. ‘wheel; potter’s wheel’, OIr. *droch* ‘wheel’. Notwithstanding the formal difficulties, this etymon may be derived from IE **d^hrg^h-* ‘to turn’: Arm. *darj-*, *dar^hnam* ‘to turn; to return’ < *darj-nam, cf. Gr. τρέχω ‘to run, hurry’, etc. For another cultural term of a similar structure, cf. **burgn**, gen. *brgan* ‘tower; pyramis’ vs. **ba^hnam** ‘to lift, raise’ < *barj-nam (see §6.1.10).

6.5.3. **t^hrsō-*/**t^hors-eh₂*: Arm. **t^har** ‘perch, roost for birds’ (MidArm.; ubiquitous in the dialects), ‘bar for drying grapes’ (Mid Arm.) < **t^hrsos*: Gr. ταρσός, Att. ταρρός m. ‘frame of wicker-work, crate, flat basket for drying cheeses on’, τρασιά, ταρσιή, τερσιά (-ε- after τέρσομαι) f. ‘hurdle for drying figs; dried figs; drying-place for corn, cheese or bricks’; Germ. *torsā: OHG *darra* f. ‘apparatus for drying fruits, etc.’, Swed. and Norw. *tarre* m. ‘frame for drying malts, etc.’.¹⁴⁷ This implement designation is usually derived from PIE **t(e)rs-* (cf. Skt. *tarṣ-* ‘to be thirsty, crave’, Gr. τέρσομαι ‘to become dry’, OHG *derren* ‘to make dry’, Hitt. *tarš-* ‘to make or become dry’, Arm. *t^har^hamim* / *t^harš^hamim* ‘to wither’, etc.),¹⁴⁸ although there are phonological difficulties in Greek (Beekes 2010, 2: 1453–1454). We may posit an innovation shared by Armenian, Greek, and Germanic.

6.5.4. **ior^k-o-* ‘deer, roe, game’: Arm. **ors**, *o*-stem ‘hunt, game’; Gr. δορκάς, -άδος f. (Herodotus 7.69), ζορκάς (Herodotus 4.192), δόρξ, δόρκος, ζόρξ, ἰορκος, etc. ‘a kind of deer, roe, antelope, gazelle’; Corn. *yorch* ‘roe’, MWelsh *iwrch* ‘roe-deer (caprea mas)’. (HM)

6.5.5. **k^hī(ū)ōn* ‘column, pillar’: Arm. **siwn**, gen. *sean* ‘column, pillar’; Gr. κίων, -ονος ‘column, pillar; flogging post’, Myc. *ki-wo-qe* ‘and a pillar’. According to Clackson (1994: 141, 142–143), **k^hī(ū)ōn* represents a borrowing into Greek and Armenian from a lost non-Indo-European source. Recently,¹⁴⁹ these words have been derived from PIE *(s)*kiHu-* ‘shin’, which is attested in Balto-Slavic and Germanic languages, cf. Russ. *cévka* ‘bobbin, hollow bone, shin-bone’, OCS *čěvbnica* ‘flute’, OEngl. *scīa* ‘shin, leg’, MHG *schīe* ‘post’, OHG *skena*, *skina* ‘post’, etc. Lubotsky (2002) connected these words to Skt. *aṣṭhīvā(nt)-* ‘shin, shank’ with Av. *ascuuā-* (attested in ASg. *ascūm*) ‘shank’, reconstructing an Indo-Iranian **HastčiHya-*. He interprets this form as a compound of the word for ‘bone’, viz. Skt. *ásthi-* and Av. *ast-*, with a reflex of PIE *(s)*kiHu-* ‘shin’.

The second member of the Indo-Iranian compound, viz. **čiHya-*, is not attested anywhere independently. However, the existence of Iranian **čīva-* ‘shank’ can be proven by Arm. **čiw** ‘shank, leg’. This is attested in Classical Armenian only in the compounds *men-a-čiw* ‘having one hoof’ (translating Gr. μωνόvvχος) and *erk-a-čiw* ‘having two hoofs’. Further, *čiv* is attested in Middle Armenian and in dialects, mostly meaning ‘leg’, ‘shin, shank’.¹⁵⁰

As for the semantic development from ‘shin, shank’ to ‘pillar, post’, Lubotsky mentions a number of parallels: Engl. *shank* ‘shank’ and ‘shaft of a column’; Latv. *stulps* ‘shank’ and ‘post, pole’; OEngl. *scīa* ‘shin, leg’, *scīnu* ‘shin’, MHG *schīe* and OHG *skena*, *skina* ‘post’.¹⁵¹ The last set

¹⁴⁷ HAB 2: 154–155; Arutjunjan 1983: 284–285.

¹⁴⁸ Martirosyan 2010: 281. On Hittite, see Kloekhorst 2008: 848.

¹⁴⁹ Praust apud Lubotsky 2002: 323b.

¹⁵⁰ Martirosyan 2005; 2010: 579–580, 803–804.

¹⁵¹ Note also Arm. dial. Moks *srung^y* ‘the stem ends of wheat remaining attached to the soil after mowing (stubble)’ from *srunk* ‘shin, shank’; Oss. *zæng* / *zængæ* ‘shin’ and ‘stalk’ (Martirosyan 2010: 585–586, 804).

of words is etymologically related to the etymon being discussed here. Note that Germanic **skinō* ‘post’ is reminiscent of the *n*-stem in Armenian *siwn* and Greek *κίων* ‘column, pillar’.¹⁵² It is remarkable that we have yet another lexical correspondence with the same meaning and dialect distribution, namely **stl̥neh₂* ‘post, pillar’: PArm. **stał-a-*, Gr. *στήλη*, OHG *stollo* (see §6.5.7).

If this attractive explanation is accepted, then this is a shared innovation between Armenian, Greek, and, somewhat distantly, Germanic. Otherwise, it should be treated in the section on substrate.

6.5.6. **keud^h-* ‘to hide’: Arm. **soyz-**: **suzanem**, 3sg.aor. *e-soyz* ‘to plunge, sink; to hide, cover’ (probably from sigmatic aorist **keud^h-s-*);¹⁵³ Gr. *κεύθω*, aor. *κεῦσαι* ‘to cover, hide; to be concealed, lie hidden’, *κευθῆνες* ‘subterranean deities’; OEngl. *hȳdan* ‘to hide’ from **hūdjana-*, Goth. *huzd* ‘treasure’ from **kud^h-to-*.¹⁵⁴ Skt. *kuhū-* f. ‘new moon’ and others are hardly related.¹⁵⁵

6.5.7. **stl̥neh₂*: PArm. **stalnā-* > ***stał-a-** ‘post, pillar’ in **ara-stał**, *a*-stem ‘ceiling, roof’; Gr. *στήλη* ‘block or slab used as a memorial; monument, gravestone; post, pillar; boundary-post’; OHG *stollo*, MHG *stolle* ‘support, post’. Probably derived from IE **stel-*: Gr. *στέλλω* ‘to put in order, equip, prepare’, OHG *stellen* ‘to array, establish, arrange’, OCS *stlati* ‘to spread’, etc.¹⁵⁶ Note the semantic closeness to another agreement between Armenian, Greek and Germanic: Arm. *siwn*, Gr. *κίων*, and OHG *skelina* (see §6.5.5).

6.5.8. **dig/g^h-* ‘goat’: Arm. **tik**, *a*-stem ‘wineskin, a vessel made of an animal’s skin (for wine, oil, water, etc.)’ < ‘goat, skin of goat’, dial. Agulis *tag^y/tayg^y* pointing to an older **tig*; Gr. Laconian *δίζα· αἶξ· Λάκωνες* (Hesychius), unless a corruption for **αἶζα*; Germ. **tigō* ‘goat, he-goat’: OHG *ziga*, Germ. *Ziege*, etc.). The vacillation **-g/g^h-* points to a non-Indo-European origin; a well-known root structure constraint does not permit two unaspirated voiced stops within a root. Compare Arm. *kacan* ‘path’ vs. SCr. *gàziti* ‘to step, trample, wade’, Arm. *karkut* ‘hail’ vs. OCS *gradъ* and Lat. *grandō* ‘hail’.

6.5.9. **p(o)Hl-* or **p(ō)lH-*: Arm. **ul**, *o*-stem (secondarily: *u*-stem) ‘kid’ (probably also **amul** ‘childless’, as well as **al-oj** ‘female kid’ from a zero-grade form, with an ending comparable to *oroj* ‘lamb’); Gr. *πῶλος* m. f. ‘young horse, foal, filly’, secondarily also of other young animals, metaph. ‘young girl, youth’; Goth. *fula*, OHG *folo* ‘id.’; Alb. *pëlë* ‘mare’ < **pōl-n-*.¹⁵⁷

6.6. Armenian, Greek and Balto-Slavic.

6.6.1. **h₂(e)g^hl-* ‘darkness, fog, mist’: Arm. **atj-** ‘darkness, fog, twilight’ (*atj-a-mutj* ‘darkness’, *atj-ut* ‘*iwn-k*’ ‘darkness’, *atj-atj* ‘fog’); Gr. *ἀχλὺς*, *-ύος* f. ‘mist; darkness’, OPr. *aglo*, *u*-stem n. ‘rain’. Arm. **atj-* probably reflects a frozen locative **h₂(e)g^hl-i* > PArm. **algi* (regular metathesis).

6.6.2 **h₂(e)rti* ‘now, near’ (probably a locative formation from the root **h₂er-* ‘to fit together, join’, with the original meaning ‘fittingly, suitable, at hand’): Arm. **ard(i)** ‘now’, dial. *ard-ak*

¹⁵² Beekes 2010, 1: 707.

¹⁵³ For literature and other examples of sigmatic aorist in Armenian, see Martirosyan 2010: 757 and s.vv.

¹⁵⁴ For the etymology and various explanations of Arm. *-z*, see Bugge 1893: 38–39; Pedersen 1906: 381–382, 425 = 1982: 159–160, 203; de Lamberterie 1978: 281; Mallory/Adams 1997: 268b; Olsen 1999: 782; Kortlandt 2003: index; Kocharov 2008: 100; Beekes 2010, 1: 682. The solution with the sigmatic aorist (**-d^h-s- > -z-*) is advocated by Pedersen, Kortlandt and Kocharov; Kocharov explicitly cites Gr. aor. *κεῦσαι* in this context. Some scholars are sceptical about the etymology: Meillet 1925: 5; HAB 4: 241–242; Clackson 1994: 116; Ĵahukyan 2010: 687a. On Germanic, see also Mayrhofer 1986: 116₇₈; Lehmann 1986: 196b.

¹⁵⁵ See Mayrhofer EWAia 1, 1992: 383; cf. Beekes 2010, 1: 682.

¹⁵⁶ Martirosyan 2010: 107–108; Beekes 2010, 2: 1397–1398, 1404; for Slavic, see Derksen 2008: 473.

¹⁵⁷ Lehmann 1986: 130b; Clackson 1994: 183; Demiraj 1997: 314; Martirosyan 2010: 15–16, 53, 631–632. Sceptical on the etymology: Olsen 1999: 185 and Beekes 2010, 2: 1266.

‘immediately, on the spot’; Gr. ἄρτι ‘just now’, ἄρτιος ‘suitable; ready’; Lith. *arti* ‘near’ (referring to proximity of space rather than time).¹⁵⁸

6.6.3. *dǵ^huH- ‘fish’: Arm. *jukn*, gen. *jkan*, pl. *jkun-k* ‘fish’; Gr. ἰχθύς, -ύος m. ‘fish’; OPr. *suckans*, Lith. *žuvìs*, Latv. *zuvš* ‘fish’.

6.7. Armenian and Greek in a broader European context.

6.7.1. *h₁o(h₁)i-ueh₂: Arm. **aygi**, *ea*-stem ‘vineyard; vine’, Gr. οἴη f. ‘service-tree’, Lat. *uva* ‘grapes’, Russ. *iva* ‘willow’, Czech *jíva* ‘willow’, SCr. *iva* ‘willow’, Lith. *ievà* ‘bird-cherry’, OIr. *eó* m. ‘yew’, OHG *iwa* f. ‘yew’, OPr. *iuwis* ‘yew’. The appurtenance of Hitt. ^{GIŠ}*ēian*- n. ‘a tree (evergreen)’, perhaps ‘yew’ is uncertain (Kloekhorst 2008: 233–234).

6.7.2. *ureh₂d- ‘branch; root’: MidArm. and dial. **argat** ‘superfluous branches cut off from the vine and used for kindling’, Gr. ῥᾶδιξ m. ‘branch, twig’, Lat. *rādix* f. ‘root; radish’, *rāmus* m. ‘branch, twig’ if from *wrād-mo-, MWelsh *gwreid* < *urh₂d-jo- ‘roots’, OIc. *rót*, Goth. *waurts* ‘root’, Alb. *rrénj/ë*, -a (Tosk), *rrā(n)jë* (Gheg) ‘root’. The appurtenance of Toch. B *witsako* (from *urdi-k-eh₂-?) is uncertain.

6.7.3. *h₁el-(h₁)en- or *h₁el-no-: Arm. **ełn**, nom.pl. *etin-k*’, gen.pl. *etan-c*’ ‘deer cow, hind’; Gr. ἔλλός ‘deer-calf, fawn’ < *h₁el-no-, ἔλαφος m. f. ‘deer; deer cow, hind’ < *h₁el-ŋ-b^ho-; cf. also *h₁el-h₁en-i- ‘deer, hind’: OCS *jelenb* ‘deer’, *albnii* ‘doe’, SCr. *lane* ‘doe’, Russ. *lan*’ ‘fallow deer, doe’, *olén* ‘deer, stag-beetle’, dial. *elén* ‘deer, stag-beetle’, Lith. *ėlnis* ‘deer’; further: Mlr. *ailit* f. ‘doe, hind’ < *h₁el-(H)n-t-iH- or *h₁el-en-t-iH-, etc.

If Arm. *ełn* derives from *h₁el-no- (with Gr. ἔλλός ‘deer-calf, fawn’) rather than *h₁el-h₁en- (with Balto-Slavic), it parallels *beın*, pl. *beın-k*’, gen. *beınan-c*’ ‘burden, load’ from *b^he/or-neh₂: Gr. φερνή f. ‘dowry’ (see §6.3.2).

6.7.4. *lu(n)k̂- ‘lynx’: Arm. ***lusan-n** (pl. *lusanunk*’) ‘lynx’, dial. ***lus(e)amn** also meaning ‘hyena’ and ‘marten’; Gr. λύγξ, gen. *λυγκός* (-γγός) ‘lynx’; Lith. *lúšis*, dial. (Žem.) *lunšis*, *lunši*, OPr. *luyšis*, Russ. *rýsb*; Mlr. *lug*; OHG *luhs* ‘id.’.

6.7.5. *gliēh₂ / *glineh₂ ‘glutinous substance, clay’: MidArm. and dial. **kałjin** ‘mortar, clayey soil’; Gr. γλία f., γλοιός m., γλίνη ‘any glutinous substance, gum’; Russ. *glej* (dial.) ‘clay, loam’, *glina* ‘clay’, Ukr. *hlej* ‘moist clay’, Lith. *glėinė* ‘moist clay’; OEngl. *clæg*, Engl. *clay* and MLG *klei* ‘clay’ from Germ. *klaija-, etc. (HM)

6.7.6. *kiker- ‘chick pea’: Arm. **siseın**, gen. *sis(e)ıan* ‘chick pea’, Gr. κίκερροι ‘bird’s pease’ (Hesy-chius: Maced.), Lat. *cicer* n. ‘chick pea’, OPr. *keckers* ‘chick pea’, Alb. *thjer(r)*, *thierr* ‘lentil, Ervum lens’.

7. Armenian, Greek and the Mediterranean/European substrate

In recent years, the methodology of dealing with substrate words has been developed and applied by several scholars.¹⁵⁹ It has been pointed out that an etymon is likely to be a loanword if it is characterized by some of the following features: (1) limited geographical distribution; (2) unusual phonology and word formation; and (3) specific semantics.¹⁶⁰

The Armenian words that are frequently considered to be of Mediterranean origin are: *gini* ‘wine’, *ewt/iwt* ‘oil’, *t’uz* ‘fig’, *spung* ‘sponge’, *sring* ‘pipe, fife’, *sunk/g(n)* ‘mushroom’.¹⁶¹ The

¹⁵⁸ See Clackson 1994: 103–104; Martirosyan 2010: 135.

¹⁵⁹ Kuiper 1995; Beekes 1996, 1998, 2000, 2003; Schrijver 1997; Lubotsky 2001a.

¹⁶⁰ See Schrijver 1997: 293–297; Beekes 2000: 22–23; Lubotsky 2001a: 301–302.

¹⁶¹ In fact, *gini* ‘wine’ and *spung* ‘sponge’ should be excluded from the list since the Indo-European origin of the former is more probable, and the latter is likely to be a Greek loan.

actual number is much higher. In Martirosyan 2007 and 2010, I have applied the aforementioned methodology to a number of such words, mostly plant names, animal names and cultural words. In these cases, an etymon is attested in Armenian, Greek, Latin and/or another Indo-European language of south-east Europe (such as Albanian or Phrygian) or Anatolian, but the phonological or word-formative correspondences are irregular with respect to the Indo-European system, and they cannot be considered loanwords from one another.

Bearing in mind that Greek and Latin on the one hand and Armenian on the other are historically located on the opposite sides of the Black Sea, as well as that in some cases Mediterranean words have related forms in the Caucasus and Near East, I prefer not to confine myself strictly to the notion of so-called Balkan Indo-European. I conventionally use a term Mediterranean-Pontic Substrate. In some cases (e.g. Arm. **pal** ‘rock’ vs. Gr. πέλλα ‘rock’, OIr. *ail* ‘cliff’ < **pal-i-*, Mlr. *all* < **płso-*, OIc. *fell* ‘mountain, rock’, OHG *felisa* ‘rock, cliff’ prob. from **palis-*), an etymon is also present in other European branches, such as Celtic and Germanic, thus we are faced with the European Substrate in the terms of Beekes 2000. Whether the Mediterranean-Pontic and European substrata are identical or related is difficult to say with confidence.

There are words belonging to the same semantic categories (plant names, animal names, cultural words) that may be treated as innovations shared by Armenian and Greek etc. For instance, the morphological agreement between Arm. **kařin**, *o*-stem ‘acorn’ and Gr. βάλανος *f.* ‘acorn’ (vs. Lat. *glāns*, *glandis f.* ‘acorn, beech-nut’, Russ. *želud’*, SCr. *žělūd* ‘acorn’, Lith. *gìlė*, dial. *gylė* ‘acorn’, Latv. *zīle* ‘acorn’, etc.) may reflect a common innovation undergone jointly by Greek and Armenian (Clackson 1994: 135–136, 200/237₂). Such words do not belong with the substrate since they are of Indo-European origin and do not reflect any phonological or morphological deviation. Nevertheless, these innovations are relevant to our topic in that they may be ascribed to the same Mediterranean-Pontic area and period. In other words, after the Indo-European dispersal, Proto-Armenian, Proto-Greek and some other contiguous language-branches (e.g. Phrygian and Thracian¹⁶²) may have remained in contact somewhere in the Mediterranean and/or Pontic areas, probably in the 3rd and 2nd millennia BC and have shared both IE innovations and substrate words.

The consonantal correspondences between substrate words in Armenian and other languages are of two kinds:

1) archaic, matching the correspondences of the native Indo-European heritage:

**rǵ-* > Arm. *-rǵ-* and **g/g^w* > Arm. *k*, e.g. Arm. *anurǵ* ‘dream’ vs. Gr. *ὄνειροιρος*, Arm. *kamurǵ* ‘bridge’ vs. Gr. *γάφῶρα*;

**k̂* > Arm. *s*, e.g. Arn. *siser̂n* ‘chick pea’ vs. Lat. *cicer* ‘chick pea’, Arm. *siwn* ‘column, pillar’ vs. Gr. *κίων*;

*ǵ > Arm. *c*, e.g. Arm. *erbuc* ‘breast of animals’ vs. Gr. *φάρυγξ*, gen. *-υγος*, *-υγγος* ‘throat, dewlap’;

p-* > Arm. *h-* or zero, e.g. Arm. *atawni* (*atawun), *ea*-stem ‘pigeon, dove’ vs. Lat. *palumbēs* ‘wood-pigeon, ring-dove’ (płh₂-b^h-ōn*, gen. **-b^h-n-os*); Arm. *hec*’, gen. *hec-i* ‘felloe’, if from *pelk-s, cf. OHG *felga*, OEngl. *felg(e)* ‘felloe’, etc.; Arm. *ort*’, *o*-stem ‘vine’ vs. π(τ)όρθος ‘sprout’.

2) relatively young:

*k > Arm. *k*, e.g. Arm. *katamax(i)* ‘white poplar, aspen’ vs. Hesychian *καλαμίνδαρ* ‘plane’; *karič*, *a*-stem ‘scorpion’, dial. ‘crayfish’ vs. Gr. *κάρις*, *-ίδος*, *-ίδος* ‘crayfish’;

**p-* > Arm. *p*, e.g. Arm. *pal* ‘rock’ vs. OIr. *ail* ‘cliff’ < **pal-i-*, Mlr. *all* < **płso-*, Gr. πέλλα ‘rock’;

¹⁶² Cf. Kortlandt 2003: VIII, 83–87.

*s > Arm. s (unless these words have been borrowed from lost satəm-forms in *k̂), e.g. Arm. *sayl*, *i*-stem and *o*-stem ‘wagon; Ursa Major and Minor, Arcturus’ vs. Gr. *σατίνη* f. ‘chariot’ and Hesychian *σάτιλλα: πλειὰς τὸ ἄστρον*, the constellation being regarded as a car (considered to be of Phrygian or Thracian origin); Arm. *sring* ‘pipe, fife’ vs. Gr. *σῦριγξ, -ιγγος* f. ‘shepherd’s pipe, panpipe’, which is considered to be of Phrygian or Mediterranean origin.

This implies that we have to deal with at least two chronological layers, and that the Proto-Armenians must have remained in or close to the Mediterranean-Pontic areas for a long period of time.

In Table set B, the lexical correspondences of section 6 are grouped according to semantic fields. As in the Table set for sections 4 and 5, here also the correspondences that are likely to be innovations are marked by shading. The others probably have a substrate origin. Needless to say, all the lists in this paper are provisional and are subject to corrections and additions.

If we collate the two sets of tables, we observe that both sets have a roughly equal number of lexical agreements in each semantic field, with a remarkable exception: in A, we find zero and five lexemes in the domains of flora and agriculture respectively, whereas B has 13 lexemes for each domain. Especially remarkable are sets of correspondences within a narrow semantic group, e.g. the three designations of plants of the legume family, all of Mediterranean origin: *oloʀn* ‘pea, bean’, *ospn* ‘lentil’, and *siseʀn* ‘chick pea’. Interestingly, all three Armenian words display an additional *-n* and belong to the *an*-declension class.

Another remarkable difference is that, in the domain of technical activities, set A has lexemes with more general meanings, such as ‘bond’, ‘grave’ and ‘threshold’, whereas B displays a number of specific technical terms such as ‘bridge’, ‘drying implement’, ‘hinge’, ‘pillar’, ‘potter’s wheel’ and ‘rein’.

These sketchy conclusions probably indicate that, after the separation of the Indo-Iranians, Proto-Armenian remained close to Proto-Greek and some other dialects and, approaching Mediterranean or Pontic regions, developed a high number of lexical agreements, both innovations and borrowings from neighbouring non-Indo-European languages, especially in the domains of agriculture and technology.

Table set B (sections 6–7)

Lexical isoglosses: Armenian, Greek, etc.

Physical world, time, space.

Proto-form	Gloss	Armenian	Greek	Other 1	Other 2
*ant ^h -r-	coal	*ant ^h -(a)r-	ἄνθραξ		
*h ₂ (e)g ^h l-	mist, fog	atj-	ἀχλύς	OPr. <i>aglo</i>	
*an(t)ér	cave	ayr	ἄντρον		
*h ₂ (e)r ^t i	now, (near)	ard(i)	ἄρτι	(Lith. <i>arti</i>)	
*Héh ₂ m-(ō)r	day	<i>awr</i> , g. <i>awur</i>	ἡμαρ		
A *d ^u eh ₂ -ro-	long	<i>erkar</i>	*δῆρος		
B *d ^u eh ₂ -n-	long	<i>erkayn</i>	*δῆν		
*tumbo-	mound	<i>tumb</i>	τυμβος		
*mar-mar-	to shimmer	*mar-m(a)r-	μαρμαίρω		

Proto-form	Gloss	Armenian	Greek	Other 1	Other 2
*me-ǵ ^h sr-i	near	merj(i-)	μέχρι		
*noti ⁱ eh ₂	wetness	nay, i-stem	νοτιά		
*ken(e)u _o -	empty	sin, -o-	*κενός		

Human, age, kinship.

Proto-form	Gloss	Armenian	Greek	Other 1	Other 2
*pre(i)sg ^w u-	elder	erēc', u-st.	πρέσβυς		
*g ^w neh ₂ ik-	wife, woman	*kanay-	γυναι-κ-		
*meh ₂ trui ⁱ eh ₂	stepmother	mawru, -a-	μητρνιά		
*sue ^k ur-eh ₂	moth.-in-law	skesur, -a-	έκυρά		

Body, perceptions, mentality, belief.

Proto-form	Gloss	Armenian	Greek	Other 1	Other 2
*h ₃ k ^w k ^w on	eye	akn	όκκον		
*h ₂ n(e/ōr)jō-	dream	anurj, -i/-o-	όνειρος	Alb*andërrë	
*d ^h (e)h ₁ s-	god	dī-k'	θεός	(Lat. fēriae)	
*pr(e/o)Hkt-	buttocks	erastan-k'	πρωκτός		
*ues-nu-	put on cloth.	z-genum	έννυμι		
*ǵ(e)lh ₂ -s-	laughter	catr, g. catu	γέλως, γαλ-		
*mēd-es-h ₂	mind	mit-k', mt-a-	μηδεα		
*mor-m-	she-monster	mor-m	Μορμω(ν)	Lat. formidō	
*srung ^h -	snout	ñung(n)	ρύγχ(ε)ος		
*ps(e)ud-os-	false, lie	sut, -o-	ψεύδος		

Movements, speech and other activities.

Proto-form	Gloss	Armenian	Greek	Other 1	Other 2
A *h ₃ b ^h el-	to sweep	awel(-)	όφέλλω		
B *h ₃ b ^h el-	to increase	awel-	όφέλλω		
*b ^h er-(e)n-	load	bein	φερνή	Alb. bārrë	('child')
*b ^h h ₂ -ti-	word, rumour	bay, i-st.	φάσις, φάτις		
*k̂(e)r(H)ieh ₂	band	sari-k', -ea-	κε/αιρία		
*k̂eud ^h (-s)-	to hide	soyz	κεύθω	OEng. hȳdan	

Fauna.

Proto-form	Gloss	Armenian	Greek	Other 1	Other 2
*h ₁ el-(h ₁)n-	deer	etn	έλλός	Lith. élnis	Mr. ailit
*pter-	feather, wing	t'ēr(t')	πτερόν		
*lu(n)k̂-	lynx	lusa(m)n-	λύγξ	Lith. lúsis	OHG luhs
A *karid(-iā)	crayfish	karič, -a-	κάρις, -ίιδος		
B *ko/ōr-i-	crayf., scorp.	kor, -i scorp.	κουρίς κωρίς		

Proto-form	Gloss	Armenian	Greek	Other 1	Other 2
*dǵ ^h uH-	fish	<i>jukn</i>	ἰχθύς	Lith. <i>žuvis</i>	
*h ₁ e/oǵ ^h ino-	hedgehog	<i>ozni</i>	ἐχίνος	(OHG <i>igil</i>)	(Oss. <i>wyzyn</i>)
*iōrk-o-	deer, game	<i>ors, -o-</i>	ἰορκος ζορκ-	Corn. <i>yorch</i>	
*sk(o)rp-i-	asp, scorpion	<i>k'arb, i-stem</i>	σκορπίος		

Animal husbandry.

Proto-form	Gloss	Armenian	Greek	Other 1	Other 2
*h ₂ (e)iǵ-	goat	<i>ayc</i>	αἶξ	(Skt. <i>eda-</i>)	(Av. <i>īzaēna-</i>)
*b ^h rug/ǵ-	dewlap	<i>erbuc, -o-</i>	φάρυγξ	Lat. <i>frūmen</i>	
*ǵlǵt-	milk	<i>kat'n</i>	γάλακτ-	Lat. <i>lact-</i>	
*mosǵ ^h -o/io-	young bov.	<i>mozi</i>	μοσχ-		
*h ₁ enh ₃ orǵ ^h -	male anim.	<i>y-orj</i>	ἔν-ορχ-		
*diǵ/ǵ ^h -	goat	<i>tik, -a-</i>	δίζα	OHG <i>ziga</i>	
*poHl-/pōl-	young anim.	<i>ul, -o-</i>	πῶλος	Goth. <i>fula</i>	Alb. <i>pélë</i>

Flora.

Proto-form	Gloss	Armenian	Greek	Other 1	Other 2
*h ₁ oi(h ₁)uēh ₂	yew, vine	<i>aygi, -ea-</i>	οἴη	Lat. <i>īva</i>	OHG <i>iwa</i>
*u ^h reh ₂ d-	branch, root	<i>argat</i>	ῥάδιξ	Lat. <i>rādx</i>	Goth. <i>waurts</i>
A *d ^h lh ₁ ro-	green, fresh	<i>dalar, -o-</i>	θαλερός		
B *d ^h ēl(H)-n-	twig, herb	<i>deł, -o-</i>	θαλλός	(Mlr. <i>duilne</i>)	(OEngl. <i>dile</i>)
*ptel-	elm, Ulmus	<i>t'eli</i>	πτελέα	(Lat. <i>tilia</i>)	
*t ^h u(ō)iǵko-	fig. (vulva)	<i>t'uz, -o-</i>	σῦκον, τῦκον	Lat. <i>figus</i>	
*ǵ ^w h ₂ eno-	acorn	<i>katin, -o-</i>	βάλανος	(Lat. <i>gland-</i>)	(ScR. <i>žēlūd</i>)
*kalam-	aspen, plane	<i>katam-ax(i)</i>	καλαμίν-δαρ		
*kast(an)-	chestnut	<i>kas(t-)k-</i>	κάστανον		
*mor-	blackberry	<i>mor(š)</i>	μόρον	(Lat. <i>mōrum</i>)	
*p ^y ort ^h o-	sprout, twig	<i>ort', -o-</i>	πι(τ)όρθος		
*h ₃ orǵ ^h i-	orchis	(<i>xol</i>) <i>orj</i>	ὄρχις		
*spongōs	mushroom	<i>sunk/gn</i>	σπι/φόγγος	Lat. <i>fungus</i>	

Agriculture.

Proto-form	Gloss	Armenian	Greek	Other 1	Other 2
A *h ₂ leh ₁ -ur	flour	<i>alewr</i>	ἄλευρον		
B *h ₂ (e)lh ₁ tr-	grinder	<i>atawri</i>	ἀλετρις	Iran * <i>ārθra-</i>	
*h ₁ os-r ₁ (-e)h ₂	harvest	* <i>ar-a-</i>	(ὄπ-)ωρα	(Goth <i>asans</i>)	(CS <i>jesenb</i>)
*drepan-eh ₂	*sickle	<i>artewan, -a-</i>	δρεπάνη		
*ǵ ^h rī(d ^h)	barley	<i>gari, -ea-</i>	κριθ-η, κρι	Alb. <i>drithë</i>	OHG <i>gersta</i>
*el(e/a)iw-	olive, oil	<i>ewt, iwł-o-</i>	ἔλαιος	Lat. <i>oleum</i>	
*sk ^(h) odoro-	garlic	<i>xstor/sxtor</i>	σκόρ(ο)δον	Alb. <i>húrdhë húdhër</i>	

Proto-form	Gloss	Armenian	Greek	Other 1	Other 2
*gorio-	drain	<i>kori</i>	<i>γοργύριον</i>		
*(H)olur-	pea; spelt	<i>oloṛn, -ian</i>	<i>ὄλυραι</i>		
*osp-	legumen	<i>ospn</i> 'lentil'	<i>ὄσπριον</i>		
*si/ek ^h u-	melon, gourd	<i>sex</i>	<i>σικύα</i>		
*kīker-	chick pea	<i>siseṛn, -ian</i>	(<i>κίκερροι</i>)	Lat. <i>cicer</i>	OPr. <i>keckers</i> Alb. <i>thjer(r)</i>
*(s)k _o -ne/o-	to hoe, weed	<i>k'atem</i>	<i>σκαλλω</i>	(Lith. <i>skēlti</i>)	

House, housekeeping, crafts, implements, building.

Proto-form	Gloss	Armenian	Greek	Other 1	Other 2
*aḡu(s)ieh ₂ -	path, road	<i>acu</i>	<i>ἄγνια</i>		
*h ₂ er-	fix, put tog.	<i>arⁿem, ar-ar</i>	<i>ἄραρισκω</i>		
*b ^h urg ^h -	tower	<i>burgn</i>	<i>πυργος</i>		
*d ^h rog ^h -	wheel	<i>durgn</i>	<i>τροχος</i>	Olr. <i>droch</i>	
*sep ^h -s-	to boil, cook	<i>ep'em</i>	<i>ἔψω</i>		
*t(a)rp-eh ₂	basket	<i>t'arp' / t'arb</i>	<i>τάρπη</i>		
*t(o)rs-	drying impl.	<i>t'ar</i>	<i>ταρσός</i>	OHG <i>darra</i>	
*h ₁ ul(eo)h ₁ ro-	thong, rein	<i>lar, -o/i/a-</i>	<i>εὐληρα</i>	Lat. <i>lōrum</i>	
*ḡiny ^l (u)m-	hinge	<i>clxni, -ea-</i>	<i>γι(γ)γλυμος</i>		
*glie ₂ /gline ₂	clay	<i>kaṭjin</i>	<i>γλία, γλίνη</i>	Russ. <i>glina</i>	Engl. <i>clay</i>
*g ^w em/b ^h ur ^h ieh ₂	bridge	<i>kamurj, -a-</i>	<i>γέφυρα</i>		
*per-(i)on-	awl, pin	<i>heriwn, -ean</i>	<i>περ-ὄνη</i>		
*k ^h san-t(e)r-	comb	<i>sant/dr</i>	<i>ξάντρ-</i>		
*(s)kī(u)ōn	pillar	<i>siwn</i>	<i>κίων</i>	OHG <i>skina</i>	
*st _o neh ₂	post, pillar	* <i>stat-a-</i>	<i>στηλη</i>	OHG <i>stollo</i>	

Preliminary conclusions

We may preliminarily conclude that Armenian, Greek, (Phrygian) and Indo-Iranian were dialectally close to each other or even formed a dialectal group at the time of the Indo-European dispersal. Within this hypothetical dialect group, Proto-Armenian was situated between Proto-Greek (to the west) and Proto-Indo-Iranian (to the east). On the northern side it might have neighbored, notably, Proto-Germanic and Proto-Balto-Slavic.

After the Indo-European dispersal, Armenian developed isoglosses with Indo-Iranian on the one hand and Greek on the other. The Indo-Iranians then moved eastwards, while the Proto-Armenians and Proto-Greeks remained in a common geographical region for a long period and developed numerous shared innovations. At a later stage, together or independently, they borrowed a large number of words from the Mediterranean / Pontic substrate language(s), mostly cultural and agricultural words, as well as animal and plant designations.

On the other hand, Armenian shows a considerable number of lexical correspondences with European branches of the Indo-European language family, a large portion of which too should be explained in terms of substrate rather than Indo-European heritage.

Literature

- ABAĬYAN, A. H.
1991 Anc'yal kataryali cagman harc'ə. In: *Banber Erewani hamalsarani* 1991, Nr 1: 162–167.
- ABEGHIAN, Manuk
1899 *Der armenische Volksglaube*. Leipzig: Druck von W. Drugulin.
- AČĀRYAN, Hrač'ya Hakobi
1913 (Ačaiean), *Hayerēn gawaiakan baiaran*. T'iflis (Ēminean azgagrakan žoťovacu; 9).
1937 (Adjarian), De l'affinité du grec et de l'arménien. In: *Mélanges Émile Boisacq. Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves*. Bruxelles. 1: 3–4.
1940–51 (AčarHLPatm 1–2): *Hayoc' lezvi patmut'yun*, vol. 1, Yerevan: University Press, 1940; vol. 2, Yerevan: State Press of Armenia (HayPetHrat), 1951.
1971–79 (HAB), *Hayerēn armatakan baiaran*, in 4 vols (second edition). Yerevan: University Press. [The original edition: 1926–1935, in 7 volumes, Yerevan: University Press].
- ADAMS, Douglas Q.
1999 *A dictionary of Tocharian B*. Amsterdam/Atlanta: Rodopi (Leiden studies in Indo-European; 10).
- ADONC, N.
1915 *Dionisij Ōrakijskij i armjanskije tolkovateli* (texts and study). Petrograd: Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk. (Bibliotheca Armeno-Georgica, 4).
- AŁAYAN, Ē. B.
1974 *Baiak'nnakan ew stugabanakan hetazotut'yunner*. Yerevan: Academy Press.
- ALIŠAN, Łewond
1910 *Hin hawatk' kam het'anosakan krōnk' Hayoc'*. Venice: S. Lazar.
- ALLEN, W. S.
1978 The PIE velar series: neogrammarian and other solutions in the light of attested parallels. In: *Transactions of the Philological Society* 1978: 87–110.
- AMATUNI, Sahak Vardapet
1912 *Hayoc' bar u ban*. Vaťaršapat.
- ARUTJUNJAN, Covinar R.
1983 Armjano-grečeskie leksičeskie izoglossy. In: G. B. DŽAUKJAN, L. A. SARADŽEVA, C. R. ARUTJUNJAN. *Očerki po sravnitel'noj leksikologii armjanskogo jazyka*. Yerevan: Academy Press: 221–354.
- ARUTJUNJAN, N. V.
2001 *Korpus urartskix klinoobraznyx nadpisej*. Yerevan: Academy Press 'Gitutjun'.
- ASATRYAN, G. S.
1997 Remnant of an Indo-European poetic term for 'horse, stud' in New Iranian: Kurdish *dēlazī*. In: *Iran and the Caucasus* 1: 179–180.
- BAILEY, Harold W.
1979 *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge, London, New York, Melbourne: Cambridge University press.
- BALLES, Irene
1997 Reduktionserscheinungen in langen Wortformen als Ursprung morphologischer Doppelformen im Urindogermanischen: die Suffixformen *-jo- und *-ijō-. In: *Die Sprache* 39.2: 141–167.
- BEEKES, Robert S. P.
1976 Uncle and nephew. In: *JIES* 4: 43–63.
1990–92 The genitive in *-osio. In: *Folia linguistica historica* (Societas Linguistica Europaea) 11.1–2, 1990 [1992]: 21–25.
1996 Ancient European loanwords. In: *HS* 109.2: 215–236.
1998 The origin of Lat. *aqua*, and of *teutā 'people'. In: *JIES* 26, 3–4: 459–466.
2000 European substratum words in Greek. In: *Michaela Ofitsch & Christian Zinko* (eds.), 125 Jahre Indogermanistik in Graz. Leykam: 21–31.
2003 Historical phonology of Classical Armenian, apud *Kortlandt* 2003: 133–211.
2008 Palatalized consonants in Pre-Greek. In: *Evidence and counter-evidence: essays in honour of Frederik Kortlandt* (ed. by Alexander Lubotsky, Jos Schaecken, Jeroen Wiedenhof, with the assistance of Rik Derksen and Sjoerd Siebinga). Vol. 1: Balto-Slavic and Indo-European linguistics; vol. 2: General linguistics. Amsterdam, New York: Rodopi. (Studies in Slavic and general linguistics; 32–33). 1: 45–56.

- 2010 *Etymological Dictionary of Greek* (with the assistance of Lucien van Beek). 2 vols. Leiden: Brill.
- 2011 *Comparative Indo-European linguistics: an introduction* (2nd edition revised and corrected by Michiel da Vaan). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- BEHR, Wolfgang
- 2004–05 *Hinc sunt leones: two ancient Eurasian migratory terms in Chinese revisited* (1). In: *International journal of Central Asian studies*. Seoul, Institute of Asian culture and development; Tashkent, International association of Central Asian studies. 2004: 1–24; 2005: 1–28.
- BENVENISTE, Émile
- 1964 *Éléments parthes en arménien*. In: *Revue des études arméniennes* n.s. 1: 1–39.
- BIRD, Norman
- 1982 *The distribution of Indo-European root morphemes: (a checklist for philologists)*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- 1993 *The roots and non-roots of Indo-European: a lexicostatistical survey*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- BIRWÉ, Robert
- 1956 *Griechisch-arische Sprachbeziehungen im Verbalsystem*. Walldorf-Hessen: Verlag für Orientkunde Dr. H. Vorndran.
- BLAŽEK, Václav
- 2005 *Hic erant leones: Indo-European ‘lion’ et alii*. In: *JIES* 33.1–2: 63–101.
- BONFANTE, Giuliano
- 1937 *Les isoglosses gréco-arméniennes. I. Faits phonétiques*. In: L. HJELMSLEV, C. HÖEG, CH. MØLLER, AD. STENDER-PETERSEN (eds.), *Mélanges linguistiques offerts à M. Holger Pedersen à l’occasion de son soixante-dixième anniversaire, 7 avril 1937*. Aarhus: Universitetsforlaget; København: Levin & Munksgaard: 15–33.
- 1946 *Armenians and Phrygians*. In: *Armenian quarterly* 1.1: 82–97.
- 1981 *Hayereni dirk’ə hndevropakan lezneri meġ*. In: *Patma-banasirakan handes* 1981, Nr 2: 54–67.
- BRENTON, Lancelot Charles Lee
- 1851 *The Septuagint with Apocrypha: Greek and English*. London: Samuel Bagster & Sons, Ltd. (= Hendrickson Publishers, 1986/2009).
- BUGGE, Sophus
- 1893 *Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache*. In: *ZVS* 32: 1–87.
- ČANIKEAN, Y. K.
- 1895 *Hnut’iwok’ Aknay*. T’iflis: Tparan M. D. Rōtineanc’i. (T’iflisi hayoc’ hratarakč’akan ənkerut’iwn; 89).
- CHANTRAINE, Pierre
- 1968–80 *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: histoire des mots* (4 volumes). Paris: Klincksieck.
- CHEUNG, Johnny
- 2007 *Etymological dictionary of the Iranian verb*. Leiden, Boston: Brill. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary series; 2).
- CLACKSON, James
- 1994 *The linguistic relationship between Armenian and Greek*. Oxford, Cambridge: Blackwell (Publications of the Philological Society; 30).
- 2004–05 *Review of Kortlandt 2003*. In: *Annual of Armenian linguistics* 24–25: 153–158.
- 2008 *Classical Armenian*. In: Roger D. Woodard (ed.), *The ancient languages of Asia Minor*. Cambridge University Press: 124–143.
- CLACKSON, James & HORROCKS, Geoffrey
- 2011 *The Blackwell history of the Latin language*. Wiley-Blackwell.
- COLEMAN, R. G. G.
- 1992 *Le lexique grec et le lexique indo-européen: étude comparative*. In: Françoise LÉTOUBLON (ed.), *La langue et les textes en grec ancien: actes du colloque Pierre Chantraine (Grenoble, 5–8 septembre 1989)*, Amsterdam: Gieben: 169–179.
- COWE, S. Peter
- 1992 *The Armenian version of Daniel*. Atlanta, Georgia: Scholars Press (University of Pennsylvania Armenian texts and studies, 9).

- COX, Claude E.
2006 *Armenian Job: reconstructed Greek text, critical edition of the Armenian with English translation*. Leuven — Paris — Dudley, MA: Peeters. (Hebrew University Armenian studies, 8).
- DAVIES, Paul & ROSS, Alan S. C.
1977 'Close relationship' in the Indo-European languages. In: *Transactions of the Philological Society 1975 [1977]*: 82–100.
- DAVT'YAN, K. S.
1966 *Lernayin Larabati barbarayin k'arteza*. Yerevan: Academy Press.
- DEMIRAJ, Bardhyl
1994 Bemerkungen zur Entwicklung der anlautenden idg. Laryngale im Albanischen. In: *In honorem Holger Pedersen: Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft vom 25. bis 28. März 1993 in Kopenhagen* (hrsg. von J. E. Rasmussen, unter Mitwirkung von Benedicte Nielsen). Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag: 57–76.
1997 *Albanische Etymologien: Untersuchungen zum albanischen Erbwortschatz*. Amsterdam, Atlanta: Rodopi (Leiden studies in Indo-European; 7).
- DERKSEN, Rick
2008 *Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon*. Leiden, Boston: Brill. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series; 4).
- DIAKONOFF, I. M.
1984 *The pre-history of the Armenian people* (transl. from D'jakonov 1968 by Lori Jennings; with revisions by the author). Delmar, New York: Caravan Books (Anatolian and Caucasian studies).
- DOČKALOVÁ, Lenka & BLAŽEK, Václav
2011 On Indo-European roads. In: *JIES* 39.3–4: 299–341.
- DURKIN-MEISTERERNST, Desmond
2004 *Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian*. Turnhout: Brepols. (Corpus Fontium Manichaeorum; 3.1).
- EMMERICK, R. E. & SKJÆRVØ, P. O.
1997 *Studies in the vocabulary of Khotanese III*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. (Österreichische Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse; Sitzungsberichte 651; Veröffentlichungen der Kommission für Iranistik hrsg. von H. Eichner und R. Schmitt, Nr. 27).
- ESKA, Joseph F. & WALLACE, Rex E.
2001 Remarks on the thematic genitive singular in ancient Italy and related matters. In: *Incontri linguistici* 24: 77–97.
- ÈtimSlovIranJaz
2000– V. S. RASTORGUEVA & D. I. ÈDEL'MAN, *Ètimologičeskij slovar' iranskix jazykov*. Vol. 1, 2000; 2, 2003; 3, 2007 (in progress). Moscow: "Vostočnaja Literatura" Publishers.
- ÈtimSlovSlavJaz
1974– O. N. TRUBAČEV (ed.), *Ètimologičeskij slovar' slavjanskix jazykov*. Vol. 1, 1974 — vol. 32, 2005 (in progress). Moscow: "Nauka".
- EULER, Wolfram
1979 *Indoiranisch-griechische Gemeinsamkeiten der Nominalbildung und deren indogermanische Grundlagen*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft).
- FORTSON, Benjamin W.
2010 *Indo-European language and culture: an introduction* (2nd edition). Chichester, U.K.: Wiley-Blackwell. (Blackwell textbooks in linguistics; 19).
- FRISK, Hjalmar
1960–72 (GEW 1–3), *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Vol. 1, 1960; vol. 2, 1970; vol. 3 (Nachträge, Wortregister, Corrigenda, Nachwort), 1972. Heidelberg: Carl Winter.
- FURNÉE, Edzard Johan
1972 *Die wichtigsten konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen: mit einem Appendix über den Vokalismus*. The Hague, Paris: Mouton.

GAMKRELIDZE, Th. V. & IVANOV, V. V.

- 1984 *Indoevropskij jazyk i indoevropcejcy: rekonstrukcija i istoriko-tipologičeskij analiz prazykyka i protokul'tury*. With a preface by R. Jakobson, 2 vols, Tbilisi: University Press.
- 1995 *Indo-European and the Indo-Europeans: a reconstruction and historical analysis of a proto-language and a proto-culture*. Part 1. The text. Transl. by J. Nichols, ed. by W. Winter. Berlin, New York : Mouton de Gruyter (Trends in linguistics. Studies and monographs, 80). [English translation of the Russian original 1984].

HAAS, Otto

- 1939 Über die phrygischen Sprachreste und ihr Verhältnis zum Armenischen. In: *Handēs amsōreay* 53.7–12: 225–235.

HAMP, Eric P.

- 1975 On the nasal presents of Armenian. In: *ZVS* 89: 100–109.
- 1979 Indo-European *g^wen-H_n. In: *ZVS* 93.1: 1–7.
- 1983 Philologica varia. In: *Revue des études arméniennes* n.s. 17: 5–12.
- 1983a On the Helleno-Armenian shared lexicon. In: *Annual of Armenian linguistics* 4: 63–64.
- 1992 On subgrouping and Armenian. In: *Annual of Armenian linguistics* 13: 55–61.

HARUT'YUNYAN, Sargis

- 2006 *Hay hmayakan ew žotovrdakan atot'k'ner (Armenian incantations and folk prayers)*. Yerevan: University Press.

HayLezBrbBař 1–

- 2001 A. SARGSYAN et al. (eds.), *Hayoc' lezvi barbařayin bařaran*. Vol. 1, 2001 [a–z]; vol. 2, 2002 [ē–c]; vol. 3, 2004 [k–č]; vol. 4, 2007 [m–č']; vol. 5, 2008 [letters p–s]. Yerevan: Academy Press "Gitut'yun".

HerkWört

- 1997 *Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache* (bearb. von Günther Drosdowski). Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag. (Duden, 7).

HOLST, Jan Henrik.

- 2009 *Armenische Studien*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

HOVHANNISYAN, L. Š.

- 1990 *Hayereni iranakan p'oxařut'yunnerə*. Yerevan: Academy Press.

HÜBSCHMANN, H.

- 1875/77 Ueber die stellung des armenischen im kreise der indogermanischen sprachen. In: *ZVS* 23 [N.F. 3.1]: 5–49.
- 1883 *Armenische Studien*. 1/1. *Grundzüge der armenischen Etymologie*. Leipzig: Breitkopf & Härtel.
- 1897 *Armenische Grammatik*. 1. Theil: *Armenische Etymologie*. Leipzig: Breitkopf & Härtel.

IVANOV, V. V. & TOPOROV, V. N.

- 1974 *Issledovaniya v oblasti slavjanskix drevnostej: leksičeskije i frazeologičeskije voprosy rekonstrukcii tekstov*. Moscow: "Nauka".

ĴAHUKYAN, G. B.

- 1963 (DŽAUKJAN), *Urartskij i indoevropskie jazyki*. Yerevan: Academy Press.
- 1968 Hayerenə ew p'ryugerənə. In: *Patma-banasirakan handes* 1968, Nr 3: 121–137.
- 1970 Hayerenə ew hndevropakan hin lezunerə. Yerevan: Academy Press.
- 1973 Stugabanut'yunner. In: *Lraber hasarakakan gitut'yunneri* 1973, Nr 6: 17–22.
- 1980 (DĴAHUKIAN), On the position of Armenian in the Indo-European languages. In: John GREPPIN (ed.), *Proceedings of the First international symposium on Armenian linguistics (11–14 July 1979)*. Delmar, New York: Caravan Books: 3–16.
- 1983 (DŽAUKJAN), Opyt semantičeskoj klassifikacii i areal'nogo raspredelenija indoevropskoj leksiki armjanskogo jazyka. In: G. B. DŽAUKJAN, L. A. SARADŽEVA, C. R. ARUTJUNJAN. *Očerki po sravnitel'noj leksikologii armjanskogo jazyka*. Yerevan: Academy Press: 5–116.
- 1986–87 L'étymologie des mots *haraw* "sud", *hiwisis(i)* "nord" et le système d'orientation des anciens Arméniens. In *Revue des études arméniennes* n.s. 20: 29–33.
- 1987 *Hayoc' lezvi patmut'yun: naxagrajyn žamanakašřjan*. Yerevan: Academy Press.
- 1991 Stugabanut'yunner. In: *Patma-banasirakan handes* 1991, Nr 2: 36–44.
- 2010 *Hayeren stugabanakan bařaran* (ed. by Vahan Sargsyan). Yerevan: "Asolik".

- K'AJBERUNI
1902 Haykakan sovorut'iwnner. In: *Azagrakan handēs*, year 7, book 9: 83–116.
- KATZ, Joshua T.
2000 Evening dress: the metaphorical background of Latin *uesper* and Greek *ἔσπερος*. In Karlene JONES-BLEY, Martin E. HULD, Angela DELLA VOLPE (eds.), *Proceedings of the eleventh Annual UCLA Indo-European conference. Los Angeles, June 4–5, 1999*. Washington, DC: Institute for the Study of Man. (Journal of Indo-European Studies Monograph Series; 35): 69–93.
- K'ĒČ'EAN, Aġak'ēl & PARSAMEAN, Mkrtič'
1952 *Akn ew Aknc'ik'*. Initiated and compiled by Aġak'ēl K'ēč'ean; composed and edited by Mkrtič' Parsamean. Paris: Compatriotic Association of Eguen.
- KIMBALL, Sara
1998 On the origins of Hittite verbs of the type *tēhhi, dāi*. In: Jay JASANOFF, H. Craig MELCHERT & Lisi OLIVER (eds.), *Mír curad: studies in honor of Calvert Watkins*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft; 92): 335–344.
- KLINGENSCHMITT, Gert
1982 *Das altarmenische Verbum*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- KLOEKHORST, Alwin
2006 Initial laryngeals in Anatolian. In: *HS* 119: 77–108.
2008 *Etymological dictionary of the Hittite inherited lexicon*. Leiden, Boston: Brill.
- KOCHAROV, Petr
2008 *Otraženie indoevropskix nazal'nyx prezensov v drevnearmjanskom jazyke* (thesis). Saint Petersburg.
- KORTLANDT, Frederik H. H.
1980 Albanian and Armenian. In: *ZVS* 94: 243–251.
1984 Proto-Armenian case endings. In: *International symposium on Armenian linguistics* (Yerevan, September 21–25, 1982): Reports. Yerevan: Academy Press: 97–106.
1986 Armenian and Albanian. In: Maurice LEROY & Francine MAWET (eds.), *La place de l'arménien dans les langues indo-européennes*. Louvain: Peeters: 38–47.
2003 *Armeniaca: comparative notes; with an appendix on the historical phonology of Classical Armenian* by Robert S. P. Beekes. Ann Arbor: Caravan Books.
2007 *Italo-Celtic origins and prehistoric development of the Irish language*. Amsterdam, New York: Rodopi. (Leiden studies in Indo-European; 14).
2010 *Studies in Germanic, Indo-European and Indo-Uralic*. Amsterdam, New York: Rodopi. (Leiden studies in Indo-European; 17).
- KUIPER, F. B. J.
1995 Gothic *bagms* and Old Icelandic *ylgr*. In: *NOWELE* 25, March: 63–88.
- LAMBERTERIE, Charles de
1978 Armeniaca I–VIII: études lexicales. In: *BSL* 73: 243–285.
1978–79 Armeniaca X: une isoglosse gréco-arménienne. In: *Revue des études arméniennes* n.s. 13: 31–40.
1982 La racine *(s)per-gh- en arménien. In: *Revue des études arméniennes* n.s. 16: 57–68.
1983 Une bagatelle étymologique (*artewanunk'/δρεπάρνη*). In: *Revue des études arméniennes* n.s. 17: 21–22.
1986 Deux isoglosses entre l'arménien et l'indo-iranien. In: Maurice LEROY & Francine MAWET (eds.), *La place de l'arménien dans les langues indo-européennes*. Louvain: Peeters: 48–61.
1992 Introduction à l'arménien classique. In: *LALIES* 10 (Aussois, 1988–1989): 234–289.
1992a Le problème de l'homonymie: les trois verbes ὀφέλλω en grec ancien. In: Françoise LÉTOUBLON (ed.), *La langue et les textes en grec ancien: actes du colloque Pierre Chantraine (Grenoble, 5–8 septembre 1989)*, Amsterdam: Gieben: 201–217.
2012 L'arménien et l'indo-européen balkanique. In: *IX International Conference on Armenian linguistics* (7–9 November 2012, Saint Petersburg). Abstracts: 109–111.
2012a Sur le nom du “rêve” en indo-européen balkanique. In: *Etymology and the European lexicon: 14th Fachtagung of the Indogermanische Gesellschaft (17–22 September 2012, University of Copenhagen)*. Abstracts: 69.
2013 Grec, phrygien, arménien: des anciens aux modernes. In: *Journal des Savants* (janvier-juin 2013): 3–69.
- ŁANALANYAN, Aram
1969 *Avandapatum*. Yerevan: Academy Press.

- LEHMANN, Winfred P.
 1981 The genitive singular ending in *-syo: how an Indo-Europeanist works. In: Yoël L. ARBEITMAN & Allan R. BOMHARD (eds.), *Bono homini donum: essays in historical linguistics, in memory of J. Alexander Kerns*. Amsterdam: John Benjamins, vol. 1: 179–188.
 1986 *A Gothic Etymological Dictionary* (based on the 3rd ed. of Feist's dictionary). Leiden: E. J. Brill.
 1993 *Theoretical bases of Indo-European linguistics*. London, New York: Routledge.
- LIDDELL, Henry George, & SCOTT, Robert
 1996 *A Greek-English Lexicon*. A new edition revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones, with the assistance of Roderick McKenzie and with the co-operation of many scholars. Oxford: Clarendon Press [1940/53].
- LIGORIO, Orsat & LUBOTSKY, Alexander
 forthc. *The Phrygian language* (forthcoming).
- LUBOTSKY, A. M.
 2001 Reflexes of Proto-Indo-European *sk in Indo-Iranian. In: *Incontri linguistici* (Pisa, Roma) 24: 25–57.
 2001a The Indo-Iranian substratum. In: Christian CARPELAN, Asko PARPOLA & Petteri KOSKIKALLIO (eds.), *Early contacts between Uralic and Indo-European: linguistic and archaeological considerations*. Papers presented at an international symposium held at the Tvärminne Research Station of the University of Helsinki (8–10 January, 1999). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura. (Mémoires de la Société Finno-ougrienne, 242): 301–317.
 2002 The Indo-Iranian word for 'shank, shin'. In: *Journal of the American Oriental Society* 122.2: 318–324.
- MAKAEV, È. A.
 1967 Armjano-indoeuropejskie leksičeskie izoglossy i areal'naja lingvistika: In: *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung* 20: 449–464.
- MALLORY, J. P. & ADAMS, D. Q.
 1997 (eds.), *Encyclopedia of Indo-European culture*. London, Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers.
 2006 *The Oxford introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European world*. Oxford University Press.
- MAŃCZAK, Witold
 1987 The relationship of Armenian to Greek and Persian. In: *Annual of Armenian linguistics* 8: 19–28.
- MARTIROSYAN, Hrach K.
 2005 On Armenian čiw 'shank'. In: *Iran and the Caucasus* 9.1: 81–84.
 2007 Mediterranean-Pontic substratum words. In: *Aramazd: Armenian journal of Near-Eastern studies*, vol. 2 (Yerevan: Association for Near Eastern and Caucasian Studies): 88–123.
 2010 *Etymological dictionary of the Armenian inherited lexicon*. Leiden, Boston: Brill. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series; 8).
 2012 European and Mediterranean substrate words in Armenian. In: *Etymology and the European lexicon: 14th Fachtagung of the Indogermanische Gesellschaft* (17–22 September 2012, University of Copenhagen). Abstracts: 75–76.
 forthc. Vocative strategies and accent in Armenian: synchrony and diachrony. To appear in *Sprachtypologie und Universalienforschung* (ed. by Anaid Donabedian and Vladimir Plungian).
 prepar. 1 *The Armenian month names*. In preparation.
 prepar. 2 *The Indo-European and Iranian layers of Armenian mythology*. In preparation.
 prepar. 3 *Leṛnayin akunk'i farnə, Aršaluysi dic'uhin ew glxi u mort'u zohacesə višapakot'olneri imastabanakan henk'um*. In preparation.
- MATASOVIĆ, Ranko
 2009 *Etymological dictionary of Proto-Celtic*. Leiden, Boston: Brill. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series; 9).
- MAWET, Francine
 1983 The motif of the bird in Armenian epic literature and its relations with Iranian tradition. In: Thomas J. SAMUELIAN & Michael E. STONE (eds.), *Medieval Armenian culture*. Chico, Calif.: Scholars Press, 1984 (University of Pennsylvania Armenian texts and studies; 6): 179–193.
- MAYRHOFER, Manfred
 1986 Lautlehre: segmentale Phonologie des Indogermanischen. In: *Indogermanische Grammatik* 1.2. Heidelberg: Carl Winter, Universitätsverlag.

- 1956–80 (KEWA) *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen* (4 vols.). Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- 1992–2001 (EWAia) *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen* (3 vols.). Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter.
- MEID, Wolfgang
- 1975 Probleme der räumlichen und zeitlichen Gliederung des Indogermanischen. In: Helmut RIX (ed.), *Flexion und Wortbildung: Akten der V. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft (Regensburg, 9–14 September 1973)*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag: 204–219.
- MEIER-BRÜGGER, Michael
- 1995 Griechisch (*αἰγυπτιός*, vedisch (*ṛjī*)*pyá-* und Verwandtes. In: *HS* 108: 50–55.
- 2003 *Indo-European linguistics*. In cooperation with Matthias Fritz and Manfred Mayrhofer; translated by Charles Gertmenian. Berlin, New York: Walter de Gruyter.
- MEILLET, A.
- 1898 Étymologies arméniennes. In: *MSL* 10: 274–282.
- 1900 Notes sur quelques faits de morphologie. In: *MSL* 11: 6–21.
- 1896 Varia. In: *MSL* 9: 136–159.
- 1924 Remarques étymologiques. In: *Revue des études arméniennes* 4, fasc. 1: 1–6.
- 1925 Remarques sur l'étymologie de quelques mots grecs. In: *BSL* 26: 1–22.
- 1936 *Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique*. Wien: Mechitharisten.
- 1950 *Les dialectes indo-européens (nouveau tirage avec une introduction nouvelle et des additions)*. Paris: Librairie ancienne Édouard Champion; Librairie de la Société de Linguistique de Paris.
- MifNarMir 1–2
- 1980–82 *Mify narodov mira: ènciklopedija*. Redactor-in-chief: S. A. Tokarev. Vol. 1, 1980; vol. 2, 1982. Moscow: “Sovetskaja ènciklopedija”.
- MONCHI-ZADEH, Davoud
- 1990 *Wörter aus Xurāsān und ihre Herkunft*. Leiden: E. J. Brill. (Acta Iranica 29).
- MORANI, Moreno
- 1992 Pour une histoire du génitif arménien. In: *Muséon* 105.3–4: 303–319.
- MORGENSTIERNE, Georg
- 1962 Feminine nouns in *-a* in Western Iranian dialects. In: *A locust's leg: studies in honour of S. H. Taqizadeh*: 203–208.
- 1974 *Etymological Vocabulary of the Shughni Group*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag. (Beiträge zur Iranistik; 6).
- 2003 *A new etymological vocabulary of Pashto*. Compiled and edited by J. Elfenbein, D. N. MacKenzie and Nicholas Sims-Williams. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag. (Beiträge zur Iranistik; 23).
- MÜLLER, Friedrich
- 1870 Armeniaca II. In *Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. 64.2. Wien: 447–456.
- NHB 1–2
- 1836–37 G. AWETIK'ĒAN, X. SIWRMĒLEAN, M. AWGEREAN, *Nor baṛgirk' haykazean lezui*, 2 vols., Venice: St Lazar (1836–1837); reprinted: Yerevan: University Press (1979–1981).
- NOCENTINI, Alberto
- 1994 Le radici ie. **mor-/morm-* ‘incubo’ e **bū-/bub-* ‘spauracchio’ e il sistema fonologico indeuropeo. In: P CIPRIANO, P. DI GIOVINE, M. MANCINI (eds.), *Miscellanea di studi linguistici in onore di Walter Belardi*. 1–2. Roma: Il Calamo. Vol. 1: 399–415.
- ŌDABAŠYAN, A. A.
- 1986 Tiezerastetcman aiaspeli verapruckayin tarrern axtark'um. In: *Patma-banasirakan handes* 1986, Nr 3: 138–149.
- OLSEN, B. A.
- 1999 *The noun in Biblical Armenian: origin and word-formation: with special emphasis on the Indo-European heritage*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. (Trends in linguistics. Studies and monographs 119).
- 2011 Review of *Martirosyan 2010*. In: *Kratylos* 56: 14–30.

- OREL, Vladimir E.
 1993 The position of Armenian. In: *Annual of Armenian linguistics* 14: 55–67.
 1998 *Albanian etymological dictionary*. Leiden, Boston, Köln: Brill.
- PATRUBÁNY, Lukas v.
 1902–03 Idg. *e/ozg^h im Armenischen. In: *IF* 13: 124–125.
- PEDERSEN, Holger
 1900 Albanesisch und Armenisch. In: *ZVS* 36: 340–341 (= 1982: 1–2).
 1905 Zur armenischen Sprachgeschichte. In: *ZVS* 38: 194–240 (=1982: 56–102).
 1906 Armenisch und die Nachbarsprachen. In: *ZVS* 39: 334–485 (= 1982: 112–263).
 1924 Armenier. B. Sprache. In: Max EBERT (ed.), *Reallexikon der Vorgeschichte*. Vol. 1. Berlin, pp. 219–226 (= 1982: 302–309).
 1925 *Le groupement des dialectes indo-européens*. København.
 1982 *Kleine Schriften zum Armenischen* (hrsg. von Rüdiger Schmitt). Hildesheim, New York: Georg Olms Verlag.
- PETERSSON, Herbert
 1916 Beiträge zur armenischen Wortkunde. In: *ZVS* 47: 240–291.
- PETROSYAN, Armen
 2002 *The Indo-European and ancient Near Eastern sources of the Armenian Epic*. JIES Monograph Nr 42. Washington DC: Institute for the Study of Man.
 2005 Urartui vernaxavi ēt'nikakan patkanelut'yan xndirə. In: *Patma-banasirakan handes* 2005, Nr 3: 208–226.
- PINAULT, Georges-Jean
 1989 Introduction au tokharien. In: *Lalies: Actes des sessions de linguistique et de littérature* 7 (Aussois, 27 août – 1er septembre 1985), Paris: 5–224.
 2002 Tokh. B *k_ucaññe*, A *k_uciñ* et skr. *tokharika*. In: *Indo-Iranian journal* 45: 311–345.
- PISANI, Vittore
 1950 Studi sulla fonetica dell'armeno. I. Palatalizzazioni ed esiti di s + gutturale; esiti delle semivocali. In: *Ricerche linguistiche* (Roma) 1/2: 165–193.
 1979 (PIZANI), Hndevropakan lezuner i cagumə. In: *Patma-banasirakan handes* 1979, Nr 1: 204–212.
- PISOWICZ, Andrzej
 1987 Some remarks on Greek-Armenian-Persian lexical parallels a propos W. Mańczak's "The relationship of Armenian to Greek and Persian". In: *Annual of Armenian linguistics* 8: 29–33.
- POKORNY, Julius
 1959 *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, vol. 1. Bern, Stuttgart: Francke.
- PORZIG, Walter
 1954 *Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets*. Heidelberg: Winter. (Indogermanische Bibliothek. 3. Reihe: Untersuchungen).
 1964 (PORZIG, V.), *Členenie indoevropskoj jazykovoju oblasti*. (Russian translation of Porzig 1954; ed. by A. V. Desnickaja). Moscow: "Progress".
- PRONK, Tijmen
 2010 Sanskrit (v)ṣabhá-, Greek ἄρσην, ἔρσην: the spraying bull of Indo-European? In: *HS* 122: 170–181.
- RINGE, Don, Tandy WARNOW & Ann TAYLOR
 2002 Indo-European and computational cladistics. In: *Transactions of the Philological Society* 100.1: 59–129.
- RITTER, Ralf-Peter
 1983 Eine verkannte Etymologie für armen. *aniw* 'Rad'. In: *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 42: 191–196.
 2006 Zur Frage der Reste indogermanischer Dichtersprache im Armenischen. In: Georges-Jean PINAULT et Daniel PETIT (eds.), *La langue poétique indo-européenne: actes du Colloque de travail de la Société des Études Indo-Européennes (Indogermanische Gesellschaft/Society for Indo-European Studies), Paris, 22–24 octobre 2003*. Leuven, Paris: Peeters: 413–417.
- RUSAKOV, A. Ju.
 1984 Albanskij i armjanskij: nekotorye problemy. In: *International symposium on Armenian linguistics* (Yerevan, September 21–25, 1982): Reports. Yerevan:

- SCHEFTELOWITZ, J.
 1904–05 Zur altarmenischen Lautgeschichte. In: *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*, Göttingen (ed. Ad. Bezzenger), (1): 28, 1904: 282–313; (2): 29, 1905: 13–71.
 1927 Idg. *zgh* in den Einzelsprachen. In: *ZVS* 54: 224–253.
- SCHMIDT, Karl Horst
 1980 Altarmenische Miscellen. In: *Annual of Armenian linguistics* 1: 1–5.
 1987 The Indo-European background of the Classical Armenian noun declension. In: *Annual of Armenian linguistics* 8: 35–47.
 1988 On Armenian phonology and Indo-European reconstruction. In: Mohammad Ali JAZAYERY and Werner WINTER (eds.), *Languages and cultures: studies in honor of Edgar C. Polomé*. Berlin, New York, Amsterdam: Mouton de Gruyter. (Trends in linguistics. Studies and monographs, 36): 601–610.
- SCHMITT, Rüdiger
 1967 *Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
 1970 Der ‘Adler’ im Alten Iran. In: *Die Sprache* 16.1: 63–77.
 1972–74 Die Erforschung des Klassisch-Armenischen seit Meillet (1936). In: *Kratylos* 17: 1–68.
 1975 Von Bopp bis Hübschmann: Das Armenische als indogermanische Sprache. In: *ZVS* 89.1: 3–30.
 1983 Iranisches Lehngut im Armenischen. In: *Revue des études arméniennes* n.s. 17: 73–112.
 1987 Armenia and Iran I. Armenia, Achaemenid province. IV. Iranian influences in Armenian. 1. General. In: *Encyclopaedia Iranica* 2, 1987: 417–418; 445–459.
 2007 *Grammatik des Klassisch-Armenischen mit sprachvergleichenden Erläuterungen* (2., durchgesehene Auflage). Innsbruck: Institut für Sprachen und Literaturen der Universität Innsbruck. (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft).
- SCHRIJVER, Peter C. H.
 1991 *The reflexes of the Proto-Indo-European laryngeals in Latin*. Amsterdam, Atlanta: Rodopi. (Leiden studies in Indo-European; 2).
 1997 Animal, vegetable and mineral: some Western European substratum words. In: A. LUBOTSKY (ed.), *Sound law and analogy: papers in honor of Robert S. P. Beekes on the occasion of his 60th birthday*. Amsterdam-Atlanta, GA: Rodopi B.V.: 293–316.
- SCHWARTZ, Martin
 1986 Coded sound patterns, acrostics, and anagrams in Zoroaster’s oral poetry. In: B. FORSSMAN, K. HOFFMANN, J. NARTEN (eds.), *Studia grammatica iranica: Festschrift für Helmut Humbach*. (“Münchener Studien zur Sprachwissenschaft”, Beiheft 13, N.F.). München: R. Kitzinger: 327–392.
- SHIELDS, Kenneth Jr.
 1981 A new look at the centum/satem isogloss. In: *ZVS* 95.2: 203–213.
- ŠIROKOV, Oleg
 1977 Armjano-grečeskie ètnogenetičeskie kontakty po dannym sravnitel’no-istoričeskoj fonologii. In: *Patma-banasirakan handes* 1977, Nr 1: 85–100.
 1980 Mesto armjanskogo jazyka sredi indoevropskix i problema armjanskogo prarodiny: avtohtonost’ armjan po dannym sravnitel’no-istoričeskogo jazykovedenija. In: *Traber hasarakakan gitut’yunneri* 1980, Nr 5: 80–93.
- SKJÆRVØ, P. O.
 1997 Avestica II. Yokes and spades and remnants of the “tripartite ideology”. In: *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 57: 115–128.
- SOLTA, G. R.
 1960 *Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen: eine Untersuchung der indogermanischen Bestandteile des armenischen Wortschatzes*. Wien: Mechitharisten. (Studien zur armenischen Geschichte; 9).
- SPECHT, Franz
 1935 Zur Geschichte der Verbalklasse auf *-ē*: ein Deutungsversuch der Verwandtschaftsverhältnisse des Indogermanischen. In: *ZVS* 62: 29–115.
 1939 Sprachliches zur Urheimat der Indogermanen. In: *ZVS* 66.1/2: 1–74.
- STEMPEL, Reinhard
 1990 Die Entwicklung von auslautendem **m* und das Problem sekundärer *n*-Stämme im Armenischen. In: *IndogForsch* 55: 38–62.

- 2000 Armenisch und Indoiranisch. In: Bernhard FORSSMAN & Robert PLATH (eds.), *Indoarisch, Iranisch und die Indogermanistik: Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 2. bis 5. Oktober 1997 in Erlangen*. Wiesbaden: Reichert Verlag: 515–522.
- SZEMERÉNYI, Oswald
- 1977 Studies in the kinship terminology of the Indo-European languages: with special reference to Indian, Iranian, Greek, and Latin. In: *Varia 1977 (Acta Iranica, Série 3. Textes et mémoires, 7)*: 1–240. Téhéran-Liège: Bibliothèque Pahlavi; Leiden: Brill.
- 1985 Armenian between Iran and Greece. In: U. PIEPER and G. STICKEL (eds.), *Studia linguistica, diachronica et synchronica Werner Winter sexagenario anno MCMLXXXIII*. Berlin, New York, Amsterdam: Mouton de Gruyter: 783–799.
- 1996 *Introduction to Indo-European linguistics* (translated from the 4th edition, 1990, with additional notes and references). Oxford: Clarendon Press.
- THIEME, Paul
- 1952 Studien zur indogermanischen Wortkunde und Religionsgeschichte. In: *Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig: Philologisch-historische Klasse*, 98.5. Berlin.
- 1954 Die Heimat der indogermanischen Gemeinsprache. In: *Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz: geistes- und sozialwissenschaftliche Klasse*, 1953.11 [1954]: 35–86. Wiesbaden.
- TISCHLER, Johann
- 1973 *Glottochronologie und Lexikostatistik*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck. (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft; 11).
- THOMSON, R. W.
- 2006 *Moses Khorenats'i, History of the Armenians: translation and commentary on the literary sources* (revised edition of 1978). Ann Arbor: Caravan Books.
- VAAN, Michiel de
- 2008 *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden, Boston: Brill. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series; 7).
- VIREDAZ, Rémy
- 2005–07 Notes d'étymologie arménienne I. In: *Revue des études arméniennes* n.s. 30: 1–14.
- WATKINS, Calvert
- 1975 La famille indo-européenne de grec ὄρχις: linguistique, poétique et mythologie. In: *BSL* 70.1: 11–26.
- 1995 *How to kill a dragon: aspects of Indo-European poetics*. New York, Oxford: Oxford University Press.
- WITZEL, Michael
- 2003 *Linguistic evidence for cultural exchange in Prehistoric Western Central Asia*. Philadelphia: University of Pennsylvania, Department of East Asian Languages and Civilizations. (Sino-Platonic papers; 129).
- WYATT, William F.
- 1982 Lexical correspondences between Armenian and Greek. In *Annual of Armenian linguistics* 3: 19–42.
- XAC'ATUROVA, E. G.
- 1973 Ob armjano-indijskix leksičeskix izoglossax. In: *Patma-banasirakan handes* (= IFŽ) 1973, Nr 2: 191–199.
- 1979 Drevnejšie armjano-indo-iranskije jazykovye kontakty. In: *Hayoc' lezvi hamematakan k'erakanut'yan harc'er*. Yerevan: Academy Press: 325–375.
- XALAT'EANC', Grigor
- 1896 (XALAT'JANC), *Armjanskij èpos v istorii Armenii Moiseja Xorenskago: opyt kritiki istočnikov* (Part 1, Issledovanie. Part 2, Materialy). Moscow: Tipografija Varvary Gatkuk.
- YAKUBOVICH, Ilya
- 2008 The origin of Luwian possessive adjectives. In: *Proceedings of the 19th Annual UCLA Indo-European conference* (Los Angeles, November 2–3, 2006). Washington, DC: Institute for the Study of Man. (Journal of Indo-European Studies Monograph Series, 54): 193–217.
- 2010 Morphological negation in Urartian. In: *Aramazd: Armenian journal of Near Eastern studies*, vol. 5.1: 141–165.
- YušamXotorj
- 1964 H. Yarut'iwn v. Hulunean & H. Matt'ëos v. Hačean, *Yušamatean Xotorjuri*. Vienna: Mechitharisten.
- ZÖHRAPEAN, Yovhannēs
- 1805 *Astuacašunč' matean Hin ew Nor Ktakaranac'* (4 vols.). Venice: S. Lazar.

Грач МАРТИРОСЯН. Место армянского языка в индоевропейской семье и его связь с греческим и индоиранским.

Основной задачей статьи является каталогизация лексических этимологий, сближающих армянский язык с греческим и/или индоиранским. Предлагаемые списки включают в себя как общие инновации, так и изолированные ареальные термины. Обе группы этимологий (армяно-греческие и армяно-индоиранские) могут рассматриваться в рамках одной и той же пространственно-временной модели. В процессе расселения носителей индоевропейских языков протоармянский продолжал контактировать с как соседними индоевропейскими диалектами, так и с неиндоевропейскими языками. Слова субстратного происхождения выделяются ограниченной географической дистрибуцией, необычной фонологией или словообразованием, характерной семантикой. Материал, представленный в настоящей работе, не претендуя на исчерпывающую полноту, позволяет, тем не менее, сделать предварительный вывод о диалектной близости армянского, греческого, (фригийского), и индоиранских языков. Внутри данной гипотетической диалектной группы ареал протоармянского языка занимал промежуточное положение между ареалом протоиндоиранцев на востоке и ареалом протогреков на западе. Впоследствии протоиндоиранцы сдвинулись далее на восток, тогда как протоармяне и протогреки продолжали оставаться в смежных географических ареалах на протяжении длительного периода, развив многочисленные общие инновации. В последующий период они заимствовали, совместно или поодиночке, множество лексем, принадлежащих к черноморско-средиземноморскому субстрату, по преимуществу культурные и сельскохозяйственные термины, а также обозначения флоры и фауны. С другой стороны, армянский язык содержит значительное число лексических соответствий индоевропейским языкам Европы, существенная часть которых также должна объясняться в терминах общего субстрата, а не индоевропейского наследия.

Ключевые слова: армянская историческая лингвистика, армянская этимология, индоевропейская сравнительная лингвистика, индоиранская лексикология, греческая лексикология, средиземноморский субстрат.

AUTHOR'S ADDITION TO P. 94:

4.1.17. *g^wou-io- (or *g^whzeu-io-): Arm. **kogi**, gen. *kogw-o-y*, ins. *kogw-o-v* 'butter', Skt. *gāvya-*, *gavyá-* 'consisting of cattle, coming from or belonging to a cow (as milk, curds, etc.)', YAv. *gaoiia-* 'coming from cattle, consisting of cattle', Gr. adj. *-βο(φ)ιος*, e.g. *ἐννεά-βοιος* 'worth nine beeves'. This isogloss³³ is based on the PIE word for 'cow' (Arm. *kov*; cf. nom. *arew* vs. oblique *areg-* 'sun'). Armenian and Indic are closer to each other since they show a semantic development to 'a dairy product'. Now we also have a wonderful match in Toch. B, *kewiye* 'pertaining to cow; butter' < *kāwiyä < *kāwäyā < **g^wow-iyō*-.^{33a} Although this makes the isogloss less significant, I nevertheless included it in order to emphasize its semantic closeness to another agreement between Armenian and Indic: Arm. **ser** 'cream' and Skt. *śāras* n. 'cream' (see §5.2.16).

³³ See already Meillet 1896: 152.

^{33a} Pinault 1989: 53. I am indebted to James Clackson for this information. For the Tocharian word, see also Adams 1999: 198.

Реконструкция праславянского списка Сводеша

Статья является попыткой реконструировать 100-словный список Сводеша для праславянского языка на основании материала 18 славянских языков (как живых, так и мёртвых), включая язык древненовгородских берестяных грамот. Окончательный список, представленный в статье, разделён на 4 группы: 1) праславянское слово сохранилось во всех славянских языках; 2) праславянское слово сохранилось в большинстве славянских языков, в тех, в которых не сохранилось, очевидна поздняя инновация; 3) в отдельных языках/подгруппах представлены различные слова, определить праславянское можно только при помощи внешнего сравнения; 4) стопроцентно определить слово праславянское нельзя даже при помощи внешнего сравнения. Особое внимание в статье уделено третьей и четвёртой группам.

Ключевые слова: лексикостатистика, праславянский язык.

Важной задачей как для лексикостатистики, так и для палеославистики представляется реконструкция праславянского списка Сводеша. Сравнение его со списками отдельных славянских языков может послужить хорошей базой для проверки постулатов лексикостатистики, а полученные в итоге этого сравнения результаты могут найти применение в славиистике.

Нами были составлены стословные списки Сводеша по восемнадцати славянским языкам, и на их основании проведена реконструкция праславянского списка Сводеша. Кроме того, при реконструкции использовались также древненовгородские формы, почерпнутые из берестяных грамот — полноценный стословный список по грамотам пока, к сожалению, составить не удаётся.

Старославянский список Сводеша составлен методом сплошной выборки из «Старославянского словаря» (далее СС). В старославянском списке отсутствуют семь слов — *кора, перо, печень, вошь, нос, круглый* и *жёлтый*.

Древнерусские лексемы настолько, насколько это возможно, снабжены ссылками на, к сожалению, пока не оконченные «Словарь русского языка XI—XVII вв.» (далее СРЯ 11—17) и «Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.» (далее СРЯ 11—14). В случае если слово не успело войти в СРЯ 11—17, ссылка даётся на «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского. Древненовгородские лексемы выбраны из словоуказателя к берестяным грамотам в книге А. А. Зализняка «Древненовгородский диалект», а их значение проверено по грамотам на сайте «Древнерусские берестяные грамоты», содержащем полный корпус найденных грамот.

Древнечешский список Сводеша был составлен при помощи материалов сайта *Vokabulář webový*, принадлежащий Институту чешского языка Академии наук Чешской республики, на котором в электронном виде представлены все основные словари древнечешского языка.

Древнепольские формы выбраны частично из пока не завершённого *Słownika polszczyzny XVI wieku* (далее SP 16). Формы, ещё не успевшие войти в данный словарь,

снабжены ссылками на Słownik etymologiczny języka polskiego В. Борыся, в котором, как правило, старопольская форма приводится в начале словарной статьи.

Кашубский материал выбран из словаря Б. Сыхты, но приведён в соответствие с современной кашубской орфографией.

Полабский список был составлен методом сплошной выборки по шеститомному этимологическому словарю Т. Лера-Сплавинского и К. Полянского (далее SEJDP). В полабском списке Сводеша отсутствуют всего два слова — *живот* и *солнце*.

Верхне- и нижнелужицкие лексемы снабжены ссылками на историко-этимологический словарь Г. Шустер-Шевца.

Болгарские глаголы приведены в форме 1-го лица ед. ч. настоящего времени, македонские в форме 3-го лица ед. ч. настоящего времени, глаголы остальных языков даны в формы инфинитивов.

В списки Сводеша отдельных славянских языков вносились слова, которые являются базовыми, нейтральными и немаркированными обозначениями понятий из эталонного списка. К сожалению, синонимии не всегда возможно избежать (поэтому, например, в список вносятся как рус. *зола*, так и рус. *пепел*, как чеш. *kouř*, так и чеш. *dým*).

Основным критерием определения того, какое именно слово следует занести в праславянский список Сводеша при наличии нескольких возможных вариантов, является этимологический (внешнее сравнение), вспомогательным — дистрибуционный, согласно которому предпочтение следует отдавать слову, распространённому в большем количестве ветвей данной языковой группы. Дистрибуционный менее надёжен в силу того, что существующее распределение может сложиться благодаря параллельным изменениям в отдельных языках (см. сложную картину распределения рефлексов **slyšati* и **čuti* в славянских языках) — как независимым, так и вызванным контактами.

Отдельную проблему представляют восемнадцать глаголов списка, поскольку не совсем понятно, формы какого вида вносить в список — совершенного, несовершенного или же обе. Мы решили в качестве решающего фактора в данном случае выбрать морфологический критерий: если формы однокоренные, не вносить в список морфологически производную (т. е. *кусать*, а не *укусить* или *есть*, а не *съесть*). В случае с глаголами *сидеть*, *стоять* и *лежать*, инфинитивы которых выглядят вторичными по отношению к *сесть*, *стать* и *лечь*, следует принять во внимание, что, если учесть настоящее время, то первичными окажутся именно формы несовершенного вида — *сизу*, *стою* и *лежу*, в отличие от форм с носовым инфиксом — *сяду*, *стану*, *лягу*. И, наконец, у двух глаголов видовые пары образуются супплетивно — *приходить* / *прийти* и *говорить* / *сказать*. В первом случае мы сочли необходимым внести в список оба компонента видовой пары. Во втором случае, следуя из [Kassian et al. 2010: 75], вносим обозначения только однократного речевого акта.

Весь получившийся список можно поделить на группы:

- 1) праславянское слово сохранилось во всех славянских языках;
- 2) праславянское слово сохранилось в большинстве славянских языков, в тех, в которых не сохранилось, очевидна поздняя инновация;
- 3) в отдельных языках/подгруппах представлены различные слова, определить праславянское можно только при помощи внешнего сравнения;
- 4) стопроцентно определить праславянское слово нельзя даже при помощи внешнего сравнения.

Первую группу составляют: **all (весь)** — **wьxъ*; **bark (кора)** — **(s)kora*; **bird (птица)** — **pьta*; **black (чёрный)** — **čьrnъ(jь)*; **blood (кровь)** — **kry*; **bone (кость)** — **kostь*; **die (умереть)** — **mertь*; **drink (пить)** — **piti*; **dry (сухой)** — **suxъ(jь)*; **ear (ухо)** — **uxo*; **earth (зем-**

ля) — *zemb; eat (есть) — *ěsti; egg (яйцо) — *aje; feather (перо) — *pero; fish (рыба) — *ryba; fly (лететь) — *letěti; give (дать) — *dati; go (идти) — *jъti; hand (рука) — *rъka; head (голова) — *golwa; horn (рог) — *rogъ; I (я) — *azъ; knee (колени) — *kolěno; know (знать) — *wěděti / *znati; lie (лежать) — *ležati; louse (вошь) — *wъšъ; meat (мясо) — *męso; name (имя) — *jъmę; new (новый) — *nowъ(jъ); night (ночь) — *nokъ; nose (нос) — *nosъ; not (не) — *ne; one (один) — *edinъ / *edъnъ; root (корень) — *kory; sand (песок) — *pěsъkъ; sit (сидеть) — *sěděti; sleep (спать) — *sъpati; small (маленький) — *malъ(jъ); stand (стоять) — *stojati; star (звезда) — *gwęzda; stone (камень) — *kamy; sun (солнце) — *sъlnъko; swim (плавать) — *pluti; tongue (язык) — *ęzykъ; tooth (зуб) — *zъbъ; two (два) — *dъwa; warm (тёплый) — *tepъ(jъ); water (вода) — *woda; we (мы) — *my; white (белый) — *bělъ(jъ); who (кто) — *kъ; you (ты) — *ty. Всего 52.

Вторая группа: ashes (зола) — *perelъ / *ropelъ (иннов.: рус. золá (наряду с пéпел)); big (большой) — *welъ(jъ) (иннов.: болг. голям; мак. голем; рус. большóй; польск. duży (наряду с wielki)); cloud (облако) — *ob-wolka / *ob-wolko / *ob-wolkъ (иннов.: укр. хмáра; кашуб. blóna; полаб. tōso; в.-луж. mrócel; заимств.: рус. óблако; бел. вóблака); come (прийти, приходиться) — *jъti / *hoditi (иннов.: сербохорв. дðлазити (наряду с дòћи); заимств.: полаб. kotot); dog (собака) — *rъsъ (иннов.: болг. кýче; мак. куче; рус. собáка; укр. собáка; бел. сабáка); eye (глаз) — *oko (иннов.: рус. глаз); fire (огонь) — *ognъ (иннов.: сербохорв. вàтра); foot (нога) — *noga (иннов.: болг. крак); full (полный) — *rъlnъ(jъ) (заимств.: кашуб. fùl); good (хороший) — *dobъ(jъ) (иннов.: рус. хорóший); green (зелёный) — *zelenъ(jъ) (заимств.: полаб. grōnĕ); hair (волос) — *wolъ (иннов.: болг. кóсъм; мак. коса; сербохорв. kòса); heart (сердце) — *sъrdъko (иннов.: полаб. zaiwàtak; в.-луж. wutroba; н.-луж. wutšoba; заимств.: бел. сэрца; польск. serce); kill (убить) — *biti (иннов.: в.-луж. morić; н.-луж. moriś); leaf (лист) — *listъ (иннов.: в.-луж. łorjeno; н.-луж. łorjeno); liver (печень) — *ętro (иннов.: болг. черен дроб; мак. црн дроб; рус. пéчень; укр. печíнка; бел. пéчань; словацк. рešeň; др.-польск. wàtroba; польск. wàtroba; кашуб. wàtroba); long (длинный) — *dъlgъ(jъ) (иннов.: рус. длíнный); man (мужчина) — *mъžъ (иннов.: укр. чоловiк; словацк. chlар (наряду с muž); кашуб. chlор; заимств.: полаб. ěarl / ěarâl); man (человек) — *čelowěkъ (иннов.: укр. людiна); many (много) — *mъnogo (иннов.: укр. багáто; бел. шмат, багáта (наряду с мнóга); словацк. veľa (наряду с mnoho); др.-польск. wiele (наряду с mного); польск. dużo, wiele; кашуб. dużo, wiele; полаб. vilĕ; в.-луж. wjele (наряду с mного); н.-луж. wjele); moon (луна) — *luna, *měsękъ (иннов.: др.-польск. księzyc (наряду с miesięc); польск. księzyc; полаб. ěnqdz (наряду с launā / lainā); mountain (гора) — *gora (иннов.: болг. планина; мак. планина; сербохорв. планина); mouth (рот) — *usta (иннов.: др.-русск. рѣтъ; рус. рот; укр. рот; бел. рот; кашуб. gęba; в.-луж. ert, huba); nail (ноготь) — *nogъtъ (иннов.: бел. назнóгаць (наряду с нóгаць); др.-польск. raznogieć / raznokieć; польск. raznokieć; кашуб. raznokc (наряду с nokc)); rain (дождь) — *dъžъ (иннов.: сербохорв. кiша); red (красный) — *čerw(l)ęnъ(jъ) (иннов.: словен. rděč; рус. краснóй; заимств.: бел. чырвóны; др.-польск. czerwony / czurwony; польск. czerwony; кашуб. czerwóny (наряду с czerwiony)); round (круглый) — *krōglъ(jъ) (иннов.: мак. тркалезен / тркалест; чеш. kulatý (наряду с okrouhlý); в.-луж. kulojty; н.-луж. kulaty); see (видеть) — *widěti (иннов.: мак. глeда; заимств.: укр. бáчити; бел. бáчыць); seed (семя) — *sęmę (иннов.: укр. насiнина; польск. nasiono; заимств.: бел. насéнне; полаб. zot); skin (кожа) — *koža (иннов.: др.-польск. skóra (наряду с kiža); польск. skóra; кашуб. skóra); smoke (дым) — *dъmъ (иннов.: чеш. kouř (наряду с dým); в.-луж. kur; н.-луж. kir); tree (дерево) — *derwo (иннов.: болг. дървó; мак. дрво; сербохорв. дрво; чеш. strom; словацк. strom; полаб. dqb; заимств.: бел. дрэва; в.-луж. štom; н.-луж. bom); what (что) — *čъ (иннов.: болг. каквó); woman (женщина) — *žęna (иннов.: польск. kobieta; кашуб. białka); yellow (жёлтый) — *žъltъ(jъ) (иннов.: словен. rumĕn; заимств.: полаб. gale). Всего 35.

Естественно, наибольший интерес вызывают третья и четвёртая группы. Остановимся на них поподробнее.

Третья группа

belly (живот)

Ст.-слав. *чръво* [СС: 784]; болг. *корѣм*; мак. *трбув*; сербохорв. *трбух*; словен. *trébih*; др.-русск. *чрево* [Срезневский, 3: 1500]; рус. *живот*; укр. *живіт*; бел. *жывот*; др.-чеш. *břuch / břicho*; чеш. *břícho*; словацк. *brucho*; др.-польск. *brzuch / brzuch* [SP 16, 2: 478—480]; польск. *brzuch*; кашуб. *brzëch* [Sychta, 1: 77]; полаб. —; в.-луж. *brjuch*; н.-луж. *brjuch / brjucho* [Schuster-Šewc, 2: 68].

В [Kassian et al. 2010: 52] значение данной лексемы уточняется как «часть туловища между грудью и пахом».

В старейших памятниках старославянского языка слов с таким значением два — *чръво* и *жтрѡва*. Однако А. С. Львов полагает, что отсутствие смысловой разницы между этими словами — явление характерное для Супрасльской рукописи и более поздних памятников старославянского языка. В наиболее древних же *чръво* имеет значение «живот», а *жтрѡва* — «внутренности» [Львов, 1966: 272—279]. Поэтому в список мы вносим только *чръво*. Болгарское *корѣм* заимствовано, скорее всего, из дунайско-булгарского [БЕР, 2: 633]. Сербохорватская, словенская и македонская лексемы представляют собой инновацию с тёмной этимологией. А. Брюкнер считает возможным родство со словом *торба* [Brueckner, 1985: 567—568], против чего возражает М. Фасмер, который, в свою очередь, предлагает видеть здесь сложение **trъ-buxъ*, т. е. «очень набухший» [Фасмер, 4: 96]. П. Скок выводит из сложения **tbr-br'uxъ*, якобы означавшего «три живот» [Skok, 3: 495]. Современные восточнославянские формы восходят к др.-рус. *животъ*, которое однако прежде означало «жизнь, живое существо, домашний скот, имущество», а в современном значении впервые зафиксировано лишь в XVI веке [СРЯ 11—17, 5: 103—104]. Западнославянские формы восходят к праслав. **br'uxo*.

Мы признаем исконным слово **čerwo*, поскольку оно, видимо, продолжает индоевропейский и ностратический корни с тем же значением [ОСНЯ, 1: 338—339]. Связь между **čerwo* и прусским *kērmens* не случайна (с обычной заменой *-m-* на *-w-* в праславянском). И хотя В. Н. Топоров отказывает прусскому слову в значении «живот» [Топоров, 3: 326—331], вполне вероятно, что в прабалтийском живот изначально обозначался именно словом **kerm-*, вытесненным в латышском и литовском и изменившим значение на «тело» в прусском.

bite (кусать)

Ст.-слав. *хѡпати* [СС: 759]; болг. *хѡпя*; мак. *каса*; сербохорв. *гpистити*; словен. *grísti*; др.-русск. *коусати* [СРЯ 11—17, 8: 144], [СРЯ 11—14, 4: 340]; рус. *кусать*; укр. *куса́ти*; бел. *куса́ць*; др.-чеш. *kúsati*; чеш. *kousat*; словацк. *hrýzť*; др.-польск. *ķesać* [SP 16, 10: 259—260]; польск. *kaśać*; кашуб. *grëzc* [Sychta, 1: 361]; полаб. *ķošet* [SEJDP, 2: 283]; в.-луж. *kusać*; н.-луж. *kusaś* [Schuster-Šewc, 10: 738—739].

Старославянское *хѡпати* и болгарское *хѡпя* восходят к звукоподражательным славянским глаголам **xapati / *xapiti* [ЭССЯ, 8: 18—19], который, по всей видимости, означал «хватать» [Derksen, 2008: 202].

Формы остальных языков восходят либо к **grysti* (1. sg. praes. **gryzo*) (сербохорватский, словенский, словацкий, кашубский), либо к **ķosati* (1. sg. praes. **ķosajo*). Географическое распределение форм, а также их балтийские соответствия говорят в пользу того,

что исконным является **kqsati*, а **grysti* представляет собой локальную позднейшую инновацию.

breast (грудь)

Ст.-слав. *пръси* [СС: 533]; болг. *гърди*; мак. *гради*; сербохорв. *грѹди*; словен. *pṛsi*; др.-русск. *грудь* [СРЯ 11—17, 4: 145—146], [СРЯ 11—14, 2: 396]; рус. *грудь*; укр. *грѹди*; бел. *грѹдзи*; др.-чеш. *prsa, hrud'*; чеш. *prsa, hrud'*; словацк. *hrudník*; др.-польск. *pirś > pierś / piérś* [SP 16, 24: 90—94]; польск. *pierś*; кашуб. *piers* [Sychta, 4: 255]; полаб. *börstǎ* [SEJDP, 1: 47—48]; в.-луж. *hrudź*; н.-луж. *gruža* [Schuster-Šewc, 5: 353].

В [Kassian et al. 2010: 54] рекомендуется вносить в список лексему со значением «человеческая грудь как передняя часть туловища между шей и животом». При этом, «если в языке есть общий термин, обозначающий как мужскую, так и женскую грудь, рекомендуется выбирать именно его. В противном случае следует брать обозначение мужской груди. Отличать от конкретизированного обозначения женских молочных желез или сосков, от внутренних органов (лёгкие и т. п.) и от грудной (рёберной) клетки».

Следуя этой рекомендации, мы вносим в список не чеш. *hrudník — část trupu mezi krkem a břichem* [Slovník spisovné češtiny, 2010: 103], и не *ňadra — ženské poprsí, lidská hrud', prsa* [Slovník spisovné češtiny, 2010: 196], а *prsa — přední část hrudníku, hrud'* [Slovník spisovné češtiny, 2010: 318] и менее частотное *hrud' — přední část hrudníku, prsa* [Slovník spisovné češtiny, 2010: 103].

Полабское *börstǎ* заимствовано из ср.-нем. *borst* [SEJDP, 1: 47—48]. Лексемы остальных языков восходят либо к **pъrsь* либо к **grōdbь*. Поскольку слово **grōdbь* представляет собой инновацию «возвышение» > «выступающая часть тела» > «грудь», то праславянским обозначением груди было, по всей видимости, **pъrsь*, имеющее родственников в других индоевропейских языках.

burn (жечь)

Ст.-слав. *жѣшти* [СС: 216]; болг. *горя, пália*; мак. *пали*; сербохорв. *жећи*; словен. *žgáti*; др.-русск. *жечи* [СРЯ 11—17, 5: 99], [СРЯ 11—14, 3: 254]; рус. *жечь*; укр. *паліти*; бел. *паліць*; др.-чеш. *páľiti*; чеш. *páľit*; словацк. *páľiť*; др.-польск. *palić / páľić* [SP 16, 23: 35—39]; польск. *palić*; кашуб. *pòlęc* [Sychta, 4: 15—16]; полаб. *zazat < *žьžati* [SEJDP, 6: 1060—1062]; в.-луж. *palić*; н.-луж. *paliś* [Schuster-Šewc, 14: 1038].

Все формы восходят либо к **žekti* (1. sg. praes. **žego*), либо к **paliti*. Индоевропейские параллели этих двух лексем заставляют предположить, что **žekti* в данном значении первично.

cold (холодный)

Ст.-слав. *стоуденъ* [СС: 631]; болг. *студѣн*; мак. *ладен, студен*; сербохорв. *хладан*; словен. *hláden*; др.-русск. —; рус. *холодный*; укр. *холодний*; бел. *халодны*; др.-чеш. *studený*; чеш. *studený*; словацк. *studený*; др.-польск. —; польск. *zimny*; кашуб. *zëmni* [Sychta, 6: 214]; полаб. *zaimna* [SEJDP, 6: 1051—1052]; в.-луж. *zymny*; н.-луж. *zymny* [Schuster-Šewc, 23: 1771].

В данном случае важно отличать «прохладный» и «холодный». Для списка Сводеша подходит только второе [Kassian et al. 2010: 55]. В болгарском первом соответствует *хладен* [Бернштейн, 1966: 699], второму — *студен* [Бернштейн, 1966: 638]. В польском языке первому соответствует *chłodny* (*mający niską temperaturę, ale niezbyt zimny*) [Wielki słownik języka polskiego, 2008: 100], а второму *zimny* (*mający niską temperaturę, taki, w którym panuje niska temperatura*) [Wielki słownik języka polskiego, 2008: 971]. В чешском первом *chladný* (*mající nízkou teplotu, (mírně) studený*) [Slovník spisovné češtiny, 2010:

107], второму — *studený* (mající nízkou teplotu, vyvolávající pocit zimy, velmi chladný) [Slovník spisovné češtiny, 2010: 420]. Аналогична чешской ситуация в словацком: *chladný* — bez tepla, studený (op. teplý) [Slovník slovenského jazyka, 1: 557—558], *studený* — mající nízkou teplotu, bez tepla, vzbudzujúci dojem chladu, veľmi chladný [Slovník slovenského jazyka, 4: 310—311]. В старославянском *хладънъ* означало «прохладный» [СС: 761]. В значении «холодный» редко встречалось слово *зимънъ* [СС: 236] и куда чаще *стоуденъ* [СС: 631], которое мы и вносим в список.

Явную инновацию «зимний» > «холодный» демонстрируют лехитские и лужицкие языки. Этимология заставляет считать, что значение «холодный» в праславянском было при-суще слову **xoldьrь(jь)*, у которого есть индоевропейские параллели с тем же значением.

fat (жир)

Ст.-слав. *тоукъ* [СС: 708]; болг. *мазнина*; мак. *маснотија*; сербохорв. *масноћа*; словен. *mâst*; др.-русск. *тоукъ* [Срезневский, 3: 1036]; рус. *жир*; укр. *жир*; бел. *тлушч*; др.-чеш. *tuk*; чеш. *tuk*; словацк. *tuk*; др.-польск. *tuk* [Boryś, 2005: 652—653]; польск. *tłuszcz*; кашуб. *tłuszcz* [Sychta, 5: 355]; полаб. *toik* [SEJDP, 5: 842]; в.-луж. *tuk*; н.-луж. *tuk* [Schuster-Šewc, 20: 1556].

Во всех случаях мы старались вносить наиболее общее слово. Например, болгарское *мазнина* означает жир вообще, а *тлъстина* только животный жир, в список мы вносим первое. Аналогична ситуация с македонскими *маснотија* и *маст*. В русском с начала XVII века *жирь*, означавшее раньше «богатство, достаток, пастбище», стало фиксироваться в значении «fat» [СРЯ 11—17, 5: 113]. Польское и кашубское *tłuszcz* (< **tьlstь(jь)*) происходит от праслав **tьlstь(jь)* «толстый» [Boryś, 2005: 636]. Белорусское *тлушч*, несомненно, заимствовано из польского.

Почти наверняка «жир» обозначался в праславянском словом **tukъ*. Оно имеет балтийские параллели и распространено в значении, близком к праязыковому во всех славянских языках

hear (слышать)

Ст.-слав. *слышати* [СС: 615]; болг. *чувам*; мак. *слуша*; сербохорв. *чути*; словен. *slīšati*; др.-русск. *слышати* [СРЯ 11—17, 25: 147—148]; др.-новг. *цүти* / *чүти* [Грамоты № 154, 1420—1430 гг., № 314, 1380—1400 гг.]; [Грамоты № 705, 1200—1220 гг., № 870, 1120—1140 гг.]; рус. *слышать*; укр. *чути*; бел. *чуць*; др.-чеш. *slyšěti*; чеш. *slyšet*; словацк. *počuť*; др.-польск. *slyszec* [Boryś, 2005: 561]; польск. *słyszec*; кашуб. *częc*; полаб. *slausə* [SEJDP, 5: 719—720]; в.-луж. *słyšec*; н.-луж. *słyšaś* [Schuster-Šewc, 17: 1310].

Исконно, видимо, **slyšati*, поскольку оно имеет индоевропейские параллели с тем же значением, в то время как **čuti* — инновация «чувствовать» > «слышать».

road (дорога)

Ст.-слав. *пѣть* [СС: 562]; болг. *път*; мак. *пат*; сербохорв. *пѹт*; словен. *césta*; др.-русск. *дорога* [СРЯ 11—17, 4: 323], [СРЯ 11—14, 3: 58—59]; др.-новг. *поуть* [Грамота № 390, 1280—1300 гг. и др.]; рус. *дорога*; укр. *дорога*; бел. *дарога*; др.-чеш. *čěsta* / *ciesta*, *dráha*; чеш. *cesta*; словацк. *cesta*; др.-польск. *droga* / *dróga* [SP 16, 6: 29—47]; польск. *droga*; кашуб. *droga* [Sychta, 1: 243—244]; полаб. *pōt* [SEJDP, 4: 567—568]; в.-луж. *puć* [Schuster-Šewc, 16: 1187], *dróha*; н.-луж. *droga* [Schuster-Šewc, 3: 173—174].

Формы всех языков восходят к трём лексемам — **dorga*, **čěsta* и **pōtь*. **dorga* происходит от **dьrgati* [ЭССЯ, 5: 74—75], **čěsta* — от **čěstiti* [ЭССЯ, 3: 188—189]. Оба слова пережили сдвиг значения «расчищенная» (тропа) > «дорога». Слово **pōtь*, имеющее многочисленные индоевропейские параллели, несомненно, древнее.

that (тот)

Ст.-слав. *тъ* [СС: 708—710], *онъ* [СС: 412—413]; болг. *онзи*; мак. *оној*; сербохорв. *mâj*, *ònaj*; словен. *tîsti*, *òni*; др.-русск. *тъ* > *тотъ* [Срезневский, 3: 1058], *онъ* [СРЯ 11—17, 12: 377—378], [СРЯ 11—14, 6: 130—132]; др.-новг. *тъ* > *тотъ* [Грамоты № 247, 1025—1050 гг., № 605, 1100—1120 гг. и мн. др.]; рус. *тот*; укр. *той*; бел. *той*; др.-чеш. *on*, *open*; чеш. *tamten*; словацк. *tamten*; др.-польск. *on*; польск. *tamten*; кашуб. *tamten* [Sychta, 5: 319]; полаб. *tò* [SEJDP, 5: 847—849]; в.-луж. *tamny*, *tamón*; н.-луж. *tamny*, *tamski* [Schuster-Šewc, 20: 1498].

В старославянском указательных местоимений было три: *съ*, *тъ* и *онъ*. Местоимение *съ* указывало на близкий предмет, *онъ* на отдалённый, «*тъ* противопоставлялось *съ*, но без подчёркивания отдалённости того, на что указывается» [Вайан, 2007: 168—169]. В список мы вносим *съ* и *онъ*. В сербском и словенском для указания на близкий предмет используется *овај*, *tâ*, более далёкий — *тај*, *tîsti*, самый далёкий — *онај*, *òni*.

В западнославянских языках представлена явная инновация — *tamten*.

Согласно А. Мейе, в праславянском была трёхчленная система [Мейе, 1951: 353], соответствующая праиндоевропейской в бругмановском представлении. Признавая справедливость мнения Мейе, мы вносим в список местоимения **tъ*, указывавшее на объект, находящийся рядом с собеседником, и **онъ*, указывавшее на объект вне связи с говорящим и слушающим.

this (этот)

Ст.-слав. *съ* [СС: 676—677]; болг. *този*; мак. *овој*; сербохорв. *овај*; словен. *tâ*; др.-русск. *съ* > *сей* [СРЯ 11—17, 24: 35—36]; др.-новг. *съ* > *сеи* [Грамоты № 247, 1025—1050 гг., № 752, 901 1100—1120 гг. и мн. др.]; рус. *этот*; укр. *цей*; бел. *гэты*; др.-чеш. *sen*, *ten*, *tet*; чеш. *ten*; словацк. *ten*; др.-польск. *ten*; польск. *ten*; кашуб. *ten* [Sychta, 5: 342]; полаб. *sq* [SEJDP, 5: 743—744]; в.-луж. *tón*; н.-луж. *ten* [Schuster-Šewc, 20: 1515—1516].

Праславянским местоимением в данном случае было **sъ* [Мейе, 1951: 353—354].

Четвёртая группа**neck (шея)**

Ст.-слав. *шиѡ* [СС: 790], *выѡ* [СС: 161]; болг. *шиѡ*, *врат*; мак. *врат*; сербохорв. *vrât*; словен. *vrât*; др.-русск. *воротъ* [СРЯ 11—17, 3: 34], [СРЯ 11—14, 1: 477], *шыѡ* > *шеѡ* [Срезневский, 3: 1596]; рус. *шея*; укр. *шиѡ*; бел. *шыѡ*; др.-чеш. *krk*; чеш. *krk*; словацк. *krk*; др.-польск. *szyja* [Boryś, 2005: 610]; польск. *szyja*; кашуб. *szëja* [Sychta, 5: 244]; полаб. *vojo* / *voja* [SEJDP, 6: 1034]; в.-луж. *šija*; н.-луж. *šuja* [Schuster-Šewc, 12: 1436].

В случае с чешским и словацким в список следует внести *krk* (*časť tela spojujúci hlavu s trupem* [Slovník spisovné češtiny, 2010: 151]; *časť tela spojujúca hlavu s trupom, hrdlo* [Slovník slovenského jazyka, 1: 774]); а не *vaz* (*zadní část krku* [Slovník spisovné češtiny, 2010: 484]) и *šije* (*zadní část krku, vaz, týl* [Slovník spisovné češtiny, 2010: 432]) / *šija* (*zadná al. horná časť plic a krku* [Slovník slovenského jazyka, 4: 407]). В польском наблюдается обратная ситуация, в список следует внести слово *szyja* (*u człowieka i niektórych zwierząt: część ciała łącząca głowę z tułowiem* [Wielki słownik języka polskiego, 2008: 804]), а не *kark* (*tylna część szyi granicząca z plecami* [Wielki słownik języka polskiego, 2008: 316]).

В целом, формы всех языков восходят к праслав. **wortъ*, **wъja*, **šъja*, **kъrkъ*. Вероятно, локальной инновацией является чешско-словацкое *krk*, восходящее к праслав. **kъrkъ*, которое, по мнению авторов ЭССЯ [ЭССЯ, 14: 218—219], продолжает праиндоевропейское название шеи и родственно др.-инд. *kr̥kātam* «шея» и галльск. *cricon* «горло» либо проис-

ходит от глагола **kьrčiti* [ЭССЯ, 14: 209—211] «корчить, крутить», который, в свою очередь, является продолжением п.-и.-е. **kṛk-* «экспрессивное образование, передающее идею узловатости, верчения и т. п.». В. Борысь возводит **kьrkь* к п.-и.-е. **kṛko-* «kark», а его, в свою очередь, к **(s)ker-k-* «крутить, вращать» [Boryś, 2005: 223]. Довольно показательна в данном отношении славяно-осетинская изоглосса: слав. **kьrkь* — осет. *xūrx / хорх* «горло, глотка» [Абаев, 1965: 20].

Скорее всего, инновационно также **wortь*, распространённое, в основном, в южнославянских языках. Из оставшихся двух лексем в силу большей географической распространённости на роль праславянского слова *neck* подходит **šьja*.

say (сказать)

Ст.-слав. рѣшти [СС: 580—581]; болг. *кажа*; мак. *каже*; сербохорв. *рѣћи*; словен. *réči*; др.-русск. рѣчи [СРЯ 11—17, 22: 157—158], съказати > сказати [СРЯ 11—17, 24: 165—168]; др.-новг. рѣчи [грамоты № 879, 1120—1140, № 656, 748, 1160—1180 гг. и др.], съказати [грамота № 725, 1180—1200 гг.]; рус. *сказать*; укр. *сказати*; бел. *сказаць*; др.-чеш. *řeci*; чеш. *řici / říct*; словацк. *povedať*; др.-польск. *powiedzić* [SP 16, 29: 113]; польск. *powiedzieć*; кашуб. *rzec* [Sychta, 6: 377], *powiedzec* [Sychta, 6: 154]; полаб. *ricat* [SEJDP, 4: 640—641]; в.-луж. *rjes*; н.-луж. *rjac* [Schuster-Šewc, 16: 1222].

Следуя рекомендациям из [Kassian et al. 2010: 75], в список нужно вносить слова, являющиеся нейтральными обозначениями однократного речевого акта.

По всей видимости, исконным было **rekti* (1. sg. praes. **reko*). В польском и словацком оно было вытеснено континуантами глагола **powědati* «сообщить». В этих языках сохраняются слова *rzec* и *riect'* соответственно, носящие книжный характер [Słownik poprawnej polszczyzny, 2010: 688], [Slovník slovenského jazyka, 3: 742]. В кашубском сохраняются оба глагола. В восточнославянских языках и в болгаро-македонской группе **rekti* был вытеснен глаголом **(sь)kazati* «показывать».

tail (хвост)

Ст.-слав. опашь [СС: 414], хоботъ [СС: 762]; болг. *опашка*; мак. *опашка*; сербохорв. *рѣп*; словен. *řep*; др.-русск. *хвостъ* [Срезневский, 3: 1366], *опашь* [СРЯ 11—17, 13: 12], [СРЯ 11—14, 6: 136]; рус. *хвост*; укр. *хвіст*; бел. *хвост*; др.-чеш. *ocas, chvost*; чеш. *ocas*; словацк. *chvost*; др.-польск. *ogón* [SP 16, 21: 98—101], *chvost* [SP 16, 3: 376]; польск. *ogon*; кашуб. *ògón* [Sychta, 3: 294—295]; полаб. *vâraus / vârais* [SEJDP, 6: 939—940]; в.-луж. *woruiš*; н.-луж. *woriš, wogon* [Schuster-Šewc, 22: 1658; 21: 1639].

Сербохорватское *рѣп* и словенское *řep* восходят к праслав. **rępь* (откуда также польск. *rzęp*, род. п. *rzępia* «зад, хвост», чешск. диал. *řap, řáp* «ручка», в.-луж. *rјар*, н.-луж. *řěp* «позвоночник» [Bezlej, 3: 171], [Skok, 3: 128—129]) и, по-видимому, в данном значении являются инновацией. Русское диалектное *репица* «задняя часть туловища лошади, круп», очевидно, не связано с данным корнем и происходит от слова *репа*, о чём говорят как фонетика, так и семантика данного слова, поскольку кроме лошадиного крупа оно может обозначать также собственно репу

Слова **ogonь* [ЭССЯ, 26: 231—232], **očesь*, **opašь / *opaša* [ЭССЯ, 28: 167], **opišь* [ЭССЯ, 29: 42], **ošibь / *ošibь* [ЭССЯ, 30: 133] — поздние региональные инновации, образованные от глаголов с приставкой **ob-* от глаголов **ob-goniti* «обгонять», **ob-cěstiti* «очистить», **ob-paxati* «обмести», **ob-pušiti* «опушить», **ob-šibiti / *ob-šibati* «бить».

Остаются **xobotь* и **xwostь*. Этимологическая неясность последнего, наличие у него родственников в других индоевропейских языках, а также его большая географическая распространённость (в значении «хвост» или производном от него названии растения

*xwošćь встречается почти во всех славянских языках) заставляют считать, что именно слово *xwostь означало *tail* в праславянском. Лексема *xwostь значительно древнее и распространённое. В. М. Иллич-Свитыч возводит его к п.-и.-е. **gues-t-* «ветвь, листва» [Иллич-Свитыч, 1961: 96]. В. Махек полагает, что первоначальным значением этого слова было «веник, которым хлещут в бане», вследствие чего был образован глагол *xwostati «хлестать, парить в бане веником» [Machek, 1968: 211]. Так как хвостом тоже хлещут, *xwostь распространилось на него.

Таким образом, благодаря многочисленности славянской группы языков и наличию в ней языка, крайне близкого к праславянскому, праславянский список Сводеша удалось составить с относительно высокой точностью, но не для всех слов из списка в правильности выбора можно быть полностью уверенным, что, конечно же, должно быть учтено при дальнейшей работе с данным списком.

Литература

- АБАЕВ В. И. *Скифо-европейские изоглоссы*. М.: Наука, 1965. [АБАЕВ V. I. *Skifo-evropejskie izoglossy*. М.: Nauka, 1965.]
- БЕРНШТЕЙН С. Б. *Болгарско-русский словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1966. [BERNSHTEIN S. B. *Bolgarsko-russkij slovar'*. М.: Sovetskaya enciklopediya, 1966.]
- Български етимологичен речник*. Томове I—VI. София: Издателство на Българската Академия за науките, Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1971—2002. [*Balgarski etimologichen rechnik*. Tomove I—VI. Sofiya: Izdatelstvo na Balgarskata Akademiya za naukite, Akademichno izdatelstvo «Prof. Marin Dri- nov», 1971—2002.]
- ВАЙАН А. *Руководство по старославянскому языку*. М.: Издательство ЛКИ, 2007. [VAJAN A. *Rukovodstvo po staro- slavyanskomu yazyku*. М.: Izdatel'stvo LKI, 2007.]
- Древнерусские берестяные грамоты*. Режим доступа: <http://gramoty.ru/> [*Drevnerusskie berestyanye gramoty*. Rez- him dostupa: <http://gramoty.ru/>]
- ЗАЛИЗНЯК А. А. *Древненовгородский диалект*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [ZALIZNYAK A. A. *Drevne- novgorodskij dialekt*. М.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004.]
- ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ В. М. Один из источников начального *x-* в праславянском (Поправка к «закону Зибса») // *Во- просы языкознания*, 1961, № 4. С. 93—98. [Illich-Svitych V. M. Odin iz istochnikov nachal'nogo *x-* v pra- slavyanskom (Popravka k «zakonu Zibsa») // *Voprosy yazykoznanija*, 1961, № 4. S. 93—98.]
- ОСНЯ — ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ В. М. *Опыт сравнения nostrатических языков: Сравнительный словарь*. Тома I—III. М.: Наука, 1971—1984. [ILICH-SVITYCH V. M. *Opyt sravneniya nostraticheskikh yazykov: Sravnitel'nyj slovar'*. Toma I—III. М.: Nauka, 1971—1984.]
- ЛЬВОВ А. С. *Очерки по лексике памятников старославянской письменности*. М.: Наука, 1966. [L'VOV A. S. *Oчерki po leksike pamjatnikov staroslavjanskoj pis'mennosti*. М.: Nauka, 1966.]
- Македонско-русский словарь*. М.: Астрель — АСТ, 2003. [*Makedonsko-russkij slovar'*. М.: Astrel' — AST, 2003.]
- МЕЙЕ А. *Общеславянский язык*. М.: Издательство иностранной литературы, 1951. [MEJE A. *Obsch斯拉vyanskij ya- zyk*. М.: Izdatel'stvo inostrannoј literatury, 1951.]
- СРЕЗНЕВСКИЙ И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Тома I—III. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1893—1912. [SREZNEVSKIJ I. I. *Materialy dlya slovaryа drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamjatnikam*. Toma I—III. SPb.: Tipografiya Imperatorskoј Akademii Nauk, 1893—1912.]
- СРЯ 11—14 — *Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.)*. Тома 1—8. М.: Русский язык, 1988—2008. [*Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI—XIV vv.)*. Toma 1—8. М.: Russkij yazyk, 1988—2008.]
- СРЯ 11—17 — *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Выпуски 1—28. М.: Наука, 1975—2008. [*Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv.* Vypuski 1—28. М.: Nauka, 1975—2008.]
- СС — ЦЕЙТЛИН Р. М., ВЕЧЕРКА Р., БЛАГОВА Э. *Старославянский словарь*. М.: Русский язык, 1994. [TSEJTLIN R. M., VECHERKA R., BLAGOVA E. *Staroslavjanskij slovar'*. М.: Russkij yazyk, 1994.]

- ТОЛСТОЙ И. И. *Сербско-хорватско-русский словарь*. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. [TOLSTOJ I. I. *Serbsko-khorvatsko-russkij slovar'*. М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i nacional'nykh slovarej, 1958.]
- ТОПОРОВ В. Н. *Прусский язык*. Тома I—V. М.: Наука, 1975—1990. [ТОПОРОВ В. Н. *Prusskij yazyk*. Тома I—V. М.: Nauka, 1975—1990.]
- ФАСМЕР М. *Этимологический словарь русского языка*. Тома I—IV. М.: Прогресс, 1964 — 1973. [FASMER M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*. Тома I—IV. М.: Progress, 1964 — 1973.]
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков*. Выпуски 1—33. М.: Наука, 1974—2007. [Etimologicheskij slovar' slavjanskikh yazykov. Vypuski 1—33. М.: Nauka, 1974—2007.]
- BEZLAJ F. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Knjige I—IV. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1977—2005.
- BORYŚ W. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005.
- BRÜCKNER A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1985.
- DERKSEN R. *Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon*. Leiden — Boston: Brill, 2008.
- KASSIAN A., STAROSTIN G., DYBO A., CHERNOV V. The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification // *Journal of Language Relation* 4 (2010). Pp. 46—89.
- SEJDP — LEHR-SPLAWIŃSKI T., POLAŃSKI K. *Słownik etymologiczny języka drzewian połabskich*. Zeszyty I—VI. Wrocław — Warszawa — Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich — Wydawnictwo PAN, 1962—1994.
- MACHEK V. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1968.
- SCHUSTER-ŠEWC H. *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache*. Bände 1—24. Bautzen: VEB Domowina-Verlag, 1978—1989.
- СКОК Р. *Етимолојски рјечник хрватскога или српскога језика*. Knjige I—III. Zagreb, 1971—1973.
- Slovník slovenského jazyka*. Diely I—VI. Bratislava: Vydavateľstvo slovenskej Akadémie Vied, 1959—1968.
- Slovník spisovné češtiny*. Praha: Academia, 2010.
- SP 16 — *Słownik polszczyzny XVI wieku*. Tomy 1—34. Wrocław — Warszawa — Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich — Wydawnictwo PAN, 1966—2010.
- Słownik poprawnej polszczyzny*. Warszawa: PWN, 2010.
- SYCHTA B. *Słownik gwar kaszubskich*. Tomy I—VII. Wrocław — Warszawa — Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich — Wydawnictwo PAN, 1967—1976.
- Vokabukář webový*. Режим доступа: <http://vokabular.ujc.cas.cz/>
- Wielki słownik języka polskiego*. Kraków: Krakowskie Wydawnictwo Naukowe, 2008.

M. N. SAENKO. Reconstruction of the Proto-Slavic Swadesh wordlist.

The article is an attempt to reconstruct the 100-word Swadesh list for the Proto-Slavic language. It is based on materials of 18 living and extinct Slavic languages including the language of birch-bark letters. The final list presented here is subdivided into 4 parts: 1) Proto-Slavic words preserved in all Slavic languages; 2) Proto-Slavic words preserved in the majority of the Slavic languages, with transparent innovations in the rest; 3) words attested in disparate languages, whose Proto-Slavic origin can be identified only with the help of external comparison; 4) words whose Proto-Slavic origin cannot be identified with 100% certainty even with the help of external comparison. Lexemes of the third and fourth groups are particularly analysed in the article.

Keywords: lexicostatistics, Proto-Slavic language.

К вопросу о восточnodардской языковой общности*

Статья посвящена проблеме генетической классификации дардских языков. Особое внимание уделяется вопросу о генетических отношениях языков, традиционно называемых восточnodардскими. Для решения этого вопроса используются два различных лексикостатистических метода: разновидность метода «ближайших соседей» и статистический метод наименьших средних отклонений. Сравнительный анализ полученных генетических деревьев и их сопоставление с историческими свидетельствами позволяет сделать вывод о выделении восточnodардских языков в единую и обособленную ветвь внутри дардской группы.

Ключевые слова: дардские языки, генетическая классификация, историческая фонетика, этимология, лексикостатистика, метод «ближайших соседей».

Вопрос о генетической классификации дардских языков до сих пор остается неразрешенным, хотя попытки ее построения предпринимались уже достаточно давно. Первая такая попытка, как известно, была сделана еще в начале XX в. Дж. Грирсоном [Grierson 1919], предложившим выделить внутри дардской группы 3 подгруппы: кафирскую (объединявшую языки пашаи, гавар-бати, тирахи и калаша, а также 4 языка, ныне по историко-фонетическим критериям выделяемых в самостоятельную (нуристанскую) ветвь арийских языков — кати, вайгали, ашкун и прасун), центральную (представленную языком кховар) и восточnodардскую (включающую кашмири, шина, а также языки, объединяемые под общим названием кохистанских — башкаррик¹, торвали, майян, говро, чилиссо), рис. 1. В настоящее время данная классификационная схема считается рядом исследователей устаревшей². Большой популярностью при этом пользуется альтернативная классификация, предложенная Г. Моргенштерне³. Согласно ей, дардские языки делятся на 6 подгрупп: читральскую (включающую языки кховар и калаша), кунарскую (языки гавар-бати, шумашти, глангали, нингалами и дамели), пашаи, кохистанскую (языки башкаррик, торвали, майян, катаркалаи [вотапури] и тирахи), шина (диалекты языка шина и язык пхалура с диалектом сави) и кашмирскую (язык кашмири, включая диалекты, распространенные за пределами Кашмирской долины — каштавари, погули, сираджи и рамбани), рис. 2. Впоследствии в классификацию Г. Моргенштерне были внесены незначительные изменения — языки тирахи и катаркалаи были выведены из числа кохистанских и выделены в самостоятельные ветви, а язык дамели — напротив, включен в кохистанскую подгруппу [Strand 2006].

---

* Материалы, представленные в лексикостатистической части статьи, подготовлены при поддержке гранта РФФИ №12–06–00214.

¹ Известен также под названиями дири, гарви, гаври и калам-кохистани.

² См., напр., [Strand 1973, 2006].

³ Она приведена, напр., в поздней работе [Morgenstierne 1961].

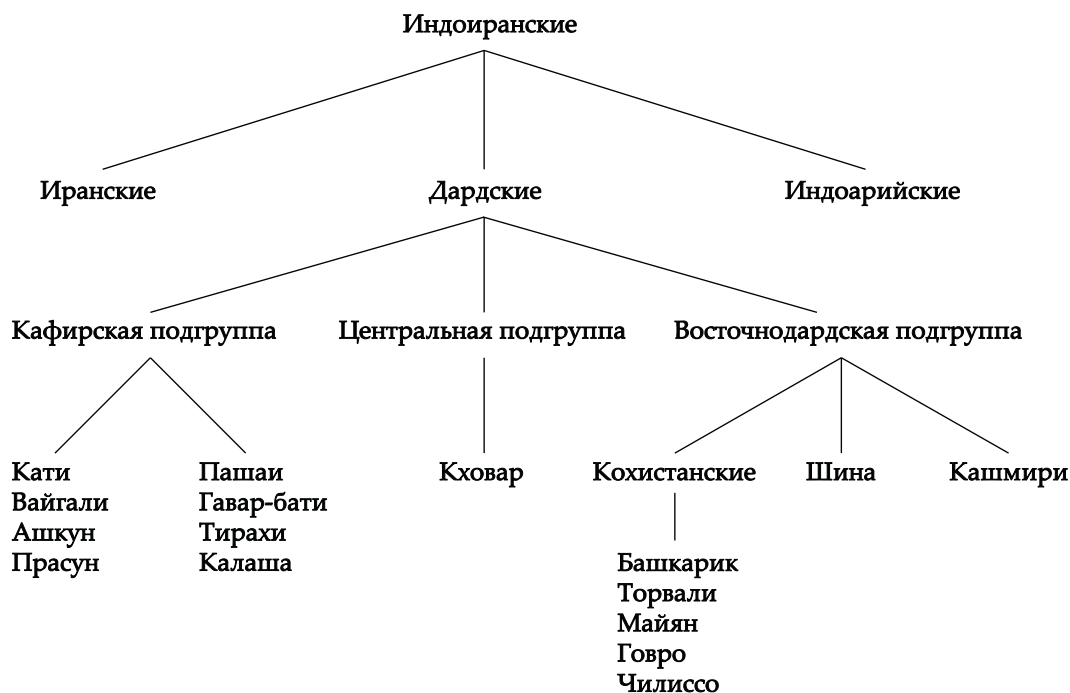

Рис. 1. Классификация языков дардской группы по Дж. Грисону

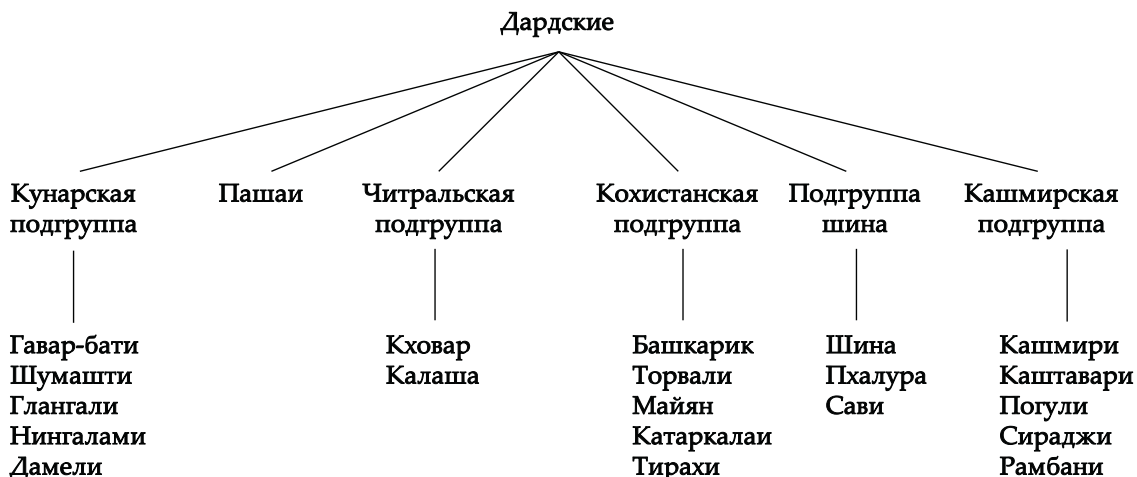

Рис. 2. Классификация языков дардской группы по Г. Моргенштерне

Две приведенные здесь классификационные схемы различаются не только набором подгрупп⁴, но и их статусом. Убедительно показав генетическую самостоятельность нуристанских («кафирских» в более старой терминологии) языков, Г. Моргенштерне отнес остальные языки, традиционно включавшиеся в дардскую группу, к индоарийским [Morgenstierne 1926; 1932; 1945; 1961; Buddruss 1977; Strand 1973; 2006; Edelman 1983;

⁴ Определенные различия имеются также и в самом наборе дардских языков. Связаны они прежде всего с успехами полевых лингвистических исследований в регионе Восточного Гиндукуша в XX в., благодаря которым в научный обиход был введен материал неизвестных прежде языков. Так, языки пхалура, шумашти, нингалами и дамели были открыты и впервые описаны лично Г. Моргенштерне [Morgenstierne 1941; 1942; 1945], язык вотапуре (катаркалаи) и диалект сави — Г. Буддруссом [Buddruss 1960; 1967], язык глангали — А. Л. Грюнбергом [Грюнберг 1971].

Эдельман 1992]. При этом утверждалось, что дардские языки не разделяют ни одной общей отличительной черты, противопоставляющей их остальной индоарийской группе, то есть не образуют генетически единой подветви [Morgenstierne 1961]. Новейшие исследования показали, что данная точка зрения не может быть принята: дардская общность, несомненно, носит генетический характер, о чем свидетельствуют данные как исторической фонетики, так и лексикостатистики [Коган 2005]. Эти же данные не позволяют включать дардские языки в индоарийскую ветвь и заставляют относить их генетическое обособление ко времени распада индоиранского единства [Там же]. Таким образом, поднятый еще в работах Дж. Грирсона вопрос об этапах филиации дардской языковой общности вновь должен быть признан правомерным и заслуживающим тщательного рассмотрения.

Основная причина отсутствия консенсуса по поводу внутреннего членения дардской группы, по всей видимости, состоит в том, что все предлагавшиеся в прошлом классификационные схемы были в немалой степени интуитивными и не опирались на строгие сравнительно-исторические критерии. Следует сказать, что наличие некоторых постулируемых исследователями подгрупп, действительно, является интуитивно очевидным. Это относится, например, к кунарской подгруппе, включающей языки гавар-бати, шумашти, глангали и нингалами⁵. Число общих черт, разделяемых этими языками на разных уровнях, столь велико, что их тесное родство не вызывает сомнения. Данная ситуация, однако, является скорее исключением, нежели правилом. Поэтому следует признать, что классификационные схемы как Дж. Грирсона, так и Г. Моргенстьерне содержат немало непроверенных гипотез и ни в коем случае не должны приниматься безоговорочно.

К числу подобных гипотез, требующих проверки, относится предложенное Дж. Грирсоном выделение восточноевропейской языковой общности. Вопрос о правомерности ее постулирования по-разному решался в приведенных выше классификациях, причем открытой полемики по данной проблеме по непонятным причинам не велось. Сам Дж. Грирсон основывался в значительной степени на наличии существенного количества общих лексических изоглосс⁶, основания же для предлагавшегося Г. Моргенстьерне «разведения» кашмири, шина и кохистанских языков в 3 разные генетически не сближающиеся друг с другом подгруппы остаются неясными.

По-видимому, единственная попытка взглянуть на проблему с точки зрения исторической фонетики была сделана Г. Буддруссом. Признавая существование восточноевропейской общности, он в работе, посвященной языку катаркалаи, называет 3 историко-фонетические инновации, являющиеся, на его взгляд, восточноевропейскими: переходы $*w > b$, $*st > t(h)$ и $*s\check{t} > t(h)$ [Buddruss 1960, 71–72]. Следует сказать, что в полной мере точка зрения Г. Буддрусса неприемлема. Развитие $*w > b$ никоим образом не может считаться общевосточноевропейским, поскольку не является характерным для кашмири, где древний w как правило сохраняется (ср. $wāw$ ‘ветер’ при др.-инд. $vāyu-$ ‘воздух, ветер, божество ветра’, авест. $vaiiu-$ ‘воздух, божество ветра’; wuh ‘20’ при др.-инд. $vimśati$, авест. $vīsaiti$; $wāy-$ ‘играть на музыкальном инструменте’ при др.-инд. $vādayati$ ‘заставляет звучать’, па-

⁵ Отнесение к кунарской подгруппе языка дамели представляется нам совершенно необоснованным. По целому ряду важных историко-фонетических характеристик этот язык сближается с нуристанскими языками и, вероятнее всего, должен включаться в число последних. Подробнее об этом см. [Коган 2007].

⁶ Список таких изоглосс для кашмири и шина приводится в работе [Grierson 1919, 251–253]. Вызывает недоумение и сожаление тот факт, что этот список не стал в дальнейшем объектом серьезного обсуждения среди ученых.

ли *vādēti* ‘играет на музыкальном инструменте’, осет. *wadynz* ‘свирель’; *woch* ‘теленоч’ при др.-инд. *vatsa-*, осет. (дигорский диал.) *was* то же; *wāch* ‘грудь’ при др.-инд. *vakṣas-* то же, осет. *wæxsk* ‘плечо’; *wučh-* ‘видеть’ при башк. *bičh-*, тир. *bič-* то же, др.-инд. *vikṣate* ‘смотрит, видит’⁷. Не может претендовать на общевосточнодардский статус и развитие **ṣt > t(h)*, поскольку старая группа *ṣt* (< общеиндоиран. **ṣt*) сохраняется или же изменяется иным образом в диалектах шина и в пхалура (ср. шина *āṣ* (гильгитский диал.), *aṣt* (пуниальский диал.), пхал. *aṣt* ‘8’ при др.-инд. *aṣṭā(u)*, авест. *ašta-*; шина (кохистанский и гурезский диал.) *muṣṭak*, пхал. *muṣṭi* ‘кулак’ при др.-инд. *muṣṭi-* ‘кулак, пригоршня’, кл.-перс. *mušt* ‘кулак’; пхал. *drhiṣṭu* ‘увиденный’ при др.-инд. *drṣṭa-*, авест. *dərəšta-* то же). Переход **st > t(h)*, по всей видимости, действительно, может считаться общим для всех восточнодардских языков. Характерен он прежде всего для древней интервокальной позиции (ср. кашм. *athi*, шина *hat* (гильгитский диал.), *hatth* (диал. палеси), сави *hāth*, пхал. *hāt(h)*, май. *hāth-* (основа косвенных падежей), торв. *hatth*, катар. *at(h)* ‘рука’ при др.-инд. *hasta-*, авест. *zasta-*, др.-перс. *dasta-*; башк. *othār* ‘род кожаной обуви’ < **awastāra-*, кашм. *watharun* ‘циновка, коврик’, шина *bathāri* ‘постель’ при др.-инд. *upastaraṇa-* ‘покрытие’, *viṣṭārayati* ‘расстиляет’, авест. *frastərənata-* ‘разостланный’, ср.-перс. *wistardan*, кл.-перс. *gustardan* ‘расстилать’; пхал. *mātu*, шина *matu* (гильгитский диал.), *mattho* (диал. палеси) ‘мозг’, катар. *mat(h)* ‘голова’ при др.-инд. *masta-* ‘голова’, *mastiṣka-* ‘мозг’, *mastṛhan-* то же, авест. *mastərəyan*, ормури *mastəry* ‘мозг’, хот.-сак. *māstai* ‘мозг, голова’; шина *natho* (диал. палеси), *natho*, *natu* (гильгитский диал.), торв. *natkōl*, май. *nathūr*, катар. *nyet* ‘нос’, кашм. *nath-wāj* ‘кольцо в носу’ при др.-инд. *nasta-* ‘нос’, *nastaka-* ‘носовая перегородка’, др.-иран. **nastī-* (> парачи *nēšt*) ‘нос’). Примечательно при этом, что в дардских языках, не относимых Дж. Грирсоном к восточной подгруппе, интервокальная группа **st* сохраняется (ср. тир. *āst*, паш. (даил. лауровани) *hāst*, диал. нирлами и гульбахари *hōst*, шум. *aste-*, нинг. *wōst*, г.-б., кал. *hast*, кховар *host* ‘рука’; кал. *ustrau* ‘постель’; г.-б. *mastak*, кал. *m(h)āsta* ‘мозг’; паш., кал. *nāst*, тир. *nast* ‘нос’, кховар *nastuṭi* ‘носовая слизь’).

Приведенные восточнодардские примеры требуют некоторых комментариев. Из трех встречающихся в них рефлексов интервокального **st* (*tth*, *th* и *t*) наиболее архаичным, по всей видимости, является первый. Ни в торвали, ни в диалектах шина, где этот рефлекс обнаруживается, не отмечено надежных случаев вторичной интервокальной или конечной геминации глухих. С другой стороны, в тех языках, где отражением рассматриваемой группы является одиночный смычный, геминированные согласные как таковые вообще не зафиксированы, что вполне может являться следствием упрощения более старых геминат. Рефлекс в виде непридыхательного *t* отмечается в языках, где оппозиция по придыхательности, возможно, не характерна для некоторых позиций в слове (гильгитский диалект шина⁸), либо же может вообще не являться фонологичной (пха-

⁷ Примеры перехода **w > b* в кашмири весьма немногочисленны. Практически все они могут быть опознаны как индоарийские заимствования. В двух случаях появление нерегулярного *b* может объясняться контаминацией с родственными словами в соседних дардских или индоарийских языках: *baḍ-* ‘расти, увеличиваться’ при др.-инд. *vardhate*, авест. *varədaiti* ‘растет’, пхал. *baḍ-*, хинди *baṛh-*, зап. пах. (диал. котгархи) *bōdh-*, *bōrh-*, догри *badh-* ‘расти’; *beh-* ‘сидеться, сидеть’ при др.-инд. *upa-viśati* ‘сидится’, авест. *viśantē* ‘(они) занимают места’, торв., май. *b(h)ay-*, шина *bay-*, пхал. *bheš-*, говро *biš-*, хинди, пандж. *baiṭh-*, лахнда *bēh-*, зап. пах. *beš-* (диал. котгархи), *biš-* (диал. бхадарвахи и бхалеси), *baiḥ-* (диал. чамеали) ‘сидеться, сидеть’.

⁸ Ср., например, сосуществование двух фонетических вариантов слова со значением «лицо» — *muk* и *mukh* с историческим придыхательным (< **mukha-*, ср. др.-инд. *mukha-*, общеиран. **mukha-* > пушту *māx* ‘лицо’). Примечательно также наличие приведенных выше обозначений носа *natho* и *natu*. Первое из них отмечено Д. Л. Р. Лоримером, второе — Т. Г. Бейли. Наличие разнобоя в записях двух исследователей, вероятно, объясняется неустойчивостью придыхания в позиции перед конечным кратким гласным.

лура, катаркалаи)⁹. В одном случае (торв. *natkōl* ‘нос’) непридыхательный выступает перед последующим смычным, то есть в позиции, где артикуляция аспираты чрезвычайно затруднительна. Таким образом, во всех случаях $t < *st$ непридыхательный мог развиться из более раннего придыхательного.

В кашмири и пхалура группа *st* обнаруживается в неизменном виде в названиях носа: кашм. *nast*, пхал. *nāst*. Данный факт, скорее всего, как-то связан с наличием в обоих языках дублетных форм, продолжающих древнюю основу без *t* (кашм. *nas*, пхал. *nās* < $*nas-$, ср. др.-инд. *nas-* ‘нос’). Варианты с группой *st* могут являться результатом контаминации рефлексов древних основ $*nas-$ и $*nasta$ ¹⁰. Таким образом, конечный кластер в них, возможно, вторичен, и нет никаких весомых оснований считать эти варианты более архаичными, чем таковые с одиночным *s*.

Все вышесказанное дает нам основания считать возможной реконструкцию геминаты $*tth$ в качестве рефлекса общедардского интервокального кластера $*st$ в гипотетическом общевосточнодардском праязыке. Следует, однако, отметить, что наличие следов перехода $*st > tth$ во всех языках, традиционно относимых к восточнодардским, является достаточно слабым аргументом в пользу восточнодардского единства. Как известно, данный переход широко распространен в индоарийских языках, где отмечается уже в среднеиндийскую эпоху [Woolner 1917, 19]. Если учесть также, что вплоть до XIV—XVI в. дардский языковой ареал непосредственно граничил с индоарийским как раз в зоне распространения языков, включаемых в гипотетическую восточнодардскую общность¹¹, нельзя не признать, что рассматриваемая историко-фонетическая изоглосса может иметь ареальный, а не генетический характер.

Интересно отметить, что аналогичные проблемы встают и при изучении лексических изоглосс. Так, во всех восточнодардских языках имеются этимологически родственные глаголы со значением «есть, кушать» и «сидеть», не характерные для большинства прочих языков дардской группы: катар., башк., торв., май. *khā-*, пхал. *khū-*, шина *kho-*, кашм. *khe-* ‘есть, кушать’ (< $*khāda-$, ср. др.-инд. *khādati* ‘жует, ест’, кл.-перс. *xāyīdan* ‘жевать, грызть’ < др.-иран. $*xād-$ ‘пожирать’) при паш. *žū-*, шум. *zō-*, г.-б., кал. *žū-*, кхов. *žib-* (< $*yaw-$, ср. вах. *yāw-* ‘есть, кушать’); башк. *bāy-*, торв., май. *b(h)ay-*, шина, катар. *bay-*, пхал. *bheš-*, кашм. *beh-* говро *biš-* ‘садиться, сидеть’ (< $*wiš-/waiš-$, ср. авест. *vīšantē* ‘(они) занимают места’, др.-инд. *upaviśati* ‘садится’, *upaviṣṭa-* ‘сидящий’) при паш. *nē-*, кхов. *niš-*, кал. *nis-* ‘садиться, сидеть’, г.-б. *niši*, шум. *nišī* ‘сидящий’ (< $*ni-šad-$, ср. др.-инд. *niśidati*, авест. *nišhidaiti* ‘садится’). При этом, однако, восточнодардские глаголы имеют семантически тождественные соответствия в индоарийских языках: хинди, пандж., лахнда, гудж., мар., ория, бенг., асс., неп., кумаони, зап. пах. *khā-*, цыг. *xa-*, синдхи *khi-*, синг. *ka-* ‘есть, кушать’; хинди, пандж. *baiṭh-*, лахнда *bēh-*, синдхи *veh-*, гудж. *bes-*, мар. *bas-*, ория *baiṭh-*, бенг. *boš-*, асс. *boh-*, зап. пах. (диал. котгархи) *beš-*, цыг. *beš-* ‘сидеть, садиться’. Показательно также наличие этимологических параллелей в дардских языках, традиционно не причисляемых к восточнодардской подгруппе — тирахи и нингалами (тир. *khā-* ‘есть, кушать’, *bēz-* ‘сидеть, садиться’, нинг. *xuu-* ‘есть, кушать’). Язык тирахи обнаруживает некоторые общие

⁹ Об этом см. [Morgenstierne 1941, 11; Buddruss 1960, 17].

¹⁰ Как указывалось выше, регулярное отражение основы $*nasta-$ отмечено в кашмирском композите *nath-wāj* ‘кольцо в носу’.

¹¹ В настоящее время дардский и индоарийский ареалы непосредственно не соприкасаются нигде за исключением территории индийского штата Джамму и Кашмир. Связано это с миграциями пуштунов в XIV—XVI вв. Диалекты языка пушту сыграли роль клина, отрезавшего носителей дардских языков от индоарийского населения северо-западного Индостана.

изоглоссы с восточnodардскими языками¹², однако не обнаруживает перехода интервокального *st > *tth*. Нингалами же, вне всякого сомнения, относится к кунарской подгруппе.

Таким образом, следует признать, что среди рассмотренных здесь историко-фонетических и лексических изоглосс ни одну нельзя с полным основанием считать классифицирующей для восточnodардских языков. Анализ этих изоглосс не дает ясного ответа на вопрос о восточnodардском генетическом единстве. Скорее, он позволяет поставить этот вопрос в более четкой и конкретной формулировке: являются ли выделяемые в классификации Дж. Грирсона восточnodардские языки генетической общностью или же они представляют собой ареальное объединение дардских языков разных подгрупп, вторично сблизившихся не в последнюю очередь благодаря совместным контактам с индоарийскими языками?

Существенно прояснить данную ситуацию могло бы, на наш взгляд, использование метода лексикостатистики. В нашей работе «Дардские языки. Генетическая характеристика» [Коган 2005] этот метод уже применялся для определения места дардских языков внутри арийской языковой общности. Там же была предложена методика выявления как несомненных, так и вероятных индоарийских заимствований в стословных списках дардских языков [Коган 2005, 168—172]. Лексикостатистические подсчеты, дополненные данной методикой, могли бы дать весьма важные и показательные результаты и, несомненно, позволили бы вплотную приблизиться к решению проблемы восточnodардской языковой общности. К счастью, в последние годы объем доступного материала по восточnodардским языкам существенно увеличился. Вышел в свет крупный словарь языка майян [Zoller 2005], был составлен двуязычный электронный торвали-урду словарь [Online Torwali Dictionary 2011], благодаря недавней публикации Р. Л. Шмидт и В. К. Кауля в журнале *Acta Orientalia* [Schmidt, Kaul 2008] в научный обиход был введен весьма значительный объем неизвестной ранее лексики пяти диалектов шина (кохистанского, гурезского, асторского, дракского и брокската)¹³. Все это сделало возможным создание достаточно детальной (особенно в сравнении более ранним временем¹⁴) классификации дардских языков, опирающейся на лексикостатистические данные.

Ниже делается попытка построения такой классификации для 16 дардских языков и диалектов. Основой использованной нами базы данных является более ранняя база, составленная при работе над монографией [Коган 2005]. Эта база, из которой нами взята основная часть этимологий, была дополнена списками по диалектам шина и языкам майян, торвали, говро и башкарик¹⁵. Относительно некоторых из этих добавленных списков необходимо сделать ряд замечаний. В стословном списке брокскат имеется заметное количество слов с неустановленной этимологией. Для некоторых из них, как представляется, можно предложить приемлемые этимологические решения. Прилагатель-

¹² О них см. [Grierson 1927, 266]. Возможно именно на наличии таких изоглосс основывался Г. Моргенштерне, включая тирахи в кохистанскую подгруппу.

¹³ До выхода этой статьи единственным диалектом шина, по которому в распоряжении исследователей имелся более или менее значительный (в частности, достаточный для составления стословного списка) корпус лексики, был гильгитский.

¹⁴ Еще совсем недавно ситуация была совершенно иной. Так, в нашей недавней монографии [Коган 2005] привлечь для лексикостатистических подсчетов оказалось возможным материал лишь семи дардских языков (в том числе трех восточnodардских — кашмири, шина и пхалура). При таком количестве списков удалось с достаточной точностью установить генетические отношения языков дардской группы с прочими арийскими, однако внутреннее членение дардской языковой общности осталось во многом неясным.

¹⁵ Кроме того, новые материалы, появившиеся в нашем распоряжении в течение последних лет, позволили внести отдельные коррективы в стословные списки кашмири и пхалура.

ное *bōno* ‘большой’, вероятно, связано с семантически тождественными словами в других диалектах шина (гильгитск. *boru*, гурезск. *baru*, драсск., астор., кохист. *baro*) и восходит к общедардскому корню **ward-* ‘расти’ (< общеарийск. **wardh-*, ср. др.-инд. *vardh-*, авест. *varad-* ‘расти’)¹⁶. Появление интервокального *n* вместо ожидаемого *r* в брокскат можно объяснить аналогией с прилагательным *seno* ‘маленький’. Первый компонент сложного глагола *čan this* ‘кусать’, по всей видимости, не следует отделять от его эквивалента *žan* в гильгитском диалекте и *jan* в асторском и драсском диалектах шина¹⁷. Начальный *č*, возможно, возник по аналогии с синонимичным глагольным корнем *čar-*, утраченным в брокскат, но имеющемся в целом ряде диалектов шина (гильгитск. *čapoiki*, гурезск. *čaryōni*, кохист. *čarōn* ‘кусать’), а также в некоторых других дардских языках (ср. май., говро *car-*, г.-б. *cep-* ‘кусать’, кашм. *cop* ‘укус’). Брокскат *bēldan* ‘ночь’ представляется неотделимым от семантически близких слов в ряде других дардских языков: паш. *wyāl*, шум. *wyel*, г.-б. *yel* ‘ночь’, май. *bilāl* ‘вечер, сумерки; вчера, прошлой ночью’, башк. *žāl*, торв. *byäl*, шина (гильгитский диал.) *bālā*, (гурезский, кохистанский диал.) *byālē* ‘вчера’. Название песка в брокскат (*sīri*), вероятнее всего продолжает общедардскую основу **sika-/šika-* ‘песок’¹⁸. Непосредственный прототип для данного слова можно реконструировать как **sika-r-ī*, где *r* — распространенный в арийских языках словообразовательный суффикс¹⁹, а *ī* — окончание женского рода. Выпадение интервокального глухого смычного для брокскат, по-видимому, регулярно (ср. *šyo* ‘100’ при др.-инд. *śatam*, авест. *satəm*).

Заимствования в добавленных столовых списках чаще всего легко распознаваемы. Тибетские элементы в списке брокскат были выявлены в работе [Schmidt, Kaul 2008]. Индоарийские заимствования в торвали, майян, говро и башкарик²⁰ выделялись по двум критериям, использованным в нашей монографии [Коган 2005], а именно историко-фонетическому и лингвогеографическому (наличие у данного слова этимологических параллелей в дардских языках, не подверженных индоарийскому влиянию). Следы индоарийского историко-фонетического развития, причем затушеванные поздними процессами, обнаруживаются в названии ночи: май. *rāl*, говро *rāu* (ср. др.-инд. *rātrī*, хинди, пандж., лахнда *rāt*). В обоих языках конечный элемент возник из более раннего смычного *t* (ср. май. *šal*, говро *šav* ‘100’ < **śatam*). При этом древняя группа *tr* отражается в них в виде церебрального *č(h)* (ср. май. *čā*, говро *čiā* ‘3’ < **trāyas*, май. *puč(h)* ‘сын’ < **putra-*, говро *poč* ‘внук’ < **pautra-*). Наиболее вероятной причиной подобного разнобоя рефлексов является заимствование в майян и говро индийской формы с конечным *t* до того, как прошли характерные для этих языков переходы **t > l* и **t > u, v*. Следует сказать, что индоарийское слово для ночи было заимствовано также в кашмири, башкарик, шина, пхалура и калаша [Коган 2005, 168—169].

По лингвогеографическому критерию нами были выделены следующие вероятные индоарийские заимствования: май. *haṛ*, говро *hāṛ*, торв. *hār*, башк. *haḍ* ‘кость’ (ср. пракр. *haḍḍa-*, лахнда *haḍ(d)*, пандж., хинди *haḍḍī* ‘кость’)²¹; май., торв., башк. *bāl* ‘волосы’ (ср. др.-

¹⁶ Об этимологии прилагательного ‘большой’ в шина и кашмири см. [Коган 2005, 165—166].

¹⁷ Во всех перечисленных диалектах это слово функционирует как часть сложноименного глагола со значением ‘кусать’: гильгитск. *žan thoiki*, асторск. *jan thōnu*, драсск. *jan thyōno*.

¹⁸ Ср. др.-инд. *sikatā* ‘песок, щебень’, др.-перс. *šikā* ‘щебень’, согд. *šykth* ‘галька’, пушту *šaga*, кашм. *sekh*, шина, пхал., май., торв., говро *sigal*, г.-б. *sīi*, паш. *sēo*, кхов. *šuyur*, кал. *šigou* ‘песок’.

¹⁹ С этим суффиксом ср., напр., др.-инд. *sū-ka-r-a-* ‘свинья’ (перс. *χūg* < **hū-ka-* то же); индоарийск. **padara-* ‘нога’ > хинди, пандж. *pair*.

²⁰ Об индоарийском влиянии на кохистанские языки см. [Grierson 1969, 6; 1929, 3; 1919, 3, 507].

²¹ Из дардских языков (помимо вышеперечисленных) слово отмечено только в пхалура (*haḍḍun*) и гавар-бати (*haḍ*). Оба языка, так же как и языки кохистанской подгруппы, были подвержены индоарийскому

инд. *vāla*- ‘волос’, лахнда, пандж. *vāl*, хинди *bāl*, зап. пах. (чамеали) *bāl* ‘волос(ы)’²²; май., говро *pīl*, г.-б. *phiala* ‘желтый’ (ср. др.-инд. *pītala*-, пракр. *pīāla*-, хинди, пандж., лахнда *pīlā*, синдхи *piaro*, бенг. *pilā*, гудж. *pīlū* ‘желтый’)²³; май. *gharī* ‘женщина’ (ср. пали *gharaṇī*-, пракр. *ghariṇī*-, хинди *gharṇī*- ‘жена, хозяйка дома’)²⁴; торв. *pāṣ*, башк. *paλ* ‘лист’ (ср. др.-инд. *pattra*-, лахнда *pattar*, зап. пах. (бхалеси) *paṭṭ* с регулярным *ṭ* < *tr*, пандж., хинди *pattā* ‘лист’).

В стословном списке торвали имеется персидское заимствование, претерпевшее значительные фонетические изменения и в силу этого не столь очевидное. Это название печени *jogō* (ср. кл.-перс. *jigar* ‘печень’ < др.-иран. **yakar*-). Наличие нехарактерного для торвали перехода *y > j* в начальном положении не позволяет считать данную лексему исконной. Показательно также, что в близкородственном торвали языке башкарлик исконное название печени (*yān*) продолжает иную древнюю основу — основу косвенных падежей **yakn*-. С другой стороны, развитие современной формы *jogō* из более ранней *jigar* в результате некоторых недавних историко-фонетических процессов представляется вполне возможным. Падение интервокального и конечного поствокального *r* (а также церебрального *ʀ*) является характерной особенностью языка торвали²⁵. Обнаруживается оно как в исконной лексике, так и в части арабских и персидских заимствований²⁶ (ср. *huṣā* ‘умный’ < кл.-перс. *huṣyār* то же; *tiā* ‘готовый’ < кл.-перс. *taiyār* то же < араб.). Известны также примеры развития конечного долгого *ō* из краткого *a*, возникшего после падения *r* или *ʀ*: *bog(h)o* ‘овцы’ при башк. *bakar* ‘kozy’, тир. *bakara* ‘баран’ (вероятно, индоарийское заимствование, ср. хинди *bakrā*, пандж., лахнда *bakkrā*, ‘козел’, цыг. *bakro* ‘баран’, др.-инд. *barkara*- ‘козленок, ягненок’); *niō* ‘около’ при башк. *nīar*, пхал. *nihāra*²⁷. Краткий *o* первого слога в торв. *jogō*, скорее всего, возник в результате регрессивной ассимиляции гласных.

Полные стословные списки, использованные в работе, приводятся в Приложении с указанием общих этимологий и выявленных заимствований.

Для проведения лексикостатистического анализа была составлена обновленная стословная база, включающая лексический материал по 16 дардским языкам и диалектам. Первичная обработка данных проводилась в системе Starling: при этом для каждой пары идиомов подсчитывалась доля общей лексики в их основных списках без учета заимствований. Расчетные значения долей совпадений (при 1 = 100%) приведены в соответствующих ячейках табл. 1.

Полученные доли совпадения стословных списков являются исходными данными для дальнейшего лексикостатистического анализа дардских языков.

Первый (подготовительный) этап анализа состоит в проверке исходных данных на внутреннюю согласованность. Смысл и содержание данной процедуры поясним на при-

---

влиянию, а также сильному влиянию пушту, где также имеется данное обозначение кости (*haḍ*, *haḍukay*). Заимствование, таким образом, могло проникнуть как непосредственно из новоиндийского источника, так и через посредство пушту.

²² Слово отмечено только в кохистанских языках и пхалура (*bola*).

²³ При широком распространении в индоарийских языках слово отсутствует в близкородственных кохистанских.

²⁴ В значении ‘женщина’ ни в одном другом дардском языке слово не отмечено. В значении ‘жена’ имеется в кашмирском диалекте каштавари (*gariñ*). С неисконным происхождением слова в майян, вероятно, связано наличие звонкого придыхательного.

²⁵ О ней см. [Grierson 1929, 15].

²⁶ Часть таких заимствований, возможно, проникла в торвали через посредство пушту.

²⁷ Долгий *ā* в пхалура из более раннего краткого *a*. Слово, возможно, связано с др.-инд. *nikaṭam* ‘рядом, около’.

Табл. 1. Доли совпадения основных списков дардских языков

№	Языки	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1	KSM	1	0.63	0.64	0.62	0.57	0.52	0.45	0.54	0.68	0.67	0.61	0.6	0.63	0.62	0.67	0.68
2	GLT	0.63	1	0.78	0.72	0.61	0.53	0.48	0.6	0.73	0.71	0.84	0.9	0.92	0.9	0.71	0.71
3	BRK	0.64	0.78	1	0.69	0.6	0.52	0.46	0.6	0.68	0.67	0.77	0.76	0.76	0.75	0.69	0.65
4	PHL	0.62	0.72	0.69	1	0.67	0.57	0.49	0.63	0.78	0.81	0.68	0.66	0.67	0.69	0.78	0.82
5	GAW	0.57	0.61	0.6	0.67	1	0.66	0.52	0.67	0.64	0.66	0.59	0.56	0.6	0.64	0.67	0.63
6	PSH	0.52	0.53	0.52	0.57	0.66	1	0.56	0.65	0.55	0.57	0.49	0.49	0.51	0.53	0.57	0.58
7	KHO	0.45	0.48	0.46	0.49	0.52	0.56	1	0.61	0.47	0.48	0.44	0.43	0.45	0.48	0.52	0.52
8	KAL	0.54	0.6	0.6	0.63	0.67	0.65	0.61	1	0.63	0.64	0.54	0.52	0.55	0.61	0.63	0.69
9	MAY	0.68	0.73	0.68	0.78	0.64	0.55	0.47	0.63	1	0.85	0.68	0.69	0.74	0.78	0.87	0.81
10	TOR	0.67	0.71	0.67	0.81	0.66	0.57	0.48	0.64	0.85	1	0.7	0.65	0.71	0.74	0.82	0.89
11	DRS	0.61	0.84	0.77	0.68	0.59	0.49	0.44	0.54	0.68	0.7	1	0.87	0.89	0.8	0.7	0.67
12	AST	0.6	0.9	0.76	0.66	0.56	0.49	0.43	0.52	0.69	0.65	0.87	1	0.94	0.85	0.66	0.65
13	GUR	0.63	0.92	0.76	0.67	0.6	0.51	0.45	0.55	0.74	0.71	0.89	0.94	1	0.86	0.71	0.68
14	KOH	0.62	0.9	0.75	0.69	0.64	0.53	0.48	0.61	0.78	0.74	0.8	0.85	0.86	1	0.76	0.74
15	GOW	0.67	0.71	0.69	0.78	0.67	0.57	0.52	0.63	0.87	0.82	0.7	0.66	0.71	0.76	1	0.79
16	BSK	0.68	0.71	0.65	0.82	0.63	0.58	0.52	0.69	0.81	0.89	0.67	0.65	0.68	0.74	0.79	1

Обозначения:

KSM — кашмири

GLT — гильгитский диалект шина

BRK — броксат

PHL — пхалура

GAW — гавар-баты

PSH — пашаи

KHO — кховар

KAL — калаша

MAY — майян

TOR — торвали

DRS — драсский диалект шина

AST — асторский диалект шина

GUR — гурезский диалект шина

KOH — кохистанский диалект шина

GOW — говро

BSK — башкарик

мере трех диалектов шина: драсского (DRS), асторского (AST) и гурезского (GUR). Доли совпадения их основных списков приведены в табл. 1: $N_{DRS-AST} = 0,87$; $N_{AST-GUR} = 0,94$; $N_{DRS-GUR} = 0,89$. Для наглядности воспользуемся рис. 3а, на котором значения N указаны рядом с дугами, соединяющими соответствующие языки.

Согласно этимологическим оценкам, расхождение между основными списками идиомов DRS и AST составляет 13 значений²⁸ ($1-0,87=0,13$), а между AST и GUR — 6 значений ($1-0,94=0,06$).

Если мы допустим, что ни одно из 6-ти значений, отличающих стословные списки диалектов AST и GUR, не совпадает ни с одним из 13-ти значений, отличающихся в основных списках DRS и AST, то число несовпадающих слов в основных списках DRS и GUR будет равно 19: $6+13=19$.

²⁸ Термин «значение» использован здесь условно, так как в основных списках всех трех диалектов присутствуют заимствования, и в действительности доля совпадений вычислена не от 100, а от меньшего количества слов. Таким образом, соотношение $0,01=1$ слово является в этом случае только приблизительным.

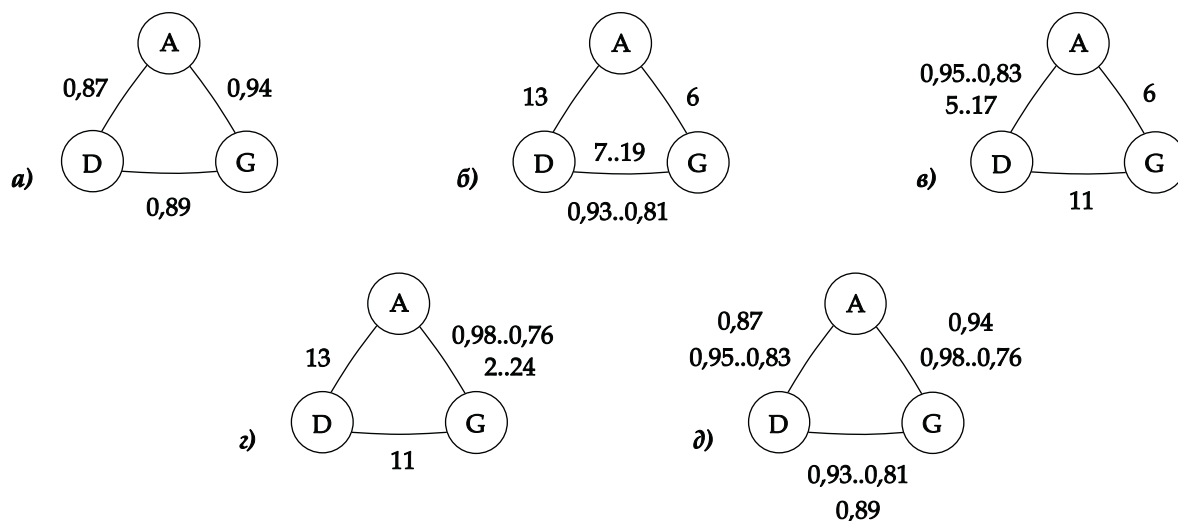

Рис. 3. Иллюстрация согласованности долей совпадений между основными списками драцкого (D), асторского (A) и гурезского (G).

Если допустить, что все 6 значений, различающие идиомы AST и GUR входят в 13 значений, которыми отличаются DRS и AST, то расхождение между списками DRS и GUR составит 7 слов: $13 - 6 = 7$.

Таким образом, число расхождений между стословными списками DRS и GUR может лежать в пределах от 7 до 19 слов, что соответствует $N_{\text{DRS-GUR}} = 0,93 \dots 0,81$ (рис. 3б). Очевидно, что значение $N_{\text{DRS-GUR}} = 0,89$ (табл. 1) входит в этот интервал, то есть экспертная оценка для пары драцкий-гурезский является согласованной по отношению к асторскому диалекту.

Аналогичные рассуждения, проведённые для пары DRS—AST по отношению к GUR (рис. 1в), а также пары AST—GUR по отношению к DRS (рис. 1г), показывают, что оценки N для любых двух диалектов согласованы относительно третьего. В этом легко убедиться, сравнив рис. 1а с рис. 1д, на котором сведены результаты проверки для всех трёх пар. Таким образом, чтобы сделать вывод о согласованности внутри некоторой триады языков достаточно установить согласованность любых двух из них относительно третьего. В том случае, если это невозможно, триаду следует считать несогласованной.

Вслед за С. А. Старостиным и С. А. Бурлак назовем вышеизложенный способ проверки исходных данных «критерием транзитивности»²⁹. Формально условие транзитивности для трех произвольных языков А, В и С можно записать следующим образом:

$$N_{AB} + N_{BC} - 1 \leq N_{AC} \leq 1 - |N_{AB} - N_{BC}|$$

Для рассмотренного выше примера с драцким, асторским и гурезским диалектами выражение примет вид:

$$\begin{aligned} & (N_{\text{DRS-AST}} = 0,87; N_{\text{AST-GUR}} = 0,94; N_{\text{DRS-GUR}} = 0,89) \\ & N_{\text{DRS-AST}} + N_{\text{AST-GUR}} - 1 \leq N_{\text{DRS-GUR}} \leq 1 - |N_{\text{DRS-AST}} - N_{\text{AST-GUR}}| \\ & 0,87 + 0,94 - 1 \leq 0,89 \leq 1 - |0,87 - 0,94| \\ & 0,81 \leq 0,89 \leq 0,93 \end{aligned}$$

²⁹ Данный критерий предложен в работе [Бурлак, Старостин 2005, 103] и основан на схожем способе рассуждений.

Очевидно, полученное неравенство является верным, что указывает на выполнение условия транзитивности для данной триады языков.

В группе из 16 языков общее количество триад, подлежащих проверке на согласованность, равно 560 (число сочетаний из 16 по 3):

$$C_{16}^3 = \frac{16!}{(16-3)!3!} = 560$$

Проведенные расчеты показали, что все 560 триад, образованные значениями долей совпадений из табл. 1, удовлетворяют условию транзитивности.

Несмотря на положительный результат проверки, следует подчеркнуть, что критерий транзитивности является *необходимым*, но *не достаточным* условием достоверности исходных данных (табл. 1). Справедливость данного критерия для некоторого набора языков не гарантирует отсутствие заимствований или неверно установленных этимологий при сравнении стословных списков. В то же время невыполнение условия транзитивности с однозначностью свидетельствует о наличии подобных ошибок³⁰ и, как следствие, ненадежности результатов первичного этимологического анализа.

Убедившись в согласованности исходных лексикостатистических данных, перейдем к составлению генеалогической классификации дардских языков. Для этого воспользуемся вначале стандартным методом Starling, а затем альтернативной методикой наименьших средних отклонений. Привлечение двух различных подходов позволит провести сравнительный анализ полученных деревьев, установить наиболее вероятный вид итоговой классификации, а также оценить статистическую надежность её узлов.

Процедура построения генетического дерева в системе Starling представляет собой особую разновидность метода «ближайших соседей» и подробно описана в работе [Бурлак, Старостин 2005, 162—167]. В основе метода лежит следующее эмпирическое утверждение: чем больше общей лексики в основных списках сравниваемых языков, тем позже эти языки разделились. При этом идиомы с наибольшим значением совпадений, очевидно, являются ближайшими родственниками («соседями») и, следовательно, должны быть объединены в общий узел генеалогического дерева. В табл. 1 наиболее тесное родство демонстрируют асторский и гурезский диалект шина с долей совпадения $N_{AST-GUR} = 0,94$. В результате идиомы AST и GUR сводятся в один узел (AST+GUR), а соответствующие строки и столбцы табл. 1 (12 и 13) объединяются с усреднением их значений³¹ (см. табл. 2, 3).

Аналогичным образом процедура поиска и объединения «ближайших соседей» повторяется для таблицы из 15-ти языков, затем — для 14 и так далее, пока все рассматриваемые идиомы не будут сведены к единому «праязыку» — корню дерева. Полученная генетическая классификация дардских языков представлена на рис. 4.

Несмотря на простоту в использовании и широкое распространение, метод «ближайших соседей» обладает рядом существенных недостатков. На главный из них указывает в своей работе С. А. Старостин: «⟨...⟩ сравнивая ОС [основные списки. — М. В., А. К.] двух языков, мы получаем только один результат, а для повышения надёжности выводов

³⁰ При этом мы не рассматриваем проблему составления стословных списков, качество которых в первую очередь определяет точность конечного результата. Подробному обсуждению этой основополагающей проблемы лексикостатистики посвящена статья [Kassian et al. 2010].

³¹ Здесь изложение методики приводится для общего случая — когда доля совпадений между объединяемыми идиомами составляет менее 70%. Для языков с долей совпадения более 70% (в последних версиях Starling — 75%) при объединении используются не средние, а наименьшие значения [Бурлак, Старостин 2005, 164].

Таблица 2. Фрагмент табл. 1 с наибольшим значением N, соответствующим «ближайшим соседям» — диалектам AST и GUR

№	Язык	1 KSM	2 GLT	3 BRK	4 PHL	5 GAW	6 PSH	7 KHO	8 KAL	9 MAY	10 TOR	11 DRS	12 AST	13 GUR	14 KOH	15 GOW	16 BSK
11	DRS	0.61	0.84	0.77	0.68	0.59	0.49	0.44	0.54	0.68	0.7	1	0.87	0.89	0.8	0.7	0.67
12	AST	0.6	0.9	0.76	0.66	0.56	0.49	0.43	0.52	0.69	0.65	0.87	1	0.94	0.85	0.66	0.65
13	GUR	0.63	0.92	0.76	0.67	0.6	0.51	0.45	0.55	0.74	0.71	0.89	0.94	1	0.86	0.71	0.68
14	KOH	0.62	0.9	0.75	0.69	0.64	0.53	0.48	0.61	0.78	0.74	0.8	0.85	0.86	1	0.76	0.74

Таблица 3. Фрагмент табл. 1 после объединения идиомов AST и GUR в общий узел (соответствующие строки и столбцы объединены)

№	Язык	1 KSM	2 GLT	3 BRK	4 PHL	5 GAW	6 PSH	7 KHO	8 KAL	9 MAY	10 TOR	11 DRS	12 AST+GUR	13 KOH	14 GOW	15 BSK
11	DRS	0.61	0.84	0.77	0.68	0.59	0.49	0.44	0.54	0.68	0.7	1	0.88	0.8	0.7	0.67
12	AST+GUR	0.615	0.91	0.76	0.665	0.58	0.5	0.44	0.535	0.715	0.68	0.88	1	0.855	0.685	0.665
13	KOH	0.62	0.9	0.75	0.69	0.64	0.53	0.48	0.61	0.78	0.74	0.8	0.855	1	0.76	0.74

хотелось бы иметь серию результатов (для которых можно было бы вычислить математическое ожидание и возможные пределы отклонений)» [Старостин 2007: 429].

Устранить данный недостаток стало возможным при использовании метода наименьших средних отклонений [Васильев 2010: 553—560]. В отличие от существующей методики («ближайших соседей»), предлагаемый подход использует результаты статистических расчетов при построении дерева и позволяет численно оценить надежность полученной классификации. При этом критерием «близости» двух языков является не единственное значение совпадений между их основными списками, а средняя величина абсолютного отклонения, вычисленная по совокупности долей совпадений рассматриваемой пары языков с каждым из остальных идиомов. Так, например, чтобы узнать величину отклонения (E) для языков A и B в группе из 4-х языков (A, B, C, D), необходимо подсчитать разницу от их попарного сопоставления с каждым из 2-х других идиомов (C и D), а затем усреднить её:

$$E_{AB} = \frac{|N_{AC} - N_{BC}| + |N_{AD} - N_{BD}|}{4 - 2}$$

В общем случае расчет среднего абсолютного отклонения производится по формуле:

$$E_{ij} = \frac{\sum_{k=1}^n |N_{ki} - N_{kj}|}{\sum_{k=1}^n \ell_k}, \quad k \neq i, k \neq j; N_{ki} \leq N_{ij}, N_{kj} \leq N_{ij};$$

$$\ell_k = \begin{cases} 1 & \text{при } k \neq i, k \neq j, N_{ki} \leq N_{ij}, N_{kj} \leq N_{ij}; \\ 0 & \text{в остальных случаях} \end{cases}$$

где n — общее число языков в группе, а N_{ki} и N_{kj} — доли совпадений языков i и j с каждым третьим языком k из множества n.

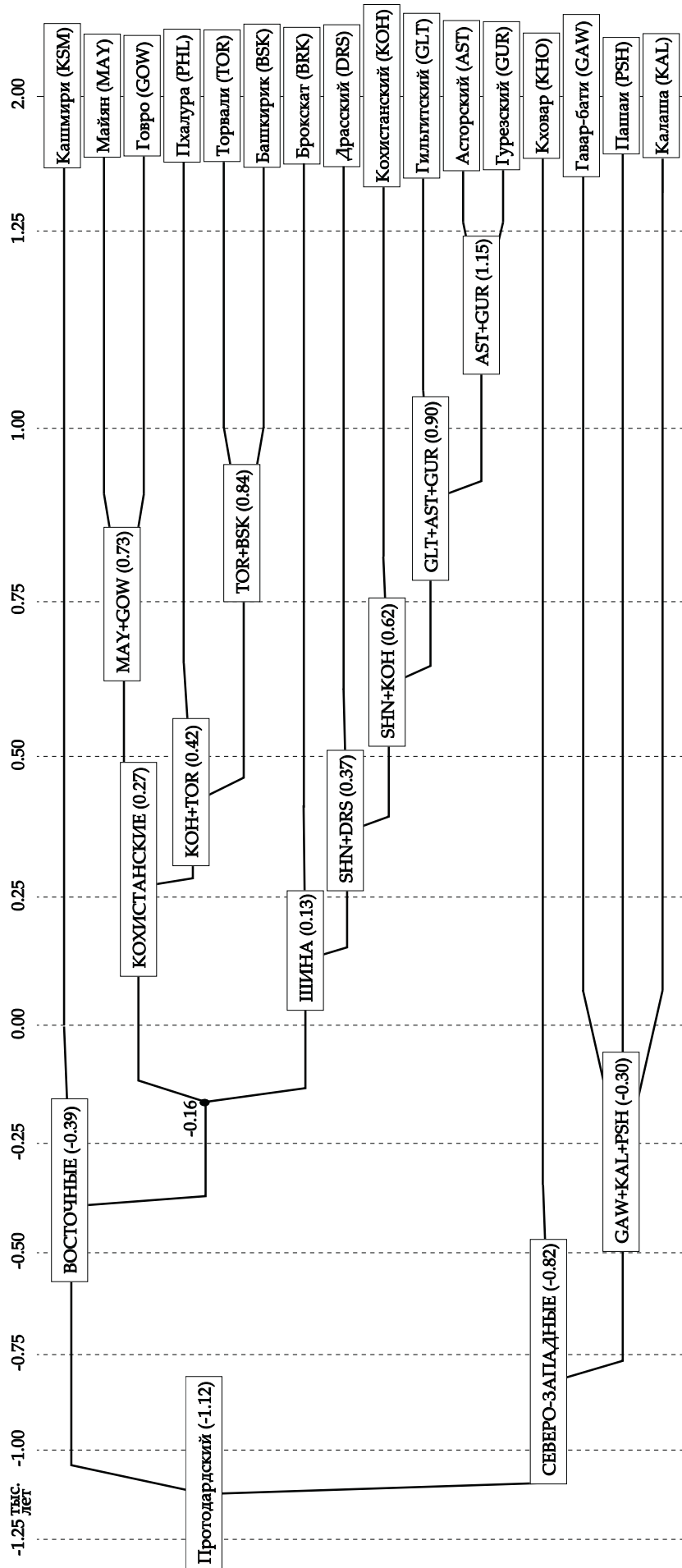

Рис. 4. Генеалогическое дерево дардских языков, построенное в системе Starling (метод «ближайших соседей»). В узлах указаны расчетные датировки разделения языков.

Таблица 4. Расчет среднего абсолютного отклонения ($E_{GLT-GUR}$) для идиомов GLT и GUR (по данным табл. 1)

№	Язык	1 KSM	2 GLT	3 BRK	4 PHL	5 GAW	6 PSH	7 KHO	8 KAL	9 MAY	10 TOR	11 DRS	12 AST	13 GUR	14 KOH	15 GOW	16 BSK
2	GLT	0.63	1	0.78	0.72	0.61	0.53	0.48	0.6	0.73	0.71	0.84	0.9	0.92	0.9	0.71	0.71
13	GUR	0.63	0.92	0.76	0.67	0.6	0.51	0.45	0.55	0.74	0.71	0.89	0.94	1	0.86	0.71	0.68
$ N_{k,2}-N_{k,13} $		0.00	—	0.02	0.05	0.01	0.02	0.03	0.05	0.01	0.00	0.05	—	—	0.04	0.00	0.03
$E_{2,13} =$ $= E_{GLT-GUR}$		$E_{2,13} = \frac{0.00 + 0.02 + \dots + 0.00 + 0.03}{16 - 3} = 0.024$															

Таблица 5. Расчет среднего абсолютного отклонения ($E_{AST-GUR}$) для идиомов AST и GUR (по данным табл. 1)

№	Язык	1 KSM	2 GLT	3 BRK	4 PHL	5 GAW	6 PSH	7 KHO	8 KAL	9 MAY	10 TOR	11 DRS	12 AST	13 GUR	14 KOH	15 GOW	16 BSK
12	AST	0.6	0.9	0.76	0.66	0.56	0.49	0.43	0.52	0.69	0.65	0.87	1	0.94	0.85	0.66	0.65
13	GUR	0.63	0.92	0.76	0.67	0.6	0.51	0.45	0.55	0.74	0.71	0.89	0.94	1	0.86	0.71	0.68
$ N_{k,12}-N_{k,13} $		0.03	0.02	0.00	0.01	0.04	0.02	0.02	0.03	0.05	0.06	0.02	—	—	0.01	0.05	0.03
$E_{12,13} =$ $= E_{AST-GUR}$		$E_{12,13} = \frac{0.03 + 0.02 + \dots + 0.05 + 0.03}{16 - 2} = 0.028$															

Очевидно, что пара идиомов i и j , у которых величина среднего отклонения E_{ij} будет минимальной, обладает совокупностью оценок N_{ki} и N_{kj} , наиболее согласованных по отношению к остальным рассматриваемым языкам. В свою очередь это свидетельствует о наименьшей различимости основных списков этой пары языков, что в рамках модели дивергенции означает их позднейшее разделение. Следовательно, идиомы с наименьшим средним отклонением E_{ij} обладают наиболее тесным родством внутри рассматриваемой группы, что позволяет объединить их в один узел на генеалогическом дереве.

Воспользуемся критерием наименьших средних отклонений для поиска ближайших родственников среди дардских языков. Проведенные подсчеты показывают, что искомой парой являются гильгитский (GLT) и гурезский (GUR) диалекты шина, абсолютное среднее отклонение которых составляет $E_{GLT-GUR} = 0,024$ (см. табл. 4).

Отметим, что найденная нами пара GLT—GUR отличается от выбранной используемым методом «ближайших соседей» пары AST—GUR, имеющей наибольшую долю совпадения основных списков ($N_{AST-GUR} = 0,94$). Однако абсолютное среднее отклонение для этих языков составляет 0,028 (см. табл. 5), что превышает значение $E_{GLT-GUR}$, полученное для гильгитского и гурезского и являющееся наименьшим:

$$E_{GLT-GUR} < E_{AST-GUR} (0,024 < 0,028).$$

Соответственно, первый узел на генеалогическом дереве образуют не гурезский и асторский (как в случае с методом «ближайших соседей» — рис. 4), а гурезский и гильгитский диалекты. При этом вычисленное значение среднего абсолютного отклонения E_{ij} составит доверительный интервал оценки N_{ij} . Так, для первого узла дерева получаем:

$$N_{GLT-GUR} = N_{2,13} \pm E_{2,13} = 0,92 \pm 0,024$$

— т. е. число совпадений между ОС гильгитского и гурезского лежит в интервале $92 \pm 2,4$.

После объединения столбцов и строк GUR и GLT в табл. 1 производится очередной расчет значений E_{ij} для всех оставшихся языков, и пара с наименьшим значением вновь объединяется. Данная процедура повторяется до тех пор, пока все идиомы и образованные ими группы не будут сведены в общий «корневой» узел дерева (рис. 5).

Наличие доверительных интервалов, рассчитанных для каждого случая разделения языков, позволяет нам наглядно установить наименее надежные узлы полученного дерева. В случае если значения соседних узлов взаимно перекрываются их доверительными интервалами, эти узлы можно считать статистически неразличимыми и объединить в один. Результирующий вид дерева после объединения узлов представлен на рис. 6.

Перейдем к сравнению полученных классификаций и обсуждению результатов.

Прежде всего отметим, что оба итоговых дерева (рис. 4 и 6) обнаруживают значительное сходство в иерархии и составе основных таксонов. Так, при любом способе классификации можно говорить о выделении трех обособленных ветвей: восточной (кашмири, кохистанские+шина), северо-западной (калаша, гавар-баты, пашаи) и, возможно, ветви кховар, — при этом группировка идиомов внутри каждой из них также во многом идентична.

Вместе с тем, применение метода наименьших средних отклонений позволило установить узлы дерева, обладающие низкой надёжностью. В частности, значительная статистическая погрешность мешает более точной дифференциации внутри группы шина (драсский, асторский, кохистанский): средняя доля совпадений $N=87$ этих языков имеет сравнительно большой для данной временной глубины доверительный интервал: $\pm 3,8$ значения. Аналогичный вывод можно сделать для языка пашаи, узел подсоединения которого в структуру дерева также имеет неоправданно большой доверительный интервал: $\pm 6,8$ значений.

Все подобные случаи требуют дополнительного анализа обозначенных стословных списков на предмет возможных заимствований или ложных этимологических сравнений. Выявление этих неточностей позволит внести необходимые дальнейшие уточнения в итоговую классификацию.

Тем не менее, полученные результаты уже сейчас позволяют сделать ряд важных выводов о генеалогии дардских языков и, в частности, о справедливости восточнодардской гипотезы, изложенной выше. Как можно видеть на рис. 4, 5 и 6, восточнодардские языки выделяются как обособленная группа при использовании обоих методов лексико-статистической классификации: разновидности метода «ближайших соседей», реализованной в системе Starling, и метода наименьших средних отклонений. При этом разрыв между «протодардским» и восточнодардскими узлами дерева, составляющий 8 значений, представляется достаточно широким, чтобы с уверенностью говорить именно о генетической близости, а не о вторичном лексическом сближении, вызванном языковыми контактами³². Примечательно также, что доверительный интервал общевосточнодардского узла (± 4 значения при средней доле совпадений $N = 64$) не включает в себя значение общедардского узла ($N = 56$), что свидетельствует о высокой надёжности выделения восточнодардской подгруппы.

Внутреннее членение восточнодардской языковой общности в обеих вышеприведенных классификациях несколько отличается от того, которое предлагалось в классификационной схеме Дж. Грирсона. Прежде всего это относится к генетическим отношениям языков кашмири и шина. Предполагавшаяся ранее особая близость этих языков и

³² Последние, как известно, могут приводить к завышению процента совпадений между основными списками близкородственных языков, но величина этого завышения может составлять максимум 5–6% [Starostin 2000, 257].

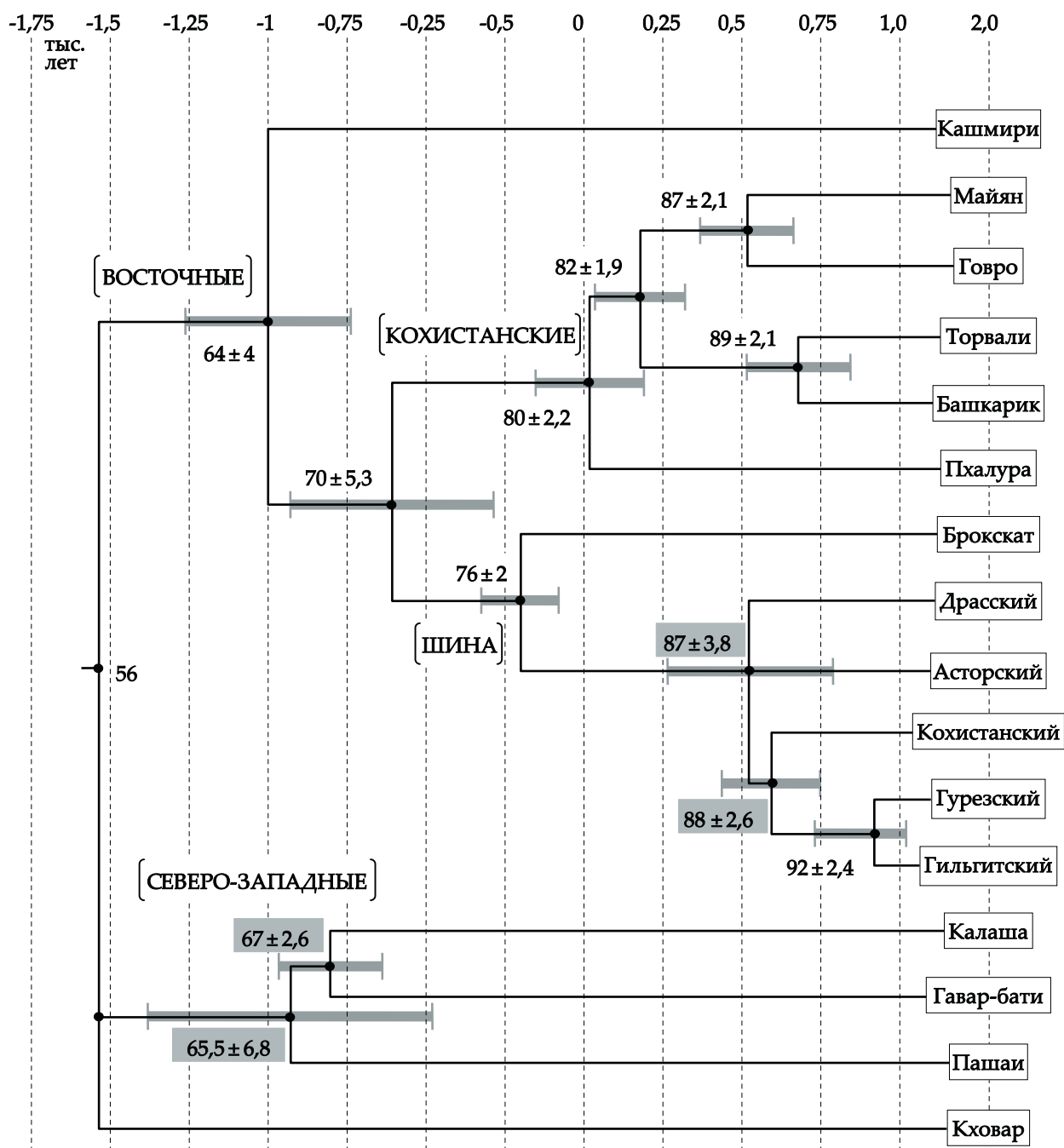

Рис. 5. Генеалогическое дерево дардских языков, построенное методом наименьших средних отклонений. Около каждого узла приводится доля совпадения основных списков и отклонение, указывающее границы доверительного интервала (в %). Значения с обоюдно перекрывающимися доверительными интервалами выделены заливкой.

необходимость их объединения в отдельную подгруппу, противостоящую кохистанским языкам, не подтверждается лексикостатистическими данными. Наиболее тесное родство с диалектами шина обнаруживает как раз кохистанская подгруппа, в то время как кашмири выделяется в отдельную подветвь. В то же время, доверительный интервал средней доли шина-кохистанских совпадений (N=70), является чрезмерно широким и составляет $\pm 5,3$ значения, что превышает доверительные интервалы всех узлов дерева, за исключением ненадёжного узла пашаи. Это даёт основания усомниться в наличии шина-кохистанской языковой общности.

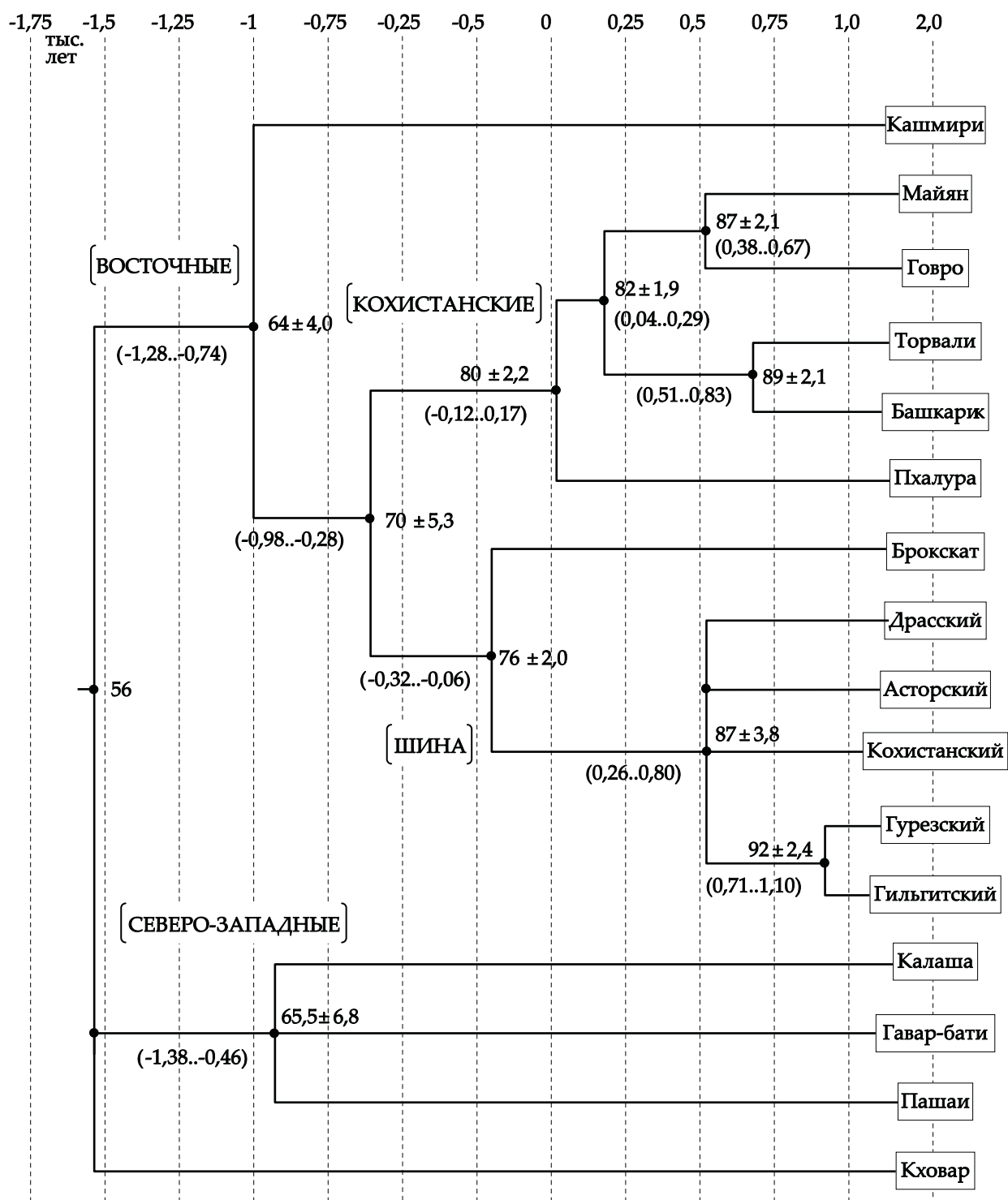

Рис. 6. Генеалогическое дерево дардских языков, построенное методом наименьших средних отклонений (узлы с перекрывающимися доверительными интервалами объединены). Около каждого узла приводится доля совпадения основных списков и отклонение, задающее границы доверительного интервала (в %).

В скобках — соответствующие этим границам временные значения (тыс. лет).

Повышенный процент совпадений между диалектами шина и кохистанскими языками можно объяснить как генетической близостью, так и, например, наличием невыявленных заимствований и/или совместными лексическими инновациями, возможными при контактах близкородственных языков. Последнее особенно вероятно, если учитывать, что кохистанский языковой ареал непосредственно граничит с ареалом языка ши-

на³³. Примечательно также и то, что до сих пор не выявлено ни одной историко-фонетической изоглоссы, объединяющей шина со всеми кохистанскими языками в противовес кашмири.

Обращает на себя внимание и тот факт, что языки кохистанской подгруппы обнаруживают определенную лексическую близость не только с шина, но и с кашмири. Такой вывод можно сделать на основании повышенных процентов кашмирско-кохистанских совпадений, приведенных в табл. 1. С языками торвали и говро кашмири показывает 67% совпадений, с языками майян и башкарлик — 68%, т.е. на 3—4% больше средней восточнотуркменской доли сходжений и на 5—6% больше доли сходжений между кашмири и диалектами шина³⁴. Причиной такого относительно небольшого превышения, разумеется, могут быть языковые контакты, однако это не делает приведенные здесь цифры менее интересными. Дело в том, что кохистанский языковой ареал в настоящее время не граничит с кашмирским и довольно далеко отстоит от него географически (рис. 7). Данные лексикостатистики показывают, что в прошлом положение было иным. Кашмири и кохистанские языки должны были непосредственно соседствовать друг с другом, причем такую ситуацию следует предполагать вне зависимости от того, объясняется ли кашмирско-кохистанская лексическая близость тесным родством (что означает помимо прочего наличие общей прародины) или языковыми контактами.

Показательно, что доли совпадения между основными списками кашмири и диалектов шина относительно невысоки. Как правило, они являются более низкими, чем средняя восточнотуркменская доля совпадений³⁵. Данный факт представляется особенно интересным, если учесть, что ареал шина (в частности, долины Гуреза и Драса) в настоящее время непосредственно примыкает к Кашмирской долине.

Объяснить данное положение вещей чрезвычайно трудно, если не предположить наличие в прошлом массовых миграций населения. В нашей недавней работе [Коган 2011] было показано наличие в языке кашмири следов индоарийского (новоиндийского) субстрата. Там же была высказана гипотеза, согласно которой носители дардского языка — предка кашмири заселили Кашмирскую долину в относительно недавнее время (в эпоху Средневековья, хронологически соответствующую ранней новоиндийской эпохе в истории индоарийских языков), что привело к постепенной ассимиляции прежних индоарийских жителей. При этом исходным пунктом дардской миграции, возможно, являлась долина р. Сват³⁶, с которой средневековый Кашмир поддерживал регулярные контакты.

Данная гипотеза, базировавшаяся на анализе как лингвистического, так и исторического материала, теперь может быть подкреплена новыми фактами. Долина Свата находится в непосредственном соседстве с Кохистаном, однако при этом не граничит с ареалом шина. Естественно предположить, что предки современных кашмирцев, проживая (возможно, в течение многих веков) в этой долине или где-то вблизи неё до переселения в Кашмир, находились в тесном и постоянном контакте с предками кохистанцев. С этим

³³ В прошлом ситуация, по всей видимости, была еще более благоприятной для языковых контактов. Считается, что восточная, не примыкающая к Кохистану часть нынешнего шинаязычного ареала, включающая в частности гильгитскую долину, была заселена мигрировавшими с запада шина в относительно позднее время, уже в средние века (об этом см., напр., [Йеттмар 1986]). До этого времени все носители диалектов шина (или их общего языка-предка), вероятно, проживали в непосредственном соседстве с кохистанским ареалом.

³⁴ Средний процент совпадений между кашмири и диалектами шина составляет приблизительно 62%.

³⁵ Исключение составляет только диалект брокскат, для которого доля совпадений с кашмири равна общевосточнотуркменской.

³⁶ Левый приток р. Кабул. Ныне на северо-западе Пакистана.

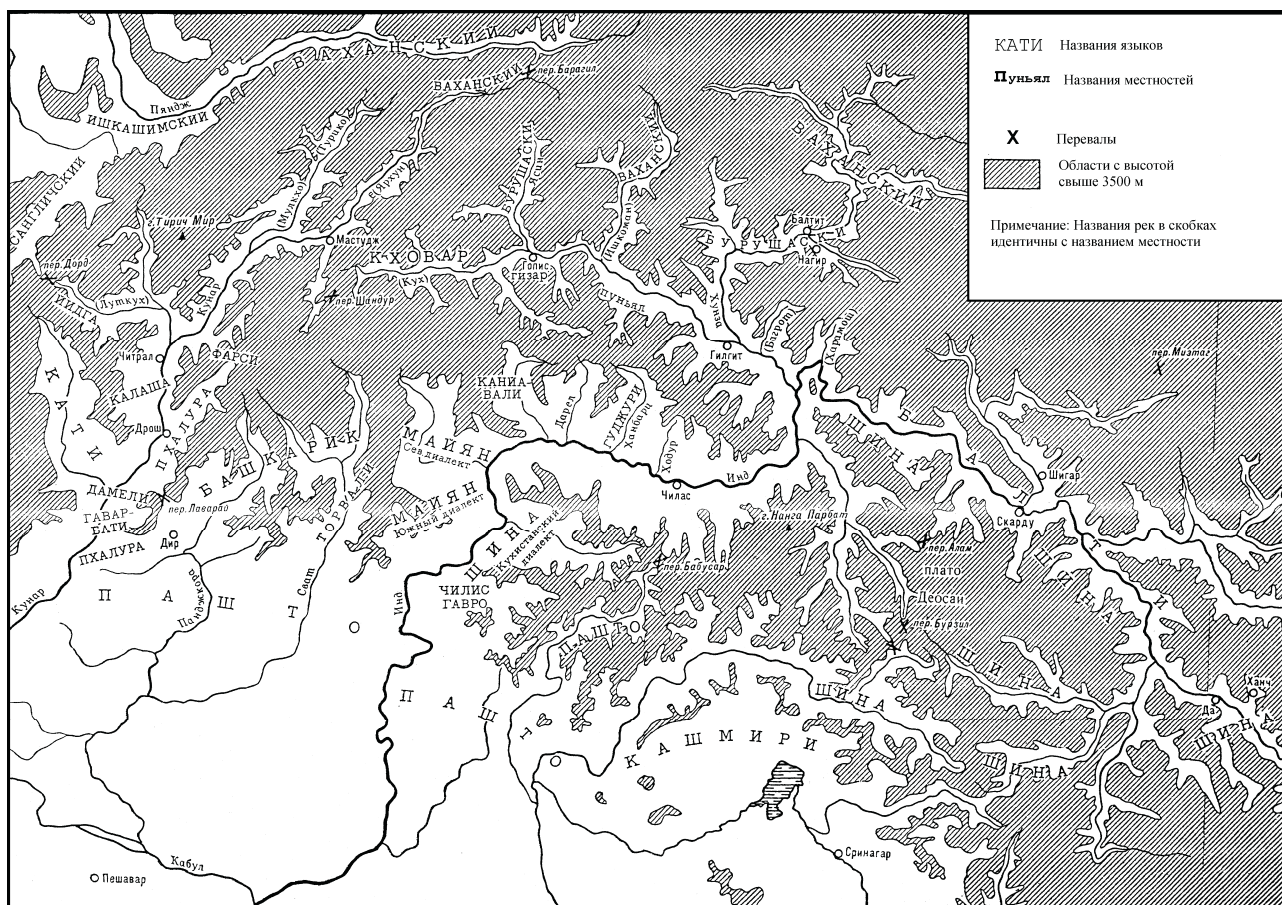

Рис. 7. Языки восточнодардской подгруппы и важнейшие соседние языки
 (по книге: К. Йеттмар, «Религии Гиндукуша». М., 1986)

и может быть связан вышеупомянутый «подскок» в долях совпадений между основными списками кашмири и кохистанских языков. Непосредственного же контакта с носителями шина не было, он стал возможен существенно позже, уже во время проживания в Кашмирской долине. К началу этого периода языки шина и кашмири, вероятнее всего, успели разойтись весьма значительно, и развитие совместных лексических инноваций было крайне затруднено. Это позволяет объяснить относительно невысокие (несмотря на нынешнее соседство языков) доли шина-кашмирских совпадений. Кохистан должен был в течение весьма долгого времени играть роль своеобразного клина, разделявшего область распространения шина и ареал языка — предка кашмири. С этим, возможно, связан тот факт, что кохистанские языки обнаруживают высокий процент сходжений как с кашмири, так и с диалектами шина.

Полученные выше результаты, а также их последующий сравнительный анализ в очередной раз убеждают в том, что метод лексикостатистики (при адекватном его использовании) позволяет не только строить генетические классификации, но и формировать определенное представление о лингвистической географии, этнических миграциях и межъязыковых контактах в продолжительной временной перспективе.

Сокращения

авест. — авестийский	группы пахари	пандж. — панджаби
асс. — ассамский	кал. — калаша	паш. — пашаи
башк. — башкарик	катар. — катаркалаи	пракр. — пракриты
бенг. — бенгали	кашм. — кашмири	пхал. — пхалура
вах. — ваханский	кл.-перс. — классический персидский	синг. — сингальский
г.-б. — гавар-бати	кхов. — кховар	согд. — согдийский
гудж. — гуджарати	май. — майян	ср.-перс. — среднеперсидский
др.-инд. — древнеиндийский	мар. — маратхи	тир. — тирахи
др.-иран. — древнеиранские диалекты	неп. — непали	торв. — торвали
др.-перс. — древнеперсидский	нинг. — нингалами	хот.-сак. — хотаносакский
зап. пах. — языки западной подгруппы	общеарийск. — общеарийский	цыг. — цыганский
	осет. — осетинский	шум. — шумашти

Литература

- Бурлак, Старостин 2005 — БУРЛАК С. А., СТАРОСТИН С. А. *Сравнительно-историческое языкознание*. М.: Академия, 2005. 432 с. [BURLAK S. A., STAROSTIN S. A. *Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie*. М.: Akademiya, 2005. 432 s.]
- Васильев 2010 — ВАСИЛЬЕВ М. Е. Об использовании лексического критерия для построения генеалогической классификации // *Бюллетень Общества востоковедов РАН*. Вып. 17. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. Стр. 530—572. [VASILYEV M. E. Ob ispol'zovanii leksicheskogo kriteriya dlya postroeniya genealogicheskoy klassifikatsii // *Byulleten' Obschestva vostokovedov RAN*. Vyp. 17. М.: Institut vostokovedeniya RAN, 2010. Str. 530—572.]
- Грюнберг 1971 — ГРЮНБЕРГ А. Л. К диалектологии дардских языков (глангали и земиаки) // *Индийская и иранская филология. Вопросы диалектологии*. М., 1971. [GRYUNBERG A. L. K dialektologii dardskikh yazykov (glangali i zemiaki) // *Indijskaya i iranskaya filologiya. Voprosy dialektologii*. М., 1971.]
- Йеттмар 1986 — ЙЕТТМАР К. *Религии Гиндукуша*. М., 1986. [JETTMAR K. *Religii Gindukusha*. М., 1986.]
- Коган 2005 — КОГАН А. И. *Дардские языки. Генетическая характеристика*. М., Восточная литература, 2005. [KOGAN A. I. *Dardskie yazyki. Geneticheskaya kharakteristika*. М., Vostochnaya literatura, 2005.]
- Коган 2007 — КОГАН А. И. Дардские и нуристанские элементы в языке дамели // *Orientalia et classica: труды Института восточных культур и античности*. Выпуск XI. *Аспекты компаративистики 2*. М., РГГУ, 2007. Стр. 310—327. [KOGAN A. I. Dardskie i nuristanskie elementy v yazyke dameli // *Orientalia et classica: trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti*. Vypusk XI. *Aspekty komparativistiki 2*. М., RGGU, 2007. Str. 310—327.]
- Коган 2011 — КОГАН А. И. К характеристике индоарийских элементов в языке кашмири // *Вестник РГГУ. Научный журнал. Серия «Филологические науки. Языкознание». Вопросы языкового родства*, №5, 2011. Стр. 23—47. [KOGAN A. I. K kharakteristike indoarijskikh elementov v yazyke kashmiri // *Vestnik RGGU. Nauchnyj zhurnal. Seriya «Filologicheskie nauki. Yazykoznanie». Voprosy yazykovogo rodstva*, №5, 2011. Str. 23—47.]
- Старостин 2007 — СТАРОСТИН С. А. Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // СТАРОСТИН С. А. *Труды по языкознанию*. М.: Языки славянских культур, 2007. Стр. 407—447. [STAROSTIN S. A. *Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie i leksikostatistika* // STAROSTIN S. A. *Trudy po yazykoznaniiyu*. М.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. Str. 407—447.]
- Эдельман 1992 — ЭДЕЛЬМАН Д. И. Еще раз об этапах филиации арийской языковой общности // *Вопросы языкознания*, № 3, 1992. Стр. 44—66. [EDELMAN D. I. Esche raz ob etapakh filiacii arijskoj yazykovoj obschnosti // *Voprosy yazykoznaniiya*, № 3, 1992. Str. 44—66.]
- Buddruss 1960 — BUDDRUS G. *Die Sprache von Wotapur und Katarqala*. Bonn, 1960.
- Buddruss 1977 — BUDDRUS G. Nochmals zur Stellung der Nuristan-Sprachen des afghanischen Hindukusch // *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*. H. 36. München, 1977.
- Edelman 1983 — EDELMAN D. I. *The Dardic and Nuristani languages*. Moscow, 1983.

- Grierson 1919 — GRIERSON G. A. *Linguistic Survey of India*. Vol. VIII, pt. 2. *Specimens of the Dardic or Piśāca Languages (including Kāshmirī)*. Calcutta, 1919.
- Grierson 1927 — GRIERSON G. A. *Linguistic Survey of India*. Vol. I, pt. 1. *Introductory*. Calcutta, 1927.
- Grierson 1929 — GRIERSON G. A. *Torwali, an Account of a Dardic Language of the Swat Kohistan*. L., 1929.
- Grierson 1969 — GRIERSON G. A. *The Piśāca languages of North-Western India*. Delhi, 1969 [Repr.].
- Kassian et al. 2010 — KASSIAN A., STAROSTIN G., DYBO A., CHERNOV V. The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification // *Вестник РГГУ. Научный журнал. Серия «Филологические науки. Языкознание». Вопросы языкового родства*, №4, 2010, стр. 46—89.
- Morgenstierne 1926 — MORGENSTIERNE G. *Report on a Linguistic Mission to Afghanistan*. Oslo, 1926.
- Morgenstierne 1932 — MORGENSTIERNE G. *Report on a Linguistic Mission to North-Western India*. Oslo, 1932.
- Morgenstierne 1941 — MORGENSTIERNE G. Notes on Phalura, an Unknown Dardic Language of Chitral // *Skifter utgitt av Det Norske Videnskaps Akademi i Oslo. Hist. — Filos. Klasse*, 1940, No. 5, Oslo, 1941.
- Morgenstierne 1942 — MORGENSTIERNE G. Notes on Dameli, a Kafir-Dardic Language of Chitral // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*. Bd. XII. Oslo, 1942.
- Morgenstierne 1945 — MORGENSTIERNE G. Indo-European *k* in Kafiri // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*. Bd. XIII. Oslo, 1945.
- Morgenstierne 1961 — MORGENSTIERNE G. Dardic and Kafir Languages // *The Encyclopedia of Islam*. Vol. 2, Fasc. 25. Leiden, Brill, 1961.
- Online Torwali Dictionary 2011 — Center for Language Engineering. *Online Torwali Dictionary*: http://www.cle.org.pk/software/ling_resources/otd.htm
- Starostin 2000 — STAROSTIN S. Comparative-historical linguistics and lexicostatistics // *Time Depth in Historical Linguistics / The McDonald Institute for Archaeological Research Publications*. Vol. 1. Cambridge: Blue Print, 2000, pp. 223—259.
- Schmidt, Kaul 2008 — SCHMIDT R. L., KAUL V. K. A Comparative Analysis of Shina and Kashmiri Vocabularies // *Acta Orientalia*, 69, 2008, pp. 231—302.
- Strand 1973 — STRAND R. F. Notes on Nuristani and Dardic Languages // *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 93, No. 3, New Haven, 1973.
- Strand 2006 — STRAND R. F. *Phylogenetic Classification of the Region's Languages*: <http://nuristan.info/IngIndex0.html>
- Woolner 1917 — WOOLNER A. C. *Introduction to Prakrit*. Calcutta, 1917.
- Zoller 2005 — ZOLLER C. P. *A Grammar and Dictionary of Indus Kohistani*. Volume 1: *Dictionary*. Berlin — New-York, Mouton de Gruyter, 2005.

Приложение.

Слословные списки дардских языков и диалектов

После каждой формы в скобках дается номер её этимологии в базе данных. Все лексемы с общей этимологией имеют одинаковые номера. Для заимствований используется отрицательная нумерация. Обозначения языков: KSM — кашмири, GLT — гильгитский диалект шина, BRK — броксат, PHL — пхалура, GAW — гавар-баты, PSH — пашаи, KHO — кховар, KAL — калаша, MAY — майян, TOR — торвали, DRS — драсский диалект шина, AST — асторский диалект шина, GUR — гурезский диалект шина, KOH — кохистанский диалект шина, GOW — говро, BSK — башкарик.

1 **all**: KSM *soruy* [1]; GLT *buṭu* [164]; BRK *čok* [-1]; PHL *buṭhāi* [164]; GAW *sumi* [254]; PSH *čuika* [315]; KHO *čhik* [315], *saf* [1]; KAL *čik* [315], *sao* [1]; MAY *buṭ* [164]; TOR *buṭ* [164]; DRS *buče* [164], *lā* [490]; AST *buṭe* [164]; GUR *buṭi* [164], *lā* [490]; KOH *buṭa* [164]; GOW *sav* [1]; BSK *s(ū)o* [1].

2 **ashes**: KSM *sūr* [3]; GLT *dal* [195]; BRK *thaltsir* [-2]; PHL *dal* [195], *čhī* [514]; GAW *sāga* [2]; PSH *āsak* [2]; KHO *pheru* [349]; KAL *šuṭik* [394]; MAY *nigal* [-1]; TOR *pono* [480]; DRS *dāl* [195]; AST *dāl* [195]; GUR *dāl* [195]; KOH *šō* [511]; GOW *swā* [2]; BSK *čī* [514].

3 **bark**: KSM *d'al* [4]; GLT *dilu* [4]; BRK *pharput* [431]; PHL *paṭṭara* [120], *līnču* [226]; GAW *cīk* [264]; PSH *čīk* [264], *čalāk* [316]; KHO *lenžu* [226]; KAL *potoṛi* [120]; MAY *dil* [4]; TOR *pār* [120]; DRS *dilo* [4]; AST *dilo* [4]; GUR *delu* [4]; KOH *dilo* [4]; GOW (?) ; BSK *pir* [120].

4 **belly**: KSM *yeḍ* [5]; GLT *ḍer* [121]; BRK *wār* [121]; PHL *ḍhēr* [121]; GAW *war* [121]; PSH *kūč* [317]; KHO *khoyanu* [350]; KAL *kuč* [317]; MAY *vayri* [121]; TOR *ḍhē* [121], *ḍam* [515]; DRS *ḍēr* [121]; AST *ḍēr* [121]; GUR *ḍēr* [121]; KOH *ḍēr* [121]; GOW *ḍ(h)er* [121]; BSK *ḍār* [121].

5 **big**: KSM *boḍ* [6]; GLT *boru* [6]; BRK *bōno* [6]; PHL *ghāṇu* [122]; GAW *ḍal* [246]; PSH *aulā* [318], *gaṇ* [122]; KHO *loṭ* [351]; KAL *luṭ* [351], *gona* [122]; MAY *gahū* [122]; TOR *g(h)an* [122]; DRS *baṛo* [6]; AST *baṛo* [6]; GUR *baṛu* [6]; KOH *baṛo* [6]; GOW *g(h)ō* [122]; BSK *gān* [122].

6 **bird**: KSM *jānawār* [-1]; GLT *bring* [196]; BRK *čey* [227]; PHL *čāluṭi* [227]; GAW *phēčīn* [123]; PSH *pašīn* [123]; KHO *boik* [352]; KAL *pačhīyak* [123]; MAY *caklu* [227]; TOR *pešīn* [123]; DRS *čāī* [227]; AST *čāī* [227], *briṇ* [196]; GUR *jānawār* [-1]; KOH *miṇ* [196]; GOW *cēkū* [227]; BSK *pačhīn* [123].

7 **bite**: KSM *cop hi-* [8]; GLT *čap-* [8], *žan tho-* [197]; BRK *čaṇ th-* [197]; PHL *čuk-* [228]; GAW *cep-* [8]; PSH *čor-* [319]; KHO *don čhok-* [353]; KAL *čhunḍ-* [319]; MAY *cap-* [8]; TOR *čugū-* [481]; DRS *jan thi-* [197]; AST *jan thō-* [197]; GUR *čap-* [8]; KOH *čap-* [8]; GOW *cap-* [8]; BSK (?) .

8 **black**: KSM *krehon* [9]; GLT *kinu* [9]; BRK *kyono* [9]; PHL *kišīṇu* [9]; GAW *khāca* [265]; PSH *šāmāk* [320]; KHO *šā* [320]; KAL *križṇa* [9]; MAY *kišū* [9]; TOR *kišan* [9]; DRS *kino* [9]; AST *kiṇo* [9]; GUR *kiṇo* [9]; KOH *kiṇo* [9]; GOW *kyen* [9]; BSK *kišān* [9].

9 **blood**: KSM *rath* [10]; GLT *lel* [198]; BRK *lol* [198]; PHL *rāt* [10]; GAW *lō* [198]; PSH *ār* [321]; KHO *ley* [198]; KAL *lui* [198]; MAY *rat* [10]; TOR *žāt* [10]; DRS *lēl* [198]; AST *lēl* [198]; GUR *lēl* [198]; KOH *lēl* [198]; GOW *rat(ah)* [10]; BSK *rat* [10].

10 **bone**: KSM *aḍij* [11]; GLT *āṭi* [11]; BRK *āṭṭi* [11]; PHL *haḍḍuṅ* [-1]; GAW *haḍ* [-1]; PSH *aṭṭhī* [11]; KHO *astī* [11], *kōl* [354]; KAL *aṭhi* [11]; MAY *har* [-2]; TOR *hār* [-1]; DRS *aṭi* [11]; AST *āṭi* [11]; GUR *āṭi* [11]; KOH *āṭi* [11]; GOW *hār* [-1]; BSK *haḍ* [-1].

11 **breast**: KSM *wačh* [12], *than* [429]; GLT *čuči* [124], *titīru* NW [199]; BRK *dut* [432], *kro* [229]; PHL *čiči* [124], *kiroṛ* [229]; GAW *cucū* [124], *hida* [266]; PSH *čučū* [124]; KHO *pap* [-1]; KAL *čūčū* [124], *kruṛā* [229]; MAY *c^wic* [124]; TOR *buk* [482]; DRS *mamē* [463]; AST *mam* [463]; GUR *mamu* [463]; KOH *čiči* [124]; GOW *cuci* [124]; BSK *čič* [124], *irgaṇḍ* [522].

12 **burn tr.**: KSM *zāl-* [-2]; GLT *day-* [13], *lup-* [200]; BRK *dāh-* [13]; PHL *dajū-* [13], *le-* [230]; GAW *loš-* [267]; PSH *jutal-* [322]; KHO *pale-* [355]; KAL *upuw-* [395]; MAY *daz-* [13]; TOR *d(h)azaw-* [13]; DRS *day-* [13]; AST *day-* [13]; GUR *day-* [13]; KOH *dah-* [13]; GOW *daz-* [13]; BSK *juk-* [523].

13 **claw (nail)**: KSM *nam* [14]; GLT *nōru* [14]; BRK *nēri* [14]; PHL *nōṅ* [14]; GAW *nak* [14]; PSH *nawarī* [14]; KHO *doṇur* [-2]; KAL *naṅguš* [14]; MAY *nakh* [14]; TOR *nokh* [14]; DRS *nōr* [14]; AST *nōr* [14]; GUR *nōr* [14]; KOH *nūro* [14]; GOW *nākh* [14]; BSK *nakh* [14].

14 **cloud**: KSM *obur* [15]; GLT *ažu* [15]; BRK *ažeš* [15]; PHL *ābru* [15]; GAW *albena* [15]; PSH *nalī* [15]; KHO *koṭ* [356]; KAL *minj* [396]; MAY *až* [15]; TOR *ag(h)ā* [15]; DRS *ažo* [15]; AST *ažo* [15]; GUR *aju* [15]; KOH *ažo* [15]; GOW *až* [15]; BSK *āga* [15].

15 **cold**: KSM *šehol* [16], *tūrun* [17]; GLT *šidalu* [126]; BRK *čūa* [434]; PHL *šidālo* [126]; GAW *šola* [16]; PSH *šidāl* [126]; KHO *šaru* [16], *ušak* [126]; KAL *oš* [126]; MAY *tu* [17]; TOR *šidal* [126]; DRS *čāmū* [434]; AST *čaū* [434]; GUR *čaū* [434]; KOH *čhahū* [434]; GOW *šil* [16]; BSK *šidāl* [126].

16 **come**: KSM *yi-* [18]; GLT *yay-* [18], *way-* [167]; BRK *e-* [18]; PHL *yh-* [18], *yōl-* [231]; GAW *ži-* [18], *aya-* [231]; PSH *yeyi-* [18]; KHO *go-* [231]; KAL *i-* [18], *a-* [231]; MAY *i-* [18]; TOR *yew-* [18]; DRS *ō-* [18]; AST *waz-* [167]; GUR *ō-* [18]; KOH *ay-* [18]; GOW *yō* [18]; BSK *yā-* [18].

17 **die**: KSM *mar-* [19]; GLT *mir-* [19]; BRK *min-* [19]; PHL *mār-* [19]; GAW *mi-* [19]; PSH *le-* [19]; KHO *br-* [19]; KAL *naš-* [397]; MAY *mar-* [19]; TOR *mow-* [19]; DRS *mir-* [19]; AST *mir-* [19]; GUR *mir-* [19]; KOH *mir-* [19]; GOW *marāv* [19]; BSK *mar-* [19].

18 **dog**: KSM *hūn* [20]; GLT *šū* [20]; BRK *šva* [20]; PHL *kučuro* [127]; GAW *šunā* [20]; PSH *šūṅg* [20]; KHO *rēni* [357]; KAL *šū(ṛ)a* [20]; MAY *kucuru* [127]; TOR *kužū* [127]; DRS *šū* [20]; AST *šū* [20]; GUR *šū* [20]; KOH *šū* [20]; GOW *kucar* [127]; BSK *kučur* [127].

19 **drink**: KSM *či-* [21]; GLT *pi-* [128]; BRK *pī-* [128]; PHL *pi-* [128]; GAW *pi-* [128]; PSH *pi-* [128]; KHO *pi-* [128]; KAL *pi-* [128]; MAY *pu-* [128]; TOR *pū-* [128]; DRS *pi-* [128]; AST *pi-* [128]; GUR *pi-* [128]; KOH *pi-* [128]; GOW *pō* [128]; BSK *pu-* [128].

20 **dry**: KSM *hokh* [22]; GLT *šūku* [22]; BRK *šuko* [22]; PHL *šuko* [22]; GAW *šukha* [22]; PSH *sus-* [22]; KHO *čūčhu* [22]; KAL *lučha* [398], *šušta* [22]; MAY *šikh* [22]; TOR *šūžel* [22]; DRS *šuko* [22]; AST *šuku* [22]; GUR *šuku* [22]; KOH *šukho* [22]; GOW *šikēl* [22]; BSK *šukh* [22].

21 **ear**: KSM *kan* [23]; GLT *kon* [23]; BRK *kani* [23]; PHL *kaṅ* [23]; GAW *khamṭa* [23]; PSH *kan* [23], *khāi* [323]; KHO *kar* [23]; KAL *krū* [23]; MAY *kaṅ* [23]; TOR *kān* [23]; DRS *kon* [23]; AST *koṅ* [23]; GUR *koṅ* [23]; KOH *koṅ* [23]; GOW *kan(ah)* [23]; BSK *kaṅ* [23].

22 **earth**: KSM *butrāt* [24], *māc* [25]; GLT *sum* [129]; BRK *pe* [435]; PHL *sum* [129]; GAW *bum* [24], *sum* [129]; PSH *būm* [24], *sāṅg* [129]; KHO *bum* [24], *čhuti* [427]; KAL *bhum* [24], *phau* [399]; MAY *māch* [25], *dharī* [453]; TOR *d(h)erīn* [453], *sum* [129]; DRS *kwī* [491]; AST *sum* [129]; GUR *mōṭṭi* [25]; KOH *sum* [129]; GOW *d(h)arī* [453]; BSK *bum* [24], *sum* [129], *darīn* [453].

23 **eat**: KSM *khi-* [26]; GLT *kho-* [26]; BRK *χa-* [26]; PHL *khurw-* [26]; GAW *žu-* [268]; PSH *ay-* [324], *žū-* [268]; KHO *žib-* [268]; KAL *žu-* [268]; MAY *khā-* [26]; TOR *khow-* [26]; DRS *khō-* [26]; AST *khō-* [26]; GUR *khō-* [26]; KOH *khō-* [26]; GOW *khayō* [26]; BSK *khā-* [26].

24 **egg**: KSM *ṭhūl* [27]; GLT *haṅe* [130]; BRK *ṭhul* [27], *ane* [130]; PHL *haṅo* [130]; GAW *aṅḍa* [130]; PSH *āṅḍā* [-1]; KHO *ayukun* [358]; KAL *onḍrak* [130], *ayukun* [358]; MAY *āra* [130]; TOR *ān* [130]; DRS *ṭhūl* [27]; AST *ṭhūl* [27]; GUR *ṭhūl* [27]; KOH *haṅo* [130]; GOW *aṅe* [130]; BSK *aṅ* [130].

25 **eye**: KSM *ačh* [28]; GLT *ačhī* [28]; BRK *ačhī* [28]; PHL *ačhi* [28]; GAW *icīn* [28]; PSH *ačhī* [28]; KHO *yeč* [28]; KAL *eč* [28]; MAY *āč* [28]; TOR *āši* [28]; DRS *ačhī* [28]; AST *ačhī* [28]; GUR *ačhī* [28]; KOH *ačhī* [28]; GOW *ače* [28]; BSK *ēč* [28].

26 **fat n.**: KSM *čarbī* [-3]; GLT *mī* [131]; BRK *miṅ* [131]; PHL *mī* [131]; GAW *sika* [269]; PSH *lōu* [325]; KHO *yeṅ* [359], *huč* [360]; KAL *me(h)* [131]; MAY *miū* [131]; TOR *me* [131]; DRS *mī* [131]; AST *mī* [131]; GUR *mī* [131]; KOH *myū* [131]; GOW *mē* [131]; BSK *mā* [131].

27 **feather**: KSM *tīr* [29]; GLT *pačhāli* [361]; BRK *šokpā* [-3]; PHL *phāṭu* [168]; GAW *phaṭṭa* [168]; PSH *parr* [-2]; KHO *poč* [361]; KAL *pačh* [361]; MAY *pāčh* [361]; TOR *peṅ* [168]; DRS *pato* [168]; AST *tīri* [29]; GUR *paṭu* [168]; KOH *pačhāli* [361]; GOW *pāše* [361]; BSK (?).

28 **fire**: KSM *nār* [30]; GLT *agār* [30]; BRK *γōr* [30]; PHL *aṅgōr* [30]; GAW *aṅgār* [30]; PSH *aṅgār* [30]; KHO *aṅgār* [30]; KAL *aṅgār* [30]; MAY *aṅgār* [30]; TOR *aṅā* [30]; DRS *phū* [-1]; AST *phū* [-1]; GUR *aṅgāru* [30]; KOH *phū* [-1]; GOW *nār* [30]; BSK *aṅgār* [30].

29 **fish**: KSM *gād* [31]; GLT *čhimu* [-1]; BRK *nya* [-4]; PHL *remac* [-2]; GAW *macoṭa* [132]; PSH *mās* [132]; KHO *maci* [132]; KAL *(ū)maci* [132]; MAY *chim* [-3]; TOR *māš* [132]; DRS *čhimo* [-2]; AST *čhumo* [-2]; GUR *čhumo* [-2]; KOH *čhubo* [-2]; GOW *machī* [132]; BSK *macin* [132].

30 **fly v.**: KSM *wuph-* [32]; GLT *thar do-* [203]; BRK *up-* [32]; PHL *ub(h)r-* [232]; GAW (?) ; PSH *učuṇḍ-*[326]; KHO *uli-* [362]; KAL *upul-* [400]; MAY *thar di-* [203], *šiš di-* [454]; TOR *šiš dew-* [454]; DRS *talwī di-* [492]; AST *tali di-* [492]; GUR *talē di-* [492]; KOH *thor do-* [203]; GOW *bar h-* [517]; BSK *šiš da-* [454].

31 **foot**: KSM *khōr* [33]; GLT *pā* [204]; BRK *kutti* [436]; PHL *khur* [33]; GAW *khur* [33]; PSH *pā* [204]; KHO *ponḡ* [204]; KAL *khūr* [33]; MAY *khur* [33]; TOR *khū* [33]; DRS *pā* [204]; AST *pā* [204]; GUR *pā* [204]; KOH *pā* [204]; GOW *khur* [33]; BSK *khur* [33].

32 **full**: KSM *pūr* [34]; GLT *šak* [205]; BRK *punjis* [34]; PHL *punilo* [34]; GAW *pūr* [34]; PSH *purā* [34]; KHO *tip* [-3]; KAL *pūri* [34]; MAY *pōsil* [34]; TOR *punel* [34]; DRS *phūṇo* [34]; AST *šek* [205]; GUR *šek* [205]; KOH *phūṇo* [34]; GOW *pāyšēy* [34]; BSK *čuput* [34].

33 **give**: KSM *di-* [35]; GLT *do-* [35]; BRK *de-* [35]; PHL *de-* [35]; GAW *li-* [35]; PSH *day-* [35]; KHO *do-* [35], *tare-* [364]; KAL *de-* [35]; MAY *di-* [35]; TOR *dew-* [35]; DRS *di-* [35]; AST *dō-* [35]; GUR *di-* [35]; KOH *do-* [35]; GOW *diyāv* [35]; BSK *da-* [35].

34 **good**: KSM *jān* [36], *rut* [37]; GLT *mištu* [186], *šo* [206]; BRK *thālo* [437]; PHL *šūo* [206]; GAW *bai* [270]; PSH *bai* [270]; KHO *jam* [36]; KAL *prušt* [401]; MAY *miṭhi* [186]; TOR *yorā* [-2]; DRS *sī* [493], *šaboko* [206]; AST *mištu* [186]; GUR *mištu* [186], *siyō* [493]; KOH *mištō* [186], *sam* [512]; GOW *maṛnei* [-2]; BSK *rān* [524].

35 **green**: KSM *n'ul* [38]; GLT *nīlu* [38]; BRK *ṇīlo* [38]; PHL *nīlu* [38]; GAW *nīla* [38]; PSH *sauz* [-3]; KHO *oč* [365]; KAL *liṅ* [402]; MAY *nīl* [38]; TOR *nil* [38]; DRS *nīlo* [38]; AST *nīlu* [38]; GUR *nīlu* [38]; KOH *nīlo* [38]; GOW *nīl* [38]; BSK *pala* [525].

36 **hair**: KSM *mas* [430]; GLT *jakur* [207], *čamoyē* [208]; BRK *žakor* [207]; PHL *bola* [-3]; GAW *cimuṭa* [271], *khēs* [272]; PSH *žūtr* [327]; KHO *dro* [366]; KAL *čurī* [403], *jaj* [404]; MAY *bāl* [-4]; TOR *bāl* [-3]; DRS *jakū* [207]; AST *jāko* [207]; GUR *jakū* [207]; KOH *jāko* [207]; GOW *bāl* [-3]; BSK *bāl* [-2].

37 **hand**: KSM *atha* [39]; GLT *hat* [39]; BRK *hat* [39]; PHL *hāt* [39]; GAW *hast* [39]; PSH *hāst* [39]; KHO *host* [39]; KAL *hast* [39]; MAY *hā* [39]; TOR *hāt* [39]; DRS *hat* [39]; AST *hat* [39]; GUR *hat* [39]; KOH *hat* [39]; GOW *hat* [39]; BSK *thēr* [526].

38 **head**: KSM *hīr* [40]; GLT *šiš* [40]; BRK *šiš* [40]; PHL *šiš* [40]; GAW *šauṭa* [40]; PSH *šīr* [40], *kapāl* [328]; KHO *kapal* [328]; KAL *šiš* [40]; MAY *šiš* [40]; TOR *šā* [40]; DRS *šiš* [40]; AST *šiš* [40]; GUR *šiš* [40]; KOH *šiš* [40]; GOW *šiša(h)* [40]; BSK *šišār* [40], *thōs* [527].

39 **hear**: KSM *boz-* [41]; GLT *paruž-* [41]; BRK *kon th-* [233]; PHL *šun-* [188], *kātha-* [233]; GAW *šuṇi-* [188]; PSH *ar-* [329]; KHO *kara do-* [233]; KAL *saṅg(h)a-* [405]; MAY *šu-* [188]; TOR *buž-* [41]; DRS *parj-* [41]; AST *parj-* [41]; GUR *parj-* [41]; KOH *šun-* [188]; GOW *šō* [188]; BSK *bujj-* [41].

40 **heart**: KSM *dil* [-4]; GLT *hīu* [138]; BRK *ho* [138]; PHL *hiṛo* [138]; GAW *hiṛa* [138]; PSH *hār* [138]; KHO *hardi* [138]; KAL *h(ṛ)iya* [138]; MAY *halali* [138]; TOR *hai* [138]; DRS *hīu* [138]; AST *hyū* [138]; GUR *hī(u)* [138]; KOH *hyū* [138]; GOW *halāli* [138]; BSK *ikukur* [138].

41 **horn**: KSM *heng* [42]; GLT *šij* [42]; BRK *šij* [42]; PHL *šij* [42]; GAW *šij* [42]; PSH *šāṅg* [42]; KHO *surung* [42]; KAL *šij* [42]; MAY *šijḡ* [42]; TOR *šij* [42]; DRS *šijō* [42]; AST *šij* [42]; GUR *šijū* [42]; KOH *šigo* [42]; GOW *šāṅg* [42]; BSK *šij* [42].

42 **I**: KSM *bih* [43], *me* [189]; GLT *ma* [189]; BRK *mo* [189]; PHL *ma* [189]; GAW *ā* [189]; PSH *a* [189]; KHO *awa* [189]; KAL *ā* [189]; MAY *ma* [189]; TOR *ā* [189]; DRS *moh* [189]; AST *mūh* [189]; GUR *mu* [189]; KOH *mo* [189]; GOW *ma* [189]; BSK *ya* [189].

43 **kill**: KSM *mār-* [44]; GLT *mar-* [44]; BRK *mar-* [44]; PHL *mhārū-* [44]; GAW *mār-* [44]; PSH *mār-* [44], (*h*)*an-* [330]; KHO *mar-* [44]; KAL *mar-* [44], *hūr-* [330]; MAY *mār-* [44]; TOR *mow-* [44]; DRS *mar-* [44]; AST *mar-* [44]; GUR *mar-* [44]; KOH *mar-* [44]; GOW *mārāv* [44]; BSK *mār-* [44].

44 **knee**: KSM *koṭh* [45]; GLT *kuṭo* [45]; BRK *kūṭo* [45]; PHL *khutu* [45]; GAW *ḍuṅga* [273]; PSH *kār* [331]; KHO *zanu* [-4]; KAL *ḍhēik* [273]; MAY *kuṭh* [45]; TOR *kuḍ* [45]; DRS *kuṭo* [45]; AST *kuṭo* [45]; GUR *kuṭu* [45]; KOH *kuṭho* [45]; GOW *kuṭh* [45]; BSK *kūt* [45].

45 **know**: KSM *zān-* [46]; GLT *daṣṭ-* [209], *sūy-* [518]; BRK *žu-* [438]; PHL *jhan-* [46]; GAW *pian-* [46]; PSH *piēn-* [46]; KHO *žan-* [46]; KAL *jhon-* [46]; MAY *porz-* [46]; TOR *janū-* [46]; DRS *daṣṭ-* [209]; AST *daṣṭh-* [209]; GUR *daṣṭ-* [209]; KOH *lačh-* [513], *si-* [518]; GOW(?) [518]; BSK *jān-* [46].

46 **leaf**: KSM *pan* [47]; GLT *pāṭu* [47]; BRK *pani* [47]; PHL *palā* [234]; GAW *phaṭa* [47]; PSH *paṭā* [47]; KHO *čhan* [368]; KAL *p(r)ū* [47]; MAY *paṇḍ* [47]; TOR *pāṣ* [-4]; DRS *paṭo* [47]; AST *paṭo* [47]; GUR *paṭu* [47]; KOH *paṭho* [47]; GOW *paṭ(h)* [47]; BSK *paḷ* [-3].

47 **lie**: KSM *šong-* [48], *ḍāph trāw-* [466]; GLT *žek bo-* [140], *ṭam bō-* [507]; BRK *svay-* [439]; PHL *dhreg th-* [140]; GAW *ḍaḍa ša-* [274]; PSH *phal-* [332]; KHO *por-* [309]; KAL *dhrek as-* [140]; MAY *lui-* [455]; TOR *bāngde baž-* [483]; DRS *dil bō-* [521]; AST *jek bō-* [140]; GUR *ṭam bō-* [507]; KOH *žek bō-* [140]; GOW *par-* [309]; BSK *likeg-* [140], *dayar da-* [528].

48 **liver**: KSM *krehnāmāz* [49]; GLT *yūm* [141]; BRK *gyim* [141]; PHL *jhaṅār* [-4]; GAW *andec* [275]; PSH *andāš* [275]; KHO *šoyun* [141]; KAL *žārgu* [141]; MAY *šūr* [456]; TOR *jogo* [-5]; DRS *yū* [141]; AST *yū* [141]; GUR *yū* [141]; KOH *yū* [141]; GOW *šūr* [456]; BSK *yān* [141].

49 **long**: KSM *z'ūṭh* [50]; GLT *žigu* [142]; BRK *žigo* [142]; PHL *drhigo* [142]; GAW *ligala* [142]; PSH *ūš* [333]; KHO *drung* [142]; KAL *drīga* [142]; MAY *žig* [142]; TOR *jig* [142]; DRS *jiṅo* [142]; AST *žigu* [142]; GUR *jiṅu* [142]; KOH *žigo* [142]; GOW *žug* [142]; BSK *līg* [142].

50 **louse**: KSM *zuw* [51]; GLT *jū* [51]; BRK *žva* [51]; PHL *jhī* [51]; GAW *zum* [51]; PSH *žū* [51]; KHO *žūy* [51]; KAL *juk* [51]; MAY *zuṭ* [51]; TOR *j(h)ṭ* [51]; DRS *jū* [51]; AST *jū* [51]; GUR *jū* [51]; KOH *jū* [51]; GOW *zuṭ* [51]; BSK *jūṭ* [51].

51 **man**: KSM *marid* [-5]; GLT *mušā* [143]; BRK *muš* [143]; PHL *mš* [143]; GAW *lāuṛī* [276]; PSH *wīr* [334], *māšu* [143]; KHO *moš* [143]; KAL *puruš* [406]; MAY *māš* [143]; TOR *māš* [143]; DRS *mušā* [143]; AST *mušā* [143]; GUR *mušā* [143]; KOH *mušā* [143]; GOW *mēš* [143]; BSK *mīš* [143].

52 **many**: KSM *wāryāh* [53], *s'āṭhāh* [54]; GLT *bodu* [170], *tušār* [210], *lāwo* [277]; BRK *bede* [170]; PHL *bīḍu* [144]; GAW *lāu* [277]; PSH *bū* [170]; KHO *bo* [170]; KAL *bo* [170]; MAY *cei* [484], *žhau* [457]; TOR *čar* [484], *gan* [485]; DRS *lāu* [277]; AST *lā* [277]; GUR *tišār* [210], *lā* [277]; KOH *lā* [277]; GOW *j(h)o* [514]; BSK *bār* [53].

53 **meat**: KSM *māz* [55]; GLT *mos* [55]; BRK *mōs* [55]; PHL *mhās* [55]; GAW *anda* [278]; PSH *pai* [335]; KHO *pušur* [369]; KAL *mos* [55]; MAY *māsī* [55]; TOR *mās* [55]; DRS *mōst* [55]; AST *mōs* [55]; GUR *mōs* [55]; KOH *mōs* [55]; GOW *mās* [55]; BSK *mās* [55].

54 **moon**: KSM *zūn* [56]; GLT *yūn* [56]; BRK *gyun* [56]; PHL *yūn* [56]; GAW *māsoi* [279]; PSH *māi* [279]; KHO *mas* [279]; KAL *mastruk* [279]; MAY *yū* [56]; TOR *yūn* [56]; DRS *yūn* [56]; AST *yūn* [56]; GUR *yūn* [56]; KOH *yūn* [56]; GOW *yū* [56]; BSK *yusun* [56].

55 **mountain**: KSM *bāl* [57], *sangur* [58]; GLT *čhār* [212], *khaŋ* [145]; BRK *žur* [440], *bār* [441]; PHL *khāŋ* [145], *mou* [235]; GAW *dār* [280]; PSH *dār* [280]; KHO *an* [370], *zom* [371]; KAL *sun* [407]; MAY *khāŋ* [145]; TOR *khān* [145]; DRS *šāy* [493], *khāŋ* [145]; AST *čhīš* [-3]; GUR *khon* [145]; KOH *khaŋ* [145]; GOW *khān* [145]; BSK *khan* [145].

56 **mouth**: KSM *ās* [59]; GLT *āi* [59]; BRK *ūzi* [59]; PHL *dhūt* [236]; GAW *hāsi* [59]; PSH *dōr* [336]; KHO *apak* [372]; KAL *aši* [59]; MAY *āi* [59]; TOR *ā* [59]; DRS *āzo* [59]; AST *āzo* [59]; GUR *āzu* [59]; KOH *āzi* [59]; GOW *āi* [59]; BSK *āi* [59].

57 **name**: KSM *nāw* [60]; GLT *nom* [60]; BRK *nu* [60]; PHL *nō* [60]; GAW *nam* [60]; PSH *nām* [60]; KHO *nam* [60]; KAL *nom* [60]; MAY *nā* [60]; TOR *nām* [60]; DRS *nōm* [60]; AST *nōm* [60]; GUR *nōm* [60]; KOH *nūm* [60]; GOW *nav* [60]; BSK *nām* [60].

58 **neck**: KSM *nāl* [61], *kār* [62]; GLT *šak* [213]; BRK *gri* [442]; PHL *mātu* [146]; GAW *manda* [146]; PSH *mandā* [146]; KHO *būk* [-5]; KAL *bis* [426]; MAY *šākh* [213]; TOR *mār* [146], *čonjo* [486]; DRS *čhagan* [494], *žakū* [495]; AST *šak* [213]; GUR *šak* [213], *šōnu* [508]; KOH *šak* [213]; GOW *maṭhi* [146]; BSK *maŋ* [146].

59 **new**: KSM *now* [63]; GLT *nāwu* [63]; BRK *nū* [63]; PHL *nāwu* [63]; GAW *nunḡa* [63]; PSH *nūḡa* [63]; KHO *noy* [63]; KAL *nhok* [63]; MAY *naū* [63]; TOR *nam* [63]; DRS *nāo* [63]; AST *naū* [63]; GUR *nā* [63]; KOH *nō* [63]; GOW *nā* [63]; BSK *nam* [63].

60 **night**: KSM *rāt* [-6]; GLT *rāti* [-2]; BRK *bēldaŋ* [281]; PHL *rōt* [-5]; GAW *yel* [281]; PSH *wyāl* [281]; KHO *čhuy* [374]; KAL *rāt* [-1]; MAY *rāl* [-5]; TOR *jhīm* [487]; DRS *rāti* [-3]; AST *rāti* [-4]; GUR *rāti* [-3]; KOH *rāti* [-3]; GOW *rāu* [-4]; BSK *rāt* [-4].

61 **nose**: KSM *nas* [64]; GLT *natu* [64]; BRK *nūto* [64]; PHL *nāst* [64]; GAW *nāsī* [64]; PSH *nās* [64]; KHO *niskar* [64]; KAL *načur* [64]; MAY *nathur* [64]; TOR *nāt* [64]; DRS *noto* [64]; AST *nato* [64]; GUR *notu* [64]; KOH *nothi* [64]; GOW *nath* [64]; BSK *nāzōr* [64].

62 **not**: KSM *nī* [65]; GLT *nē* [65]; BRK *na* [65]; PHL *na* [65]; GAW *na* [65]; PSH *ne* [65]; KHO *no* [65]; KAL *ne* [65]; MAY *nā* [65]; TOR *nā* [65]; DRS *nuš* [65]; AST *na* [65]; GUR *ne* [65]; KOH *na* [65]; GOW *na* [65]; BSK *na* [65].

63 **one**: KSM *akh* [66]; GLT *ek* [66]; BRK *ēk* [66]; PHL *āk* [66]; GAW *yak* [66]; PSH *ī* [66]; KHO *ī* [66]; KAL *ek* [66]; MAY *ek* [66]; TOR *e(k)* [66]; DRS *ek* [66]; AST *ek* [66]; GUR *ek* [66]; KOH *ek* [66]; GOW *ek(h)* [66]; BSK *ak* [66].

64 **person**: KSM *mohn'uw* [67]; GLT *mānužu* [67]; BRK *mušpo* [147]; PHL *monuš* [67]; GAW *mānuš* [67]; PSH *ādam* [-4]; KHO *roy* [375], *žun* [295]; KAL *moč* [147]; MAY *māš* [147], *pičā* [458]; TOR *māš* [147]; DRS *manūžo* [67]; AST *manūžo* [67]; GUR *manūju* [67]; KOH *manūžo* [67]; GOW *mōš* [67]; BSK *mš* [147].

65 **rain**: KSM *rūd* [68]; GLT *ažu* [148]; BRK *čarpa* [-5]; PHL *baš* [237]; GAW *waš* [237]; PSH *dāmān* [337]; KHO *bošik* [237]; KAL *bāšik* [237], *dira* [408]; MAY *až* [148]; TOR *āg(h)ā* [148]; DRS *ažo* [148], *mēi* [496]; AST *ažo* [148]; GUR *aju* [148]; KOH *ažo* [148]; GOW *až* [148]; BSK *āga* [148].

66 **red**: KSM *wozul* [69]; GLT *lolyu* [149]; BRK *lōdo* [149]; PHL *lohilo* [149]; GAW *lutura* [149]; PSH *šōnāk* [338]; KHO *kruy* [376]; KAL *lačhia* [296]; MAY *lhamlu* [149]; TOR *la(g)hūr* [149]; DRS *lōlo* [149]; AST *lōlo* [149]; GUR *lōlu* [149]; KOH *lhilo* [149]; GOW *lhyū* [149]; BSK *lōu* [149].

67 **road**: KSM *wat* [-7]; GLT *pon* [150]; BRK *pun* [150]; PHL *pand* [150]; GAW *phont* [150]; PSH *pand* [150]; KHO *pon* [150]; KAL *p(h)on* [150], *biriči* [410]; MAY *pan* [150]; TOR *pān* [150]; DRS *pon* [150]; AST *pon* [150]; GUR *pon* [150]; KOH *pon* [150]; GOW *pan(a)* [150]; BSK *pan(d)* [150].

68 **root**: KSM *mūl* [70]; GLT *mūli* [70]; BRK *paṭṭaṭ* [-6]; PHL *nerī* [151]; GAW *nāṛ* [151]; PSH *aṅgī* [339]; KHO *mūl* [70], *iwak* [377]; KAL *istnos* [411], *yawak* [377]; MAY *naī* [151]; TOR *nā* [151]; DRS *čhiliš* [-4]; AST *čhiriš* [-5]; GUR *čhiriš* [-4]; KOH *čheriš* [-4]; GOW *z(h)ēlya(h)* [469]; BSK *nēr* [151].

69 **round**: KSM *ḍuloma* [71]; GLT *biḍiru* [214]; BRK *ḍidūro* [443]; PHL *piṅḍūra* [238]; GAW (?); PSH (?); KHO *piṅḍoru* [238]; KAL *piṅḍuri* [238]; MAY *ḍiḍōṛ* [443]; TOR *baṛūl* [488]; DRS *kirkiro* [497]; AST *ḍiḍūro* [443]; GUR *ḍuḍūru* [443]; KOH *ḍiḍūro* [443]; GOW (?); BSK (?).

70 **sand**: KSM *sekh* [72]; GLT *sigal* [72]; BRK *sīri* [72]; PHL *sigal* [72]; GAW *sīū* [72]; PSH *sēo* [72]; KHO *šuyur* [72]; KAL *šigou* [72]; MAY *sigal* [72]; TOR *sigal* [72]; DRS *siṅel* [72]; AST *siṅel* [72]; GUR *siṅil* [72]; KOH *sigal* [72]; GOW *sigal* [72]; BSK *sigit* [72].

71 **say**: KSM *wan-* [73], *dap-* [74]; GLT *ray-* [215]; BRK *rāz-* [215]; PHL *manū-* [152]; GAW *ža-* [282]; PSH *mar-* [152], *daf-* [74]; KHO *re-* [378]; KAL *mātr-* [152], *wonj-* [412]; MAY *man-* [152], *ban-* [73]; TOR *ban-* [73]; DRS *raj-* [215]; AST *raz-* [215]; GUR *raj-* [215]; KOH *raz-* [215]; GOW *al-* [519]; BSK *mān-* [152].

72 **see**: KSM *wučh-* [75], *deš-* [76]; GLT *paš-* [154], *čak-* [498]; BRK *ski-* [444]; PHL *dačh-* [76]; GAW *bāli-* [191], *ta-* [283]; PSH *dē-* [340]; KHO *lol-* [299], *poš-* [154]; KAL *jih-* [340], *paš-* [154]; MAY *nahal-* [191], *payš-* [154]; TOR *paš-* [154], *ḍiṭ-* [76], *bū-* [516]; DRS *čak-* [498], *paš-* [154]; AST *čak-* [498]; GUR *paš-* [154], *čak-* [498]; KOH *paš-* [154], *čak-* [498]; GOW *pašō* [154]; BSK *paš-* [154], *bīch-* [75], *ličh-* [76].

73 **seed**: KSM *byol* [77]; GLT *bi* [77]; BRK *bi* [77]; PHL *phalūṛu* [239], *bī* [77]; GAW *bīu* [77]; PSH *bī* [77]; KHO *bī* [77]; KAL *bi* [77]; MAY *bī* [77], *āyiri* [459]; TOR *biš* [77]; DRS *bī* [77]; AST *bī* [77]; GUR *bī* [77]; KOH *bī* [77]; GOW *bī* [77]; BSK *bī* [77].

74 **sit**: KSM *beh-* [78]; GLT *bay-* [78]; BRK *bay-* [78]; PHL *bheš-* [78]; GAW *niši th-* [284]; PSH *nē-* [284]; KHO *niš-* [284]; KAL *nis-* [284]; MAY *bhay-* [78]; TOR *bhay-* [78]; DRS *bi-* [78]; AST *bi-* [78]; GUR *bi-* [78]; KOH *bi-* [78]; GOW *biš-* [78]; BSK *bāy-* [78].

75 **skin**: KSM *mišli* [79], *com* [80]; GLT *čom* [80]; BRK *thūro* [445]; PHL *pūsto* [-6]; GAW *gaḷ* [285]; PSH *paṭalā* [312]; KHO *post* [-6]; KAL *post* [-2]; MAY *cām* [80]; TOR *čām* [80]; DRS *čom* [80]; AST *čom* [80]; GUR *čom* [80]; KOH *čom* [80]; GOW *cam* [80]; BSK *čam* [80].

76 **sleep**: KSM *šong-* [48], *nendīr kar-* [82]; GLT *so-* [174]; BRK *su-* [174]; PHL *sū-* [174]; GAW *lap ker-* [174], *pēi-* [286]; PSH *ōrač a-* [341]; KHO *ore-* [341], *por-* [379]; KAL *prasu-* [174], *ḍuḍi-* [413]; MAY *sut bi-* [174]; TOR *hub-* [174], *nin kow-* [82]; DRS *sō-* [174]; AST *sō-* [174]; GUR *sō-* [174]; KOH *nīš tho-* [82]; GOW *sō* [174]; BSK *nīn bač-* [82].

77 **small**: KSM *lokuṭ* [83]; GLT *čuṅu* [216], *kholu* [217]; BRK *seno* [446], *āpo* [447]; PHL *lohoko* [83]; GAW *pola* [287]; PSH *sūr* [258]; KHO *ceq* [-7]; KAL *alūyak* [414], *čutyak* [415]; MAY *lakh* [83]; TOR *luṭ* [83]; DRS *čuṅo* [216]; AST *khuṭu* [504], *čuno* [216]; GUR *čuṅu* [216]; KOH *čuṅo* [216]; GOW *luku* [83]; BSK *lukuṭ* [83], *čunuṭ* [216].

78 **smoke**: KSM *dih* [84]; GLT *dum* [84]; BRK *dū* [84]; PHL *dhūmi* [84]; GAW *dum* [84]; PSH *dūm* [84]; KHO *kūšun* [380]; KAL *dhūm* [84]; MAY *duhā* [84]; TOR *d(h)imī* [84]; DRS *dūm* [84]; AST *dūm* [84]; GUR *dūm* [84]; KOH *dūm* [84]; GOW *d(h)ū* [84]; BSK *dīmī* [84].

79 **stand**: KSM *woth-* [85]; GLT *uthyo-* [85], *čoko bō-* [509]; BRK *uth-* [85]; PHL *utth-* [85]; GAW *ušt-* [85]; PSH *žān h-* [342]; KHO *riph-* [381]; KAL *čišt-* [85]; MAY *oēlay bi-* [460]; TOR *iri ho-* [85]; DRS *uth-* [85]; AST *hun bō-* [505]; GUR *čok bō-* [509]; KOH *uth-* [85], *čoko bō-* [509]; GOW (?); BSK *itthi-* [85].

80 **star**: KSM *tāruk* [86]; GLT *tāru* [86]; BRK *tūri* [86]; PHL *toru* [86]; GAW *tāra* [86]; PSH *astārič* [86]; KHO *istāri* [86]; KAL *tāri* [86]; MAY *tār* [86]; TOR *tā* [86]; DRS *tāro* [86]; AST *tāro* [86]; GUR *tāru* [86]; KOH *tāro* [86]; GOW *tār* [86]; BSK *tār* [86].

81 **stone**: KSM *kən'* [87]; GLT *bāṭ* [155]; BRK *nāro* [448]; PHL *bāṭ* [155]; GAW *waṭ* [155]; PSH *wāṭ* [155]; KHO *boχt* [155]; KAL *bat* [155]; MAY *bāṭ* [155]; TOR *bāṭ* [155]; DRS *baṭ* [155]; AST *baṭ* [155], *gīri* [517]; GUR *baṭ* [155]; KOH *baṭ* [155]; GOW *baṭ(h)* [155]; BSK *baṭ* [155].

82 **sun**: KSM *sirī* [88]; GLT *sūri* [88]; BRK *sūri* [88]; PHL *sūri* [88]; GAW *sūri* [88]; PSH *sur* [88]; KHO *yor* [382]; KAL *sūri* [88]; MAY *suri* [88]; TOR *sī* [88]; DRS *sūri* [88]; AST *sūri* [88]; GUR *sūri* [88]; KOH *sūri* [88]; GOW *sūri* [88]; BSK *sīr* [88].

83 **swim**: KSM *chanṭh wāy-* [480]; GLT *tam do-* [-3]; BRK *škēlith-* [-7]; PHL *bahayēṅgi de-* [89]; GAW *lōe li-* [288]; PSH *lēw-* [288]; KHO *utanu usne-* [156]; KAL *waz-* [-3]; MAY *dhay-* [460], *guīli di-* [461]; TOR *lāmo dew-* [-6]; DRS *nōš-* [499]; AST *tam dō-* [-5]; GUR *nūš di-* [499]; KOH *tar-* [523]; GOW *lhāambo diō* [-5]; BSK *sānāṭe di-* [156].

84 **tail**: KSM *dumbi* [90]; GLT *phočo* [219]; BRK *piči* [219]; PHL *lamēṭi* [90]; GAW *limoṭa* [90]; PSH *līm* [90]; KHO *rum* [90]; KAL *dhamrei* [90]; MAY *lawōṭ* [90]; TOR *lamāṭ* [90]; DRS *lamuṭi* [90]; AST *lamoṭi* [90]; GUR *lamōṭu* [90]; KOH *lamṭō* [90]; GOW *lamuṭ(h)* [90]; BSK *lumaṭ* [90].

85 **that**: KSM *huh* [91], *suh* [92]; GLT *o* [91], *ro* [220]; BRK *alo* [91], *so* [92]; PHL *aṛo* [91], *haso* [92]; GAW *ase* [92], *t-* [157]; PSH *ō* [91], *satē* [92]; KHO *hase* [92]; KAL *ala* [91], *(a)sa* [92]; MAY *su* [92]; TOR *se* [92], *tes* [157]; DRS *parāo* [500]; AST *ā* [91]; GUR *ā* [91]; KOH *asa* [92]; GOW *so* [92]; BSK *aṣē* [92], *tathē* [157].

86 **this**: KSM *yih* [93], *nəm* [240]; GLT *anu* [240]; BRK *homo* [449], *alam* [240]; PHL *anu* [240]; GAW *en* [93], *woi* [240]; PSH *āe* [93], *elo* [240]; KHO *haya* [93]; KAL *ia* [93]; MAY *ṣū* [93]; TOR *ā* [93]; DRS *anuh* [240], *žo* [501]; AST *anuh* [240]; GUR *anu* [240], *žo* [501]; KOH *āe* [93]; GOW *ai* [93]; BSK *āyī* [93], *athā* [240].

87 **thou**: KSM *ci* [95]; GLT *tu* [95]; BRK *ti* [95]; PHL *tu* [95]; GAW *tu* [95]; PSH *tū* [95]; KHO *tu* [95]; KAL *tu* [95]; MAY *tu* [95]; TOR *tū* [95]; DRS *tuh* [95]; AST *tuh* [95]; GUR *tu* [95]; KOH *tu* [95]; GOW *tu* [95]; BSK *tu* [95].

88 **tongue**: KSM *zew* [96]; GLT *jip* [96]; BRK *gīp* [96]; PHL *jib* [96]; GAW *zib* [96]; PSH *jib* [96]; KHO *ligini* [383]; KAL *jip* [96]; MAY *zib* [96]; TOR *jib* [96]; DRS *jip* [96]; AST *jip* [96]; GUR *jip* [96]; KOH *jip* [96]; GOW *ziba* [96]; BSK *jib* [96].

89 **tooth**: KSM *dand* [97]; GLT *don* [97]; BRK *dani* [97]; PHL *dān* [97]; GAW *dant* [97]; PSH *dānd* [97]; KHO *don* [97]; KAL *dandorýak* [97]; MAY *dān* [97]; TOR *dān* [97]; DRS *don* [97]; AST *don* [97]; GUR *don* [97]; KOH *don* [97]; GOW *dan* [97]; BSK *dan* [97].

90 **tree**: KSM *kul* [98]; GLT *tom* [158], *muṭo* [241]; BRK *laqčuks* [-8]; PHL *muṭṭ* [241]; GAW *muṭha* [241]; PSH *kuṛā* [343]; KHO *kan* [384]; KAL *muṭ* [241]; MAY *gī* [462]; TOR *thām* [158]; DRS *byeī* [502]; AST *tom* [158]; GUR *tom* [158]; KOH *tom* [158], *muṭho* [241]; GOW *bičh* [515]; BSK *tam* [158].

91 **two**: KSM *zi* [99]; GLT *du* [99]; BRK *dū* [99]; PHL *dū* [99]; GAW *du* [99]; PSH *dō* [99]; KHO *jū* [99]; KAL *dū* [99]; MAY *du* [99]; TOR *dū* [99]; DRS *du* [99]; AST *du* [99]; GUR *dū* [99]; KOH *dū* [99]; GOW *du* [99]; BSK *dū* [99].

92 **walk (go)**: KSM *gach-* [100], *pak-* [101]; GLT *yay-* [221], *g-* [100], *buž-* [428]; BRK *bo-* [428], *gi-* [100]; PHL *čo-* [159], *g-* [100], *bay-* [428]; GAW *di-* [221], *go* [100]; PSH *g-* [100], *par-* [221]; KHO

bo- [221], *bay* [100]; KAL *par-* [221], *gala* [100]; MAY *gā-* [100], *bi-* [428], *til-* [462]; TOR *baž-* [428], *gā* [100]; DRS *boj-* [428], *yaž-* [221], *gā-* [100]; AST *buj-* [428], *yaz-* [221], *gā-* [100]; GUR *boj-* [428], *yaj-* [221], *gā* [100]; KOH *boj-* [428], *yāz-* [221]; GOW *bayō* [428], *gā* [100]; BSK *bač-* [428], *gā-* [100], *čō-* [159].

93 **warm:** KSM *tot* [102], *wušun* [103]; GLT *tātu* [102]; BRK *tāto* [102]; PHL *tāto* [102]; GAW *tapo* [102]; PSH *tapē* [102]; KHO *peč* [385], *tāf* [102]; KAL *dūdū* [416], *tapala* [102]; MAY *tat* [102]; TOR *tāt* [102]; DRS *tatto* [102]; AST *tatto* [102]; GUR *tatu* [102]; KOH *tato* [102]; GOW *tat(h)* [102]; BSK *ušun* [103], *tapijāl* [102].

94 **water:** KSM *āb* [104]; GLT *wai* [104]; BRK *va* [104]; PHL *wī* [104]; GAW *aū* [104]; PSH *warg* [344]; KHO *uy* [104]; KAL *uk* [104]; MAY *vī* [104]; TOR *ū* [104]; DRS *woi* [104]; AST *woi* [104]; GUR *voi* [104]; KOH *woi* [104]; GOW *vī* [104]; BSK *ū* [104].

95 **we:** KSM *as'* [105]; GLT *be* [193], *as-* [105]; BRK *ba* [193], *as-* [105]; PHL *be* [193], *as-* [105]; GAW *amō* [105]; PSH *hamā* [105]; KHO *ispa* [105]; KAL *abi* [105]; MAY *be* [193], *zā* [105]; TOR *mho* [105]; DRS *be* [193], *as-* [105]; AST *be* [193]; GUR *be* [193], *as-* [105]; KOH *be* [193], *as-* [105]; GOW *be* [193], *as-* [105]; BSK *mā* [105].

96 **what:** KSM *kyāh* [106]; GLT *jēk* [222]; BRK *ye* [222]; PHL *ga* [106]; GAW *kī* [106]; PSH *kāl* [106]; KHO *kya* [106]; KAL *kīa* [106]; MAY *gi* [106]; TOR *kā* [106]; DRS *jok* [222]; AST *yōk* [222]; GUR *jōk* [222]; KOH *jō* [222]; GOW *gi* [106]; BSK *kā* [106].

97 **white:** KSM *čhot* [107], *pron* [108]; GLT *šeu* [223]; BRK *šō* [223]; PHL *pāñāru* [108]; GAW *wuzala* [176]; PSH *čhelāk* [107]; KHO *išperu* [223]; KAL *gōra* [417]; MAY *panar* [108]; TOR *ujal* [524]; DRS *šyō* [223]; AST *šēo* [223]; GUR *šō* [223]; KOH *šō* [223]; GOW *uzal* [524]; BSK *pañar* [108].

98 **who:** KSM *kus* [109]; GLT *kō* [109]; BRK *ko* [109]; PHL *ko* [109]; GAW *kara* [109]; PSH *kī* [109]; KHO *ka* [109]; KAL *kura* [109]; MAY *kā* [109]; TOR *kām* [109]; DRS *kōi* [109]; AST *koi* [109]; GUR *kōe* [109]; KOH *koe* [109]; GOW *kū* [109]; BSK *kam* [109].

99 **woman:** KSM *triy* [110]; GLT *čei* [110]; BRK *čiga* [110]; PHL *kuṛī* [425]; GAW *šigalī* [110]; PSH *astrī* [110]; KHO *kimeri* [386]; KAL *istriža* [110]; MAY *gharī* [-6]; TOR *čhī* [110]; DRS *čēī* [110]; AST *čei* [110]; GUR *čei* [110]; KOH *čei* [110]; GOW *mulay* [516]; BSK *is* [110].

100 **yellow:** KSM *l'odur* [111]; GLT *haližu* [111]; BRK *haldūro* [111]; PHL *zyār* [-7]; GAW *phiala* [-2]; PSH *lūm* [345]; KHO *zēč* [-8]; KAL *bađu* [418]; MAY *pīl* [-7]; TOR *čono* [489]; DRS *gūro* [503]; AST *komūmo* [506]; GUR *kumūmu* [506]; KOH *pīlo* [-5]; GOW *pīl* [-6]; BSK *čōner* [489].

M. E. VASILYEV, A. I. KOGAN. On the East Dardic language group.

The paper addresses the issue of the genetic classification of Dardic languages. Special attention is paid to the problem of genetic relations between the languages that are traditionally grouped together as “East Dardic”. To solve this problem, two different lexicostatistical approaches are suggested: the specific version of the neighbour-joining algorithm and a statistical method, based on the average deviation criterion. After the comparative analysis of the resulting genetic trees the authors discuss the issue of the historical background and finally conclude that the “East Dardic” group forms a single and separate branch among the Dardic languages.

Keywords: Dardic languages, language classification, historical phonology, etymology, lexicostatistics, neighbour-joining method.

Сравнительно-историческое языкознание в XXI веке: проблемы и перспективы.
К 60-летию С. А. Старостина / *Comparative-Historical Linguistics of the 21st Century: Issues and Perspectives*.
Москва, РГГУ, 20–22 марта 2013 г.

20–22 марта 2013 года в Институте восточных культур РГГУ состоялась конференция «Сравнительно-историческое языкознание в XXI веке: проблемы и перспективы» («*Comparative-Historical Linguistics of the 21st Century: Issues and Perspectives*»), шестая в ряду традиционных уже конференций, посвященных памяти яркого представителя российской компаративистики Сергея Анатольевича Старостина (1953–2005). Материалы конференции, включая видеозапись докладов, доступны на сайте «Вавилонская башня»¹.

Секцию, посвященную теории и методологии макрокомпаративных исследований, открыл доклад Георгия СТАРОСТИНА (РГГУ) «Макрокомпаративистика в XXI в.: текущее состояние дел и перспективы развития» (George STAROSTIN. *Macro-comparative linguistics in the 21st century: State of the art and perspectives*). В докладе говорилось о двух основных сложившихся к XXI веку направлениях сравнительно-исторических исследований глубокого родства языков. Одно из них, восходящее к Джозефу Гринбергу, основывается на предложенном им методе массового сравнения, без выявления строгих правил фонетических соответствий. Второе, основанное на строгом классическом сравнительно-историческом методе, в макрокомпаративистике было впервые представлено работами В. М. Иллич-Свитыча. Были рассмотрены и частные различия в исследовательских подходах. Так, анализируя методы доказательства языкового родства, основанные на сопоставлении грамматики и лексики, Г. Старостин безусловно отдает предпочтение лексическим методам. Хотя грамматика более устойчива к заимствованиям, она нестабильна в случае сильной типологической перестройки языка и содержит недостаточное количество материала для сравнения. Сопоставления грамматиче-

ских систем бесполезны для доказательства глубокого родства языков, хотя отдельные морфемы могут использоваться при сопоставлениях, также как и «квази-грамматические» элементы сводешевского списка (личные и указательные местоимения, показатель отрицания). Обсуждая формальные алгоритмы установления языкового родства, Г. Старостин приходит к выводу, что «автоматические» и «ручные» методы анализа должны дополнять друг друга. Среди основных задач на данном этапе Г. Старостин назвал создание унифицированных каталогов фонетических и семантических изменений, типологии заимствований, сводешевских списков с возможностью как ручного, так и автоматического анализа, этимологических баз данных.

В докладе Сёрена ВИХМАННА (Институт Макса Планка, Лейпциг) «Вероятностные подходы к проблеме дальнего родства языков. Методология и результаты» (Søren WICHMANN. *Probabilistic approaches to long-range comparison. Methodology and results*) был представлен проект The Automated Similarity Judgment Program (ASJP)², в котором для автоматической оценки близости языков в нем используется «расстояние Левенштейна» — минимальное количество операций вставки, удаления или замены символа, необходимых для превращения одного слова в другое. Родство языков оценивается по суммарному расстоянию Левенштейна для слов отобранного списка базисной лексики. Разработчики признают, что их метод эффективен, когда языки разошлись не более, чем 5 тысяч лет назад. В докладе рассматривались попытки применить этот метод для доказательства родства изолированных языков лепки и мурким (Новая Гвинея), языка читимача (Луизиана) с семьей, объединяющий тотонакские языки и языки михе-соке (Мексика), а также языка зуньи с праязыком хоканской семьи.

---

¹ <http://starling.rinet.ru/meetings.php?lan=en>

² <http://wwwstaff.eva.mpg.de/~wichmann/ASJPHomePage.htm>

Обзорный доклад Эдварда ВАЙДЫ (Западный Вашингтонский Университет) «К оценке синокавказской гипотезы» (Edward VAJDA. Assessing the Sino-Caucasian hypothesis) содержал, помимо освещения лингвистических работ на эту тему, ряд интересных сведений из других наук. Так, оказывается, что гаплогруппа Q1a в Y-хромосоме, типичная для индейцев Северной Америки, часто встречается и у кетов. В целом Э. Вайда признает многообещающими лексические и местоименные сопоставления, сделанные между различными семьями этой макросемьи, но справедливо утверждает, что без четко определенных общих инноваций нельзя пока определить ее внутреннюю классификацию.

На другой общетеоретической секции рассматривались лексикостатистические методы. Алексей КАСЬЯН (Институт языкознания РАН / РГГУ) выступил с докладом «Лезгинская языковая семья в рамках проекта Глобальная лексикостатистическая база данных» (Alexei KASSIAN. The Lezgian linguistic family within the framework of the *Global Lexicostatistical Database*). Были продемонстрированы два варианта филогенетического дерева лезгинской группы: один — полученный в результате автоматического сравнения (слова признавались когнатами, если первые два согласных попадали в один фонетический класс), второй — основанный на этимологическом сопоставлении лексем.

Вероятностную модель выявления этимологических связей описал Йоханн-Маттис ЛИСТ (Магдебургский университет) в докладе «Анализ влияния размера словарного списка на выявление этимологических связей» (Johann-Mattis LIST. Investigating the impact of sample size on cognate detection). Она также основана на идее объединения звуков в классы. Предполагается, что звуки одного класса в истории языков переходят друг в друга чаще, чем в другие звуки. В модели, предложенной Листом, идея звукового класса дополнена идеей позиции звука, что позволяет получать более валидные результаты. Пока соответствующая компьютерная программа не применялась к анализу языков с невыясненными родственными связями.

Доклад Михаила ЖИВЛОВА (Институт языкознания РАН / РГГУ) «Семья языков хока и лексикостатистика» (Mikhail ZHIVLOV. The Hokan family and lexicostatistics) был посвящен языковой семье, языки которой встречаются или встречались в Калифорнии, тихоокеанском побережье США и штате Оахака в Мексике. Система регулярных звуковых соответствий для этой языковой семьи была установлена Теренсом Кауфманом в работе 1988 года.

Однако поскольку Кауфман, указав правила соответствий и продемонстрировав около тысячи реконструированных праслов хока, не привел ответствующих лексем в языках-потомках, М. Живлов был вынужден самостоятельно проанализировать весь доступный лексический материал. При этом в ряде случаев выводы Кауфмана были уточнены, но в целом получили подтверждение. Перейдя к лексикостатистическому исследованию, М. Живлов составил 110-словные списки для языков карук, чимарики, шаста, северный яна, центральный яна, яхи, уашо, восточный помо, мохаве, кокопа, явапай, хамул тиипай, сери, верхний чонталь и толь, а также 50-словные списки еще для ряда языков и праязыков: прото-яна, прото-помо и прото-юман. Лексикостатистический анализ показал, что языки уашо и толь наиболее далеки от прочих хоканских языков. При этом замечен аномально высокий процент лексических совпадений в следующих парах языков: уашо и карук, толь и верхний чонталь. Автор доклада предполагает, что эти соответствия возникли в результате заимствований. Исключив их из подсчетов, М. Живлов построил филогенетическое древо хоканских языков.

Еще одна секция была посвящена исторической семантике и этимологии. Там прозвучал доклад Анны ДЫБО (РГГУ / Институт языкознания РАН) «Семантические шаблоны и процессы в списке Сводеша: предварительные результаты» (Anna DYBO. Semantic patterns and semantic processes in the Swadesh list: Preliminary results). На материале тюркских языков в докладе были продемонстрированы семантический анализ сводешевских слов, который необходим при подготовке стословных списков для праязыков.

В докладе Елены ПАРИНОЙ (Институт языкознания РАН / Марбургский университет) «Полисемичные прилагательные в валлийском языке: опыт семантической реконструкции» (Elena PARINA. Welsh polysemous adjectives. A case study in semantic reconstruction) рассматривались прилагательные со значением 'острый'. Было показано изменение в членении семантического поля от средневаллийского к современному валлийскому языку, а этимология лексем сопровождалась типологическими параллелями.

Александр МИЛИТАРЕВ (РГГУ) выступил с докладом «Опыт разработки системы оценки этимологий» (Alexander MILITAREV. An attempt at a systemic evaluation of etymologies). Предполагается оценивать по пятибалльной шкале каждый из шести параметров этимологии: репрезентативность/реконструируемость, тип лексемы по фонетике, сравне-

ние по фонетике, сравнение по семантике, вероятность заимствованности, вероятность предлагаемой и возможность альтернативных этимологий. Доклад был проиллюстрирован примерами из афразийской этимологии.

Помимо докладов по общим вопросам методики компаративистских исследований на конференции прозвучал целый ряд выступлений, посвященных историческому изучению конкретных языковых семей или ареалов. Эти выступления были разбиты на три секции: языки Азии и Америки, индоевропейские языки и языки Африки.

Выступление Ильи ПЕЙРОСА (Институт Санта-Фе) «Языковые контакты в древней Восточной Азии» (Ilya PEIROSA. Linguistic contacts in ancient East Asia) было посвящено праязыковым контактам трех языковых маркосемей Восточной Азии: сино-тибетской, австрической и алтайской. По его наблюдениям праавстроазиатские языки контактировали с сино-тибетскими, причем у соответствующих сино-тибетских лексем часто есть северокавказские когнаты, что позволяет предположить направление заимствования из прасино-тибетского в праавстроазиатский. Контакт между прасино-тибетским и праавстронезийским не отмечено, зато есть ряд более поздних заимствований из древнекитайского в праавстронезийский. Есть заимствования в древнекитайский из какого-то алтайского источника, не праалтайского по хронологии. Скорее всего, из японо-корейско-тунгусской ветви алтайской семьи. Интересно, что отмечается довольно много алтайско-австроазиатских параллелей. Из этих данных вырисовывается следующая картина. Древнейшей языковой общностью Восточной Азии была австрическая макросемья, датируемая 8 тыс. до н. э.. Ее прародина локализуется в долине реки Янцзы. Около 6 тысяч лет назад, после выделения из австрического праязыка праавстроазиатского, носители последнего контактировали с прасино-тибетским языком, распространенным западнее современного Китая. В то же время шли контакты австроазиатов с алтайцами в районе реки Хуанхэ. После разделения сино-тибетского этноса одна из его ветвей начала вторжение на территорию современного Китая. Судя по заимствованиям из древнекитайского языка в праавстронезийский, предки ханьцев значительно превосходили по уровню технического развития автохтонное население. Из их языка взято много названий орудий, терминов, связанных с обработкой металла. Даже широко известное малайское слово *kris* восходит к праавстронезийскому слову, заимствованному из сино-тибетского корня со значени-

ем ‘бронза, бронзовый нож’. Затем китайцы, по-видимому, повернули на север и около 4 тыс. лет назад в долине реки Хуанхэ встретились с алтайцами.

Истории языковых семей другой части Азии был посвящен доклад Олега МУДРАКА (РГГУ / Институт языкознания РАН) «Языковая ситуация в Северо-Восточной Азии по данным сравнительно-исторического языкознания» (Oleg MUDRAK. Comparative-historical research on the linguistic situation in Northeast Asia). Докладчик критически оценил урало-юкагирскую гипотезу, отмечая недостаточное число лексических сопоставлений, которые могли бы ее подтвердить, и недостаточную близость семантики сопоставляемых слов. Далее О. Мудрак познакомил слушателей с текущим состоянием своих работ по доказательству родства и праязыковой реконструкции нивхско-юкагирских и чукотско-камчатских языков.

Более традиционного представления о единстве эскимосско-алеутской семьи языков и вхождении ее в ностратическую макросемью придерживался Никита КРУГЛЫЙ-ЭНКЕ (Париж, Сорбонна) в своем докладе «Значимость исконной и заимствованной лексики алеутского языка для ностратической теории» (Nikita KROUGLY-ENCKE. Contribution of Aleutian original and borrowed lexica to the Nostratic theory).

Евгения КОРОВИНА (РГГУ) сделала доклад на тему «Развитие гласных в мамской ветви языковой семьи майя» (Yevgeniya KOROVINA. Vowel development in the Mam subgroup of Mayan). Были рассмотрены случаи глоттализации гласных в контакте с глоттализированными согласными *q'* и *b'*, а также удлинение гласных при присоединении possessивного суффикса. В последнем случае в языках мамской ветви можно выделить разные фонемы **a* и **A*, различие между которыми проявляется в отсутствие удлинения **A* в данной позиции. Наличие двух разных фонем подтверждается и данными других ветвей семьи майя.

В докладе Сергея НИКОЛАЕВА (Институт славяноведения РАН) «Текущее состояние праязыковой реконструкции семьи на-дене» (Sergei NIKOLAYEV. Na-Dene reconstruction: State of the art) на обширном лексическом материале были продемонстрированы регулярные фонетические соответствия между тремя ветвями семьи на-дене: атапасскими языками, тлинкитским и эякским. На основании этих соответствий реконструирована фонетическая система прана-дене. В качестве приложения к докладу были продемонстрированы корни, позволяющие предположить родство семьи на-дене с сино-кавказскими языками.

Сергей КУЛЛАНДА (Институт востоковедения РАН) выступил с докладом «Диалектные особенности и внешние связи скифского языка» (Sergei KULLANDA. Dialectal traits and external relations of Scythian). Он привел стандартные праиранско-скифские звуковые соответствия и рассмотрел ряд случаев их нарушения, которые объясняются языковыми контактами. Ряд случаев, где на месте ожидаемых глухих смычных оказываются звонкие и наоборот, С. Кулланда сопоставил с гипотетическим праязыком, существование которого предположил Георг Хольцер (1988) на основании нестандартных рефлексов ряда индоевропейских корней в славянских и балтийских языках. Удаётся обнаружить в скифском и заимствования из других языковых семей. Например, в *σανάτη / σάναπτις ‘пьяница’ первая часть σανά- ‘вино’ (ср. осет. *sæn/səpæ*) заимствована из сев.-кавк. *swīnē ‘барбарис, ягода’ (авар. *saní* ‘барбарис’, лак. *sunī* ‘гранат’, адыг. *sāna*, кабард. *sāna* ‘виноград’). Вторая часть этого слова предположительно восходит к индоевропейскому корню со значением ‘пить’. Отмечены и заимствования в обратном направлении.

Доклад «Ложные „ярлыки“ в индоевропейской реконструкции: выпадение ларингалов в сложных основах и маргинальные фонемы» прочитал Александр ЛУБОЦКИЙ (Лейденский университет) (Alexander LUBOTSKY. False labels in Indo-European reconstruction: Laryngeal loss in compounds and marginal phonemes).

Владимир ДЫБО (РГГУ) в докладе «Парадигматические классы индоевропейского глагола» С. А. Старостина и С. Л. Николаева и новые индоарийские материалы» (Vladimir DYBO. Nikolayev & Starostin's "Paradigmatic Classes of Indo-European Verbs" and new data from Indo-Aryan languages) обращался к разделению индоевропейских глаголов на два класса, предложенному С. А. Старостиным и С. Л. Николаевым в докладе на конференции по ностратическому языкознанию 1977 г. и подробнее описанному в статье 1981 г.

Сергей БОРОДАЙ и Илья ЯКУБОВИЧ (Институт востоковедения РАН) в докладе «Роль корпусной лингвистики в дешифровке древних письменностей» (Sergei BORODAY & Ilya YAKUBOVICH. The role of corpus linguistics in language decipherment) познакомили аудиторию с проектом корпуса лувийского языка³.

Вацлав БЛАЖЕК (Масариков университет, Брно) выступил с докладом «Индоевропейское склонение с точки зрения ностратического языкознания»

(Václav BLAŽEK. Indo-European Declension in Nostromatic Perspective). В результате рассмотрения именных индоевропейских форм он пришел к выводу, что большинство падежных окончаний выводятся из дейктических или обстоятельственных частиц или на ностратическом, или даже еще на индоевропейском уровне. Например, формант локатива плюралиса *-*su* сопоставляется с картвельским **šiwva-* ‘в середине’ и центрально-кушитским **šaw-* ‘сердце’, а формант локатива сингулариса *-*en-* с индоевропейским **H₁en-* ‘в’.

В докладе Константина ПОЗДНЯКОВА (Лаборатория Langage, langues et cultures d’Afrique Noire — LLACAN, Париж) «Перспективы реконструкции именных классов в пра-нигер-конго» (Konstantin POZDNIKOV. Perspectives for the reconstruction of noun classes in Proto-Niger-Congo) был отмечен целый ряд факторов, осложняющих эту реконструкцию: очень краткие формы, трудно формулируемые значения классных показателей, многочисленные изменения по аналогии, сложность и иерархичность строения систем именных классов. В докладе приводился ряд показательных примеров морфонологических явлений, затемняющих праязыковую структуру слов. Так, в языке бедик слово *benyakuḍ* ‘огонь’ сохраняет от праязыкового корня лишь один согласный, а всё остальное — слившиеся с корнем бывшие показатели именного класса (*be-nyu-ku-d* < *dox). В языках мель (ветвь атлантических языков) праязыковое слово *lem ‘язык’ превратилось в *mel* благодаря гаплогонии классного показателя и переразложению (*le-lem-əl > *lem-əl* > *le-mel*).

Валентин ВЫДРИН (LLACAN, Париж) прочитал доклад «К реконструкции праманде: текущее состояние дел» (Valentin VYDRIN. Towards the reconstruction of Proto-Mande: Current state of affairs). В докладе описывался состав языков манде, их классификация, лексикостатистическая датировка распада праязыка, реконструированная фонетическая система праманде, в том числе и система тонов. Реконструированы некоторые элементы именной и глагольной морфологии, например, оппозиция «отчуждаемости / неотчуждаемости», а также синтаксиса праманде. Большие успехи достигнуты в лексической реконструкции: на данный момент в этимологической базе данных языков манде собрано 3280 лексем, из которых 500—600 могут быть реконструированы на уровне праязыка всей семьи.

В выступлении Кирилла БАБАЕВА (Институт востоковедения РАН) «Маркирование аспекта и отрицания в языках манде: сравнительный обзор» (Kirill BABAEV. TAM and negation marking in Mande:

³ <http://www.web-corpora.net/LuwianCorpus/search/>

A comparative overview) описывалась реконструкция данных маркеров преимущественно в юго-западной ветви языков манде. Реконструированные морфемы, согласно предположению К. Бабаева, исторически восходят к послелогам или же глагольным. Модальность представлена формами повелительного и условного наклонений. Докладчик отметил скорость обновления глагольной системы, «циклы грамматикализации» которой составляют всего около 500 лет, что осложняет задачу реконструкции праязыковой морфологии.

Виктор ПОРХОМОВСКИЙ (Институт языкознания РАН) выступил с докладом «Семитская и арабская аспектные системы в историко-типологической перспективе» (Viktor PORKHOMOVSKY. Semitic and Arabic TAM systems from a diachronic typological perspective). Эволюция аспектной системы в семитских языках протекает по общей модели. На начальном этапе существует эквиолентная оппо-

зиция перфектива и имперфектива, затем перфектив теряет маркированность и начинает использоваться в других значениях как субъюнктив или аорист, а затем возникает новая форма перфектива.

Завершил секцию африканистики доклад Ольги СТОЛБОВОЙ (Институт востоковедения РАН) «Отражение афразийских фарингалов в чадских языках: внутренняя реконструкция и новые афразийско-индоевропейские этимологии» (Olga STOLBOVA. Reflexes of Afroasiatic pharyngeals in Chadic: internal reconstruction and some complements to Afroasiatic-Indo-European comparisons). Для прачадского состояния реконструированы две фонемы $*x$ и $*x_1$, первая из которых соответствует афразийскому $*h_1$, вторая — $*h_2$ или $*\xi$. В результате своих исследований О. Столбова смогла добавить ряд чадских когнатов к параллелям, приведенным в работе В. Блажека «Индоевропейские ларингалы сквозь призму афроазиатского» (2011).

Нигеро-конголезский праязык: сравнение и реконструкция. Международный конгресс. Париж, 18–21 сентября 2012 г.

В сентябре 2012 года в Париже прошёл международный конгресс по сравнительно-историческому изучению языков нигеро-конголезской макросемьи, организованный по инициативе российских учёных и собравший крупнейших специалистов по африканскому языкознанию со всего мира. В научный комитет конференции вошли, в частности, такие звезды африканистики, как Ларри Хайман, Дерек Нёрс, Геррит Диммендаль и другие.

Сравнительно-историческое изучение и реконструкция праязыка макросемьи нигер-конго представляют собой весьма сложную задачу. Сравнительный анализ любой генетической общности языков такой глубины родства (не менее 10 тыс. лет) — дело весьма непростое. В данном случае оно осложняется тем, что нигеро-конголезская — самая крупная в мире макросемья, к которой сегодня причисляют более 1500 языков. К тому же подавляющее большинство языков, входящих в нее, являются бесписьменными, многие являются малоизученными или не изучены вовсе.

В последний раз крупная коллективная монография по компаративистике, посвященная языкам нигер-конго, была опубликована в 1989 году: John BENDOR-SAMUEL & Rhonda L. HARTELL (eds.). *The Niger-Congo Languages — A classification and description of Africa's largest language family*. Lanham, Maryland: University Press of America, 1989. С тех пор значительно продвинулись как полевая работа по описанию африканских языков, так и сравнительно-исторический анализ отдельных семей, входящих в состав макросемьи нигер-конго. Как подчеркнул в приветственном слове от имени Научного комитета конгресса К. В. Бабаев (ИВ РАН), существует необходимость публикации новых, более актуальных результатов сравнительного исследования языков макросемьи.

Доклады, представленные на конференции, были разбиты по секциям в соответствии с генетической принадлежностью анализируемых авторами языков. В первый день, 18 сентября, состоялась работа секций по языкам ква и убанги, а также по языкам нигер-конго в целом. 19 сентября были рассмотрены языки банту и бенуэ-конго в целом (в т. ч. бантоидные и джукуноидные), а также язы-

ки семьи адамауа. 20 сентября в первой секции были рассмотрены западные бенуэ-конголезские языки, вторая секция объединила иджоидные языки, языки кру и догон, третья секция была посвящена языкам гур и сенуфо. Наконец, в заключительный день конференции, 21 сентября, прошло ещё две секции: по атлантическим языкам, а также по кордофанским языкам и языкам манде.

Первая секция конференции, посвященная изучению языков нигер-конго в целом, была открыта докладом Г. Андерсона (Gregory Anderson, Living Tongues Institute for Endangered Languages and National Geographic Society). В нем автор проанализировал характерные для языков нигер-конго местоименные портманто-показатели, выражающие кумулятивно лицо и число субъекта, а также время, аспект, модальность и полярность. Особый акцент автор сделал на показателях 1 л. ед. ч., которые он попытался реконструировать. Второй доклад, также посвященный личному маркированию в нигер-конго, был прочитан К. В. Бабаевым (ИВ РАН). В нем автор сделал попытку пошаговой реконструкции личных показателей с учетом как формального сопоставления, так и парадигматического выравнивания. Данные, полученные путем реконструкции, подтверждают в целом существование родства между языками нигер-конго, но ставят под сомнение принадлежность к макросемье «маргинальных» языковых семей, таких как языки кру, манде и иджоидные. Реконструированные для праязыка макросемьи показатели не находят соответствий в других западно- и центральноафриканских языках, что косвенно подтверждает валидность нигеро-конголезской гипотезы. С. Г. Старостин (РГГУ) посвятил свой доклад проблемам лексикостатистики при реконструкции нигер-конго. Автор предлагает комбинирование метода поиска регулярных фонетических соответствий, примененного к генетическим общностям низкого уровня, и лексикостатистики для более крупных объединений. Автор подчеркивает, что позитивный результат применения лексикостатистического метода послужил бы серьезным доводом при реконструкции генетического состава и классификации нигер-конго, поскольку позволил бы объективизи-

ровать процедуру и игнорировать случайные элементы и заимствования. Однако имеется серьезное препятствие, а именно практически полное отсутствие реконструкций списка Сводеша для небольших, бесспорных объединений языков. Последний доклад секции был посвящен интересной параллели между языками банту и языком игбо (западная ветвь бенуэ-конго). Автор доклада, И. Монич (Irina Monich, University of Connecticut), обратила внимание на то, что варьирование начальных гласных в игбо и конечных гласных в языках банту происходит сходным образом.

В следующей секции были рассмотрены языки ква. Доклад Э. Абака (Emmanuel Abakah, University of Education, Winneba), был посвящен реконструкции фонологической системы акан. Как отмечает автор, вокалическая система современных языков акан, которая, по разным данным, насчитывает 9 или 10 гласных, отличается от вокалической системы праязыка акан наличием противопоставления по признаку $\pm$ ATR у средних гласных, которое было добавлено в результате выстраивания системы по данному противопоставлению. Автор также анализирует консонантную систему современных языков акан. В докладе С. Капочичи (Sandro Capochichi, CNRS) были рассмотрены языки гбе в контексте реконструкции праязыков ква и бенуэ-конго. Капочичи предлагает считать языки гбе результатом контакта между языками ква и бенуэ-конго. М. Э. Дакубу (Mary Esther Dakubu, University of Legon) анализирует проблему языков ква как единой ветви, демонстрирует общие инновации и частично реконструирует фонологию праязыка ква.

Следующая секция конгресса была посвящена языкам убанги. К. Олсон (Kenneth Olson, SIL International) поставил под сомнение принадлежность языков убанги к нигер-конго на примере анализа языков банда. Автор показал, что начальные согласные, которые Гринберг считал несомненным признаком принадлежности группы к нигер-конго, на самом деле являются поздней новацией, а не показателями класса, тогда как в праязыке банда следует реконструировать формы без начальных гласных.

Первая секция второго дня конференции была посвящена бантоидным языкам и языкам банту. В докладе К. Бостуна (Koen Bostoen, Ghent University/Université libre de Bruxelles) анализировались внутренняя и внешняя классификация диалектного континуума киконго, основанная на сравнении языковых данных внутри континуума, а также на его границах. Кроме того, учитываются диахронические данные, полученные из миссионерских сло-

варей XVII и XVIII вв. Б. Коннел (Bruce Connell, York University, Toronto) посвятил свой доклад личным местоимениям в мамбилоидных языках. На основании данных о местоименных системах Коннел предлагает внутреннюю классификацию мамбилоидных языков, а также делает предположение об историческом развитии этой группы языков. Совместный доклад П. Ди Карло и Дж. Гуда (Pierpaolo Di Carlo, Jeff Good, University of Buffalo) был посвящен моделям языкового изменения в языках банту. К существующим моделям, а именно, к теории языковой эволюции, не мотивированной социальным изменением, и к теории мотивированного контактами языкового изменения авторы добавляют собственную, т. н. магнетическую модель языкового развития. Эта модель предполагает двустороннюю социокультурную динамику: с одной стороны, интеграция индивидов со стороны (привлечение), а с другой стороны, конструирование социальных различий, барьеров (отталкивание). Эта модель призвана объяснить крайне разнородное распределение ареальных характеристик в зоне банту.

Ж.-М. Омбер и Р. Гроллеумунд (Jean-Marie Hombert, Rebecca Grollemund, DDL) в своём совместном докладе предложили новую, уточненную классификацию языков банту и бантоидных, основанную на матрице лексических сопоставлений. Л. Хайман (Larry Hyman, University of California, Berkeley) в своем докладе сделал попытку реконструировать аспекты морфологии прабантоидного языка и рассматривает притяжательные местоимения, а также различные глагольные суффиксы, принимая во внимание тот факт, что, поскольку грамматические единицы невелики по размеру, вероятность их случайного совпадения в двух неродственных языках возрастает. Дж. Уоттерс (John Watters, SIL International) проанализировал бантоидные языки с точки зрения типологии аспектуально-временных систем. Он показал, что языки сильно разнятся: в одних есть развитая система времен, другие сугубо аспектуальные, — и сравнил эти данные с данными внутренней классификации бантоидных языков.

Обзорный доклад Д. Нёрса (Derek Nurse) и соавторов был посвящен аспектуально-временным системам языков нигер-конго. Анализ был сделан на основе репрезентативной выборки из 21 языка: один язык на семью или группу языков, в случае крупных семей. Нёрс утверждает, что в нигеро-конголезском праязыке глагольная форма была синтетической и состояла из корня, глагольного суффикса и конечной гласной. Кроме того, он ут-

верждает, что в праязыке были противопоставлены фактатив (в терминологии У. Велмерса) и имперфектив, а также выстраивает предположения о происхождении развитой временной системы некоторых языков. В докладе, прочитанном Р.-Дж. Аньянву (Rose-Juliet Anyanwu, Goethe-Universität, Frankfurt/Main), анализировались отрицательные частицы в джукуноидных языках. Автор проводит их сравнительный анализ, а также выстраивает предположение об их диахроническом развитии.

В последней секции, посвященной языкам адамауа, А. Ю. Желтов и его соавторы (СПбГУ) представили данные сравнительного анализа языков групп мумуйе-йенданг и леко-нимбари. Помимо очевидного сходства местоименных систем интересной особенностью является предшествование адресата прямому объекту, засвидетельствованное в трех языках из четырех рассмотренных. Доклад У. Кляйневиллингхёфера (Ulrich Kleinewillinghöfer, Universität Mainz) был посвящен группе языков сама-дуру, принадлежащей к центральным адамауа. В докладе анализируются фонологические и лексические данные, которые подтверждают правомерность этого языкового объединения, а также уточняют его позицию внутри семьи адамауа. П. Буэлдьё (Pascal Boyeldieu, LLACAN) представил сравнительный анализ языков группы буа: соответствия в консонантной системе, лексике и системе именных классов. Анализ показывает, что группа буа одновременно близка к языкам адамауа и гур.

Половина третьего дня конференции, 20 сентября, была посвящена секции западных языков бенуэ-конго. Секция открылась докладом Т. Агойи (Taiwo Agoyi, Adekunle Ajasin University Akungba, Nigeria), предложившей новую гипотезу генетической классификации изолированного языка акпес (Нигерия) в рамках эдоидной подгруппы бенуэ-конголезских языков. Доклад Б.Э. Арокойо (Bolale Elizabeth Arokojo, University of Ilorin, Nigeria) был посвящен сравнительной фонологии языков олукуми, игала, ове и йоруба (Нигерия). Кроме того, автор установил ряд лексических соответствий между этими языками. Доклад И. Ачебе и С. Эме (Ike Achebe, Igbo Archival Dictionary Project, Nigeria & Cecilia Amaoge Eme, Nnamdi Azikiwe University, Nigeria) представил результаты работы Проекта по архивированию словаря игбо, а именно, корпус бесписьменных диалектов игбо с более чем миллионом вхождений. В представленном исследовании сравниваются некоторые диалекты игбо по фонологическим, морфологическим, лексическим и синтаксическим критериям, а также предлагает-

ся реконструкция для праязыка игбо. В следующем докладе Б. Элугбе (Ben Elugbe, University of Ibadan) предложил уточненную классификацию западных бенуэ-конголезских языков, вводя в их состав новую ветвь, которую он назвал акедоидной. В её состав, как предполагается автором доклада, должны входить эдоидные языки, акпес и некоторые другие. Доклад С. Салффнер (Sophie Salfner, University of London) и Б. Сэндз (Bonny Sands, Northern Arizona University) посвящен проблемам классификации языка укаан.

Первый доклад в послеобеденной секции, прочитанный Б. Коннелом, был посвящен проблеме классификации иджоидных языков. Автор привёл имеющиеся варианты классификации и предлагает обоснования для новой. Доклад Л. Зогбо (Lynell Zogbo, Абиджан) был посвящен языкам кру: внутренней и внешней классификации, реконструкции фонологии, морфосинтаксиса, предикативных маркеров, показателей именных классов. Совместный доклад Дж. Хита (Jefferey Heath, University of Michigan), С. Морана (Steve Moran, University of Munich) и К. Н. Прохорова (Humboldt University, Berlin), прочитанный последним, был посвящен внутренней классификации догонских идиомов, а также выделения ряда общих черт в их фонологии, морфологии и синтаксисе, включая несколько маркеров именных классов объектов в некоторых из идиомов, особенности относительного придаточного, гармонию по признаку $\pm$ ATR.

Секция по языкам гур и сенуфо была открыта докладом К. В. Бабаева, посвященным прономинальной системе языков гур. Автор сделал вывод, что так называемые периферийные языки гур следовало бы отделить от семьи гур, хотя их принадлежность к макросемье нигер-конго в большинстве случаев подтверждается анализом личных показателей. То же касается и языков сенуфо, у которых есть с гур общие архаизмы, но нет общих инноваций. В докладе У. Кляйневиллингхёфера и соавторов была предложена реконструкция именных классов для праязыка гур с учетом последних публикаций по языкам семьи, а также многочисленных полевых данных. Следующий доклад, прочитанный Р. Карлсоном (Robert Carlson), был посвящен морфологии и синтаксису именной группы в праязыке сенуфо. В частности, автор реконструирует праязыковую восьмиклассную систему, в которой выделяется три пары классов, противопоставленных по числу, порядок в генитивной синтагме, посессивный маркер, а также обсуждает способы выражения определенности в современных языках сенуфо и в праязыке сенуфо.

Последний день конференции начался с секции, посвящённой атлантическим языкам. Первый доклад секции, прочитанный Г. Т. Чайлдзом (George Tucker Childs, University of Oregon), был посвящён порядку слов в южноатлантических языках. Автор приводит аргументы, подтверждающие реконструируемый порядок, в котором за субъектом следует предикативный показатель, за ним объектное местоимение, а замыкает клаузу предикат. Доклад К. И. Позднякова (INALCO — IUF — LLACAN) также был посвящён южноатлантическим языкам, на этот раз в аспекте их внутренней классификации. Пользуясь методом лексикостатистики, автор радикально пересматривает предложенную предшественниками классификацию, значительно сокращая состав южноатлантических языков. Наконец, последний доклад секции был посвящён анализу подгруппы диола группы бак атлантических языков. Автор доклада, Г. Сежерер (Guillaume Segerer, LLACAN), основывается на стандартном сравнительно-историческом методе, а также лексических источниках по языкам бак с совокупным объемом в 45 тыс. слов, хранящихся в базе данных RefLex. Исследование убедительно показывает генетическое родство языков (или диалектов) диола и группы бак. Кроме того, существует возможность реконструировать элементы праязыка группы бак.

Секцию, посвященную языкам манде и кордофанским языкам, открыл доклад Т. В. Никитиной (ВШЭ — LLACAN). В этом докладе были рассмотрены

синтаксические особенности языков манде. Большое количество инноваций, отличающих языки манде от других языков нигер-конго, могло бы свидетельствовать о том, что семья манде не принадлежит нигер-конго. Однако автор утверждает, что инновации могут быть исторически связаны и происходить из одной типологически редкой инновации, характерной для праязыка манде раннего периода. Н. Кен (Nicolas Quint, LLACAN) предпринял попытку сравнительного анализа двух ветвей кордофанской группы, хейбан и талоди, с точки зрения фонологии и лексикостатистики. В завершающем докладе, прочитанном одним из инициаторов конгресса В. Ф. Выдриным (INALCO — LLACAN) были изложены основные параметры реконструированного праязыка семьи манде, в числе которых были названы отсутствие фонологических носовых согласных, гармония по ATR и назальности, назальные префиксы, скудная глагольная морфология, оппозиция «относительное — автосемантическое имя». Кроме того, представлен опыт реконструкции предикативных маркеров.

Помимо основных сессий, на конгрессе прошли три тематические дискуссии, посвященные реконструкции морфологии праязыка, реконструкции лексики и составлению баз данных для реконструкции праязыка макросемьи нигер-конго.

По завершении конгресса К. И. Поздняковым была разослана участникам для обсуждения статья, посвященная реконструкции числительных «1», «2» и «3» в нигер-конго.